
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 1(89), 2023 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2023

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.
Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.01.2023
Формат 60×84/8. Объем 57,25
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 736

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Артасеовна БЛОХИН	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
Владимир Владимирович БОЖАНОВ	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
Владимир Александрович ВАНКОВСКА Быляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна ГОНЧАРОВ Пётр Константинович ГРАЧЁВ	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
Михаил Николаевич ДЭМБЭРЭЛ К.	д.п.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич КАРАДЖЕ	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
Татьяна Васильевна КАССАЕ НЫГУСИЕ	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
В. МИКАЭЛЬ КОВАЛЕНКО	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
Валерий Иванович КОМЛЕВА	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
Валентина Вячеславовна КРЯВОКАПИЧ Борис МЕДВЕДЕВ	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
Николай Павлович МИХАЙЛОВ	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
Вячеслав Александрович НАЗАРОВА	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
Елена Александровна НАЗАРОВ	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
Александр Данилович НАСИМОВА	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
Гульнара Орденбаевна НИСНЕВИЧ	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
Юлий Анатольевич ОРЛОВ	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
Игорь Борисович ПАХРУТДИНОВ	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлонии (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич ПРЯХИН	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
Владимир Федорович ПУСЬКО	д.п.н., профессор, РГТУ (Россия, г. Москва)
Виталий Станиславович РУБАН	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович СЫЗДЫКОВА	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
Жибек Сапарбековна ХОЙЕРСКАЯ	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
Лариса Львовна ШАРКОВ	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
Феликс Изосимович ЯН ФУЛИНЬ	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Равочкин Н.Н.

Мультикультурность современного мира:
отечественная специфика 13

Медведев Н.П.

Этнополитическая регионалистика:
история и современность (по материалам публикаций
в научных журналах 2022 года. Часть 1) 20

Кучумова Е.В., Ван Цзюньтао, Хэ Ляньань

Интеграция философии Конфуция
и современной человеческой жизни 29

Прончев К.Г.

Персоналистические мотивы
в политической мысли русского консерватизма 38

Самсонова Н.Н.

К вопросу об использовании категории
«коллективная историческая травма» в политической науке 48

Сюгуан Лю

Анализ размышлений Маркса
и Энгельса о национальной безопасности 58

Уролов Д.

Понятие глобальной идеологии: генезис и научный анализ 68

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Григорьев М.С.

Расизм и геноцид в идеологии украинского
национализма первой половины XX века (часть I) 75

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Гончарова И.В.

Социокультурный аспект в формировании
математических компетенций у студентов-социологов 89

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Глазков А.В., Щербаченко А.К.

Патриотизм и стратегия устойчивого развития
современного российского общества 96

Ханджян А.А., Григорян Д.К.

Патриотический дискурс и перспективы формирования
нового элитарного сознания в современной России 105

Титов А.С., Григорян Д.К.

Патриотическое воспитание как фактор
политической жизни в современной России:
институциональный опыт Ростовской области.....117

Кузнецова Е.А.

Модернизация политического процесса распределения
полномочий между государственными и местными органами
в рамках единой системы публичной власти 128

Сулейманов Э.А.

Влияние информационно-коммуникационных технологий
на реализацию информационной политики государства 139

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Моисеев А.В., Гусаков И.М.

Особенности, вызовы и риски современной
трудовой миграции, проблемы регулирования 149

Харлашкина Т.А., Попов С.И., Новикова А.В.

Политика утилизации твердых
коммунальных отходов в городе Москве..... 159

Ковалев М.К.

Государственная информационная политика
в системе обеспечения национальной безопасности..... 166

Подобреуская Е.С.

Использование принципов устойчивого развития
в практике политического управления в России:
перспективные тренды 173

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Михайленко А.Н., Воробьев А.В.

О надежности российско-китайского стратегического партнерства 180

Тушков А.А., Сомова И.Ю., Нехорошева А.Н.

Универсалии конфликтного потенциала на внешне-
и внутривнутриполитическом контуре Филиппин:
попытка осмысления и анализа 193

Магадиев М.Ф.

Политическая архитектура системы международных отношений: проблемы и перспективы 204

Тушков А.А., Сомова И.Ю., Амельченко А.Я.

Героинный джихад Талибана или кто стоит за спиной Афганистана в мировой героинной индустрии 219

Васецова Е.С., Фатхуллина Д.В.

Основные черты и особенности «мягкой силы» государства Катар..... 230

Авакян Д.А., Стерликов А.В.

Взаимодействие профсоюзов и государства в Великобритании: история и современность..... 236

Делов В.В., Эбжноту Д.Э.

Кризис кемализма и доктрины «шести стрел» на современном этапе в Республике Турция 242

Мосакова Е.А., Мирзабеков Н.Р.

Международный опыт нормативно-правового регулирования оборота криптовалют 253

Темирханова А.Е.

Жетысу – восточные ворота Великого шелкового пути 265

Аржанов И.А.

Политика России в условиях соперничества с НАТО в Арктическом регионе: военно-политический аспект 272

Нацзыкэ Беликэ

Политика сохранения национального суверенитета малых европейских государств (на примере Сербии)..... 284

Янча Туаса Сегундо Элиас, Богданова Е.А.,

Анна Люба Якустик Слободюк

Динамика долларизации Эквадора 22 года спустя 295

Ван Синь

Проект «Один пояс – один путь» во внешней политике Китая как инструмент взаимовыгодного сотрудничества..... 303

Кенигфест Л.С.

«Мягкая сила» музеев в культурной дипломатии и формировании исторической памяти на примере России и Израиля 312

Ло Дунмэй

Политика Администрации Джо Байдена в области кибербезопасности 323

Муравьева А.Е. Социально-политические последствия особенностей функционирования ТНК в Египте	331
Османи Абдул Халид Политическое участие афганской молодежи в условиях этнополитической напряженности	340
Петросян Ф.А. Joint Expeditionary Force: британский фактор повышения военной активности Финляндии и Швеции	348
Потурухин В.Д. Особенности влияния глобализации на современную конфигурацию Вестфальской системы международных отношений.....	358
Цахилова Л.М. НАТО: вчера и сегодня	366
Чжоу Гээр Взгляды китайских исследователей на арктические стратегии России и США с позиции интересов Китая	377
Шао Цзысюань Противодействие коррупции как основное направление административной деятельности в современном Китае	394
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	
Винокуров Д.В., Захарчук С.С., Ким В.В. Анализ общественного мнения среди граждан России по поводу внешнеполитической ситуации: последствия для внутривнутриполитических акторов	404
Комаров К.С. Экономические факторы внешней политики Франции в политике ЕС	413
Шановалова С.В. Власть образования или «мягкая сила» политики Турции в Азербайджане	424
КОНФЕРЕНЦИИ	
Вдовин С.С. Интеллектуальная игра «Кавказ на перекрестке цивилизаций»	436

НАШИ АВТОРЫ	439
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	450
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	452

CONTENTS

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 13, Issue 1 (89), 2023

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

Ravochkin N.N.

Multitemporality of the Modern World: Russian Specificity..... 19

Medvedev N.P.

Ethno-Political Regionalistics: History and Modernity
(by the Materials of Publications in Scientific Journals 2022. Part 1)..... 28

Kuchumova E.V., Wang Juntao, He Lianyuan

Integration of Confucius Philosophy and Modern Human Life 36

Pronchev K.G.

Personalistic Motives in the Political Thought
of Russian Conservatism..... 47

Samsonova N.N.

Revisiting the Use of “Collective Historical Trauma”
Category in Political Science 57

Xuguang Liu

Analysis of Marx and Engels' National Security Thoughts 58

Urolov D.

The Concept of Global Ideology: its Genesis and Scientific Analysis 74

POLITICAL HISTORY

Grigoriev M.S.

Racism and Genocide in the Ideology of Ukrainian Nationalism
in the First Half of the XX Century (Part I)..... 88

POLITICAL SOCIOLOGY

Goncharova I.V.

Sociocultural Aspect in the Formation of Mathematical
Competencies Among Students of Sociology..... 95

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Glazkov A.B., Sherbachenko A.K.

Patriotism and the Strategy of Sustainable Development
of Modern Russian Society 104

<i>Khandzhyan A.A., Grigoryan D.K.</i> Patriotic Discourse and the Prospects for the Formation of a New Elite Consciousness in Modern Russia	116
<i>Titov A.S., Grigorian D.K.</i> Patriotic Education as a Factor in Political Life in Modern Russia: Institutional Experience of the Rostov Region.....	126
<i>Kuznetsova E.A.</i> Modernization of the Political Process of Distribution of Powers Between State and Local Bodies within a Unified System of Public Government	138
<i>Suleimanov E.A.</i> Influence of Information and Communication Technologies on the Implementation of the Information Policy of the State.....	148
PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES	
<i>Moiseev A.V., Gusakov I.M.</i> Features, Challenges and Risks of Modern Labor Migration, Regulatory Issues	158
<i>Kharlashkina T.A., Popov S.I., Novikova A.V.</i> Solid Municipal Waste Disposal Policy in Moscow	165
<i>Kovalev M.K.</i> State Information Policy in the National Security System	172
<i>Podobreevskaya E.S.</i> Using the Principles of Sustainable Development in the Practice of Political Management in Russia: Perspective Trends	179
THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY	
<i>Mikhailenko A.N., Vorobyov A.V.</i> On Reliability of Russian-Chinese Strategic Partnership	192
<i>Tushkov A.A., Somova I.Yu., Nekhorosheva A.N.</i> Universals of Conflict Potential on the External and Internal Political Contour of the Philippines: an Attempt to Comprehend and Analyze	202
<i>Magadiev M.F.</i> Political Architectonics of the System of International Relations: Problems and Prospects	218

<i>Tushkov A.A., Somova I.Yu., Amelchenko A.Ya.</i> The Taliban's Heroin Jihad or Who Stands Behind Afghanistan in the Global Heroin Industry	229
<i>Vasetsova E.S., Fathullina D.V.</i> Main Features and Peculiarities of "Soft Power" of the State of Qatar	235
<i>Avakyan D.A., Sterlikov A.V.</i> Interaction of Trade Unions and the State in the UK: History and Modernity	241
<i>Delov V.V., Ebzhnou D.E.</i> The Crisis of Kemalism and the Six Arrows Doctrine at the Present Stage in the Republic of Turkey	251
<i>Mosakova E.A., Mirzabekov N.R.</i> International Experience of Regulatory and Legal Regulation of Cryptocurrencies Turnover.....	264
<i>Temirkhanova A.Ye.</i> Zhetysu – East Gate Great Silk Road	271
<i>Arzhanov I.A.</i> Russia's Policy in the Context of Rivalry with NATO in the Arctic Region: Military-Political Aspect	283
<i>Nazike Bielike</i> The Policy of Preserving the National Sovereignty of Small European States (by the Example of Serbia).....	294
<i>Yancha Tuasa Segundo Elias, Bogdanova E.A., Ana Luba Yakusik Slobodiuk</i> Dynamics of Dollarization in Ecuador 22 Years Later	302
<i>Wang Xin</i> One Belt – One Road Project in China's Foreign Policy as a Tool for Mutually Beneficial Cooperation	311
<i>Kenigfest L.S.</i> The "Soft Power" of Museums in Cultural Diplomacy and the Formation of Historical Memory on the Example of Russia and Israel.....	322
<i>Luo Dongmei</i> Joe Biden Administration's Cybersecurity Policy.....	330
<i>Muravyeva A.E.</i> Socio-Political Consequences of the Functioning of TNCS in Egypt.....	339

<i>Osmani A.Kh.</i> Political Participation of Afghan Youth in the Context of Ethno-Political Concerns.....	347
<i>Petrosyan Ph.A.</i> Joint Expeditionary Force: the British Factor of Increasing the Military Activity of Finland and Sweden.....	357
<i>Poturukhin V.D.</i> Globalization Influence on Modern Configuration of the Westphalian System of International Relations	365
<i>Tsakhilova L.M.</i> NATO: Yesterday and Today.....	376
<i>Zhou Geer</i> Views of Chinese Researchers on the Arctic Strategies of Russia and the United States from the Perspective of China's Interests.....	393
<i>Shao Zixuan</i> Countering Corruption as the Main Direction of Administrative Activity in Modern China	403
STUDENT SCIENCE	
<i>Vinokurov D.V., Zakharchuk S.S., Kim V.V.</i> Analysis of Public Opinion Among Russian Citizens Regarding the Foreign Political Situation: Consequences for Domestic Political Actors.....	412
<i>Komarov K.S.</i> Economic Factors of France's Foreign Policy in EU Policy.....	423
<i>Shapovalova S.V.</i> The Power of Education or the "Soft Power" of Turkish Politics in Azerbaijan.....	435
CONFERENCES	
<i>Vdovin S.S.</i> Intellectual Game "Caucasus at the Crossroads of Civilizations"	436
OUR AUTHORS	445
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	450
EDITORIAL BOARD	452

Н.Н. РАВОЧКИН

доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры педагогических технологий
Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии;
профессор кафедры истории, философии и социальных наук
Кузбасского государственного технического университета
имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово

МУЛЬТИТЕМПОРАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА

Проблемы восприятия времени государствами становится одной из значимых в последние десятилетия. Во многом, это связывается с совокупностью маркеров, определяющих трудно прогнозируемый характер сценариев мирового развития, прежде всего, сюда относятся «нелинейность» и «рисковость». От особенности переживания времени и осознанности нахождения властными акторами в том или ином историческом периоде и социальном часовом поясе зависят стратегии поведения и общие шансы на успех на международной арене. В статье рассматривается специфика российского восприятия множественности времен. Изучены теоретические основания переживания времени в отечественном пространстве. Выявлены сущностные черты занимаемых российским государством позиций, позволяющие отметить двуединую природу. Определено влияние немецкой интеллектуальной мысли. Отмечены траектории догоняющего импорта передовых идей, фундирующих политико-правовые институты и практики. В заключение подведены итоги исследования.

Ключевые слова: *темпоральность, общество, власть, институт, импорт, идея, время.*

Начнем с того, что проблема темпоральности в российском государстве имеет достаточно долгую историю своего изучения. В различные годы к исследованию особенностей переживания времени обращались ведущие русские и зарубежные философы. Одним из первых к указанной проблематике обращался еще П.Я. Чаадаев, уверенный в отсутствии самостоятельности развития России и репрезентации общего хода ее истории в качестве не подведенной под обций знаменатель некоторой бессмысленной совокупности событий, более того, лишенных единства, логики

и последовательности. Позднее можно увидеть некоторые модификации идеи об «отсутствии истории», сменившейся тезисом о ее «недостатке», в содержании которого отчетливо усматривается позитивная модальность, корреспондирующая с такими интерпретациями, как «отсутствие бремени», «минимизация ошибок» и ряда других соответствующих коннотаций – все это открывает возможности для импорта европейского опыта и лучших и перспективных практик для беспрепятственного строительства нового государства [5; 10].

А. Валицкий считал, что история России является «ретадной», то замедленной в сравнении с другими европейскими державами; любопытно, что ее проявления он диагностировал через своеобразие способов конструирования российским государством истории и вариантов пребывания в ней, сопряженных с несвоевременностью участия во внешних по отношению к нему событиях и процессах [1]. Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что в данном аспекте русская история сближается с немецкой, которая по аналогии воспринималась исследователями как отсроченная и отстающая от других стран, прежде всего, Великобритании и Франции. Более того, подобные характеристики российской истории еще раз наглядно отражают, как государства по-разному переживают длительность временных периодов, а исторические этапы в различных эмпирических контекстах не равнозначны и не рядоположены друг другу.

Иначе подходит к пониманию времени О.Н. Новоселов. Историк и философ полагает, что «Каждому народу присуще свое глубоко сокровенное переживание времени... Россия – особая земля, где время направлено вспять – от реальности к символу» [6. С. 10-11]. Т.е. ученый акцентирует внимание не только на мультитемпоральности, различиях в переживаниях времени отдельными нациями и государствами, но и на том, что время не всегда устремлено исключительно вперед. По его мнению, для России характерна идеализация идей, которые она заимствует из западноевропейской философской мысли, но при этом «Россия смыкает коготь предметной реальности с замысла пришедшей на ее землю идеи» [6. С. 10-11], и идея снова предстает в своем исконном виде. Затем «идея закрепляется в форме символа, но это уже совсем другой, не европейский символ, а символ понятный, близкий русской душе» [6. С. 10-11], идея перерождается, впитывает в себя ценности, аксиологемы, близкие русскому человеку, становясь основой для формирования новых социальных практик, институтов.

Русские, по мнению О.Н. Новоселова, являются относительно молодой нацией, о чем, к примеру, может свидетельствовать дата принятия ими христианства, высвечивающая отставание от Европы. Будучи вынужденным догонять ее, российское государство (не)осознанно также не торопилось импортировать инновации, что в целом не могло не придать собственные темпы в связи с особенностями ритмов и общих закономерностей уклада

жизни. Обращает на себя производное отсюда безразличие к последовательности временных элементов, объясняемая комментаторами Новоселова тем, что «истинная сущность времени заключена, по его мнению, не в последовательности, а в одновременности» [5. С. 100]. Выходит, для русского человека время в меньшей степени устремлено вперед, чем для европейца; одновременность восприятия времени в большей степени сближается с пониманием времени как «пульсирующей точки», в которой одновременно представлено и прошлое, и настоящее, и будущее.

В качестве довода, подтверждающего выдвинутую гипотезу, О.Н. Новоселов приводит точки творческого подъема Европы и России: (1) В Европе расцвет религиозной философии приходится на XIII в., живописи – XVI в., художественной литературы – XVIII век, утверждению демократии и либерализма – начало XX вв.; (2) России перечисленные проявления интеллектуального бума концентрированным образом приходятся буквально на один-полтора столетия: литература – XIX в., философия – конец XIX-начало XX вв., демократия и обретение либеральными конструктами своей мощи – вторая половина-конец XX вв. [6].

Разумеется, как и любая, приведенная периодизация не является безусловной, возникают вопросы о становлении, к примеру, либеральной демократии, которую, например, Ф. Фукуяма относит к периоду Великой Французской революции, откуда он ведет свой «конец истории». Не менее спорным является утверждение о расцвете демократии и либерализма в России конца прошлого – начала текущего столетия. Иными словами, «не все выводы автора бесспорны, но они помогают более глубоко осмыслить проблему своеобразия внутренних оснований истории России и истории Запада как двух различных способов пребывания в истории» [5. С. 101].

Поэтому для европейца, устремленного вперед, к концу, почти с радостью ощущающего собственную конечность, во многом готового и устремленного к концу, переживание время в России кажется замедленным. Однако, в отношении последнего положения важно подчеркнуть следующее:

(1) Как уже отмечалось, Россия приняла христианство позднее других европейских стран, в результате чего и по сегодняшний день на мировоззрение русского человека влияние оказывают отголоски древнейших языческих верований;

(2) Российская философия развивалась под сильным влиянием немецкой, в логике которой, как было выявлено ранее, сформировался непереволимый концепт «*die Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen*», соответственно, восприятие российской культуры и истории как ризоматичной могло сформироваться под влиянием немецкой традиции;

(3) Европейская интеллектуальная мысль создала своеобразный эталон темпоральности, несоответствие которому воспринимается как замедление или ускорение. Но «эталонность» этого времени сегодня вызывает

сомнения, что не позволяет однозначно сказать о замедлении, ускорении истории. В то же время, в рамках исследования европейское линейное время нужно для лучшего понимания хода течения и восприятия времени в других культурах и странах [4; 8; 9; 11].

М. Денн видит истоки различного переживания времени в разных культурах (прежде всего, на примере России и Европы) в особенностях мышления личности, направления мысли. Ссылаясь на М. Хайдеггера, французский философ полагает, что, начиная с Нового времени, т.е. с этапа индустриализации общества, у европейцев сформировалось особое рациональное отношение к времени, переживание темпоральности, основанное на принципах рационализации, «денатурализации», разграничения времени природы и времени общества, формирования единого потока времени, скорее, не объединения в одно целое элементов внешнего мира, но подчинения природных реалий, процессов истории социальной, человеческой истории, осмысления этих реалий, придания им социальных смыслов, значимости [3].

Именно это «означивание», придание смыслов стало основой для организации событий во времени, подчинения событий и процессов логике стрелы времени, поступательного эволюционного процесса [3]. Т.е. темпоральность западной культуры основывается на рационализме, на определенных способностях разума.

Но наряду с рациональной темпорализацией существует темпорализация, основанная на фиксации пережитого опыта, т.е., если в первом случае восприятие времени основывается на «доказательстве», во втором – на «свидетельстве». При этом, доказательство основывается на опыте взаимодействия личности с внешним миром, во многом формируется под влиянием протестантской этики, служения обществу как проявлению служения Богу, свидетельство же – результат обращенности личности к собственному внутреннему субъективному миру, к саморефлексии. Соответственно, в основании исторического развития России лежат колебания между «доказательством» и «свидетельством»: с одной стороны, российское общество связано с «доказательством», в силу исторического развития, географической протяженности, оно всегда испытывало на себе влияние западноевропейского рационализма, впитывало в себя достижения европейской культуры, с другой – не меньшее влияние испытывает Россия со стороны восточных культур, и их иррациональностью, стремлением к самопознанию и саморефлексии, т.е. мышление русского человека в наименьшей степени связано со «свидетельством». В результате противоречивости восприятия, погруженности во внутренний мир и вовлеченности в систему социальных взаимодействий, русский человек всегда объективирует реальность, ее пространственно-временные категории, но «из-за направленности инициального опыта эта целостность оказывается отброшенной, превзойденной,

чтобы принять свидетельства опыта, который ее одновременно и отрицает, и утверждает» [3. С. 18]. Следствием особенностей мировоззрения является переживание темпоральности, которое сближается то с рационализмом Запада, то с интуитивизмом Востока, сама история, время движется рывками: то подчиняясь социальному, рациональному, то останавливаясь на месте, «собственно человеческое время не является в таком случае ни полностью открытым вечности, ни полностью поглощенным внешним миром» [3. С. 19].

Подобное переживание времени сопровождается заимствованием западноевропейских идей, институтов, основанных на этих идеях, с их последующей адаптацией, гармонизацией с укладом быта, ментальными особенностями российского этноса, в результате чего идея становится символом, возвращается к своей первоначальной форме. При этом, само обращение к идее, «очистка» ее от внешних атрибутов, превращение в символ делает ее недостижимой, т.е., если рациональный западный человек в своем служении социуму как реализации божественного предназначения стремится к практическому воплощению идеи, что приводит к созданию социальных институтов, практик, выступающих средством репрезентации идеи, для русского человека идея остается недостижимым символом, целью создания гармоничного, идеального общества. На протяжении столетий русский человек может ограничиваться пассивным созерцанием, осмыслением идеи, не предпринимая попыток институционального строительства (под влиянием «свидетельства»), прибегая к интенсивным темпам социальных преобразований на отдельных этапах исторического развития (под влиянием «доказательства»).

Противоречивое влияние Востока и Запада существенно усложняет выявление исконно русского, национального в институциональной архитектонике и заимствованного. В частности, на протяжении десятилетий говорится о том, что Россия заимствовала выборные, демократические процедуры, институты из западноевропейской культуры, однако при этом за пределами внимания остается история Новгородской и Псковской Республик с их известными вече, правом голоса граждан, выборностью. Аналогично, защита права частной собственности, которая выступает (или выступала на протяжении столетий) краеугольным камнем западноевропейской цивилизации, законы, направленные на реализацию этой защиты, сегодня во многом заимствуются из западноевропейских стран, однако, по сути, подобные практики – лишь возврат к исторически сложившимся в российской социокультурной среде практикам [6; 7].

Неоспоримым сегодня может являться лишь то, что после распада СССР Россия заимствовала идеи, институты и практики из западноевропейской культуры, причем, не всегда трансплантировала их успешно, следствием чего стало формирование многочисленных «квазиинститутов», которые

не только не обеспечили ожидаемого эффекта, но имели обратный эффект: либерализация российской экономики конца прошлого столетия привела к оттоку капитала, «утечке мозгов» и обогащению поставщиков институтов свободного рынка; институт банкротства из средства повышения эффективности функционирования системы превратился в способ присвоения собственности [2].

Однозначно разграничить исконно русские и заимствованные идеи, институты и практики в историческом прошлом сегодня достаточно проблематично, в том числе и по причине того, что российская история, пожалуй, в большей степени, чем академическая история любого другой страны, испытывала на себе давление национального государства, а относительно позднее в историческом плане принятие христианства и появление письменности оставило историкам огромное пространство для создания мифов, нарративов.

Соответственно, на основании анализа теоретических источников можно сделать вывод, что переживание темпоральности в России остается нерешенной проблемой, которая требует своего дальнейшего осмысления. Отдельные мыслители охарактеризовали восприятие времени как замедленное, отстающее от европейской стрелы времени, однако, подобное восприятие может быть обусловлено сильным влиянием немецкой мысли, основанной на оценивании социальных структур и практик одноименного общества как несвоевременных. Кроме того, оценивание темпоральности как замедленной или нет воспринимается на эталоне западной версии, которая сегодня подвергается переосмыслению в различных национальных теоретических системах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Валицкий А.* Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) // *Философское образование*. 1912. № 2 (26).
2. *Гринберг Р.С., Комолов О.О.* Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 3.
3. *Денн М.* Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева // *Философское образование*. 2012. № 1 (25).
4. *Морфино В.* Чесать марксистскую традицию против шерсти // *Логос*. 2021. Т. 31. № 4.
5. *Моторина Л.Е.* К вопросу о темпоральности в России // *Пространство и Время*. 2013. № 3 (13).
6. *Новоселов О.Н.* Русская православная судьба. Религиозно-философское исследование. Киров, 1997.

7. Питулько Г.Н. Из истории вечевого строя Новгорода и Пскова // Управленческое консультирование. 2013. № 11 (59).

8. Равочкин Н.Н. Становление мультитемпоральности современного мира: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А.

9. Хельге Й. Множественное время и стратиграфии истории // Логос. 2021. Т. 31. № 4.

10. Чаадаев П.Я. Философические письма. М.: АСТ, 2022.

11. Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2003.

N.N. RAVOCHKIN

Dr. in Philosophy, Associate Professor

*Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies
Kuzbass State Agricultural Academy; Professor at the Department of*

History, Philosophy and Social Sciences,

Kuzbass State Technical University

named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

MULTITEMPORALITY OF THE MODERN WORLD: RUSSIAN SPECIFICITY

The problem of the perception of time by states has become one of the most significant in recent decades. In many ways, this is associated with a set of markers that determine the difficult-to-predict nature of world development scenarios, first of all, these include “non-linearity” and “riskness”. Strategies of behavior and the overall chances of success in the international arena depend on the peculiarity of the experience of time and the awareness of being powerful actors in a particular historical period and social time zone. The article deals with the specifics of the Russian perception of the plurality of times. Theoretical grounds for the experience of time in the domestic space are studied. The essential features of the positions occupied by the Russian state, which make it possible to note the dual nature, are revealed. The influence of German intellectual thought is determined. The trajectories of catching up imports of advanced ideas that fund political and legal institutions and practices are noted. In conclusion, the results of the study are summarized.

Key words: *temporality, society, power, institution, import, idea, time.*

Н.П. МЕДВЕДЕВ

доктор политических наук, профессор,
главный редактор издательства «Наука сегодня»,
Россия, г. Москва

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ 2022 ГОДА. ЧАСТЬ 1)

В статье анализируются материалы исследований за 2022 год, опубликованные на страницах рецензируемых журналов «Вопросы национальных и федеративных отношений», «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», «Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права», которые можно условно отнести к новому научному направлению «Этнополитическая регионалистика». Делается вывод о востребованности этой исследовательской тематики в условиях конфликтности постсоветского пространства и необходимости усиления научного поиска источников этнополитических конфликтов, а также подготовки научных основ для рекомендаций по их консенсусному урегулированию и развитию новой модели дипломатических отношений между государствами.

Ключевые слова: *этнополитическая регионалистика, научное направление, актуальные публикации, межнациональные отношения, постсоветское пространство, этнополитические конфликты, консенсус, дипломатические отношения.*

В общественных науках давно заведено, что результаты исследований считаются более выигрышными, если они связаны с историей вопроса. Не будем отступать от такого подхода к анализу и в этой статье. Начнем разговор с исторического описания этнического многообразия российского общества и российской модели этнополитической регионалистики с публикации Гусева К.Д. «Формирование малороссийской идентичности в XVII в.: особенности генезиса и эволюции». В статье рассматриваются проблемные вопросы происхождения и эволюции малороссийской идентичности в XVII в. Исследуется аспект этнического размежевания православного населения Руси и Речи Посполитой. Анализируются термины, применявшиеся

в XVII в. в качестве этноконфессиональных маркеров. Выявляется роль православия как стержневого фактора идеологии «воссоединения» в 1654 г., а также исторические образы Владимира Святого и Крещения Руси в данном процессе. Исследуется трансформация роли киевских книжников в подготовке ключевых идей «объединения». Освещается сформулированный ими этнодинастический принцип, обосновавший право династии Романовых на малороссийские земли. Рубежные исторические события Освободительной войны, Переяславской рады и «Руины» трактуются в профессиональном контексте. Характеризуется чувство этнического родства жителей Малороссии и России в широких рамках воображаемого сообщества» [4].

Продолжают многие мысли и идеи этих публикаций авторы другой статьи, где анализируется состояние российской государственности и проблемы учета интересов этнических групп страны. Конечно, эти проблемы гораздо более позднего периода истории России, которые основательно анализируются в статье Ивановой Г.Н. и Омельченко Е.А. «Этническое многообразие России конца XX – начала XXI в.: к аспектам теоретико-методологического анализа». Авторы статьи подчеркивают, что «в современных условиях глобализации и интернационализации культуры проблемы развития этносов и сохранения их своеобразия приобретают особую актуальность. Возникает необходимость адекватного ответа на возникающие вызовы, которые, с одной стороны, связаны с угрозами ассимиляции и вестернизации, а с другой – с опасностью роста националистических настроений и тенденцией к изоляционизму. Поэтому важным является исследование исторического опыта взаимодействия национальностей в условиях многовекового функционирования полиэтнического общества, сформировавшегося в рамках российской государственности. Изучить особенности развития этнических групп, проживающих на территории России в конце XX – начале XXI в., достаточно сложно. Для этого ученые обращаются к теоретико-методологической базе, имеющей в последние годы зачастую междисциплинарный характер. Тем не менее, при анализе этнического многообразия России следует, в первую очередь, придерживаться основополагающих принципов исторической науки (историзм, объективность и др.). Научно-теоретическая база проблемы также должна базироваться на специально-научных методах познания, являющихся главным средством решения исследовательских задач. К числу таковых относятся сравнительно-исторический, статистический и другие методы. Вместе с тем, следует использовать и методы социокультурного, этнологического, историко-антропологического анализа. Проблема этнического многообразия России конца XX – начала XXI в. во многом сопряжена с миграционными процессами, формированием анклавных групп, требующих отдельного изучения с учетом возникающих этноконфессиональных конфликтов и процессов межкультурной адаптации.

При раскрытии развития многообразия этнических групп важны и методологические подходы к ключевым понятиям и терминам (аккультурация, социально-культурная адаптация, интеграция). Любое изучение этнических групп, их взаимовлияния и интеграции наталкивает и на обращение к такому понятию, как «национальная ментальность», имеющего различные подходы к его определению. Без учета национальной ментальности достаточно сложно изучить этническое многообразие России, особенно в непростой период социальных перемен и активного интеграционного взаимодействия конца XX – начала XXI века. В заключении статьи авторы приходят к выводу, что, изучая многообразие этнических групп, проживающих на территории России, в первую очередь, важно определиться с методологией, терминологией и понятийным аппаратом. Мнение научного мира способно помочь разработке и реализации грамотной национальной политики в стране, ориентирующей на формулирование перечня необходимых мер и указание целевой аудитории, на которую эти меры должны быть направлены» [6].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 17; 18; 20].

Представляются интересным и то, что уже в 19 веке обсуждались некоторые идеи, близкие по своему предмету исследования к предметному полю «политической регионалистики». В этом контексте актуальным является публикация Головинова А.В., Головиновой Ю.В. «Общественно-политические идеи сибирских демократических регионалистов (областников) в публицистике 1870-х гг.». Как подчеркивают авторы статьи, что «целью настоящей работы выступает реконструкция комплекса идейно-политического наследия основоположников идеологии сибирского демократического регионализма (областничества) в 1870-е гг. Хронологические рамки не случайны, так как в этот период активно формировалась политическая концепция сибирских общественных деятелей.

Руководствуясь герменевтической методологией и приемами политико-текстологического анализа, авторами показано, что общественно-политические идеи основоположников сибирского регионализма – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина включали в себя многообразный спектр политических проблем. Активно мыслители-регионалисты разрабатывали вопрос об образовательной политике Имперской России, идеалом которой они считали развитие умственных центров в провинции. К числу политологических разработок сибирских общественных деятелей данного периода можно отнести проблему реформирования основных направлений государственной пенитенциарной политики.

Также в рамках публикации показано влияние популярной в 1870-е гг. политической философии русского народничества на идеологию

областников. Либеральные ценности, идеи социальной солидарности, приоритет демократических прав и свобод, а также гуманизм народнической идеологии был в целом имманентно присущ всем представителям политической философии сибирского регионализма.

Вместе с тем, в публикации на основе герменевтического анализа выявлены воззрения классиков областничества на сущность и природу государства. Установлено, что идеал государства виделся сибирскими общественными деятелями в федеративной модели государственного устройства. Авторы акцентируют, что по учению Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, федерализм выступает наиболее органически пригодной формой территориального устройства нашего Отечества. Именно такая конструкция позволяет учитывать все разнообразие жизненных интересов каждой провинциальной территории» [3].

Как известно большевики в начале 20-го века активно взялись за решение национальных проблем России и Союза ССР на основе федерализации, создавая национально-территориальные автономии разных типов. В этом контексте актуальной представляется публикация Сеновой А.Ю., Аккиевой С.И. «Малая Кабарда в административно-территориальной системе Кабардино-Балкарской автономной области в 1920-1935 годы». Как подчеркивают авторы исследования, статья «посвящена вопросам административно-территориального устройства Кабардино-Балкарской автономной области в 1922-1935 годы. Особое внимание уделяется Малой Кабарде (Малокабардинский округ) в административно-территориальной системе, причин выделения ее в отдельный округ и изменениям ее территории. Автор раскрывает причины, последствия и особенности административно-территориальных преобразований в Малой Кабарде в исследуемый период» [16].

Исходя из предыдущих выводов авторов о сложности научного анализа различных периодов российской истории и процесса формирования этнических групп, устоявшейся модели развития межнациональных отношений в России, степени влияния полиэтничности населения на стабильность административно-политического устройства государства, а также чисто теоретических проблем, связанных с пока еще неустойчивостью понятийного аппарата для исследований этнополитических процессов, в дальнейшем можно предположить, что для становления нового научного направления «этнополитической регионалистики» потребуется немало времени для утверждения своей системы координат и дальнейшего его развития в теоретическом и практическом плане.

При этом, можно смело сказать о востребованности системного знания об этнополитических процессах и этнополитической регионалистике не только в России, но и во многих других странах мира. Подтверждением тому является, опубликованная на страницах журнала статья Холодковой Н.В. «Расселение этнических групп в КНР: анализ пространственного

размещения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе». Исследователь подчеркивает, в статье «рассматривается вопрос о размещении этнических общностей на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Целью исследования является изучение основных пространственных закономерностей и взаимосвязей в размещении этнического меньшинства на указанной территории. Эмпирической основой исследования послужили сведения всекитайских переписей населения и статистические китайские ежегодники. В работе проведен пространственно-статистический анализ с помощью расчета индекса концентрации населения. По результатам проведенного исследования сделаны выводы о формировании очагов этнических агломераций и выявлена тенденция к их разделению доминирующим этническим большинством» [19].

Следует согласиться с автором, так как мы полагаем, что именно процесс «формирования очагов этнических агломераций» находится в фокусе предмета исследования нового научного направления-политической регионалистики, так как, по сложившейся мировой практике, этническая общность может существовать и функционировать в государстве на основе двух основных принципов: или на основе национально-территориального принципа, или национально-культурного принципа. Как видно из статьи, проблема этнополитических меньшинств и автономий остается актуальной проблемой даже для полуторамиллиардного и совсем не многонационального унитарного Китая. А такие унитарные государства, как Великобритания, Испания, Италия уже давно регионально децентрализованы по этнополитическому принципу. Этнополитический принцип децентрализации присущ Канаде, некоторым государствам Африки и Азии. И это все, на наш взгляд, является предметом серьезного анализа в рамках отдельного научного направления «политической регионалистики».

В советский период истории России и Союза ССР национально-территориальный принцип стал основой федерализации государства и причиной образования на территории бывшей Российской Империи десятков этнорегиональных автономных образований в форме союзных республик, автономных республик, областей и округов, то есть, выражаясь формальным языком, автономных государств и государственных образований, зачастую, решениями органов власти, привязанных к определенной территории без учета исторических и этнодемографических факторов. Все это после распада Союза ССР и прекращения функционирования коммунистического режима стало источником многих этнополитических региональных конфликтов, которые до сих пор не удается урегулировать.

После внесения поправок (2020 г.) в Конституцию России и определения понятия «государствообразующего народа» (ст. 68) многие проблемы многонациональности, при разных обстоятельствах и ракурсах научного исследования российских этнополитических процессов и этнополитической

регионалистики, как нам представляется, должны изучаться несколько по-иному интерпретируя советское понятие «равноправность». И это сегодня становится важной актуальной научной проблемой для этнополитологии и практики реализации государственной национальной политики.

В этой связи, следует подчеркнуть актуальность статьи, опубликованной в 2022 году в журнале «Вопросы национальных и федеративных отношений» Цвижбы А.Г. «Россия: этническое и национальное». По утверждению автора «в статье рассмотрены проблемы этнических идентичностей в деле укрепления общенационального единства Российской Федерации. Проанализированы главные направления национальной политики в многонациональном обществе, которые призваны стабилизировать: политико-идеологические, социальные и экономические процессы в современной России. Проанализированы возможности появления новых политических реалий в контексте изменения отношений между этническими идентичностями и общенациональной идентичностью. В статье отмечена недопустимость того, чтобы при укреплении и культивировании основ национальной идентичности происходила утрата ценностей больших и малых этнических групп» [21].

Содержательным и актуальным, в контексте развития межнациональных отношений в национальных республиках России, является публикация авторов из Республики Башкортостан Сафина Ф.Г., Камалетдинова Д.А., Кульшарипова Ф.Р. «Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований)». По мнению авторов в данной статье «на основе данных этносоциологических опросов, на примере многонациональной Республики Башкортостан, рассмотрена динамика социально-экономического состояния этнических групп в условиях развития рыночных отношений. Переход к рыночной экономике в начале 1990-х годов существенно повлиял на общее благосостояние населения в целом по стране. Установлено, что в Республике Башкортостан трансформационный период перехода к рыночной системе сопровождался как модель наиболее «мягкого вхождения». В качестве такой модели, в целях недопущения негативных социальных потрясений, допускалось сохранение колхозов и совхозов, общественный транспорт стал бесплатным за счет бюджета республики. Переход или продажа земли в частную собственность была запрещена. Все эти меры, казалось бы, должны были в определенной степени защитить население от «шоковой терапии» и способствовать более мягкой адаптации к условиям рыночной экономики. Установлено, что несмотря на принятые руководством страны и республики меры, данные опросов показывают о существенном ухудшении экономического и финансового положения населения республики в середине 1990-х гг. Выявлено, что проведенные спустя 20 лет этносоциологические опросы показали, что более половины

опрошенных респондентов отметили о существенном улучшении экономического и финансового положения своих семей за последние 10-15 лет» [15].

В заключении следует подчеркнуть, что «Этнополитическая регионалистика» как новое научное направление связано с большим спектром межнациональных отношений, различными аспектами этнофедерализма, комплексным изучением этнотерриториальных автономий, исследованием этнополитического сепаратизма и урегулированием этнорегиональных конфликтов. И это еще не все аспекты широкого предметного поля, зарождающегося междисциплинарного научного и учебного курса.

Продолжение нашего научно-рецензионного экскурса по проблемам «Этнополитической регионалистики» будет в следующем номере журнала «Вопросы политологии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Айвазян М.С., Вардадян В.В., Доровских Е.М., Кобаренкова Е.Ю., Леванский В.А., Лысенко В.И., Медведев Н.П., Новикова Т.В., Смирнов В.В. Открытое государство: политико-правовое видение // Государство и право. 2003. № 5.

2. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У. К вопросу о мифах и преданиях в памяти народов Евразии и генезисе этнонима «казах» // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 1 (27).

3. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Общественно-политические идеи сибирских демократических регионалистов (областников) в публицистике 1870-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 6.

4. Гусев К.Д. Формирование малороссийской идентичности в XVII в.: особенности генезиса и эволюции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 3.

5. Зазулина М.Р. Евразия как социокультурное пространство и особенности его трансформации в условиях глобализации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 5 (45).

6. Иванова Г.Н., Омельченко Е.А. Этническое многообразие России конца XX – начала XXI в.: к аспектам теоретико-методологического анализа // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 1.

7. Коломейцев Э.М. Понятие федеративных и этнонациональных отношений как институциональной основы политической стабильности государства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

8. Маканбаев Б.М. Приграничные конфликты в Центральной Азии: варианты разрешения и стабилизации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).

9. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 3 (37).

10. *Медведев Н.П.* К 100-летию образования Союза ССР. Постсоветское нациестроительство и региональные этноконфликты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 2 (27).

11. *Медведев Н.П.* Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2014. № 1.

12. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 3 (25).

13. *Наледин И.И.* Крымско-татарский этнос в межэтнических отношениях на Крымском полуострове в постсоветский период: от конфронтации к гармонизации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

14. *Савельева М.А.* Проблемы становления государственности в странах ЕАЭС после распада СССР // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 6 (46).

15. *Сафин Ф.Г., Камалетдинов Д.А., Кульшарипов Ф.Р.* Экономические основы социального самочувствия этнических групп в многонациональном Башкортостане (по данным этносоциологических исследований) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 4.

16. *Сенова А.Ю., Аккиева С.И.* Малая Кабарда в административно-территориальной системе Кабардино-Балкарской автономной области в 1920-1935 годы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 11.

17. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Содружество независимых государств: новые актуальности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

18. *Слизовский Д.Е., Ситдинов А.М.* Предвыборные программы политических партий о проблемах федерализма, регионализма и местного (само) управления: хрестоматийные подходы и предложения // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 2 (24).

19. *Холодкова Н.В.* Расселение этнических групп в КНР: анализ пространственного размещения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 2.

20. *Хубоншоев Ш.Д.* Народы Памира: особенности языка и религии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 4 (44).

21. Цвижба А.Г. Россия: этническое и национальное // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 4.

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of political sciences, professor,
editor-in-chief of the publishing house Nauka Segodnya,
Moscow, Russia*

**ETHNO-POLITICAL REGIONALISTICS:
HISTORY AND MODERNITY
(BY THE MATERIALS OF PUBLICATIONS IN SCIENTIFIC
JOURNALS 2022. PART 1)**

The article analyzes research materials for 2022 published on the pages of peer-reviewed journals "Issues of National and Federal Relations," "Eurasian Union: Issues of International Relations," "Regional and Municipal Management: Issues of Politics, Economics and Law," which can be conditionally attributed to new scientific direction "Ethnopolitical regional studies." It is concluded that this research topic is in demand in the context of the conflict potential of the post-Soviet space and the need to strengthen the scientific search for the sources of ethno-political conflicts, as well as the preparation of scientific foundations for recommendations for their consensus settlement and the development of a new model of diplomatic relations between states.

Key words: *ethnopolitical regionalism, scientific direction, topical publications, interethnic relations, post-Soviet space, ethnopolitical conflicts, consensus, diplomatic relations.*

Е.В. КУЧУМОВА

кандидат философских наук,
доцент Высшей школы международных отношений
Гуманитарного института СПбПУ,
Россия, г. Санкт-Петербург

ВАН ЦЗЮНЬТАО

кандидат политических наук,
доцент Высшей школы международных отношений,
Гуманитарного института СПбПУ,
Россия, г. Санкт-Петербург

ХЭ ЛЯНЬАНЬ

студент Высшей школы международных отношений,
Гуманитарного института СПбПУ
Россия, г. Санкт-Петербург

ИНТЕГРАЦИЯ ФИЛОСОФИИ КОНФУЦИЯ И СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Введение. Философское развитие мысли Конфуция обсуждалось и изучалось многими учеными в древние и современные времена, и существуют различные мнения о значении его существования и влиянии его роли для будущих поколений. В данной статье рассмотрена роль и влияние философской мысли Конфуция на жизнь современного человека и ее образовательное значение на фоне возникновения и развития философии Конфуция.

Цели и задачи. Изучение и анализ влияния философии Конфуция на жизнь современного человека является основной целью работы.

Методы. В работе были использованы эмпирические методы исследования, поиск и анализ материалов из средств массовой информации, сопоставление и обобщение, а также методы контент-анализа.

Результаты. После того, как страна достигла благополучного уровня жизни, ей необходима нравственная, идеалистическая, стабильная и сплоченная социальная среда, в которой люди могли бы заниматься дальнейшей деятельностью. Идеи Конфуция, которые передавались в Китае на протяжении более чем 2000 лет, являются основой традиционной китайской культуры и повлияли на темперамент китайского народа. Поэтому, говоря о строительстве духовной цивилизации и национальной общественной

морали на сегодняшний день, нельзя не упомянуть о философии Конфуция и его нравственном отношении к людям.

Выводы. Подводя итоги, польза конфуцианства в Китае на сегодняшний день может заключаться в урегулировании жизни народа, восстановлении общественной морали и национального духа народа, восстановлении веры и надежды, восстановлении легитимности политического порядка, создании политической системы с культурными особенностями, установлении моральных основ модернизации Китая, а также в решении экологических проблем Китая. Одним словом, конфуцианство может решить все основные современные проблемы, стоящие сегодня перед Китаем, и поэтому можно сделать вывод, что именно конфуцианство является наиболее полезной идеологической доктриной в современном Китае.

Ключевые слова: Конфуций, гуманность, доброжелательность, столкновение идей, воспитательное значение.

История возникновения философии гуманности Конфуция и ее влияние на последующие поколения. Конфуций жил в период, когда рабство трансформировалось в феодализм, и князь Чжоу потерял контроль над вассалами, а вассалы теряли контроль над людьми. Общество было в смятении, люди страдали от непрерывных войн и раздоров. Тот факт, что Конфуций родился в упадочной дворянской семье, обусловил то, что его философия была явно консервативной, а его идеология, классовое положение и позиция были тесно связаны с идеологией рабовладельческой знати и правителей. Его идеология, классовый статус и положение были тесно связаны с рабовладельческими аристократами и правителями, и благодаря этому последующие поколения часто называли его ученым мира, как сказано в «Аналектах Конфуция»: «Мир долгое время был без пути». Именно в этом контексте выделяется «Наука о гуманности, человечности» (仁学), ключевой момент мысли Конфуция, который на протяжении тысячелетий оказывал влияние на последующие поколения и способствовал преемственности и развитию китайской цивилизации [4]. На протяжении веков и правители, и простые люди использовали дух благожелательности и любви Конфуция для искреннего отношения к людям и воспитания их морального облика, а также часто использовали это благожелательное мышление для обучения своих потомков и подданных. Это также является основной причиной того, что до сих пор существует множество различных взглядов на критику конфуцианства. Когда последующие поколения изучают развитие конфуцианской доброжелательности (гуманности), они часто обвиняют конфуцианство в плохих сторонах древнекитайской феодальной традиции в плане контроля и сдерживания человеческого разума, сословного статуса людей и строгой иерархической дифференциации. Хотя верно, что в ходе истории в развитии

конфуцианства были периоды, когда оно было явно смещено в сторону политики, и периоды, когда оно было смещено в сторону культивирования разума, первопричиной этих периодов было нечеткое или одностороннее понимание конфуцианской мысли властью имущими. Любовь к человеку в философии гуманности Конфуция – это не узкая, награждающая или наказывающая любовь, и не дарящая, умоляющая любовь к другим. Скорее, это искренняя любовь и уважение, которые являются основой культурной традиции и состоят из добрых помыслов, идущих от сердца. Конфуций говорил: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой». Эти слова в «Аналектах Конфуция» отражают глубокий смысл, который Конфуций придавал понятию «Жэнь – человеколюбие» (□). Конфуций считал, что вершиной благожелательности является способность «щедро одаривать людей и помогать им всем» [6].

Ученики Конфуция использовали слова «верность» и «прощение», чтобы обобщить значение «благожелательности», другими словами, чтобы достичь «гуманности», человек должен во всем подавать пример и быть внимательным к другим. Отсюда ясно, что «Жэнь» Конфуция – это этический и моральный принцип, которым руководствуются все члены общества.

Развитие человеческой цивилизации, будь то смена династий в Древней Греции, Египте или Индии, или развитие религиозных богов и богинь, было результатом просвещения людей добрыми и гуманными доктринами и идеями, что направляло их на правильный путь поведения. Развитие человеческой цивилизации может поддерживаться и прогрессировать только под эгидой образования, чтобы можно было отличить ее от других неразумных существ в природе. Поэтому невозможно и нецелесообразно, чтобы конфуцианец совершенно не заботился о развитии нравственного воспитания, и, как сказал Ду Вэймин, «немыслимо, чтобы конфуцианец совершенно не заботился о политике» [3]. Точно так же, если развитие страны и продолжение цивилизации происходит совершенно без сдерживания развития, последствия немыслимы и невозможно продолжать развиваться, это не настоящая демократия и свобода. В последнее время, с развитием науки и техники, постоянное влияние столкновения восточной и западной культур заставило многих людей задуматься и глубоко изучить вопрос о том, является ли мышление их собственной страны ортодоксальным. Разница заключается лишь в перспективе собственного мышления, и неправильно восхвалять одно и отрицать другое, потому что будь то ислам, христианство или буддизм, в доктринах и священных писаниях этих религий можно найти то же самое, что и в «доброжелательности и любви» конфуцианства. Все религии, и ислам, и христианство, и буддизм, разделяют общую с конфуцианством концепцию «любви-доброты» и используют широкий спектр высоких духовных цивилизаций, чтобы принять и понять различные культуры и научить людей иметь любящее сердце и благородный дух. Таким

образом, исключительность подхода какой-либо одной стороны нежелательна и недоказуема и, по сути, является результатом плохого понимания сути концепции. Причина, по которой традиционное конфуцианство все еще остается первой национальной школой в Китае и даже привлекает ученых из разных стран для его изучения и обсуждения, заключается в том, что суть конфуцианства издавна имела влияние в сердцах каждого человека и издавна использовалась для установления порядка в каждой династии.

Как пишет Линь Цунгуан в своей книге «Исследование политической философии Конфуция», «некоторые ученые в свое время утверждали, что из-за «конфуцианского установления», которое «всесторонне устроило земной порядок», «после Синьхайской революции оно быстро рухнуло» и больше не возвращалось [5]. Осознав этот неоспоримый факт, мы, возможно, должны признать, что время, когда конфуцианство доминировало над порядком китайской жизни благодаря своему становлению, прошло, и что «тем, кто хочет «вызвать душу» конфуцианства, больше не нужно напрасно тратить свои усилия в этом направлении». Однако утверждение или заявление о том, что современное конфуцианство – это «блуждающая душа», не является провозглашением конфуцианства, как это обычно неправильно понимается, а просто констатацией того, что традиционное «установочное конфуцианство» ушло в историю, но что «Душа» – это «дух», и после освобождения от традиционной знати дух конфуцианства может возродиться в свободе».

Однако стоит отметить, что сегодня в Китае наблюдается волна «политического конфуцианства», которое стремится «вызвать душу» конфуцианства и намерено восстановить «конфуцианское государство», в котором государство объединено с религией. «Политическое конфуцианство» и утверждение «конфуцианства» в качестве «государственной религии» находятся сегодня в Китае на подъеме. Итак, по мнению Цзян Цин, который «стремится «вызвать душу» конфуцианства», польза конфуцианства в Китае сегодня заключается в восьми положениях, а именно: оно может «урегулировать индивидуальную жизнь китайского народа», «восстановить общественную мораль китайского народа», «восстановить национальный дух китайского народа», «восстановить веру и надежду китайского народа», «восстановить легитимность китайского политического порядка», «создать политическую систему с китайскими культурными особенностями», «заложить моральные основы модернизации Китая» и «решить экологические и природоохранные проблемы Китая» [7].

Реальность сегодняшнего мира и ожидания человечества от современной эпохи. В современном мире, с развитием глобализации, наука, культура, экономика и военное дело получили беспрецедентное развитие и совершенствование во всех аспектах, что привело к конфликту интересов в распределении власти, неудобствам, вызванным различиями в восприятии

культурных атрибутов между странами и нациями, между народами и нациями, между восточной и западной культурами и так далее. Это привело к росту локальных войн, беспорядков и напряженности. На протяжении последних десятилетий развития человеческого общества во всем мире по-прежнему происходят войны и региональные конфликты. Мышление в области развития по-прежнему заключается в желании иметь более совершенное оружие массового уничтожения, чтобы создать эффект силового сдерживания для своих конкурентов по интересам или для притворно враждебного государства. Это явное отличие и разрыв с благожелательным взглядом, разработанным философией Конфуция, которое представляет собой передовые технологии, контролируемые отсталым мышлением. Люди учитывают только свои собственные интересы и не видят интересов друг друга. Они видят только культурное превосходство своей страны, группы или своей расы, формируя тем самым узкий эгоцентризм культурного превосходства и самопревосходства. Не осознается, что человеческий род изначально представляет собой большое живое сообщество, и что разные цвета кожи, расы и культуры неразрывно связаны между собой и имеют много общего. Только благодаря взаимному сотрудничеству и взаимозависимости мы можем строить и развиваться вместе, выигрывать или проигрывать вместе друг с другом. Идея Конфуция о том, что «мир драгоценен» и «подталкивать себя к другим», созвучна стремлениям современных людей к региональной стабильности и долгосрочному миру в контексте обеспеченной материальной жизни. Философия гуманности Конфуция основана на человеческих существах и подчеркивает роль человеческого субъекта, а не поднебесной. Даже в период, когда жил Конфуций, период строгой иерархической дифференциации, он считал, что короли должны следовать правилам поднебесной и практиковать благожелательное правление, думать и управлять с точки зрения народа своей страны, и что если король не практикует благожелательное правление, то будущие поколения будут критиковать его как слабого или тиранического правителя, и ему не дадут титул благожелательного правителя, и даже если король умрет, то будет считаться, что он «испытал гнев поднебесной». Поэтому правило гуманности Конфуция утверждало, что цари должны сделать счастливую жизнь народа, изобилие пищи и одежды своими достижениями и политикой государства. Как сказал Гу Шуньсянь, «мудрость Конфуция заключалась в том, чтобы решать все споры, размышляя в терминах гармонии и «подталкивать себя к другим». Конфуций говорил: «Гармония важна в использовании этикета» (Аналекты Конфуция - Шу-и). Только исходя из взаимозависимости, взаимопомощи и любви, думая о себе и о других, можно из глубины мысли, сознательно осознавая, что военные боины и покушения бомбами, только причиняют вред обеим сторонам, усиливая ненависть; необходимо взаимное общение и переговоры, чтобы достичь взаимовыгодного результата.

Лучший результат – это сосуществование и мирная жизнь. «В спорах между нациями и расами мы должны относиться друг к другу как к равным и мирно обсуждать друг с другом проблемы, чтобы найти взаимоприемлемое решение и жить в гармонии» [2].

Это потребность нашего общественного развития и призыв широкой общественности утвердить то, что полезно в мысли Конфуция для построения современной духовной цивилизации и национальной общественной морали. После того, как народ достиг благополучного уровня жизни, ему необходима нравственная, идеалистическая, стабильная и сплоченная социальная среда, в которой он мог бы заниматься дальнейшим производством, жизнью, научной и культурной деятельностью. Материальная цивилизация и духовная цивилизация взаимозависимы, и если духовная цивилизация отстает от материальной, то это будет сдерживать развитие материальной цивилизации. Идеи Конфуция являются основой традиционной китайской культуры и повлияли на темперамент китайского народа в отношении с миром, воспитании морального облика, создании семьи, управлении страной.

Воспитательная идеология Конфуция и методы воспитания Конфуция. Конфуций был первым в истории Китая учителем, который читал публичные лекции. Он сам «никогда не уставал учиться» и «никогда не уставал учить» своих учеников. Конфуций учил своих учеников быть полезными обществу с помощью следующих принципов: «литература, поведение, преданность и вера». В своей философии образования он считал, что качественное образование имеет первостепенное значение, а культурные знания – второстепенное. Именно поэтому он часто учил своих учеников изучать «обряды», считая, что «без изучения обрядов невозможно выжить». Обряды были политическим и моральным кодексом общества того времени. Во-вторых, Конфуций пропагандировал правильное отношение к обучению: с одной стороны, «знать – значит уметь, не знать – значит не уметь, а уметь – значит знать». С другой стороны, нужно быть достаточно смелым, чтобы спрашивать совета у тех, кто ниже тебя, и не стыдиться спрашивать. В-третьих, Конфуций также имел много важных знаний о законах обучения. Например, «Учись у прошлого, чтобы познать новое», «Учиться, не думая, – безрассудно; думать, не учась, – опасно». Тот, кто знает, лучше того, кто добр, а тот, кто добр, лучше того, кто счастлив», «Я пытался думать без еды весь день и спать всю ночь, но это бесполезно. – Все это научные обобщения законов обучения. Конфуций считал, что образование позволит людям правильно развиваться, иначе возникнут проблемы. Наконец, в своей образовательной практике Конфуций также говорил: «нет намерения, нет необходимости, нет привязанности, нет меня». Он выступал за то, чтобы не смотреть на вещи со своей личной точки зрения, не думать субъективно о том, что должно произойти, не быть упрямым, не ориентироваться на «я»,

а «учить по способностям» и развивать таланты с практической точки зрения. Это ценные уроки, которые Конфуций оставил будущим поколениям. Ученики-конфуцианцы приняли к сведению учение Конфуция о пути Китая в будущее и надеялись, что с его помощью они продолжают получать просвещение из внешнего мира; по их мнению, это просвещение будет во имя богатства нации, не только от философского мышления, но и от технологии, права и других областей; и они поймут и усвоят их по-своему, адаптируя их к Китаю [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гао Сюань Ян高宣扬. Кун цзы сы сян цзэнь ян ин сян 21 ши цзи: чжун фа сюэ чжэ янь цзян 孔子思想怎样影响21世纪：中法学者演讲 [Как конфуцианская мысль влияет на 21 век: лекция китайских и французских ученых] // Вэнь хуэй бао文汇报 [Газета Вэнь хуэй]. 2010. № 8 // https://news.ifeng.com/history/special/kongzi3/201001/0118_9295_1515415.shtml.

2. Гу Шуньсянь贾顺先. Кун цзы дэ чжи хуэй юй эр ши и ши цзи дэ жэнь лэй хэ пин 孔子的智慧与二十一世纪的人类和平 [Мудрость Конфуция и мир человечества в двадцать первом веке] // Чжун го чжэ сюэ ши сюэ хуэй 2004 нянь хуэй цзи чжун го чуань тун чжэ сюэ дан дай цзя чжи сюэ шу янь тао хуэй лунь вэнь中国哲学史学会2004年会暨中国传统哲学当代价值学术研讨会论文[Доклады ежегодного собрания Китайского общества истории философии в 2004 году и симпозиума по современной ценности традиционной китайской философии]. 2010. № 10 // <http://www.doc88.com/p-97133819526.html>.

3. Ду Вэймин杜维明. Дун я цзя чжи юй дуо юань сянь дай син 东亚价值与多元现代性 [Ценности Восточной Азии и плюралистическая современность], Бэй цзин北京: Чжун го шэ хуэй кэ сюэ чу бань шэ 中国社会科学出版社, 2001 // <https://www.qimao.com/reader/index/220770/>.

4. Дуй юй кун цзы чжэн чжи чжэ сюэ шэнь си对于孔子政治哲学深析 [Углубленный анализ политической философии Конфуция] // Вэнь чжан лай юань цзы цзяо юй 文章来源自教育 [Источник статьи «Образование»]. 25 января 2017 // <https://www.docin.com/p-1840517497.html>.

5. Линь Цуньгуан林存光. Кун цзы чжэн чжи чжэ сюэ янь цзю孔子政治哲学研究 [Исследование политической философии Конфуция] // Цин нянь чу бань шэ, цзун суй青年出版社, 总序 [Молодежная пресса, общее предисловие]. 2019. № 1 // <https://www.qimao.com/reader/index/220770/>.

6. Сюн Цзо Юн熊作勇. Кун Цзы Дэ Цзяо Юй Сы Сян Ци Ци Дан Дай Цзя Чжи 孔子的教育思想及其当代价值[Просветительская мысль Конфуция и ее современное значение] // Цзяо Юй Цзе Ся Сюнь 教育界·下旬 [Образование. Поздняя стадия]. 2017. № 11.

7. 佟永忠. 浅谈孔子思想的现代意义 [Краткое обсуждение современного значения мысли Конфуция] // Синь И Дай 新一代 [Новое поколение]. 2013. № 11.

E.V. KUCHUMOVA

PhD, Associate Professor of the Graduate School of International Relations of the Humanities Institute. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

WANG JUNTAO

*Political candidate Sci., Associate Professor
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia*

HE LIANYUAN

*Student of the Higher School of International Relations,
Humanitarian Institute of St. Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia*

INTEGRATION OF CONFUCIUS PHILOSOPHY AND MODERN HUMAN LIFE

Introduction. *The philosophical development of Confucius' thought has been discussed and studied by many scholars in ancient and modern times, and there are different opinions about the significance of his existence and the impact of his role for future generations. This article examines the role and influence of Confucius' philosophical thought on the life of modern man and its educational significance against the background of the emergence and development of Confucius' philosophy.*

Goals and objectives. *The study and analysis of the influence of Confucius philosophy on the life of modern man is the main purpose of the work.*

Methods. *Empirical research methods, search and analysis of materials from mass media, comparison and generalization, as well as methods of content analysis were used in the work.*

Results. *After a country has reached a prosperous standard of living, it needs a moral, idealistic, stable and cohesive social environment in which people could engage in further activities. The ideas of Confucius, which have been transmitted in China for more than 2000 years, are the basis of traditional Chinese culture and have influenced the temperament of the Chinese people. Therefore, speaking about the construction of spiritual civilization and national public morality*

today, it is impossible not to mention the philosophy of Confucius and his moral attitude towards people.

Conclusions. *Summing up, the benefits of Confucianism in China today may consist in regulating the life of the people, restoring public morality and the national spirit of the people, restoring faith and hope, restoring the legitimacy of the political order, creating a political system with cultural characteristics, establishing the moral foundations of China's modernization, as well as solving China's environmental problems. In a word, Confucianism can solve all the major modern problems facing China today, and therefore it can be concluded that Confucianism is the most useful ideological doctrine in today's China.*

Key words: *Confucius, humanity, benevolence, clash of ideas, educational value.*

К.Г. ПРОНЧЕВ

*младший научный сотрудник Отдела глобальных проблем
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук; аспирант кафедры философии
политики и права МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА¹

Статья посвящена исследованию возможных путей гармоничного соотнесения принципов персонализма и консерватизма в политической теории. На основании теоретического наследия Н.Н. Страхова и Ф.М. Достоевского определены возможные модели данного согласования. Установлено, что оно может быть реализовано за счет смягчения претензий индивида на превознесение собственной уникальности с одной стороны, и корректировки утверждения самоценности государства – с другой. На основании проанализированного материала предложены основания идейной составляющей самобытности российской государственности в ближайшей и долгосрочной перспективе. Определено, что соответствующая мировоззренческая переориентация предполагает сопутствующие изменения в области национальной идентичности.

Ключевые слова: персонализм, консерватизм, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, национальная идентичность.

Введение. Сообразно мировой философской мысли в целом, раскрытие проблем личности, ее онтологического статуса, особенностей ее взаимоотношения с другими личностями, обществом и государством осуществлялось отечественными теоретиками разнородными, местами полярными путями. Несмотря на доступный для сосредоточения материал по теме,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований (АНО ЭИСИ), Министерства высшего образования и науки РФ, Российской Академии наук в рамках научного проекта «Национальная идентичность России в эпоху стратегической нестабильности» (№ 122101100036-1), реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук

наследуемый от отцов Восточной Церкви, отечественная философия в лице ее ведущих представителей зачастую опиралась на разработки европейских мыслителей, адаптируя их в той степени, в которой это необходимо для сохранения хотя бы формальной видимости специфичности русской мысли. Подобное положение дел прослеживается также в области политического теоретизирования, обнаруживающего заимствованные источники становления научной отрасли.

Вышесказанным, между тем, не нивелируется ценность отечественной философско-политической мысли и целесообразность ее анализа: как комплексного, так и точечного, в лице ее отдельных представителей. Желание обозначить наиболее общие черты, которые могли бы служить описанием русской философской и политической мысли в их целостности, неизбежно обнаруживает тщетность предпринимаемых попыток; отечественная философия не может быть сведена к условной линии религиозной философии, политико-социальная мысль – к охранительным или, напротив, радикальным концепциям. Как таковые, вышеуказанные «ярлыки» не отражают и малой доли всего спектра конкретной теории, оказываясь, между тем, полезным инструментом систематизации научного знания. В этой связи нам представляется уместным проследить раскрытие проблемы «личность – государство» отдельно по каждому из условно выделяемых течений. Настоящая статья посвящена раскрытию данного вопроса в контексте консервативной мысли.

Персонализм и консерватизм. Персонализм как мировоззрение, утверждающее особый онтологический и аксиологический статус личности, ее первостепенную значимость в контексте мироздания, в своем преломлении в политической и социальной областях обнаруживает ряд особенностей. Они выражены, во-первых, в форме теоретического обоснования существования и функционирования государства в целом, особенностей его конфигурации; во-вторых, в виде нормативных требований в отношении государства и политической системы.

Что касается первого ряда предписаний, персонализм предполагает оценку государственной системы в качестве служебной, вторичной ценности, выполняющей подчиненную роль в системе своих взаимоотношений с отдельной личностью; государство – это, в первую очередь, совокупность составляющих его граждан, в утверждении чего мы обнаруживаем основательность номиналистического подхода. Целесообразность функционирования государственной структуры оценивается на основании продуктивности в контексте удовлетворения запросов личности.

Последнее утверждение подводит нас к раскрытию второго ряда особенностей: характера государственной деятельности, ожидаемой с точки зрения персоналистического подхода. В общих чертах можно заключить, что он предполагает ориентацию государства на охрану прав и свобод

отдельной личности, содействие свободной реализации, имеющейся у нее задатков и содействие в их восполнении в том случае, если таких задатков недостаточно для достойной жизнедеятельности – как личной, так и социальной (1).

Консерватизм, в свою очередь, предполагает признание особого аксиологического статуса государства, его метафизическое обоснование, незыблемое значение подкрепляющих его культурных и, как правило, религиозных установок. Зачастую в контексте консерватизма утверждается первостепенная значимость традиционных институтов и практик, уходящих корнями в культурно-историческое наследие народа. Отдельной личности, в данных условиях, предписано служение интересам государственного организма.

На первый взгляд, смысловое примирение принципов персонализма и консерватизма невозможно в виду их противоречивой ориентации. Напряженность смягчается после принятия во внимание ряда уточнений. Во-первых, персонализм не идентичен индивидуализму. Персонализм не утверждает самоценности личности; ее особый статус основан на ее причастности, внутреннем родстве с высшим онтологическим началом, что, в контексте религиозной терминологии, означает непосредственную причастность человека Богу-Троице, предполагающую не только любовь, но и служение ему, а также сообразное отношение к другому человеку. В контексте такого мировоззрения личности предписано не замыкание, а служение высшим ценностям, равно как и содействие интересам ближнего.

Консерватизм, в свою очередь, также не предполагает самоценности государства, как это имеет место быть в режимах тоталитарного типа. Государство равным образом признано к служению высшим ценностям, путем аккумуляции индивидуальных компонентов человеческого потенциала (на основании свободного волеизъявления индивида). В этом отношении, как о том рассуждал С.А. Левицкий, «служение «своему» коллективу морально оправдано лишь в том случае, если сам этот коллектив не является для себя самоцелью, а сам служит идее, имеющей сверхличную и сверхобщественную ценность» [10. С. 197]. Тем самым, гармония может быть достигнута ослаблением притязаний как отдельной личности, так и общественного объединения, на основании подчиненного положения каждого из них: «Когда предполагается, что все существует в гармонии, а если и надо жертвовать чем-то, то своим недостатком, то есть отрицательной свободой в пользу положительной свободы, именно таким образом консерватизм связан со свободой» [16. С. 259].

Детальное раскрытие данного базового принципа может быть осуществлено разнообразными путями, с учетом более конкретных аспектов проблемы. В контексте настоящего исследования представляется релевантным обращение в теоретическому наследию Н.Н. Страбова и Ф.М.

Достоевского – мыслителей, в мировоззрении которых принципы персонализма и консерватизма оказались выражены особенно отчетливо.

Н.Н. Страхов. Гармония между консерватизмом и персонализмом, как отмечено ранее, может быть достигнута путем отказа от возможных претензий первого на обожествление государства, неоправданного преувеличения его ценностного статуса. Она, в то же время, требует от индивида преодоления порывов к беспредельному самовознесению, принятия во внимание ценностей высшего порядка и необходимости трезвой оценки самого себя и пределов собственного совершенствования.

Страхов, широко эксплуатировавший в своей философской системе данные естественных наук, постулировал органическую целостность мира и иерархический характер его строения. Отдельные элементы мироздания, включенные в единую систему, предстают в качестве значимой структурной единицы, с соответствующим набором диспозиционных характеристик. Человек в этой системе предстает центральным звеном, «узлом бытия» [14. С. VIII]. Источником же бытия, как и венцом его развития является Бог (2).

Искаженное восприятие этой иерархии, неоправданная вера в силу собственного разума, обращающаяся в отрицание человека как такового, является, полагал Страхов, симптомами «болезненного настроения» [15. С. 98], свойственного современному западному сознанию. Оно заключено в утрате подлинного представления о Боге, человеке, логике и смысле исторического процесса. Спасительное средство против его распространения заключено в близости к собственному народу, его духу, «почве» (3). «Возвращение к корням», оживление органического единства с теми, кто был близок изначально, позволит человеку преодолеть ложную обращенность сознания на отвлеченные идеи и задать верное направление личностного и общественного развития.

Сосредоточение критики в сторону западной культуры не следует принимать за однонаправленное направление мысли Страхова. Отстаиваемая им точка зрения направлена против «просвещенства» (4) [11. С. 100] как такового, которое может быть обнаружено как в западном, так и в отечественном культурном сознании. Декларируемое обращение к народу, сохранившем адекватные представления о подлинных религиозно-нравственных принципах – единственная возможность преодоления заблуждений и деградации, свойственных как отдельной личности, так и государственному образованию в целом.

Ф.М. Достоевский. Историки русской мысли сегодня обращаются к личности Страхова, главным образом, как к «философскому информатору» Достоевского (5), который пришел к консерватизму постепенно, оставив радикальные фульеристские убеждения (6) [13. С. 697]. Поздний Достоевский выступал за сохранение устойчивости присущих России религиозных ценностей и тех особенностей, которые способствуют

подтверждению ее особой значимости в контексте человечества в целом (7) [7. С. 41; 9. С. 213]. Эта значимость, между тем, не может служить обоснованием шовинистских установок; напротив, она накладывает на народ и государство особую задачу – обновить человечество в его естестве, сказать «всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое здоровое и еще неслыханное миром слово» [4. С. 183]; реализация этой задачи предполагает усвоение уроков и ошибок Запада и их учет в деле возведения нового всемирного союза, ведомого христианским миропониманием. В этом назначение России и русского человека – «стать братом всех людей, всечеловеком» [6. С. 18]. Такого рода требование преступает пределы политического в традиционном его понимании, отводит государственным институтам подчиненное значение, рассматривая их в свете религиозного идеала, трансцендирующему за пределы земного существования. Устами Ивана Карамазова, «не церковь должна искать себе определенного места в государстве, <...> а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и не стать ничем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели». Состояние расщепленности на народности и культуры в данном контексте представляется неабсолютным: консервативные и патриотические установки Достоевского не формировали у него убеждения в особом метафизическом статусе России и русского народа, обуславливающих меньшую ценность иных культур и народностей.

Сосредоточение внимания мыслителя на конкретной личности прослеживается уже в ранних произведениях. Между тем, наиболее отчетливо персонализм писателя проявляется начиная с 60-х годов XIX века, что обнаруживает непосредственную связь с его религиозным перерождением. Мыслителя озадачили вопросы значимости отдельной личности в мире, его свободе и протесте в широком смысле (8) [2. С. 18]. Герой «Записок из подполья» восстает против законов природы и арифметики (9) [8. С. 176], Родион Раскольников – против законов морально-нравственного порядка, Алексей Кириллов заявляет свое своеволие супротив своеволия Бога. На примере последних двух, а также Крафта (героя романа «Подросток»), продемонстрировано направление пути, руководимого приматом отрицания: отрицания морали, отрицания Бога, отрицания действительного смысла собственного существования – смысла жизни как такового. Более того, Достоевским, устами Шигалева, идеолога революционной пятерки, воспроизведена картина упорядоченного и уравненного общества, в котором конкретному человеку не отведена ни малейшая доля свободы: «Без деспотизма не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина». Раскрытием концепции Шигалева Достоевский обнажал опасные тенденции, сопутствующие социалистическому направлению.

Либерализм, в силу его негативной сущности, также отвергался мыслителем. Либералы, полагал Достоевский, в своих стремлениях устроить государства на негативных основаниях, наделив человека правами, но лишив его цели и высшего назначения, удаляют его все далее от истинных себя и от Бога. В то же время, самим либералам присуща тенденция «связывать себя либерализмом как веревками» [3. С. 3]. Мыслитель опасался, что под маской внешнего освобождения либерализм и, особенно, социализм, утверждают рабство человека не только и не столько внешнее, сколько внутреннее, на уровне самосознания подавляя в нем ощущение подлинной уникальности и самостоятельности.

Источник данного порабощения заключен в трагическом характере свободы, носящей характер своеволия, говоря современным языком – «негативной» свободы, контрастирующей со свободой позитивной (10).

Достижение свободы личности, полагал Достоевский, не коррелирует с обеспечением ее политическими правами и свободами. Мыслитель признавал позитивную роль монархической власти в деле обеспечения людей свободой гражданской: «У нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире <...> не письменным листом утвердится, а созиждется лишь на детской любви народа к Царю, как к отцу» [5. С. 17]. Переориентация политических взглядов была вызвана прагматическими, а не идеологическими мотивами (11) [12. С. 127]: персоналистические соображения оставались для него руководящими, в то время как в социально-политических процессах настоящего и обозримого будущего он предчувствовал опасность для человека, свободы его воли, чем и обусловлен его скепсис в отношении идей либерализма, демократии и социализма.

Консерватизм Достоевского ориентирован на утверждение и сохранение оснований государственности в той степени, в какой они способствуют реализации задач, возложенных не столько на отдельные государства, сколько на человечество в целом. Их непосредственная реализация, между тем, предписана, прежде всего, активности отдельной личности, подлинного субъекта исторического развития. Ценность государственного образования обусловлена тем, в какой мере личность обретает в нем возможность свободной реализации, поставленной перед ней задачи.

О консервативной повестке в современной российской действительности. В последние годы в отечественной политической риторике все радикальнее ставится вопрос об основаниях российской самобытности, и тех механизмах, которые предназначены для их претворения в действительность, в том числе – в политической области. Осуществляется анализ опасностей, связанных с «потерей идентичности и со своим прошлым, и со своим народом» [1. С. 173]. Стабильность и устойчивость государства все отчетливее обнаруживают свою обусловленность мировоззренческими установками граждан.

Рассмотренные нами соображения Страхова и Достоевского предоставляют ценный материал в контексте утверждения идейного содержания развития государства в ближайшей и долгосрочной перспективе. Гармонизация отношений в системе «личность – государство», равно как и смысловое обоснование функционирования российского государства, превалирующее над узкоутилитарными соображениями, представляется возможным на основаниях персоналистического мировоззрения, утверждающего служебную ценность государства, но и не сужающее его деятельность рамками удовлетворения сиюминутных запросов отдельных групп влияния. Равным образом, отдельной личности в данных условиях предписано содействие реализации целей государства в той мере, в которой их претворение в жизнь предписано ему самому.

Конкретная реализация политики такого рода предполагает совокупность реформ в отдельных областях государственного управления, в том числе социальном и экономическом, а также соответствующую деятельность в информационной сфере. Трансформации соответствующего характера следует ожидать в области национальной идентичности. В обозначенном контексте серьезным подспорьем может служить, в числе прочего, обращение к теоретическому наследию Страхова и Достоевского.

Заключение. Консервативная политическая мысль, ориентированная на обоснование особого ценностного статуса государственного образования, предполагает выработку комплекса нормативных требований, предъявляемых к индивиду, как составному элементу объемлющего его политического целого. Согласование данных требований с принципами персонализма, признанием особого ценностного статуса отдельной личности и уважением к ее свободам, требует умеренности в отношении оценки субъектности государства, признания относительного характера его ценности. Данное понимание было присуще Страхову и Достоевскому, в центре мирозерцания, которых расположена человеческая личность, а ценность государственного объединения определена главным образом тем, насколько его функционирование согласовано с требованиями абсолютного, религиозного характера. В свете данного миропонимания обращенное к индивиду требования содействовать интересам государства обусловлено не самоценностью последнего, а его ориентацией на служение ценностям более высокого порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Между тем, естественное неравенство в данных условиях не может не сохраниться; персонализм не предполагает «уравниловки», выходящей за пределы правовых отношений.

(2) Одним из первых в русской философии Страхов предпринял попытку синтеза христианского учения и гегельянской метафизики.

(3) Наряду с А.А. Григорьевым Страхов считается одним из идеологов течения «почвенничества».

(4) Данный концепт введен в научный оборот самим Страховым.

(5) Что примечательно, ввиду напряженных взаимоотношений между мыслителями.

(6) В то же время, ранние соображения Достоевского также содержат некоторые консервативные мотивы: «[На заседаниях кружка Дурова весной 1849 г.] настаивал он на том <...> что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы, более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы».

(7) Что, однако, вовсе не свидетельствует о лояльности Достоевского действующей власти. Так, уже в 70-е годы, в период работы над романом «Подросток», писатель привлек к себе внимание III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – ведомства, аналогичного современным спецслужбам: «Сейчас ходил на почту и получил от тебя письмо, одну крошечную страничку и удивился: письмо помечено тобою от 31 мая (суббота); а штампель на конверте от Старорусского почтамта от 3-го июня! Неужели 4 дня лежало на почте? <...> Уж не читает ли кто наших писем?». Задержка вызвана контролем за перепиской Достоевского, осуществляемым старорусским исправником Готским-Даниловичем Э.М., которому поручено проведение негласного надзора за писателем.

(8) Особый интерес к живой личности не ограничивается формально-концептуальным изложением, но выражено в самой художественной форме произведений Достоевского. «Своеобразие Достоевского не в том, что он монологически провозглашал ценность личности (это делали до него и другие), а в том, что он умел ее объективно-художественно увидеть и показать как другую, чужую личность, не делая ее лирической, не сливая с ней своего голоса и в то же время не низводя ее до опредмеченной психической действительности». Достоевский не просто отводил своим героям роль персонификатора идеи, но позволял их самостоятельное и свободное развитие, с учетом особенности психики человека, его слабостей и пороков.

(9) См. также сформулированный в 1854 г. «Символ веры Достоевского», в несколько видоизмененных формулировках ретранслируемый в дальнейших произведениях: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Достоевский, в отличие от находившегося под его влиянием Л.И. Шестова, в стремлениях заявить

свободу личности не доходил до крайностей, будучи ограничен религиозным миропониманием.

(10) «Свободы от себя для обретения истинной свободы и истинного себя».

(11) «Причислить Достоевского к какой-либо определенной партии или направлению нельзя <...> Он был защитником самодержавия и в этом отношении консерватором. Но в то же время, подобно старшим славянофилам, он был горячим сторонником гражданских свобод и противником административной опеки над народом в хозяйственной и духовной жизни».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аласания К.Ю., Моцелков Е.Н., Никандров А.В., Седых Т.Н. Национальная идентичность России в эпоху стратегической нестабильности (аналитический обзор XIX Панаринских чтений, посвященных памяти профессора В.Н. Расторгуева, 23 декабря 2021 г.) // Проблемы цивилизационного развития. 2022. № 1.

2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6.

3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. СПб.: Типография им. В.В. Оболенского, 1877.

4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. СПб.: Типография В.Ф. Пуцыковича, 1878.

5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881 г. Январь. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1881.

6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Единственный выпуск на 1880 г. Август. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1880.

7. Достоевский Ф.М. Письмо А.Г. Достоевской от 7 (19) июня 1875 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29. Кн. 2. Письма 1875-1866. Л.: Наука, 1986.

8. Достоевский Ф.М. Письмо Н.Д. Фонвизиной от 20 января – 20-х чисел февраля 1854 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1985.

9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29. Кн. 2. Письма 1875-1866. Л.: Наука, 1986.

10. Левицкий С.А. Основы органического мировоззрения. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1946.

11. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. Том I.

12. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953.

13. Миллюков А.П. Федор Михайлович Достоевский // Русская старина. 1881. № 30.

14. Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Типография К. Замысловского, 1872.

15. Страхов Н.Н. Фейербах // Страхов Н.Н. Философские очерки. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1895.

16. Шамиурин В.И. О значении консерватизма // Тетради по консерватизму. 2018. № 2.

K.G. PRONCHEV

*Junior researcher, Department of Global Problems,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences; Postgraduate student, Department
of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

PERSONALISTIC MOTIVES IN THE POLITICAL THOUGHT OF RUSSIAN CONSERVATISM²

The article is devoted to the study of possible ways of harmonious correlation of the principles of personalism and conservatism in political theory. On the basis of the theoretical heritage of N.N. Strakhov and F.M. Dostoevsky, possible models of this coordination are determined. It is established that it can be implemented by mitigating the individual's claims to exalt his own uniqueness on the one hand, and correcting the assertion of the state's self-worth on the other. Based on the analyzed material, the foundations of the ideological component of the identity of the Russian statehood in the near and long term are proposed. It is determined that the corresponding ideological reorientation implies concomitant changes in the field of national identity.

Key words: *personalism, conservatism, N.N. Strakhov, F.M. Dostoevsky, national identity.*

---

² The reported study was funded by Expert Institute of Social Research (EISR), Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences according to the research project «The National Identity of Russia in the Epoch of Strategic Instability» (№ 122101100036-1), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Н.Н. САМСОНОВА

аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАТЕГОРИИ «КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье предпринимается попытка обоснования такого свойства травмы как коллективность, посредством анализа методологических подходов к использованию категории «травма» в общественно-политических науках. С позиций психоаналитического подхода коллективность травмы обуславливается общностью механизмов обработки травматического опыта, в частности с его влиянием на способность к воспоминанию (вытеснение травматического события, сложности артикуляции травматического переживания, частичный возврат вытесненного); в рамках социологического подхода к травме коллективность является результатом акта коммуникации между носителями индивидуальных воспоминаний с более широкой аудиторией, способствующему распространению травматических переживаний. Автор определяет коллективную историческую травму как явление рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны. Обнаруживаются следующие специфические свойства травмы как социокультурного феномена: зависимость репрезентации от культурного контекста и социальных условий, двойственность структуры (сочетание субъективного (опыт носителя) и объективного (дискурс, выстраиваемый коллективным агентом) начал, резистентность во времени.

Ключевые слова: коллективная историческая травма, коллективная память, психоанализ, социологический подход, *trauma studies*.

В условиях трансформации мирового порядка как властная, так и интеллектуальная элиты сталкиваются с необходимостью изыскания средств

обеспечения консолидации и стабильного развития общества. Роль фактора идентичности в вопросе построения устойчивой государственности неоднократно подчеркивалась в работах современных исследователей [6; 12]. В свою очередь важнейшим фактором формирования идентичности сообщества выступает коллективная память. Рассматривая коллективную память, как один из видов коллективных представлений [8. С. 66] в духе функционалистского подхода Э. Дюркгейма, ее можно охарактеризовать как источник социальной солидарности, лежащей в основе стабильного общественного устройства [10]. Как отмечает О.В. Головашина, память во многом определяет нормативную сферу сообществ и групп [8. С. 73] и наряду с иными видами коллективных представлений предопределяет содержание представлений индивидуальных и конструирует общество [8. С. 72].

Вместе с тем, необходимо учитывать амбивалентность коллективной памяти, которая не только является фактором укрепления национальной идентичности, но и включает в себе риски создания напряжения в политической системе, связанного с вероятностью возникновения конфликтных интерпретаций прошлого [14. С. 35], особенно его травматических страниц. По верному замечанию К. Майера, память не только препятствует повторению трагических сценариев, но и обладает способностью сохранять деструктивные силы в коллективном сознании участников конфликта [27]. Расширение и углубление проблематики исследований памяти в этом ключе влечет за собой взаимопроникновение анализа исторической памяти и иных областей социальных исследований, одной из которых выступает *trauma studies*. Частота использования понятия «травма» и производных от него (как-то – «коллективная травма», «историческая травма», «культурная травма», «преодоление травмы») в научной и особенно научно-популярной литературе лишь усугубляет существующий плюрализм его интерпретаций: перечисленные выше термины зачастую используются в различных значениях, в зависимости от контекста исследования. Присоединение же к столь индивидуальному, на первый взгляд, явлению как травма характеристики «коллективный» тем более нуждается в дополнительном разъяснении. В этой связи целью статьи выступает обоснование такого свойства травмы как коллективность, посредством анализа основных методологических подходов к использованию категории «травма» в общественно-политических науках.

Понятие «травматическое переживание» (как нарушение поведенческого и мнемонического характера после внезапного столкновения с неким вредоносным событием) впервые было введено в научный оборот Й. Брейером и З. Фрейдом [20]. Безусловно, объектом фрейдистский психоанализа были травмы, в первую очередь, индивидуальными: клинические истории З. Фрейда, приводимые в его ранних работах, отличаются субъективностью и анонимностью, и, на первый взгляд, не могут служить полезным

для понимания исторического процесса материалом, однако, умозаключения Фрейда и его последователей о травме как угрозе ментальной структуре и механизме травматизации в целом обнаружили свою эвристическую ценность в изучении травмы как социокультурного феномена. Экспансия психоаналитического подхода в область исторических исследований коллективного сознания развивалась в трудах неофрейдистов, посвященных исследованию исторической природы психических свойств и функций человека. Например, К. Хорни в своих трудах обращалась к проблеме раскрытия культурно-исторической основы «неврозов времени», полагая, что они сопряжены с глобальными процессами становления европейских и американских сообществ [22]. Проблема страха, травматического переживания, связанного с культурными запретами и репрессивными практиками, разрабатывалась в исторических исследованиях Ж. Делюмо, посвященных символическому и предметному содержанию страхов средневековой Европы [9].

Представляется, что *коллективная* травма как нарушение мнемонического механизма, выражающееся в невозможности освоить пережитый опыт, должна включать в себя два аспекта: а) существование общего травматического импульса (пережитого опыта); б) общность механизмов его обработки (схожесть нарушений мнемонических механизмов). Закономерным образом возникают два вопроса. Во-первых, каковы должны быть масштабы, пространственно-временные рамки события, чтобы задействовать в себя целую социальную общность? Во-вторых, реальна ли (и если да, то по каким причинам?) общность травматических реакций?

Как отмечает П. Штомпка, основными характеристиками, определяющими травматический потенциал события являются скорость и непредсказуемость его наступления (о схожих механизмах травматизации пишет еще З. Фрейд: травматическое событие происходит с индивидом с такой скоростью и настолько неожиданно, что последний не успевает ни подготовиться к нему, ни осмыслить [17. С. 742], т.е. испытывает лишь травматический испуг вместо превентивной боязни); экзогенность (событие воспринимается как произошедшее не по воле носителя травмы); негативная коннотация; глубина и радикальность. Исследователь отмечает, что макрообщественные травматогенные изменения сочетают в себе деструктивное воздействие как на общество в целом, так и на функционирование малых групп и индивидов в микромасштабе, т.е. результатом таких изменений становится как дезорганизация институтов, так и индивидуальная социальная дезориентация [24. С. 477-483]. Таким образом, некое трагическое событие, вне зависимости от количества вовлеченных жертв, само по себе не является травмой: травматический характер разрыва ему сообщает разрушение ранее сформированного у субъекта (как индивидуального, так и коллективного) пула представлений о себе и набора устоявшихся ожиданий

от реальности (например, онтологической безопасности, укорененных в коллективном сознании привилегий и т.д.), в условиях невозможности эти конструкции восстановить или заменить с течением времени более выгодными. В этом смысле можно не в полной мере согласиться с выделенным П. Штомпкой критерием экзогенности и предположить схожесть травматического эффекта коллективной ответственности (например, травма немецкого народа, вовлеченного в преступления фашистского режима) и жертвенного травматического эффекта группы, испытавшей ассиметричное насилие (например, политические репрессии, геноцид) и не получившей затем должного их признания.

Коллективность как свойство травмы обосновывается представителями основных аналитических подходов различными путями.

В рамках психоанализа *коллективность* травмы связана в первую очередь с общностью механизмов обработки травматического опыта, в частности с его влиянием на способность к воспоминанию.

На основе анализа клинических случаев З. Фрейдом была выведена формула описания развития невроза: «ранняя травма – защита (вытеснение патогенного представления) – «инкубационный период» (латентность) – наступление невротического заболевания – частичное возвращение вытесненного» [18. С. 984]. В основу ее положены два основных утверждения:

1) непосредственные результаты травматического события не ограничивают круг его последствий;

2) события агрессивного содержания, вытесненные из сознания, после латентного периода вновь приобретают возможность влиять на психологическую конституцию индивида или общества и способствовать возникновению реакций, схожих с невротическими симптомами.

Гипотеза З. Фрейда строится на возможности переноса данного механизма из плоскости индивидуального опыта в сферу коллективного: «в жизнь рода человеческого» [18. С. 984], в частности с помощью анализа коллективной памяти и исторической травмы на примере истории еврейского народа. Ученый проводит параллель между состоянием «травматического невроза», выражающегося в появлении у очевидца несчастного случая совокупности тяжелых психических и моторных симптомов по истечении инкубационного периода, временного интервала между несчастным случаем и возникновением симптомов, и еврейским монотеизмом. В качестве общей характеристики данных, на первый взгляд, не связанных феноменов ученый называет латентность. Теория строится вокруг травмы отцеубийства в первобытном обществе и повторении этого акта при убийстве основателя религии Моисея. Именно травма преступника, выраженная в чувстве вины, является основой культуры и религии; преступное деяние же якобы вытесняется из сознания и составляет скрытый подтекст библейской традиции,

придавая ей, вплоть до сегодняшнего дня, специфически принудительный характер.

Итак, сама по себе травма как социальное явление не сводима к одному конкретному эпизоду, завершённому событию, имевшему место в прошлом: генезис травмы в социальном пространстве связан именно с болезненным воспоминанием. К. Карут характеризует травму как «невостребованный опыт», «радикальный темпоральный разрыв между видением и знанием» [11. С. 527]. Исследуя данный разрыв, С.И. Ушакин характеризует травму как «дискурсивный и эпистемологический паралич», вызванный несоответствием между тремя элементами опыта: пережитым, проартикулированным и осмысленным (представленным, репрезентированным) [16. С. 8]. На схожие черты травматического эффекта, невозможность «вписать» то или иное событие в единый исторический нарратив, буквально «осмыслить» его, что ведет к разрушению коллективной идентичности, указывает и Ф.Р. Анкерсмит [3].

Как отмечает Ж. Лакан, источником страданий является не само трагическое событие, а негативные последствия эффекта его встречи с реальным в результате эффекта возврата, вытесненного [13]. Вытеснение травматического эпизода по своей сути является защитным механизмом, процессом отстранения от сознания патогенного вытеснения в силу несовместимости соответствующего представления с «Я» [19] (т.е. буквально ведущим к эрозии идентичности); в социуме оно может быть сопряжено с желанием сконцентрировать коллективные силы для движения вперед, без чувства вины или неконструктивной жалости к себе; однако, такое мнемотическое обнуление и подавление аналитических импульсов, отсутствие артикуляции травматических переживаний, не проходят бесследно: будучи вытесненным в подсознание, травматическое воспоминание может привести к психическим расстройствам, коллективным неврозам.

Существенный объяснительный потенциал коллективности травматических реакций содержат в себе труды сторонников социологического подхода к пониманию травм, основанном на признании социальной среды в качестве важнейшего фактора формирования травматического нарратива. Если для психоанализа травма не конструируется, а существует априори, то в рамках социологического подхода фактически любое событие при наличии определенного набора факторов (культурной среды, структурных предпосылок, демографических условий) может быть «сконструировано» в травму [15. С. 70].

В предложенной Н. Дж. Смелзером схеме процесса травматизации выделяется отдельная стадия «структурной благоприятности» (в терминологии П. Штомпки – «готовности к травме» [23]): совокупности базовых факторов, определяющих коллективное поведение) [28]. П. Штомпка отмечает, что природой возникновения травмы может стать диссонанс между неким

историческим фактом («поведением» власти, народа, нации и государства) и высокими нравственными стандартами актуальной культуры. Подобные травмы зачастую характерны для обществ, испытавших за короткие сроки радикальную трансформацию политического режима: в таком случае возникает диссонанс между сформировавшимся у населения набором ценностей и механизмом вынесения оценочных суждений, с одной стороны, и предлагаемой новой политической элитой оценкой и интерпретацией ранее знакомых событий, с другой [23].

Кроме того, в рамках социологического подхода, как отмечает О.В. Головашина, травма может выступать источником солидарности членов сообщества, буквально формировать его [7]. Так, Р. Айерман пишет о роли травмы принудительной неволи в формировании уникальной афроамериканской идентичности [1]. При этом одним из основных механизмов трансформации индивидуальных воспоминаний об общем травматическом событии в коллективный нарратив является коммуникация, «опосредование воспоминания через язык описания» [7]. В исследованном Дж. Александером механизме создания господствующего нарратива культурной травмы одним из важнейших элементов является т.н. «проекция травмы», установление связи жертвы с более широкой аудиторией. Процесс травмы в этом отношении можно сравнить с речевым актом, в котором цель говорящего заключается в том, чтобы как можно убедительнее представить заявление о травматической боли аудитории-реципиенту, опираясь на доступные символические ресурсы с учетом возможностей и ограничений институциональной среды [2. С. 20]. Таким образом, в рамках социологического подхода *коллективность* как свойство травмы представляет собой результат распространения травматических симптомов от индивидуальных носителей на более широкую аудиторию с использованием репрезентативных средств.

Описывая переход от индивидуальной памяти к коллективной, А. Ассман выделяет три уровня конструирования воспоминаний: биологический (нейронный), социальный и культурный, каждый из которых не лишен влияния коллективного начала. Даже на биологическом уровне средой формирования памяти выступает «социальное окружение и его рамки памяти» [4. С. 29]. На социальном уровне памяти, носителем которого выступает группа индивидов, обмен индивидуальными вариантами общих воспоминаний между участниками коммуникации происходит с опорой на доступные им символические медиаторы. Культурная же память коллективна априори, т.к. основывается на передаваемых культурных объективациях (символах, практиках и т.д.) [4. С. 30]. Понимание же коллективности травматических переживаний (как общности реакций на болезненное воспоминание) черпается из понимания феномена «коллективной памяти», как некоего пространства, в котором таковая травма разворачивается или же, используя терминологию,

Д. ЛаКапры «проигрывается» [26]. В концепции М. Хальбвакса общность памяти заключается в закреплении или, напротив, вытеснении индивидуальных впечатлений в памяти благодаря т.н. социальным рамкам: особому роду устойчивых воспоминаний, которыми члены общества пользуются для припоминания и реконструкции прошлого. Такие устойчивые воспоминания становятся своего рода критериями, которыми отдельная общность оперирует для выявления и запоминания значимых фактов [21].

Как отмечает А. Ассман, собственно категория «историческая травма» возникла не в исторической науке, а восходит к риторике мультикультурной политики признания [5. С. 183]. Д. Чакрабартти понимает под «исторической травмой» «результат взаимодействия истории и памяти» [24. С. 77-87]. Историческая травма – это результат разрыва в коммуникации, который возможен как между отдельными социальными группами (например, в результате ассиметричного насилия), так и между поколениями (в случае памяти о поступках, совершенных социальной группой, не соответствующих современным культурным принципам: история рабства и политических репрессий в ныне демократических государствах, память о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, память об апартеиде в ЮАР и т.д.).

В целом, под коллективной исторической травмой можно понимать явление рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны.

С позиций психоаналитического подхода коллективность травмы обуславливается общностью механизмов обработки травматического опыта, в частности с его влиянием на способность к воспоминанию (вытеснение травматического события, сложности артикуляции травматического переживания, частичный возврат вытесненного). В рамках социологического подхода к травме коллективность является результатом акта коммуникации между носителями индивидуальных воспоминаний с более широкой аудиторией, способствующему распространению травматических переживаний. Как социокультурный феномен коллективная историческая травма обладает следующими специфическими свойствами: зависимость артикуляции и репрезентации от культурного контекста и социальных условий, двойственность структуры (сочетание субъективного (опыт носителя) и объективного (дискурс, выстраиваемый коллективным агентом) начал, резистентность во времени.

Таким образом, представляется, что концепция коллективной исторической травмы обладает значительным эвристическим потенциалом и может быть эффективна в исследовании кризиса идентичности как следствия радикальных социальных и политических информационных, переосмыслении

и выработке механизмов преодоления таких явлений как колониализм, политическое насилие, дискриминация по расовому, религиозному и иным признакам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айерман Р.* Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 // https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171.
2. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
3. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
5. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
6. *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10.
7. *Головашина О.В.* Как боль становится общей? Культурная травма как процесс // *Studia Humanitatis*. 2018. № 4 // <https://st-hum.ru/content/golovashina-ov-kak-bol-stanovitsya-obshchey-kulturnaya-travma-kak-process>.
8. *Головашина О.В.* Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3.
9. *Делюмо Ж.* Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.
10. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
11. *Карут К.* Травма, время и история // Травма: пункты: Сборник статей / под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
12. *Кузнецов К.А., Щелин П.А.* Национальная идентичность и устойчивость государственность // *Comparative Politics*. 2014. № 1 (14).
13. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Гнозисс, 2019.
14. *Наумов Д.И.* Коллективная память как фактор национальной идентичности: социально-философский аспект // *Теология. Философия. Право*. 2019. № 3 (11).
15. *Самсонова Н.Н.* Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2021. № 3.
16. *Ушакин С.А.* Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / под ред. С.А. Ушакина, Е.Г. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

17. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения // Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука Классика, 2010.
18. *Фрейд З.* Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / Я и Оно: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
19. *Фрейд З.* Торможение, симптом и тревога (1926) // Влечения и неврозы. М.: Академический проспект, 2007.
20. *Фрейд З., Брейер Й.* Исследования истерии // Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа. Т. 1.
21. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
22. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.
23. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
24. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
25. *Chakrabarty D.* History and the Politics of Recognition // Jenkins K., Morgan S., Munslow A. (Eds.). Manifestos for History. London, New York, 2007.
26. *LaCapra D.* Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. Vol. 25. No 4.
27. *Meier Ch.* Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. München, 2010.
28. *Smelser N.K.* Theory of Collective Behavior. New York: The Free Press, 1963.

N.N. SAMSONOVA

Graduate Student, History and Theory
of Politics Program, Political Science Department,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

REVISITING THE USE OF “COLLECTIVE HISTORICAL TRAUMA” CATEGORY IN POLITICAL SCIENCE

The article attempts to substantiate “collectivity” as a specific feature of trauma as a cultural and social phenomenon by analyzing methodological approaches to the use of the “trauma” category in social and political science. According to the psychoanalytic approach, the collectivity of trauma is caused by the common mechanisms of processing traumatic experience, in particular with the traumatic effect on memory capabilities (displacement of traumatic events, difficulties in traumatic experience articulation, partial return of the displaced); within the framework of the sociological approach to trauma, collectivity is the result of an act of communication between the bearer of individual traumatic memories with a wider audience, contributing to the spread of traumatic experience. The author defines collective historical trauma as a phenomenon of mismatch between the collective experience of a historical event and its consequences, on the one hand, and the constructed representations of this experience, which had arisen as a result of the lack of conditions for its articulation or incorrect decoding (interpretation) of this experience, on the other hand. The following specific properties of trauma as a socio-cultural phenomenon are revealed: the dependence of representation on the cultural context and social conditions, the duality of the structure (a combination of subjective (the experience of the carrier) and objective (the discourse built by the collective agent) principles, resistance in time.

Key words: *collective historical trauma, collective memory, psychoanalysis, sociological approach, trauma studies.*

СЮГУАН ЛЮ

доктор юридических наук, руководитель отдела по идеологическому и политическому образованию в Колледже марксизма Шанхайского университета политических наук и права, Китай, г. Шанхай

АНАЛИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Цель данного исследования состоит в том, чтобы обобщить размышления Маркса и Энгельса о национальной безопасности. Используя в качестве метода исследование литературы, данная работа показывает, что главным содержанием размышлений Маркса и Энгельса о национальной безопасности являются: а) политическая безопасность с опорой на суверенитет, б) экономическая безопасность, основывающаяся на материалистическом взгляде на историю, в) культурная безопасность, опирающаяся на идеологию, а также г) экологическая безопасность, воплощающая гармонию между человеком и природой. Данная работа может дать теоретический базис как для более глубокого изучения концепций Маркса и Энгельса, так и для изучения общих концепций национальной безопасности.

Ключевые слова: *Маркс и Энгельс, национальная безопасность, суверенитет, материалистический взгляд на историю, идеология.*

XUGUANG LIU

Doctor of Law, Head of Department for ideological and political education at the College of Marxism, Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China

ANALYSIS OF MARX AND ENGELS' NATIONAL SECURITY THOUGHTS

The purpose of this study is to explain the national security thoughts of Marx and Engels. Mainly through the literature research method of Marx and Engels' classical works, the paper deeply analyzes and reveals that political security with

the focus on popular sovereignty, economic security based on the materialistic view of history, cultural security with ideology as the core, and ecological security characterized by the harmony between human beings and nature constitute the main contents of Marx and Engels' national security thoughts. The interpretation of Marx and Engels' national security thoughts can provide theoretical support for the in-depth understanding of Marxist national security theory and the enrichment of the study of the overall national security concept.

Key words: *Marx and Engels, National security, Popular sovereignty, Materialistic view of history, Ideology.*

Marx and Engels didn't have a fully systematized theory of national security, which was determined by the context of the time in which they lived. Scientific Marxist theory is a holistic worldview and methodology. Marx and Engels, with their rich philosophy, political economy and scientific socialism, didn't pay special attention to national security issues. As Marx said, "Originally I majored in law, but I only studied it as an auxiliary subject second to philosophy and history" [1]. But Marx and Engels also sporadically elaborated on issues related to national security in their studies of philosophical, economic, political, and social as well as ideological and ecological issues. In particular, elaborations on the idea of popular sovereignty, historical materialism, ideological theory, and the dialectical relationship between man and nature in harmony outline Marx and Engels's ideas on national security.

I. Political Security with the Focus on Popular Sovereignty. The basis of national security lies first of all in the existence of an independent state power. For Marx and Engels, the primary concern of an independent sovereign state is the acquisition of state power led by the proletariat and of a socialist nature, and the form of organization of that power. Marx and Engels' ideas about a proletarian-led state power of socialist nature focused mainly on the historical significance and lessons learned from the Paris Commune. Marx's summary and analysis of the Paris Commune movement provided the guiding principles for the construction of the socialist state system, with the idea of the popular sovereignty as the core including the Paris Commune in the sense of transcending the old system, the Paris Commune as a system of local self-government and the representative democracy as the principle of the organization of state power, which provided the ideological basis for the political security of a state of a socialist nature led by the working class.

The first was in terms of the nature of socialist state power for the proletariat. Marx embodied his idea of popular sovereignty in his analysis of the founding, composition, and characteristics of the Paris Commune. Marx concluded the proletarian nature of the commune when confronted with the many interpretations of the commune and the fact that they all saw it as a representative of

their own interests. "The commune is entirely a broadly representative political form, whereas all the old forms of government are very strikingly oppressive. The real secret of the commune lies in the fact that it is essentially the government of the working class, the product of the struggle of the producer class against the possessor class, and the political form which has finally been discovered to enable labor to be economically emancipated" [2]. Marx highly valued the broad representation of the commune and the sovereignty of the people based on it. He pointed out that "The commune is the true representative of all the sound elements of French society, and thus the true national government. And on the other hand, it is, at the same time fully international in character, as the government of the workers, as a brave fighter for the emancipation of labor"; "The great social measure of the commune is its own existence and work. The concrete measures it has taken can only show the tendency toward a government of the people and controlled by the people".

Besides, for the founding principles of the socialist state, Marx, on the other hand, believed that it should be a democratic republic of national unity, supplemented by a veritable local autonomy. A democratic republic of the proletariat must be dominated by the people. The Paris Commune was a proletarian republic in nature precisely because its sovereignty belonged to the working class and the working people as a whole. At the same time, the unity of the proletarian and democratic nature of the communal regime showed that the class nature and democratic nature of the communal regime were inseparable. Therefore, adherence to the principle of popular sovereignty, i.e., the running of the country by the people, was the only way to firmly establish the proletarian and democratic nature of the republic. If the people were the masters of the republic, then the government organs and their officials, who emerged from the people, should not be the "masters of society" who enjoyed all kinds of privileges and are above the society, as the bourgeois government and its bureaucrats were, but should be the "responsible servants of society".

The principle of popular sovereignty to guarantee the state nature of the socialist republic is precisely the main expression of Marx and Engels' idea of political security. In fact, Marx and Engels already pointed out in the Communist Manifesto that "The first step in the workers' revolution is to raise the proletariat to the ruling class and to fight for democracy" [3]. In the Critique of Hegel's Philosophy of Right, Marx also applied the idea of popular sovereignty to criticize feudal autocracy and the theory of monarchical sovereignty. Through his critique of Hegel's idea of monarchical sovereignty, Marx firmly established his principle of popular sovereignty. And in his theory of the transition from capitalist to communist society, which was elaborated in the Critique of the Gotha Program, he emphasized the nature of the transitional regime, namely, "Between capitalist and communist society, there is a period of revolutionary transformation from the former to the latter. In line with this period, there is also a period of

political transition in which the state can only be the revolutionary dictatorship of the proletariat". With regard to the essential aspects of the modern state, Marx still emphasized the unity of popular sovereignty and democratic republic and arrived at the view that the socialist state must carry out the functions of the dictatorship of the proletariat. For Marx, a republic of a socialist nature should be the realization of the sovereignty of the people, the will of the people, namely, the people themselves create, establish, and prescribe their own state system, as well as use this state system to determine their own affairs.

Marx and Engels' ideas on political security, which focused on the principle of popular sovereignty, also included their military theories on war, the army, and other issues affecting the security of state power. In terms of the means of maintaining the political security of the state, Marx and Engels argued that after the establishment of a dictatorship of the working class, the state apparatus constructed by the old political system should be completely destroyed, the remnants of the old forces should be removed, a system of governmental institutions, an army, and a legal system under the leadership of the working class should be established, and measures should be taken to supervise and manage the members serving within the new system, purging unqualified members from the ranks of the working class at all times. In addition, they all saw the importance of law in maintaining national security. On the question of the status of law under the socialist system, Engels argued that "It is impossible for an active socialist party, as for any party in general, not to make such a demand. The demands arising out of the common interests of a class can only be realized by the seizure of power by that class and by giving them general force in the form of law. Therefore, each class that is struggling must express its demands in the form of legitimate rights demands in its program... The demands for legitimate rights made by the various political parties, although their ultimate aims are identical, are not identical in all times and among all peoples. They are variable elements and are sometimes remodified, a situation that can be seen in the socialist parties of different countries" [4]. Thus, for Marx and Engels, law then becomes a necessary requirement for the realization of popular sovereignty and thus for the security of the socialist state.

II. Economic Security Based on the Materialistic View of History. The solidity of economic foundation is related to the security of a sovereign state and the stability of society. As the core part of the classical theory of Marx and Engels, economic thought not only reveals the laws of capitalist economic operation, but also provides theoretical guidance for socialist economic construction, thus providing theoretical guidelines for maintaining the economic security of the socialist state.

While attaching importance to the economic foundation, Marx and Engels also paid special attention to the phenomenon of economic crisis that affects economic security, and the analysis of the causes of capitalist economic crisis can

provide useful thinking for economic security. Marx believed that "The ultimate cause of all real crises is always the poverty of the masses and the restriction of their consumption. In contrast, capitalist production strives to develop the productive forces as if only the absolute capacity of society to consume is the limit of productive development". Marx explained that the root of the capitalist economic crisis lies in the irreconcilable contradiction between socialized mass production and the private possession of capitalism. On the other hand, it can be said that if the scale and speed of economic development is pursued unilaterally while the consumption capacity of the masses is neglected, it will eventually lead to economic collapse, endangering the economic lifeline of the country and causing social unrest. According to Marx, the fundamental way to solve the economic crisis lies in breaking up the private ownership of the means of production, avoiding the blindness of the market through the unified distribution of the means of production and the regulation of production activities by the state, enhancing the stability of the economy, and maintaining the economic security of the state.

At the same time, Marx and Engels also theorized about the trend of globalization of the capitalist economy characterized by the world market, for example, when discussing the nature of the existence of the proletariat in *The German Ideology*, they said that "Lots of people depend solely on their own labor for their livelihood... And thus, due to competition, they are no longer temporarily deprived of work as a secure source of livelihood, they are trapped in a desperate situation, a situation which presupposes the existence of a world market". In his economics manuscripts, particularly the *Critique of Political Economy* (1857-1858 Manuscripts), Marx analyzed capital and the tendency of the world market created by capital-based production, and believed that "The condition of capital-based production is the creation of an ever-expanding sphere of circulation, whether it is the direct expansion of this sphere, or the creation within this sphere of additional locations created as sites of production"; "In essence, it is the promotion of capital-based production or a mode of production compatible with capital. The tendency to create a world market is already directly contained in the concept of capital itself. Any boundaries are expressed as limitations that must be overcome". And in *Das Kapital*, he also referred to the concept of "world market" several times. In short, Marx and Engels' series of theoretical studies on the "world market" of the capitalist economy predict that economic globalization is the inevitable result of the historical development of the world. Marx and Engels' theories on the creation of productive forces in the world market of capitalist economy also reveal the face of economic control of capitalist countries over the backward countries, which then penetrates into the political field. "... to subordinate the uncivilized and semi-developed countries to the civilized ones, the peasant nations to the bourgeois ones, and the East to the West". Therefore, Marx and Engels' historical materialistic view of history's profound exposure of the capitalist mode of production, especially its critique of the nature of capital, is

an important theoretical weapon and ideological guide for China to maintain its economic security in the face of economic globalization at present.

In terms of the driving force of economic development, Marx and Engels emphasized the importance of science. In his speech at Marx's tomb, Engels said, "In Marx's view, science is a driving, revolutionary force in history". At the same time, in the section on the production of relative surplus value in Volume I of *Das Kapital*, when dealing with the factory, Marx revealed the enormous power of science, "The local skill of the individual machine worker, which has become empty, disappears as an insignificant appendage in the face of science, in the face of the immense forces of nature, in the face of the mass labor of society. Science, the immense forces of nature, and the mass labor of society are embodied in the machine system, and together they constitute the power of the 'master'".

III. Cultural Security with Ideology as the Core. Cultural soft power is an important part of a country's comprehensive power, and ideology, as a general concept, which takes language as a carrier, is a product of society, and includes many specific forms of consciousness, such as political thoughts, legal thoughts, morality, philosophy, religion, etc., which are the reflection of life processes in the human brain [9]. Therefore, ideology should be considered as a category in the broad concept of culture. The ideology of a sovereign state is a conglomeration of ideas, values, and concepts of the ruling class that has survived and developed under a particular social system and historical conditions and that provides legitimacy for the country's political rule. Therefore, ideology is the spiritual force that maintains state power and is of vital importance to the cultural security of the state and to the overall security of the state.

Social ideology has different forms depending on different socio-economic systems; in other words, ideology is impregnated with distinct class nature. Marx and Engels eloquently explained that "The ideology of the ruling class is the dominant ideology in every age. That is to say, a class is the dominant material force in society, but also the dominant spiritual force in society. The class that dominates the material means of production also dominates the mental means of production, so that the ideas of those who don't have the mental means of production are, in general, subordinate to this class". Thus, to hold and consolidate political power, the ruling class must become not only the controller of material forces, but also the creator and dominator of the cultural and spiritual forces of society. The ideology of the ruling class, as the core of the state's culture, is an extremely important political resource. Once the ruling class loses its dominant position in ideological work, it will inevitably lead to the loss of legitimacy of the ruling class in power, which in turn will lead to regime change and the demise of political parties. Marx and Engels criticized the oppressive nature of ideology based on the division of mental and material labor, especially that "In capitalist society, the more this compulsory division of labor is developed and the more accumulation increases, the severer the division between capital and labor becomes, and

the more ideology tends to obscure the real relationships between man and man and between capital and labor in the extensive production and exchange of goods sublimated from the relationship of things". Later, in *Das Kapital*, Marx criticized the ideology of capitalist society with "commodity fetishism" as its core, pointing out that the ideology of capitalist society would inevitably be eliminated and that this historical mission would be overthrown by the proletariat with communist consciousness through a conscious revolutionary approach.

In summary, Marx and Engels' theory of ideology adheres to a thoroughly historical materialist position, "People are the producers of their own ideas, thoughts, etc. ... Consciousness can at all times only be conscious existence, and people's existence is the process of their real life". Therefore, ideology is not a force that dominates the whole real world, and its role is limited and can't go beyond its specific position in the overall social structure. "It is fundamentally subject not only to social production and economic structure, but also to the legal and political superstructure". According to the basic principles of historical materialism, ideology is a reflection of social existence, and at the same time it plays an important counteraction to social existence because of its relative independence. The most central part of a country's cultural security is the scientificity and thoroughness of its ideological theory. Marx and Engels didn't conduct a targeted and systematic study of the ideological problem in the socialist state, let alone a specific discussion of the cultural security of the socialist state. However, their historical materialist theory of ideology, which is based on a critique of the nature of capitalist social ideology, provides a theoretical source for ideological security under the socialist state form. In particular, after the Cold War, capitalist ideology in the context of "The Clash of Civilizations" (Huntington's term) attempted to penetrate socialism, which was precisely through various forms of so-called cultural packaging. On how to ensure the security of socialist ideology under the socialist state form, it is most important to return to Marx's insistence on a thoroughgoing historical materialist position.

IV. Ecological Security Characterized by the Harmony Between Human Beings and Nature. Just as Marx and Engels didn't have a systematic theory of political security, economic security, and cultural security, Marx and Engels also didn't establish a complete theory of ecological security. But Marx and Engels had rich ecological ideas, especially the interpretation of the relationship between human beings and nature reflected their rich ecological security ideas. Marx believed that nature is the "inorganic body of man" and that nature should be viewed from the perspective of man's practice. It is well known that the main issue of ecological security today still revolves around the relationship between man and nature, and the distortion of the relationship between man and nature is the root cause of the deterioration of the ecological environment.

In his *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*, Marx made a profound discussion on the relationship between man and nature, mainly focusing

on his elaboration related to the objectification of labor (i.e. alienated labor), "The object produced by labor, i.e., the product of labor, is opposed to labor as an alien existence, as a force that doesn't depend on the producer. The product of labor is the labor fixed in a certain object, materialized, and this is the objectification of labor". Later, in a detailed examination of objectification, i.e., the production of the worker, and the alienation and loss of the product in objectification, Marx stated that "Without nature, without the sensible external world, workers can create nothing. Nature is the material from which the worker's labor is realized, in which the worker's labor moves, and from which the worker's labor produces and lends itself to the production of its own products". Nature, as the "inorganic body of man", has a natural unity with man, who is a "kind of being", and the objects and tools of human labor are part of nature. But for the worker, labor is seen only as a means of earning a living. For the capitalist, the only purpose of production is to obtain profit, and nature is only the medium and means by which they obtain it. This leads to the phenomenon Marx described that "The more the worker occupies the external world, the sensual nature, through his own labor, the more he loses the means of subsistence in both respects". In this way, the relationship between man and nature is alienated into a relationship of taking and being taken, and the deterioration of the natural ecological environment is inevitable. The ideal society envisioned by Marx should be one in which man and nature live in harmony, and this has become the main feature of Marx's idea of ecological security.

Marx and Engels criticized Feuerbach's naturalism with the help of the concept of practice and raised the understanding of the relationship between man and nature to a new level. In his Theses on Feuerbach, Marx revealed that "The main shortcoming of all former materialism (including Feuerbach's materialism) is that objects, reality, and sensuality are understood only in their object or intuitive form, but not as human sensual activity, as practice". Nature, in Feuerbach's view, is "the nature that is completely detached from history" and "exists before human history". Therefore, "On such occasions, Feuerbach never speaks of the world of man, but in every case, turns to external nature, the nature which has not yet been placed under the dominion of man". Marx, on the other hand, by means of practice, sublated private property by means of the practical power of man, and saw real nature as the object of practical transformation, clearly defining the natural world in his own vision, namely, "The nature formed in the process of the emergence of human society is the nature of human reality; therefore, the nature formed through industry, albeit in the form of alienation, is the true, anthropological nature" [5]. This "nature of human reality", "anthropological nature", is the result of the practical transformation of man and is "a product of history". In *The German Ideology*, Marx and Engels made it even more clear that "The nature that precedes human history is not the nature in which Feuerbach lived". It is through practice that man and nature interact, and that unexploited nature is constantly

transformed into "humanized nature". Only this personalized nature is the "nature of human reality".

Marx and Engels looked beyond the early days of capitalist industrialization in which they lived and saw with keen insight the many problems caused by the alienation of capitalist private ownership. "Light, air, etc., even the simplest love of cleanliness in animals, are no longer needed by man. Filth, this degradation and decay of man, and the gutter of civilization (in the original sense of the word), become elements of the worker's life. The barren and the increasingly corrupt nature, which are totally contrary to nature, become the elements of his life". Moreover, Engels noted that "We must not become too enamored of our victory over nature. For each such victory, nature has retaliated against us... We must remember at every step we take: We must not dominate nature as conquerors dominate foreigners. We must not dominate nature as if we stood outside it – Rather, we belong to it and exist in it, and we, together with our flesh, blood and mind, belong to and exist in nature. Our entire dominion over nature lies in the fact that we are superior to all other creatures and are able to recognize and correctly apply the laws of nature" [6].

V. Conclusion. To sum up, Marx and Engels' idea of ecological security is mainly centered on the harmony of the relationship between man and nature [10]. Man is a part of nature and can't blindly dominate it, but should respect it and transform it within the limits of nature. As Marx said in his analysis of the duality of labor in commodities in *Das Kapital*, "The various commodities are a combination of two elements, natural matter and labor. If one excludes the sum of the different kinds of useful labor contained in tops, sackcloths, etc., there remains a material substrate that exists naturally without the aid of human power. Man can only function in production as nature itself does, that is, he can only change the form of matter. Not only that, but he has to rely constantly on the help of natural forces in this labor of changing forms itself" [7]. Marx and Engels saw man and nature as a practical relationship, a relationship established through human labor, and emphasized the ultimate harmony and unity between the two, "Humans and nature are fundamentally unified, not opposed. This is a major premise for us to improve the relationship between man and nature" [8]. The future communist society will be a society where man and nature live in harmony.

REFERENCES:

1. *Karl Marx and Frederick Engels*. Karl Marx Frederick Engels Selected Works. Vol. 2. Beijing: People's Publishing House, 2012.
2. *Karl Marx and Frederick Engels*. Karl Marx Frederick Engels Selected Works. Vol. 3. Beijing: People's Publishing House, 2012.
3. *Karl Marx and Frederick Engels*. Karl Marx Frederick Engels Selected Works. Vol. 2. Beijing: People's Publishing House, 1995.

4. *Karl Marx and Frederick Engels*. Karl Marx Frederick Engels Collected Works. Vol. 21. Beijing: People's Publishing House, 1965.
5. *Karl Marx*. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Beijing: People's Publishing House, 2000.
6. *Karl Marx and Frederick Engels*. Marx Engels Collected Works. Vol. 9. Beijing: People's Publishing House, 2009.
7. *Karl Marx and Frederick Engels*. Karl Marx Frederick Engels Selected Works. Vol. 2. Beijing: People's Publishing House, 1995.
8. *Lin Yuan*: "Marx Entering the New Century", Anhui People's Publishing House, 2003.
9. *Yu Wujin*. On Ideology, Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 1993.
10. *Zhang Yuanxin, Liu Xuguang et al.* Research on the National Security Thought of the Communist Party of China. Shanghai: Fudan University Press, 2019.

Д. УРОЛОВ

независимый исследователь

Института социальных и духовных исследований
при Республиканском центре духовности и просвещения,
Республика Узбекистан, г. Ташкент

ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ: ЕЕ ГЕНЕЗИС И НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Данная статья посвящена понятию глобальной идеологии и ее генезису. Автор анализирует основные аспекты транснациональной массовой культуры, пути решения проблемы мирового масштаба, место и роль международных организаций в устойчивом развитии стран в эпоху глобализации. Рассмотрены основные принципы и мировоззренческие установки идеологий с целью показать полноту идеологических представлений о путях урегулирования и разрешения социальных конфликтов. В этих условиях идеологии превращаются в особую разновидность симулякров символического поля политики, выступая в качестве своеобразных маркеров, позволяющих осуществлять различение своих и чужих, друзей и врагов, а также служащих для мобилизации целевых аудиторий и групп поддержки различных PR проектов.

Ключевые слова: глобализация, транснациональная массовая культура, мультикультурные сообщества, международные организации.

В XXI веке человечество проявляет свою уникальность тем, что добивается успехов в приобретении научно-технических достижений. Передовые страны мира активизируют новые научно-практические открытия. Такие страны, как США, Япония, КНР, Россия, Англия, Германия, обладающие большим производственным потенциалом, внедряют самые передовые технологии и проводят экономические, социально-политические реформы. Авторитетные системы управления с широкими возможностями, такие как ООН, ВТО, НАТО, Шанхайская организация сотрудничества, прямо или косвенно участвуют в изменениях, происходящих в том или ином регионе мира. Проблемы мирового масштаба уже вышли за рамки одностороннего решения в процессе глобализации. На этом этапе ни одно государство не может подходить к вопросам в одностороннем порядке. Технические устройства, работающие на основе передовых, современных технологий,

как продукт человеческого сознания, достигают возможности полного контроля над земным шаром, космосом, окружающим миром. В прошлые века события имели место в истории как прошлое. Новая мысль, новое сознание делает смелый шаг к будущему в Новом Свете. На этом этапе, чтобы дать определение понятию «глобальная идеология», необходимо, прежде всего, описать процесс, который сделал возможным появление этого понятия. В социологической науке понятие «глобализация» обозначает широкий спектр явлений и тенденций. К ней относятся: развитие мировых идеологий и наличие постоянной борьбы за наведение порядка в мире; рост влияния и численности международных организаций, ослабление суверенитета национальных государств; возникновение и развитие транснациональных корпораций, рост международной торговли; интенсивная массовая миграция и формирование мультикультурных сообществ; создание средств массовой информации планетарного характера и экспансия западной культуры во все регионы мира и т.д. Анализируя вышеуказанные тенденции, можно сделать вывод, что они носили характер синхронных социальных изменений начала и середины XX века. Позволяет охарактеризовать их как социокультурные сдвиги в соответствии с особенностями происходящих изменений. Первой тенденцией в соответствии с теориями глобализации является – усиление глобальных экономических процессов. По статистике, качественные изменения в международной торговле произошли именно в XX веке. В мире в 1950-е годы возникла тенденция к формированию транснациональной экономики, что выразилось в усилении международного разделения труда, интенсивном росте количества и объемов ТНК, возникновении мировых рынков торговли различными ресурсами (сырьем, рабочей силой, финансовыми активами и др.).

Вышеуказанные тенденции в современной науке называются экономической глобализацией. Второй тенденцией считается формирование сферы транснациональной политики. По статистике, параллельно с экономической глобализацией в середине XX века возникла «революционная международная бюрократия», что, в свою очередь, выразилось в увеличении числа межгосударственных и неправительственных международных организаций. При этом наряду с количественными изменениями происходили и качественные изменения, выражавшиеся в появлении новых целей в деятельности международных организаций. Если в конце XIX – начале XX вв. эти организации были ориентированы на решение государственных проблем (право народов на самоопределение, Защита национально-государственного суверенитета, предотвращение межгосударственных конфликтов и др.), то с середины XX в. – на решение гуманитарных проблем в своей деятельности (защита прав человека и интересов этнокультурных меньшинств). Приоритетными стали такие функции, как предотвращение геноцида, предотвращение глобальных катастроф и т.д. Предоставление международным

организациям полномочий решать гуманитарные проблемы означало отказ от определенных областей государственного суверенитета в пользу этих организаций. Международные организации можно разделить на два типа: межправительственные организации, действующие на международном уровне (ООН, ЮНЕСКО, Всемирный банк и др.), и неправительственные организации, действующие на национальном уровне, но на территории многих государств (Green Peace, Amnesty International), среди прочего.

Таким образом, «в середине XX в. возникает противоречие между старым и новым видами политики, характеризующееся, соответственно, принципами «закрытости», основанной на принципе национально-государственного суверенитета, и «открытости», основанной на принципе национально-субнациональной взаимозависимости». Другой тенденцией, относящейся к теориям глобализации, является быстрое развитие средств коммуникации. С середины 1920-х гг. началось радиовещание на коротких волнах, с начала 1960-х гг. развивалось телевизионное вещание через орбитальные спутники, а с начала 1970-х гг. началась история компьютерных сетей. Процесс связи устранил зависимость от определенных координат. Этот процесс возникновения мировых СМИ предопределяет возникновение тенденции возникновения транснациональной массовой культуры. Своеобразие этого типа культуры определил Ж.Ф. Лиотар. Он называет эклектику отправной точкой современной культуры.

Транснациональная массовая культура характеризуется двумя основными аспектами. Во-первых, это распространение общих для всех семиотических, эстетических и поведенческих паттернов через глобальные медиасети (CNN и MTV) и ТНК (Coca-Cola и General Motors), во-вторых, внедрение в повседневную жизнь людей элементов иных культур. например, верования западных стран и привнесение характерных для культуры обычаев в восточную культуру). Возникновение тенденции возникновения транснациональной популярной культуры произошло почти одновременно со сдвигами направления развития в экономике и политике. Быстрое развитие средств массовой информации спровоцировало столкновение идеологий, «отвергающих ценности, символы и модели поведения других культур». Столкновение идеологий вовлекло различные культуры в процесс насильственного взаимодействия, в результате чего широко распространились ценности, символы и модели поведения доминирующих культур, которыми к концу холодной войны были культуры Северной Америки и Запада. Европа. В результате этих экспансий возникли культурные гибриды, т.е. сплав западных культурных ценностей и традиционных культур. Эти гибридные культуры распространяются за пределы страны их происхождения как через транснациональные СМИ, так и мигрантами. Экспансия транснациональной культуры и распространение гибридных культур привели к возникновению явления мультикультурализма,

закрывающегося в сосуществовании разных культур на территориях национальных государств. В отличие от монокультурализма, характерного для конца XIX – начала XX вв., когда доминировала культура этнического большинства, а этнокультурные меньшинства ассимилировались как субкультурная общность, мультикультурализм признавал плюрализм культурных традиций, а не их отрицание или иерархию.

Таким образом, разница между старым (до середины XX века) и новым (со второй половины XX века) типами культуры очевидна, и они делятся на такие типы как «закрытость» по принципу монокультурности и «открытости» на основе принципа мультикультурализма.

Сохранение общечеловеческих традиций, сохранение их, обычаев, быстрый прогресс, неуклонное развитие к социально-экономическому совершенству проявляет общее стремление более чем семи миллиардов людей, живущих на земле. Прошлое земли было свидетелем многих кризисов, войн и кровопролития. В сегодняшнюю эпоху глобализации перед человеком, обладающим интеллектом, стоит задача сохранить духовное богатство, доставшееся нам от предков, для следующего поколения. Судьба человечества и цивилизации зависит от того, какие выводы человечество сможет сделать из своего прошлого. Насколько разрабатываемые планы, создаваемые доктрины соответствуют интересам человечества и глобализации, определяют окончательные результаты нынешних реформ. Что должно сделать человечество, чтобы сохранить свою цивилизацию? – вопрос очень важный и актуальный. Безусловно, глобализация – это необратимый процесс, происходящий во всем мире. Глобализация не означает утраты национальной идентичности. Мировая цивилизация чтит уникальные традиции, культуру и духовные ценности разных народов. Каждый из них имеет право жить и процветать. Однако человеческому обществу, стране или странам, нации или нациям не подобает навязывать глобализацию другим на основе собственного менталитета. В таком случае нетрудно понять, что если этот процесс с одной стороны выгоден, то с другой стороны он причинит серьезный вред, скомпрометирует древние ценности, а народ превратится в «массу», которая утративший свои корни, и «манкурт», потерявший свою национальную идентичность. Для того чтобы правильно понять и понять сущность каждого периода, закон развития, важнее всего определить процессы и понятия, определяющие содержание периода. Сегодня понятие глобализации, которое широко используется в нашей жизни в социальной, политической, культурной и духовной сферах, вызывает интерес у многих политиков, философов и ученых. Время доказывает, что прав был французский философ Рене Декарт, сказавший: «Проясните значение понятий, и это уберезет половину человечества от заблуждения». По словам Первого Президента Ислама Каримова, сегодня мы живем в чрезвычайно насыщенной и сложной цивилизации, которая быстро меняется и принципиально

отличается от тех времен, которые до сих пор переживало человечество, называя ее разными именами. Кто-то называет его эпохой высоких технологий, кто-то трактует как век мышления, а кто-то как век всеобщей информации. Конечно, во всех этих мыслях есть определенная истина, рациональное ядро. Потому что естественно, что каждый из них отражает какую-то примету сегодняшней яркой и красочной жизни. Но в сознании многих этот период является эпохой глобализации. Такое определение наиболее точно выражает суть дела. Почему не секрет, что в сегодняшний информационный век, что бы ни происходило в любой части мира, люди сразу узнают об этом в другой части мира. Именно поэтому, говоря о феномене глобализации, этот термин имеет очень широкое значение как научно-философское, жизненное понятие. Термин глобализация впервые был использован в статье американского ученого Т. Левитта в 1983 г. в журнале *Harvard Business Review* как фактор, вызвавший изменения в экономической сфере в начале 80-х годов XX века. Процессы интеграции различных товарных рынков, производимых крупными транснациональными корпорациями, он назвал «глобализацией». В этом определении Т. Левитта внимание уделяется только экономическим аспектам процесса глобализации. На самом деле глобализация охватывает целостные процессы. Российский исследователь С. Честякова, в свою очередь, раскрывает специфику определения глобализации, среди прочего, она говорит: «глобализация, прежде всего, носит характер объективно-исторических процессов, направленных на удовлетворение потребностей современной цивилизации;

– во-вторых, это интеграция процессов, отдающих приоритет самостоятельности государства и нации при совершенствовании и усложнении социальных факторов. Прежде всего, он создает деятельность со структурой интернационального организма в экономике, политике, праве, технике, технологиях, информации и других областях управления;

– в-третьих, в результате этих процессов изменятся социальные основы обеспечения существования человека и общества.

Кроме того, представлены следующие три измерения процесса глобализации, данные французским исследователем Б. Банди:

- глобализация – непрерывный исторический процесс;
- глобализация – процесс гомогенизации и универсализации мира;
- глобализация – это процесс размывания национальных границ.

Известный американский политик Г. Киссенджер сказал в своей лекции в Тринити-колледже в Дублине, Ирландия, 12 октября 1999 г.: «Явление, обычно называемое глобализацией, на самом деле является просто другим названием гегемонии Соединенных Штатов». Претендуя на роль арбитра мировой экономики и политики, США используют самые изощренные и вместе с тем самые мощные средства мирового господства.

Глобализация – это процесс экономико-политической, культурной интеграции и объединения (конвергенции) всего мира. Его основными чертами являются международное разделение труда, свободное движение капитала, рабочей силы и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также интеграция и сближение культур разных стран. Это объективный процесс, имеющий системный характер, охватывающий все сферы жизни общества. Потому что мы живем во времена, когда, по словам А. Тойнби, человечество начинает жить «общим домом», «общей судьбой» и «общими заботами», словом, происходят процессы, называемые глобализацией.

Ученые и политики нашей страны также высказывают свое мнение о понятии глобализации. В этом смысле, по мнению политолога С. Отамуродова, «глобализация означает процесс обобщения во всех сферах жизни государств и народов» [5. С. 14].

Как отмечает политолог Н. Жураев, «в настоящее время она характеризуется не только какими-то абстрактными положительными моментами, но и тем, что порождает глобальные проблемы современности» [2. С. 221].

По мнению ученых, глобализация имеет ряд положительных сторон, в том числе:

– создает серьезную базу для решения проблем, тесно связанных с экономическим развитием стран;

– создает международную конкуренцию, что вызывает углубление специализации и международного разделения труда наряду с расширением рынка; Это приводит к повышению эффективности работы, что наблюдается в результате широкого распространения и конкурентного давления, направленного на внедрение инноваций в глобальном масштабе. Однако глобализация имеет не только положительные результаты, но и присущие ей противоречия, а значит и отрицательные результаты.

В заключение, как отметил глава нашего государства Шавкат Мирзиёев: «Нынешняя эпоха глобализации, которую мы переживаем, меняется очень быстро и с большим количеством разнообразных угроз ставит перед нами чрезвычайно сложные задачи, которые нельзя откладывать».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авазов К.Х.* Идеологические угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе, и их взаимосвязь // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4.
2. *Жураев Н.* Тарих фалсафасининг назарий асослари. Тошкент: Маънавият, 2008.
3. *Иванов Д.В.* Эволюция концепций глобализации // Телескоп. 2003. № 4.

4. Мирзиёев Ш.М. Эркин ва фаровон, демократик Ўзбекистон давлатини биргаликда барпо этишимиз. Тошкент: Ўзбекистон, 2016.

5. Отамуродов С. Тажовуздан сақланиш йўли. Тафаккур, 2006. № 2.

6. Пахрутдинов Ш.И. Угрозоустойчивое общество в качестве фактора развития государства и общества // Конфликтология. 2016. № 4.

7. Чистякова С.С. Глобализация культуры: генезис, типология, современные аспекты: дис. канд. филос. наук. Белгород, 2007.

D. UROLOV

Independent researcher

Institute for Social and Spiritual Research

at the Republican Center for Spirituality and Education,

Tashkent, Republic of Uzbekistan

THE CONCEPT OF GLOBAL IDEOLOGY: ITS GENESIS AND SCIENTIFIC ANALYSIS

This article is devoted to the concept of global ideology and its genesis. The author analyzes the main aspects of transnational mass culture, ways to solve the world-wide problem of the place and role of international organizations in the sustainable development of countries in the era of globalization. The basic principles and ideological attitudes of ideologies are considered in order to show the polarity of ideological ideas about ways to resolve and resolve social conflicts. In these conditions, ideologies turn into a special kind of simulacra of the symbolic field of politics, acting as a kind of markers that allow distinguishing between their own and others, friends and enemies, as well as serving to mobilize target audiences and support groups for various PR projects.

Key words: *globalization, transnational mass culture, multicultural communities, international organizations.*

М.С. ГРИГОРЬЕВ

*кандидат политических наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, г. Москва*

РАСИЗМ И ГЕНОЦИД В ИДЕОЛОГИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (ЧАСТЬ I)

В статье автор анализирует идеологию украинского национализма. Исследует ее истоки и основное содержание формирования идеологии украинского национализма, составляющие идеологии украинского национализма, включая самые радикальные. Выявляет, что украинский расизм с идеей превосходства «украинской нации», а также связанная с ними политика расовой дискриминации и геноцида являлись одним из основных принципов идеологии и практики украинского национализма, начиная с самого начала его формирования в начале 20-го века. Более того, многое из того, что в дальнейшем стало частью нацистской расовой политики, пропагандировалось и претворялось в жизнь украинскими националистами до немецких нацистов.

Ключевые слова: *расизм, национализм, украинский национализм, идеология.*

Под расизмом обычно понимают доктрину и политико-идеологическую практику, исходящую из представления, что человечество состоит из принципиально различных видов (рас человека, этнических общностей и т.п.) или строго дифференцированных групп, иерархически соподчиненных друг другу т.е. когда одни из которых врожденно превосходят другие (1) (4).

Как будет показано ниже украинский расизм с идеей превосходства «украинской нации» (нередко националисты настаивали на понятии «украинская раса») (2), а также связанная с ними политика расовой дискриминации и геноцида являлись одним из основных принципов идеологии и практики украинского национализма, начиная с самого начала его формирования в начале 20-го века. Более того, как будет показано ниже, многое из того, что в дальнейшем стало частью нацистской расовой политики, пропагандировалось и претворялось в жизнь украинскими националистами до немецких нацистов.

Еще в 1904 году одним из идеологов украинского национализма, лидером Украинской народной партии Николаем Михновским были предложены «10 заповедей Украинской народной партии». Эти «заповеди» носят предельно расистский и нацистский характер: «Украина – для украинцев! Итак, выгони отовсюду с Украины чужаков», «москали (русские), ляхи (поляки), венгры, румыны и жида (еврей) – это враги нашего народа», «Всегда и везде используй украинский язык. Пускай ни жена твоя, ни дети твои не оскверняют твой дом языком чужаков-угнетателей».

Важно отметить, что один из принципов видного идеолога украинского национализма Михновского – «Не бери себе жену из чужаков, поскольку твои дети будут тебе врагами» был предложен за 30 лет до нацистских Нюрнбергских законов о «защите немецкой крови», который также запрещал браки между евреями и немецкими гражданами, а также вводил уголовную ответственность за отношения между этими группами, называя их «расовым загрязнением». В дальнейшем Организация украинских националистов также стала называть это преступлением и подвергать за это казни. На современной Украине в честь Михновского переименована улица в Харькове и Львове. В Туровке, на родине Михновского, в его честь названа центральная улица, а в 2013 году в связи со 140-летием установлен памятник» [21].

Сделаем важное отступление от хронологического изложения хода и содержания формирования идеологии украинского национализма – ни одна из составляющих идеологии украинского национализма, включая самые радикальные ни в какой мере не оставались отвлеченной теорией, их носители делали все, чтобы притворить их в жизнь. Например, активист Организации украинских националистов Николай Суховерский вспоминает о том, как следуя принципам Михновского, они использовали расовый подход и навязывали этническое разделение среди украинских студентов в Черновцах, которые тогда входили в состав Румынии: «Мы решили, что ни одному члену студенческого братства Запорожья не разрешается жениться на чужой девушке – не украинке. Это решение было принято на основе «Декалога» Николая Михновского, напечатанного в «Самостийной Украине» и в котором говорилось: «Не выходи замуж за иностранца, так как твои дети станут твоими врагами». Следует признать, что украинцы, женившиеся на румынских девушках, конечно, переставали быть хорошими украинцами, а их дети стали напрямую принадлежать к румынской культуре. Я сделал два предложения: 1) если мы хотим сохранить наш порядок, то никаких чужих мы не приглашаем на наши праздники или танцы; 2) мы должны приглашать украинских девушек только из крестьянских дворов из окрестностей» [19].

В 1944 году авторы брошюры Организации украинских националистов «Нация как биологический вид», ссылаясь на труды украинского профессора

С. Рудницкого, пишут о том, что смешанные браки – преступление, которое должно быть наказано: «Украинская нация против смешанных браков и рассматривает их как преступление ... Состав наших семей должен быть украинским (отец, мать и дети). Семья – это важнейшее органическое единство, высшая ячейка национального коллектива, и поэтому мы должны сохранить ее чисто украинской» [20].

Во время Второй мировой войны борьба украинских националистов за «чистоту украинской расы» согласно «заповедям» расиста Михновского стала носить совершенно зверский характер, вплоть до того, что одни украинские националисты заставляли других убивать собственных жен, если они были русскими, поляками или евреями. Приведем отрывок из воспоминаний П. Вершигоры – заместителя знаменитого партизана, генерала С. Ковпака:

«Я соскочил с повозки и зашагал по твердой обочине прибитой дождями, поросшей подорожником. Ко мне подошел Васыль с Горыни. Похлопывая моего коня по шее, он тихо сказал:

– Добрый коник. А возница наш вам уже рассказал? Про детей и про жинку?

– Рассказал. Как они могут... детей...

– Так он же сам их и убил...

Васыль тихо заговорил:

– Я знаю его. Он у Черного Ворона связным был. Я до вашего Швайки, по заданию Сабурова, в цих краях был. Тоже по связи работал. Он у них образованным считался. Книги про «вильне казацтво» читав. Пошел было даже на повышение... А потом вышел у них приказ: резать поляков... А у него жена Рузя. Кругом всех вырезали. Он своих на первых порах спас. Еще и сестру жены и матку к себе перевез. Это их и погубило. Думали – никто не тронет. А тут приехали эти главные. Куркульские сынки – они все по штабам сидят. «А ну, дружэ, доказывай нам, что ты щирый украинец...» И заставили: сначала жинку своими руками... А потом в раж вошли: «И детей рубай!» – говорят. А он не смог. Так они на его глазах ребятишек кончили. Он долго потом вроде сумасшедшего был, два раза его из петли вынимали. Така-то у нас тут самостийна Украина! – сказал он с горечью и презрением» [1].

Этот зверский пример не был чем-то экстраординарным, а скорее примером имевшей место расистской практики украинских националистов, что подтверждено целом рядом свидетельств и историков. Польский историк Гжегож Мотыка пишет: «Во время этнических чисток поляков в 1943 и 1944 годах руководство Украинской повстанческой армии (военизированная часть Организации украинских националистов) требовало, чтобы украинцы, состоящие в смешанных браках, убивали своих супругов и детей» [18].

Возвращаясь к хронологическому изложению истории украинского национализма необходимо отметить, что в полном соответствии с его концепциями они масштабно участвовали в геноциде русских в Галиции во время Первой Мировой войны. Общественный деятель, композитор, житель Галиции И.И. Терех пишет: «В самом начале этой войны австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами». Именно после физического уничтожения (при активном участии украинских националистов) русской интеллигенции и активной части гражданского общества Галиции эта территория превратилась в оплот украинского национализма.

Очередной геноцид, организованный украинскими националистами имел место после того, как они пришли к власти в Киеве в 1917 году. Только при одном Симоне Петлюре (который в начале был одним из пяти директоров, а затем председателем Директории, которая руководила Украиной) по данным Красного креста его войсками были убиты более 50 тысяч евреев. Этот геноцид поддерживался пропагандой украинских националистов. Например, историк Н. Полетика отмечает, что «погромные статьи известного украинского политического деятеля А. Никовского в газете «Нова Рада» (орган украинских социалистов-федералистов) в январе и марте 1918 г. еще более убедили украинскую интеллигенцию села и крестьян в безнаказанности действий против евреев». Отметим, что А. Никовский был заместителем председателя Центральной Рады Украины, а в 1920 году занимал должность министра иностранных дел в правительстве Украинской народной республики. На современной Украине в честь убийцы евреев С. Петлюры в Киеве переименована одна из центральных улиц, в его честь также названа улица в Ровно, Броварах, Борисполе, Фастове и др. населенных пунктах.

Интересно отметить, что расист и антисемит С. Петлюра, войсками которого были убиты десятки тысяч евреев, придерживался и крайней степени русофобии. В книге историка А.И. Баканова приведены красноречивые высказывания о российской культуре бывшего руководителя украинского националистического правительства: «нездоровый смрад и гнилье московской азиатчины с ее рабской покорностью или максималистскими тенденциями», «после коммунистических экспериментов колодец московской культуры стал вонять больше». С. Петлюра писал, что царская Россия и коммунистическая «представляют собой только разные формы московской деспотии и империализма».

Ученик М. Грушевского, идеолог украинского национализма Степан Рудницкий продолжил многие из его идей. В 1923 году вышла его «К основам украинского национализма», где он прямо пишет о превосходстве украинской расы, которая якобы также как и немцы относится к арийским народам: «Украинцы принадлежат к так называемой арийской или динарской

расе. Их отличает высокий рост, большой объем груди при стройной осанке, длинных ногах и сравнительно коротких руках, круглая форма черепа, лицо широкое, хотя не скуластое, а удлинненное, преимущественно в нижней части, с прямым и узким носом. Цвет кожи преимущественно смуглый, глаз и волос преимущественно темный... Что касается телесной силы и красоты, не могут ни москали, ни поляки, ни мадьяры, ни жида равняться с украинцами, как и в плодовитости», а также то, что у древних украинцев якобы были общественно-политические отношения «присущие всем арийским народам» [15. С. 52, 76, 104].

Под расистскую идею превосходства украинской расы он подводит базу в видео описания расовой неполноценности евреев в том, что они якобы «физически, безусловно, слабее украинцев, смешивание с ними может только случайно дать физически надежный приплод», «цинизм в половых вопросах, мамонизм во всех социальных и экономических отношениях, преждевременная умственная зрелость, которая тормозит дальнейшее надежное интеллектуальное развитие, затем поверхностность, склонность к доктринерству в науке, в литературе и другом искусстве».

Таковыми же расово неполноценными он считает русских: «русская умственная культура отличается сильно выраженной поверхностностью. Эта поверхностность видна и в материальной культуре, и в науке, и в формах общественной жизни, и в политике, и в решении общественных и экономических вопросов... Зато нигде не встретишь такого пустомельства и болтовни, таких громких фраз и общих мест» и «украинская громада – это свободололюбивое народоправное общество, ... москали – вечные невольники и деспоты» [16. С. 71-72].

Через 13 лет после выхода расистской книги украинского националиста С. Рудницкого – на праздновании 10-й годовщины Национал-социалистической студенческой лиги Германии в 1936 г. А. Гитлер сказал: «Белая раса призвана управлять. Она обладает беззастенчивой потребностью управлять». С октября 1939 г. под руководством Г. Гиммлера начал работу Рейхскомиссариат по укреплению немецкой народности. Это ведомство разрабатывало планы колонизации захваченных территорий, депортации и уничтожения «расово-чуждых элементов» [3. С. 105-106].

Подобно нацистам С. Рудницкий в книге «К основам украинского национализма» прямо пишет о том, как надо обеспечивать чистоту «украинской расы»:

«...наше крестьянство бережет чистоту украинской расы против чужих расовых примесей. Смешивание с русскими даже в пограничных областях очень редкие, с поляками так же (когда мы не считаем поляками латинян-украинцев), смешанных браков с иудейским элементом народная психика не может себе просто представить», «Для украинцев полезной является комбинация с северной расой (скандинавы, подавляющая часть англосаксов,

немцы) и с родственными с нами расово южными славянами и чехами. Зато неполезными являются комбинации с поляками, русскими, румынами, туркотатарами, жидами и т.п.» [15. С. 62] и «Смешения с расово более достойными народами (скандинавы, англосаксы, немцы и славянами адриатической расы очень редки среди нашей интеллигенции. Жалко! Прибыль от этого была бы огромной» [15].

Легко увидеть, что такого рода идеи абсолютно аналогичны тому, о чем было написано в «Майн Кампф» Адольфа Гитлера: «При каждом кровосмешении арийца с более низкими народами в результате приходил конец носителю культуры» и «Все великие культуры прошлого погибли только потому, что изначально творческая раса погибла от отравления крови» [2].

С. Рудницкий не случайно был учеником М. Грушевского – многие из его расистских и русофобских теорий были основаны на работах последнего, который во всех своих книгах пытался доказать превосходство украинцев над русскими. Начиная с искусственно и антинаучно выдуманной древней истории украинцев, которые якобы происходили из племени антов, противоречащей историческим фактам теории о том, что татаро-монгольское нашествие незначительно затронуло украинцев (в действительности – было разрушительным для Киева и многих других мест). Именно М. Грушевский пытался утвердить превосходство украинцев над русскими, продвигая теорию о том, что украинцы, которые пронесли свою «чистую кровь» без каких-либо смешений с ними и другими народами, теории о том, что русские произошли от татаро-монголов, финнов и мордвы. Для этого же он приписывал вымышленной ранней украинской народности всю историческую заслугу в развитии древнерусской культуры, языка, религии, социальной структуры и хозяйства. Историк Н.И. Ульянов еще в 1966 г. писал о М. Грушевском: «Ни циклопических сдвигов в судьбах народов под влиянием нашествий, вроде гуннского или татарского, ни перемены имен, ни смешения кровей и культур, ни переселений естественных и насильственных, ни культурной эволюции, ни новых этнических образований не существует для него. Украинская нация прошла через все бури и потопа, не замочив ног, сохранив свою расовую девственность, чуть не от каменного века ... Как известно, татарское нашествие было особенно опустошительным для русского юга... М. Грушевский посвятил обширный том, около 600 страниц, в доказательство неправильности версии о запустении Украины при Батые. Историческая наука невысоко ценит это исследование» [4. С. 293].

Этот расистский подход опирался на убежденность украинских националистов в расовом превосходстве своей нации. Для подкрепления этого убеждения на протяжении многих лет, начиная с М. Грушевского, украинскими националистами распространялись целый ряд антинаучных теорий: 1) в биологическом и антропологическом плане украинцы являются резко отличной от русских и белорусов нацией; 2) украинская нация является

единой и моногенной, сохранившейся без какого-либо смешения крови на протяжении тысяч лет.

Интересно отметить, что на фоне активно распространяемых украинскими националистами мифов об отдельной и превосходящей русских и белорусов украинской расе или нации в действительности ничего подобного не было. Например, показательными являются свидетельства генерала-хорунжего Украинской народной республики, который в своих воспоминаниях откровенно рассказывает [17. С. 15]:

«Для начала собрали вместе солдат – уроженцев Волынской, Подольской, Киевской, Холмской, Херсонской, Екатеринославской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний. Собралось тысяч семь.

Тютюнник крикнул: «– Кто из вас украинцы, поднимите руки повыше! Поднялось не больше трехсот рук. – Малороссы! Поднимите руки! Около половины присутствовавших подняли руки. – Хохлы! Поднимите руки! Тогда подняла руки добрая треть».

В дальнейшем именно антиисторические воззрения М. Грушевского о превосходстве чистой крови древней украинской нации и татаро-монгольском происхождении русских развились в расизм и русофобию украинских националистов в самых грубых формах, за которыми уже следовало их участие в геноциде. В середине войны в обращении Штаба Украинской повстанческой группы «Озеро» (3) к населению указано: «Врожденная ненависть Москвы к Украине говорит москалям мстить нашему народу за их более низкий культурный и духовный уровень. Ведь такое поведение можно было увидеть только у наполовину диких, деморализованных племен азиатских кочевников» [12. 577-580]. А еще в 1941 году издания украинских националистов распространяли следующее русофобское стихотворение: «Ти монголко не лайся, На Україну не пхайся, Ми с тобою не рівня, Ти азійська свиння, З довгим рилом, з довгим рилом» [13. С. 17]. В переводе на русский: «Ты монголик не ругайся, На Украину не лезь, Мы с тобой не равня, Ты азиатская свинья, С длинным рылом, с длинным рылом» [13. С. 17].

Интересно отметить, что как и во многих других случаях, когда украинский национализм предлагал нацистскую практику задолго до самих нацистов, С. Рудницкий предлагал провести принудительную стерилизацию людей с заболеваниями за 10 лет до программы стерилизации, которая была принята Адольфом Гитлером. Начало этой программы началось с собственноручно подписанного им в 1933 году закона «Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями». Стерилизация осуществлялась посредством вазэктомии и перевязки маточных труб. Ровно эти методы и предлагались С. Рудницким в написанной им в 1923 году книге «К основам украинского национализма», в которой он прямо пишет: «Надо бороться за то, чтобы к браку и размножению допускались только

здоровые», для других он предлагает «принудительную стерилизацию» [15. С. 79].

В своей работе «Обзор национальной территории Украины» С. Рудницкий также прямо претендовал на русские земли. Приведем фрагмент из анализа А.И. Баканова, который в своей книге «Ни кацапа, ни жида, ни ляха» Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов 1929-1945» провел подробный анализ его экспансионистских запросов, считая, что «целиком украинскими землями являются не только Кубань и Новороссия, но также Ставропольщина, Теречный район, большая часть Астраханщины. В состав этнографической Украины, по Рудницкому, входил также «Украинский Кавказ (Дагестан и часть Баку)». В основу таких границ С. Рудницкий положил этнолингвистический принцип – эти земли были украинскими, поскольку на них селились украинские поселенцы, говорившие на украинском языке. Однако в тех случаях, когда лингвистические данные говорили против украинскости земель, Рудницкий использовал антропологические аргументы. Так, в пользу того, что говорившие по-русски донские казаки на самом деле украинцы, по его мнению, свидетельствовало то, что они были по «антропологическому типу украинцы». Согласно Рудницкому, украинцы также составляли большинство населения на Алтае и на Тянь Шане, в Челябинском, Курганском, Бийском уездах, бывших Семипалатинской и Семиречинской, Акмолинской губерниях» [14].

С. Рудницкий также проповедовал теорию «природной территории» или «жизненного пространства» украинской нации. Легко отметить, что такая терминология аналогична нацистским понятиям и термину «Lebensraum im Osten» (Жизненное пространство на Востоке), которое использовалось для оправдания агрессии против России.

Используя смягченные выражения, немецко-польский историк Гжегож Россолински-Либе отмечает, что именно «такой расизм сильно повлиял на идеологию и политику ОУН и УПА, члены которых читали сочинения Михновского и Рудницкого и адаптировали их содержание под собственные нужды. Это также значительно повлияло на массовое насилие, проводимое украинскими националистами до, во время и после Второй мировой войны». Фактически речь идет о том, что именно эта идеология реализовалась в виде геноцида и массовых этнических чисток, которые организовывали украинские националисты.

Шведско-американский историк, профессор Лундского университета Пер Андерс Рудлинг пишет: «ОУН приняла крайний расистский подход, в значительной мере заимствованный у нацистских расовых теоретиков Альфреда Розенберга и Ганса Гюнтера. «Расология – ключ к мировой истории, овладение расой – путь к мировой политике». Особенно серьезно националистами рассматривались вопросы приверженности расовой чистоте

и сохранения расы, которые продвигали национальное сознание в область управления межполовыми отношениями в их воображаемом сообществе».

Напомним, что «Майн Кампф» А. Гитлера был опубликован только в 1925 году, а «Миф двадцатого века» был написан А. Розенбергом в 1930 году – с исторической точки зрения украинские националисты стали придерживаться нацистского расистского подхода, включая идею превосходства и чистоты «украинской расы», Нюрнбергских расовых законов, практике геноцида и этнических чисток задолго до немецких нацистов.

В 1926 году во Львове книге вышла книга Дмитрия Донцова «Национализм», которая стала одной из основных в украинском национализме и была принята Организацией украинских националистов в качестве своей идеологии. Значение идеологических трудов и самого Д. Донцова для Организации украинских националистов хорошо видно из того, что когда в 1941 г. бандеровцы пытались провозгласить воссоздание Украины на территории оккупированного немцами Львова именно Д. Донцову С. Бандера предлагал стать ее номинальным «президентом».

На протяжении десятилетий Д. Донцов был на содержании немцев, а затем немецких нацистов. Еще во время Первой мировой войны он оказывал помощь австро-венгерским войскам, призывая украинских националистов воевать на их стороне. В 1914 году он возглавил в Берлине Украинскую информационную службу. В изданной им брошюре «Украинское государство и война против России» он призывал к расчленению России. В дальнейшем Д. Донцов был открытым сторонником нацизма и фашизма. Его идеологические воззрения хорошо прослеживаются по содержанию журнала «Вестник», главным редактором которого он был назначен по рекомендации руководителя Украинской войсковой организации Е. Коновальца с 1922 года.

Также как и другие украинские националисты Д. Донцов исповедовал идеи превосходства украинской расы над русской. Еще в 1920-х годах он писал, что украинскую культуру, якобы, отличали индивидуализм, а русскую – «идеалы орды (охлократии и деспотизма), порабощение единицы и космополитизм» [7. С. 109].

Одна из статей Донцова в журнале носила характерное название «Чи ми фашисти?» (Фашисты ли мы?) [5]. На этот вопрос в ней дается однозначный ответ: «Политический и морально психологический дух, которым дышат украинские националисты, бесспорно, является фашизмом». Характерен и набор книг, которые предлагала читателям редакция для приобретения [6] – изданные ими книги о Гитлере, Муссолини, Франко и т.д. Интересен и набор авторов, например, одним из них является пособник нацистов В. Кубийбович – инициатором формирования украинской дивизии СС «Галичина» (14-й дивизии СС). На протяжении Второй мировой войны

занимал должность главы Украинского центрального комитета, созданного нацистами в Кракове для управления оккупированной Польши.

Подходы Д. Донцова, изложенные в книге «Национализм» носят открытый расистский характер. Он заявляет о том, что существуют высшие и низшие нации и расы, «нации господ» («націй панів»), к которым он относил украинскую нацию, и нации рабов. При этом первые должны «царствовать»: «нации-завоеватели, которое творят историю (...) главной целью наций-завоевателей является царствование, построение жизни согласно собственным представлениям, невзирая на то, сколько усилий народа понадобится в это вложить, не считаясь со связанными с этим жертвами».

Он представлял нации в виде отдельных биологических видов, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом: «нация является видом в природе» [8. С. 82], «Тот же процесс, какой мы наблюдаем в органическом мире, мы видим также в отношениях между высшими и низшими расами людей (...) Право природы это право силы» [8. С. 62] и «Теория Дарвина объясняет прогресс победой сильного над слабым в неустанной борьбе за существование (...) Падающее следует еще и подтолкнуть (...) Слабый должен погибнуть, чтобы мог выжить сильнейший» [8. С. 225].

При этом стремление к агрессии («фактор воли» по Д. Донцову) у нации должно быть ничем не ограничено:

«У здоровых видов (наций) – фактор воли ничем не ограничен. Подтверждение права на жизнь, продолжение рода имеет для них аксиоматический характер и выпереживает все иное. Это вечное иррациональное право нации на жизнь превыше всего земного, феноменального, рационального: выше жизни данной личности, крови и смерти тысяч, выше благосостояния данного поколения, выше абстрактного умственного расчета, выше общечеловеческой этики, выше воображаемого понятия добра и зла» [8. С. 41].

Интересно отметить, что украинские националисты сразу декларируют, что «воля нации» не идентична «сумме волей»: «Из-за того, что нация вечна, что ее воля не идентична с суммой волей, но что-то самостоятельное; что его цели постигаются целыми поколениями, перерастая целые единицы, семьи, данного момента». Такой интеллектуальный трюк подводит базу под то, чтобы украинские националисты объявили себя единственным воплощением нации, даже в тех случаях, когда сами украинцы с ними не согласны.

Вслед за этим он призывает быть агрессорами, захватчиками со стремлением к войне: «Стремление к жизни и власти превращается в стремление к войне (...) Стремление к войне между нациями вечно. Война вечна (...) Международная жизнь построена на борьбе, на постоянном движении, которое сменяет мир на войну и войну на мир (...) Война существует между видами, а из-за этого между людьми, народами, нациями и т.д.»

и «Будьте агрессорами и захватчиками, прежде чем сможете стать властителями и обладателями (...) Общечеловеческая правда не существует» [8. С. 243-244].

Желание властвовать и экспансия по отношению к другим нациям является одним из принципов концепции Д. Донцова, принятой в качестве одной из основных в украинском национализме:

«Желание властвовать над кем-то (...) украинская идея желает вступить в борьбу с другими за властвование, идеалом является экспансия» [9. С. 174] и «Жажда величия своей страны равнозначна жажде упадка своим соседям (...) От экспансии своей страны отрекается только тот, у кого полностью отмерло чувство патриотизма (...) Ибо овладение это, прежде всего, жажда покорения» [10. С. 284].

Важно отметить и явный тоталитаризм украинских националистов и то, что подобно нацистам по отношению к самим украинцам украинские националисты вместе с Д. Донцовым видят лишь «покорную массу», над которой они – «правлящая каста» должны властвовать:

«Правящая каста (...) должна составлять особую группу, вылепленную, во-первых, из другой глины, выкованную из другого металла, нежели покорная, равнодушная, неустойчивая масса (...) эта каста должна демонстрировать совершенно особые свойства духа и души, принадлежащий к этой касте член не знает ни милосердия, ни человечности в отношении личности, руководствуется исключительно пламенной жаждой сохранения целостности, такому человеку свойственна нетерпимость ко всему, что противоречит идеалу, ибо нельзя быть апостолом, не испытывая желаний решительно расправиться с кем-либо, или что-то разрушить» [11. С. 154]. Они прямо говорят, что народ – пассивный фактор: «Вместе с тем стоит еще более важный вопрос – «кто»? Кто претворяет в мир и осуществляет какую-то идею? Провансальцы, демократы и другие народолюбцы отвечали – всегда народ! Мы отвечаем – никогда народ! Народ есть для всякой идеи, в ее статическом или в динамическом состоянии – фактор пассивный, принимающий. Фактором активным, несущим идею; тем, где эта идея порождается – активное или инициативное меньшинство».

В качестве используемых методов украинские националисты прямо говорят о «творческом насилии», убийствам и беспощадности, о том, что нужно «заставить к послушанию»:

«Творческое насилие – как «что», инициативное меньшинство – как «кто», вот основание всякого почти общественного процесса, способ, которым побеждает новая идея», «Без насилия и железной беспощадности ничего в истории не было создано (...) Насилие, железная беспощадность и война – вот методы, при помощи которых избранные народы шли путем прогресса (...) Насилие, это единственный способ, остающийся в распоряжении (...) народов, оскотинившихся благодаря гуманизму (...) Никакие

принципы не могут воспрепятствовать тому, чтобы слабый уступил насилию сильного (...) Поэтому только обыватели могут абсолютно отвергать и морально осуждать войны, убийства, насилие [8. С. 270, 283] и «Сковать», «заставить к послушанию» силы окружения, принести идею своего, нового порядка, – вот первая задача всеобъемлющей идеи. И как раз от этих функций отказывалось украинство, уступая их другим, – по отношению к внешнему миру и к миру собственного окружения».

Одним из своих принципов украинский национализм провозглашает «аморализм»:

«мораль, о которой здесь идет речь, отвергает «человечность», которая не позволяла вредить другим (...) Ее цель – «сильный человек», а не «человек вообще», который распространяет свою любовь и на своих и на чужих (...) Идеалом является «твердый человек ... Борьбе за существование чуждо моральное понятие справедливости (...) хорошо все, что укрепляет силу, способность и полноту жизни данного вида; плохое же – что его ослабляет [10. С. 268].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Большая российская энциклопедия // <https://bigenc.ru/ethnology/text/3493858>.

(2) В своих официальных документах, статьях или выступлениях украинские националисты использовали то одно, то другое понятие без особого различия между ними. В тех случаях, когда будут цитироваться используемое в оригинальных документах украинских националистов словосочетание «украинская раса», под ним с значительным допущением можно понимать «украинская нация». Это значительное допущение состоит в том, что до революции 1917 года абсолютное большинство населения территории, которая в 1991 году стала называться Украина, не воспринимало себя в качестве украинцев и никакой «нацией» являться не могло.

(3) «Озерно» – территориальное подразделение ВО УПА «Турів».

(4) Britannica // <https://www.britannica.com/topic/racism>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вершигора Петр Петрович. Люди с чистой совестью // <https://www.litmir.me/br/?b=44465&p=1>.

2. Гитлер А. «Майн Кампф», 1943. Глава «Народ и раса».

3. Синицын Ф.Л. Формирование нацистской политики в отношении восточнославянских и прибалтийских народов (1922-1941 гг.) // Информационная безопасность регионов. 2014. № 1 (14).

4. Ульянов Николай. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Центрполиграф, 2017.

5. Вісник, 1935. Кн. 4.
6. Вісник, 1937. Т. 4. Кн. 10.
7. *Донцов Д.* Підстави нашої політики. Відень, 1921.
8. *Донцов Д.* Націоналізм. Лондон, 1966.
9. *Донцов Д.* Націоналізм. Підготовлено Дарницькою районною організацією Всеукраїнського об'єднання «Свобода».
10. *Донцов Д.* Націоналізм. Львов – Жулкев, 1926.
11. *Донцов Д.* Дух нашої давнини. Мюнхен, 1951.
12. Літопис УПА. Нова серія. Т. 2.
13. Наша боротьба. Ч. 6. 15 вересня 1941.
14. «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов, 1929-1945 гг.: Фонд «Историческая память»; Алгоритм; Москва, 2014.
15. *Рудницький С.* До основ українського націоналізму. 1923.
16. *Рудницький С.* Огляд національної території України. Чому ми хочемо Самостійної України? Львів, 1994.
17. *Тютюнник Ю.О.* Революційна стихія. Зимовий похід 1919-1920.
18. *Grzegorz Motyka.* Ukraińska partyzantka 1942-1960: Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii. Warsaw: Rytm, 2006.
19. *Mykola Sukhovers'kyi.* Moi spohady. Kyiv: Vydavnytstvo “Smoloskyp”, 1997.
20. “Orhanizatsiia Ukraïns'kykh Natsionalistiv: Natsiia iak spetsies. Rodyna v systemi orhanizovanoho Ukraïns'koho natsionalizmu,” HDA SBU, f, 13, spr. 376, Vol. 6, 6v. The author of the brochure was referring to Stepan Rudnyts'kyi, Do osnov Ukraïns'koho natsionalizmu. Vienna, 1923.
21. <https://tribunal.ru/history/nikolay-ivanovich-mihnovskiy-pervyy-ukrain-skiy-natsionalist>

Продолжение статьи читайте в следующем номере

M.S. GRIGORIEV

*Candidate of political sciences, professor
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

RACISM AND GENOCIDE IN THE IDEOLOGY OF UKRAINIAN NATIONALISM IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY (PART I)

In the article the author analyzes the ideology of Ukrainian nationalism. Explores its origins and the main content of the formation of the ideology of Ukrainian nationalism, the components of the ideology of Ukrainian nationalism, including the most radical ones. Reveals that Ukrainian racism with the idea of the superiority of the “Ukrainian nation”, as well as the associated policy of racial discrimination and genocide, has been one of the main principles of the ideology and practice of Ukrainian nationalism since the very beginning of its formation in the early 20th century. Moreover, much of what later became part of Nazi racial politics was promoted and put into practice by Ukrainian nationalists before the German Nazis.

Key words: *racism, nationalism, Ukrainian nationalism, ideology.*

И.В. ГОНЧАРОВА

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры социальных технологий социологического
факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ

Статья посвящена актуальным учебно-методическим вопросам, связанным с подготовкой российских социологов в высших учебных заведениях. Раскрытие социально-культурных особенностей развития математики, появление различных математических понятий на определенной ступени исторического развития общества способствует устойчивому формированию интереса студентов-социологов к изучению разделов высшей математики и дальнейшему использованию полученных знаний в профессиональной деятельности. Статья представляет интерес специалистам, занимающимся формированием математических компетенций у студентов-социологов.

Ключевые слова: социологическое образование, математические компетенции социологов, социокультурное и историческое развитие математики.

При изучении дисциплины «Высшая математика» студенты-социологи практически всегда интересуются происхождением различных математических понятий, их связью с социальными трансформациями в обществе и культурными традициями в определенном историческом контексте [5. С. 19; 6. С. 445-454]. Поэтому важно на занятиях способствовать овладению не только самими понятиями, но и теми взаимосвязями, которые существуют между ними. Уже на первых занятиях необходимо дать общую характеристику социально-исторического развития математики, показать особую роль математики в решении социальных задач и в социологических исследованиях. В социологии математика является не только орудием

количественного расчета, но также методом точного исследования и средством предельно четкой формулировки понятий и проблем. Необходимо сделать акцент на том, что без современной математики с ее развитым логическим и вычислительным аппаратом был бы невозможен прогресс в различных областях человеческой деятельности.

Дальнейшее изложение сводится к тому, что математика является не только мощным средством решения прикладных задач и универсальным языком науки, но также и элементом общей культуры. Необходимо сделать вывод о важности математического образования, которое следует рассматривать как важнейшую составляющую в системе фундаментальной подготовки современного социолога [5. С. 19; 6. С. 445-454].

Затем раскрываются характерные черты математики: абстрактность понятий математики и логическая строгость. Необходимо напомнить студентам, что понятия математики абстрагированы от особенностей конкретных явлений и предметов. В то же время, в математике ни один результат не может считаться доказанным, пока он не получит логическое доказательство. Далее уместно провести параллель с социологией: указать и сравнить средства, используемые учеными для получения своих положений в этой науке.

В завершении формирования представления об общей картине социально-культурного и исторического развития математики необходимо выделить четыре периода развития: зарождение математики, элементарная математика, математика переменных величин, современная математика. Необходимо подчеркнуть, что такая периодизация поддерживалась академиком А.Н. Колмогоровым [4. С. 224].

Курс «Высшая математика» состоит из элементов линейной алгебры, аналитической геометрии и основ дифференциального и интегрального исчисления, что естественным образом, предполагает изучение социальных аспектов формирования математических понятий на рубеже XVII-XVIII веков.

Становится возможной идея проследить историю развития дифференциального исчисления от древнегреческих математиков Демокрита и его учителя Левкиппа до Ньютона и Лейбница, показать необходимость и закономерность открытия анализа в XVII веке, рассказать о том, как Ньютон и Лейбниц независимо друг от друга подошли к понятию производной.

Переходя к обзору научной революции Нового времени и развитию математики в Век просвещения, надо говорить о том, что в XVII веке создаются методы, позволяющие изучать движение, процессы изменения величин, преобразование геометрических фигур, что удовлетворяет запросам естествознания. Развитие аналитической геометрии, создание дифференциального и интегрального исчисления составляют суть периода математики элементарных величин.

Важно указать, что изучение функции становится главенствующим и дает толчок к развитию математического анализа, появлению понятий предела, производной, дифференциала, интеграла. Можно проследить историю развития понятия функции, начиная от Лейбница и Бернулли, остановиться на определении функции, данном Эйлером и господствовавшим в XVIII веке. Показать, как в результате решения задач о плоских колебаниях струны ученые пришли к необходимости отказаться от определения функции по Эйлеру и расширить это понятие, что в свою очередь, привело к классическому определению функции Лобачевским и Дирихле.

Метод координат Р. Декарта, лежащий в основе аналитической геометрии, дает возможность найти связь между геометрическими задачами и алгебраическими методами и, наоборот, дать геометрическую иллюстрацию алгебраических задач.

Безусловно, рассмотрение большого дополнительного материала на аудиторных занятиях может привести к острой нехватке времени на основной учебный материал, реализуемый учебным планом. В настоящее время такая проблема может быть решена привлечением дополнительных дистанционных цифровых инструментов обучения [1. С. 241-253]. За время пандемии отлажены механизмы общения в форматах видеоконференций и в чатах различных мессенджеров. Успешно реализуются возможности корпоративных и учебных цифровых платформ, в которых возможно расположение учебных материалов и групповых заданий, объединяющих в учебном пространстве беседы в формате чата, встречи в виде видеоконференций, заметки и вложения в различных форматах, в том числе и презентации, pdf-файлы, учебную литературу.

Положительное отношение к получению онлайн образования россияне демонстрировали еще до начала пандемии коронавируса [9. Р. 370-384], а его доступность является основным преимуществом выбора такой формы обучения [2. С. 168-178]. Однако, массовый переход на дистанционное обучение, связанный с санитарными ограничениями во время COVID-19 привел к появлению новых видов киберугроз для участников образовательного процесса, анализ которых, позволил выделить рекомендации для их нивелирования [7. С. 24-34; 8. С. 26-30].

Использование дополнительных цифровых инструментов дает преподавателю возможность расширить спектр обозреваемых событий в социально-культурном и историческом развитии математики, систематизировать ранее полученные знания студентами, взглянуть на них с общей точки зрения, сформировать научное и единое представление о математике.

За рамками основного учебного времени можно более глубоко погрузиться во все периоды развития математики. Первый период является первым этапом развития математики – Зарождение математики, который рассказывается на примере Древнего Мира. Данный период датируется V

в. до нашей эры. Здесь, в первую очередь, студентам необходимо напомнить известные из школьного курса математики исторические и социально-культурные факты, связанные с развитием математики в Древнем Египте и Вавилоне. Это позволит без явных затруднений провести дальнейшее изложение всех основных теоретических вопросов раздела, которые можно представить в виде презентаций или видеофайлов на цифровой платформе.

Во вводной части к характеристике первого периода дается общая характеристика развития Древнего Египта и Вавилона, сообщается о причинах и предпосылках, способствующих зарождению математики.

Затем следует напомнить студентам о способах хранения информации в Древнем Мире. Далее надо сделать акцент на том, что источником первых достоверных сведений о состоянии арифметических знаний в эпоху древних цивилизаций являются математические папирусы. Самый знаменитый – папирус Ринда. Необходимо указать, что в Вавилоне в библиотеке царя Ашшурбанипале находились глиняные таблички, на которых хранились готовые математические рецепты для решения определенных проблем.

Дальше говорится о счете и появлении натуральных чисел. Необходимо отметить, что важную роль играли различные системы счисления. В Вавилоне – шестидесятеричная система, в Египте – иероглифическая, аддитивная система счисления. Древние египтяне пользовались аликвотными дробями, знаменатель которых представлял натуральное число. Характеристика геометрических знаний сводится к тому, что геометрические сведения излагались в виде правил, а логические доказательства были очень примитивными.

Раскрывая сущность первого периода развития математики и связь со вторым периодом, необходимо подчеркнуть, что понимание самостоятельного положения математики как особой науки стало возможным после накопления достаточно большого фактического материала Древнего мира и возникло впервые в Древней Греции в VI-V вв. до нашей эры. Это налом периода элементарной математики.

Следует обратить внимание на то, что первый период развития характеризуется бурным ростом и качественным совершенствованием математики: это и развитие арифметики, и алгебраических основ, и элементарная геометрия. Каждый виток социально-исторического развития математики на данном этапе целесообразно изучать по отдельности. При изучении математики в Древней Греции необходимо систематизировать сведения по развитию и становлению арифметики, геометрии, алгебре и анализу. При изучении математики Индии и Китая в древности и средние века особое внимание уделяется возникновению десятичной позиционной системы счисления в Индии и алгебраических методах Китая. Рассматривая математику в арабских странах, важно сказать о роли работ М. Аль-Хорезми в зарождении алгебры. Необходимо подчеркнуть, что в арабских странах, также,

как и в Древней Греции, занимались разработкой основ сферической тригонометрии. Завершение этого периода связано с математическими открытиями средневековой Европы и эпохи Возрождения, Научной революцией Нового времени, Веком просвещения (математика XVII-XVIII веков). Наиболее важные и интересные социально-исторические факты данного раздела, связанные с изучением основного теоретического, учебного материала, например, такие как развитие понятия функции, предела, выносятся на аудиторное время.

Задача изучения количественных отношений и пространственных форм является главной задачей математики XIX века. Здесь важную роль играют работы Н. Лобачевского, связанные с открытием неевклидовой геометрии. Дальнейший перечень тем для обсуждения может быть связан с построением аксиоматики геометрии, позиции Гильберта, развитием топологии Б. Римана и А. Пуанкаре. Г. Кантор формулирует основные положения теории множеств, а целая группа ученых независимо друг от друга занимаются развитием теории функции комплексного переменного (О. Коши, К. Гаусс, Б. Риман, К. Вейерштрасс). На период XIX-XX вв. приходится бурное развитие теории вероятностей и связанные с этим работы П. Лапласа, С. Пуассона, П.Л. Чебышева, А.А. Маркова, А.М. Ляпунова, А.А. Хинчина.

Отдельно необходимо остановиться на развитии российской математической школы и российского учебника [3. С. 24-29]. При изучении этого вопроса необходимо говорить о вкладе российских математиков в развитие математики, о роли и значении российской математической школы в мировом развитии математики. О становлении и развитии Петербургской и Московских математических школ. О математических съездах и реформах образования прошлого века. Также можно затронуть вопросы о современных достижениях и проблемах отечественной науки.

На заключительных занятиях по высшей математике важно затронуть возможности математического инструмента для построения моделей социальных процессов и остановиться на конкретных примерах. Необходимо разъяснить студентам, что такие возможности открываются благодаря тому, что математика по мере своего развития становится более абстрактной и общей, приобретает новые возможности познания и влияния на окружающий мир.

Для раскрытия творческого потенциала и формирования навыка работы с литературой важно предоставить студентам всю дополнительную литературу по истории развития математики. Помимо этого, студентам можно предложить сделать самостоятельные доклады на интересующую тему, или даже привлечь к написанию научных работ. Социально-культурное и историческое развитие математики представляет собой огромный пласт мировой науки и культуры, изучение которого не может быть ограничено

определенными темами или разделами, и в этом смысле, представляет собой огромный потенциал для развития научного и творческого интереса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В.* Инновации в области математико-информационной подготовки студентов-социологов в контексте глобализационных процессов // *Образование и право.* 2017. № 8.

2. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г., Кричевер Е.И.* Доступность дистанционных форм обучения для россиян (исследование Рунета) // *Образование и право.* 2019. № 7.

3. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б.* История российского учебника по математике (XVII-XIX вв.) // *Актуальные проблемы дошкольного и начального математического и естественнонаучного образования: Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов / сост. и отв. ред. Н.П. Ходакова, А.В. Калинин.* М.: Спутник+, 2017.

4. *Колмогоров А.Н.* Математика в ее историческом развитии / под ред. В.А. Успенского. М.: Наука, 1991.

5. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В.* Математическая подготовка студентов-социологов в условиях глобализации // *Современное образование.* 2017. № 1.

6. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В.* Междисциплинарный подход к обучению математике бакалавров-социологов / *Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании.* 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках: материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22-24 июня 2017 г.). Секционные доклады, Ч. 2. Таганрог: Издательство Южного федерального университета Ростов-на-Дону, 2017. Т. 2.

7. *Прончев Г.Б., Любимов А.П., Гончарова И.В., Михайлов А.П.* Киберугрозы для образовательного процесса в период пандемии коронавируса SARS-COV-2 // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы.* 2021. № 7-8 (190-191).

8. *Прончев Г.Б., Гончарова И.В.* Безопасность современных электронных образовательных сред // *Дистанционное и виртуальное обучение.* 2017. № 3.

9. *Pronchev G.B., Goncharova I.V., Pronchev K.G., Krichever E.I.* Russians' attitude to distance learning: a Runet survey // *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research.* 2019. V. 18. No. 11.

I.V. GONCHAROVA

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Department of Social Technologies of Sociological
Faculty of the Moscow State University.
M.V. Lomonosov, Moscow, Russia*

SOCIOCULTURAL ASPECT IN THE FORMATION OF MATHEMATICAL COMPETENCIES AMONG STUDENTS OF SOCIOLOGY

The article is devoted to topical educational and methodological issues related to the training of Russian sociologists in higher educational institutions. The disclosure of socio-cultural features of the development of mathematics, the emergence of various mathematical concepts at a certain stage of the historical development of society contributes to the steady formation of the interest of students of sociology in the study of sections of higher mathematics and the further use of acquired knowledge in professional activities. The article is of interest to specialists involved in the formation of mathematical competencies among students of sociology.

Key word: sociological education, mathematical competencies of sociologists, socio-cultural and historical development of mathematics.

А.В. ГЛАЗКОВ

аспирант кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

А.К. ЩЕРБАЧЕНКО

кандидат юридических наук, профессор
кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России,
Россия, г. Ростов-на-Дону

ПАТРИОТИЗМ И СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена исследованию оснований формирования стратегии устойчивого развития российского государства в современном глобальном контексте повышенной нестабильности и хаотичности. Рассматривается влияния ценностной платформы на становление обновленного публичного коммуникативного пространства, внутри которого основные политические концепты обретают потенциал эффективного регулятивного инструмента. Анализируется связь между ключевыми ценностями политического мышления и патриотической идеей как основной интегрирующей структурой гражданской идентичности в современной России. Устойчивое развитие интерпретировано сквозь призму понятия стабильности как цели и как ценности индивидуального и общегосударственного масштаба. Главная проблема заключается в том, что значительная инерционность политического мышления приводит к отождествлению идеи стабильности в сознании современных россиян с образом «закрытого» общества, регулируемого по типу замкнутой системы и потому лишённого внутренних оснований устойчивости.

Методология исследования опирается на традицию исследования равновесных и неравновесных социально-политических систем, которая имеет достаточный опыт анализа факторов, дестабилизирующих политические институты и процессы. В то же время политическая стабильность рассматривается в единстве со своей противоположностью, что и создает предпосылки для разработки эффективной стратегии политической

устойчивости общества и государства. Такая стратегия включает в себя как ценностные установки, так и целевые. Достижение единства двух данных аспектов рассматривается в контексте изучения роли патриотической идеи как ключевого конституирующего элемента социально-политического сознания и проектной деятельности в современном российском обществе. Восстановление социального доверия граждан политическим институтам, преодоление гражданско-правового нигилизма в совокупности создают предпосылки для роста человеческого капитала как главного аргумента в глобальной цивилизационной конкуренции.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, стабильность, гражданская идентичность, патриотическая идея, социальное доверие.*

Ключевая проблема нашего времени, от решения которой зависит ни много, ни мало, будущее российской цивилизации, – это совершенствование модели устойчивого развития всех сфер жизнедеятельности: политической, этноконфессиональной, экономической, гражданско-правовой. В основе такой модели лежит прежде всего механизм ценностного регулирования сознания и поведения всех участников социального взаимодействия. Политическое сознание современного российского общества, его источники, цели и социокультурные координаты, несмотря на видимость некоторой стабильности, в действительности подвержены влиянию множества факторов, дестабилизирующих структуру и формы взаимодействия. Предпринимаемые властью шаги в направлении укрепления практик стабилизации в экономике, законодательной сфере, гражданской коммуникации, пока еще не совсем достаточны. Что подтверждается наличием латентных негативных сценариев общественного развития, актуализируемых в настоящее время в условиях нарастания кризисных явлений как в мировом масштабе, так и по периметру государства.

Сформулируем главный тезис, в обоснование которого и предложим ряд аргументов. Обретение современным российским обществом и государством надежной платформы устойчивого развития в цивилизационной перспективе и в масштабе мировой политической ситуации возможно только на пути кардинального изменения ценностно-регулятивной основы политического сознания всех субъектов публичной коммуникации (во власти, экономике, гражданском обществе, интеллигенции и т.д.). При этом такое изменение с учетом культурно-исторического своеобразия нашей страны как уникального евразийского опыта может быть продуктивно реализовано только на пути обоснования патриотической идеи как ключевой ценности политического сознания. Иными словами, именно патриотизм как идеологическая стратегия, как ценность и как цель, выступает исторически

оправданным методом выстраивания общенациональной государственной программы развития.

Данный тезис, на первый взгляд, может показаться слишком абстрактным и мало привязанным к реалиям повседневной коммуникации миллионов граждан, для которых насущные проблемы личного обустройства более актуальны, чем постулируемые общенациональные идеи. Однако, особо подчеркнем это, именно достижение общегосударственной стабильности, эффективного устойчивого развития и выступает основным условием, при котором единичное частное измерение социально-политического, духовно-нравственного, символического, экономического развития получает максимальное удостоверение и включается в публичное пространство, в его прописанные дискурсивные практики и структуры как объективированный показатель достижений общегосударственного развития. Если патриотизм в соответствии с классическими западными политическими теориями эпохи модерна рассматривать как идеологию обоснования особой роли государства в жизни граждан (государство – как почва, как основа существования общества и всех его участников, и как форма обретения ими собственной социальной, культурной, нравственной, гражданско-правовой идентичности), то его теоретическая составляющая и практические формы воплощения могут и должны быть ключевыми координатами политического самосознания общества. Если мы обратимся к отечественной традиции осмысления собственного места в пространстве всемирной истории, концептуальные истоки которой лежат в традиционалистски-ориентированном историософском постижении смысла социальной эволюции России как государства и как духовно-символически объединенного общества, то именно патриотическая идея, ценность образа Родины, родной культурной почвы, единой державной власти рассматривалась как основополагающая для сохранения уникального самобытного русского мира.

Для современной политологической мысли, которая в соответствии с западной традицией неolibерального постмодернистского дискурса является прежде всего рефлексией кризисных явлений в социально-политическом развитии любого общества, тезис о выработке ценностной основы стратегии устойчивого национального развития страны входит в определенный диссонанс с доминирующей синергетической парадигмой. Сегодня методологические принципы исследования нестабильных систем, рискованных и конфликтогенных процессов, неравновесных моделей общества, кризисов и катастроф, во многом заняли ту нишу в теоретическом исследовании политических процессов и явлений, которая ранее традиционно принадлежала эволюционистским линейным концепциям.

Очевидная *проблема* заключается в том, что происходит фактически отождествление линейной парадигмы социально-политического развития, которая в классическую эпоху, а также в ситуации модерна и его идеологий,

составляла основу политического мышления и проектирования, и содержания концепции устойчивого развития. При этом сразу оговоримся, что концепт «устойчивое развитие» мы рассматриваем в широком аспекте, включающем не столько программу глобального равновесного развития, принятую еще в 60-е годы Римским Клубом в странах Западной Европы [6; 7], сколько общие принципы стабилизации всех сфер жизнедеятельности общества, предполагающие конструктивное преодоление назревших противоречий, не отрицание вероятностного характера траектории социально-политического развития, а включение его в программное сопровождение национально-государственных стратегий. Устойчивое развитие, опирающееся на ценность стабильности, не исключает, а наоборот, включает в себя весь спектр актуальных политических идей, концепций, программ, целей и форм их реализации. Ценность стабильности нельзя трактовать как ценность стагнации и монолинейного развития, односторонне-консервативного мышления и т.д. Речь идет о том, что акцентуация стабильности в политической практике позволяет более эффективно преодолевать угрозы национальной и государственной безопасности, существенно снижать риски возникновения этнических, религиозных, социальных конфликтов, бороться с различными проявлениями идеологического радикализма и фундаментализма (не говоря уже об их крайних проявлениях – экстремизме и терроризме).

Может ли патриотизм стать надежной ценностной основой политического мышления, ориентирующегося на достижение именно данных целей стабильного (устойчивого) социального развития российского общества и государства? Нет ли в этом случае риска редукации его конструктивного регулятивного потенциала к простому патернализму и идеологическому сервилizmu? Как раз во избежание данных рисков следует как минимум на теоретическом уровне обосновать необходимость разработки стратегической программы перенастройки ценностных оснований самосознания российского общества на личностном и коллективном общегосударственном уровнях. Подчеркнем, что значительная доля проблем, возникающих на пути консолидации современного отечественного социума перед лицом внешних угроз и вызовов, а также внутренних деструктивных факторов, обусловлена отсутствием четкого представления о том, что такое *ценностная основа политического самосознания*. Если предметом такого самосознания будет только власть и средства ее обретения, то любой аксиологический нарратив будет малоэффективным инструментом укрепления государственной стабильности.

Во-первых, ценностная основа не может и не должна насаждаться просто внешним образом: целенаправленное политическое формирование общественного сознания должно исходить из исторически приемлемых и приоритетных форм и практик. Во-вторых, доминирование ценностной формы регуляции отнюдь не означает отмену иных более рационализированных

и формализованных методов влияния и проектирования. Если базовой ценностью становится сама государственная стабильность, то патриотическая идея как раз объемлет собой и личные установки граждан и сквозные общественные. К их числу относят чаще всего экономические приемы и право.

Однако, сам по себе современный рынок, несмотря на то, что он является саморегулируемым «организмом» и отрабатывает различные внешние дестабилизирующие факторы с опорой именно на внутренние системные ресурсы, существуют определенные пределы влияния экономической устойчивости на политическое сознание рядовых граждан и социальных общностей. В свою очередь право, как древнейший универсальный механизм регуляции, опирающийся именно на понятийные и логические структуры мышления и коллективного опыта, будучи формой, тесно взаимодействует с содержанием – реальным наполнением социальной, культурной, коммуникативной практики. Само право не является источником целей политического сознания. Как инструмент регуляции общественных отношений, ставший ключевым в Западной Европе еще в позапрошлом столетии (на чем основана классическая либеральная идеология гражданского общества как группы частных собственников, обладающих правами и свободами), право далеко не всегда в условиях российских цивилизационных и текущих повседневных реалий способно исчерпывающе легитимировать связи между духовными целями и смыслами, во имя которых человек-гражданин готов жертвовать личной жизнью, и политически законодательно закрепленными структурами и институтами. Другими словами, правовая форма регуляции не может быть единственной и полностью адекватной формой артикуляции ценностного основания политического сознания. Требуются также дополнительные инструменты. И главный такой инструмент – это личностная форма выражения общественного самосознания, которая отождествляется по основанию той или иной всеобщей цели или ценности.

Если стабильность общества и государства становится приоритетной идеей, то ее практическое достижение на основе смыслов и ценностей патриотического характера должно носить системный характер. В данном случае не приемлемы простые лозунги, манифесты и декларативные программы [5]. Вообще, следует признать уже давно, что современный этап развития публичной и в том числе политической коммуникации очень сильно трансформировался под влиянием информационных технологий и сетевого типа взаимодействия [4; 8]. Сама политическая реальность как определенный срез общественного бытия в этих условиях во многом детерминруется именно *коммуникативными* практиками. Поэтому свойственные эпохе модерна приемы «площадного» декларативного отстаивания интересов социальных групп, партий, отдельных известных лиц и пр. сегодня практически не работают. Поэтому и востребованы такие механизмы, которые способны менять ценностные (экзистенциальные) установки сознания [2].

Для современного россиянина, среднестатистического представителя типичной референтной группы, патриотическая идея хоть и выступает родной, понятной, адекватной его личному мировоззрению и пониманию смысложизненных и смыслоисторических троп самосознания, тем не менее пока еще не может оказывать существенно влияние на формирование приоритетных задач и индивидуальной жизненной стратегии. Более того, определенный парадокс заключается в том, что ценности, прямо вытекающие из патриотической идеи (такие как служение Родине, готовность жертвовать личным успехом ради общего блага, традиционные нравственные и духовноориентирующие установки и т. п.), часто входят в противоречие с ценностью стабильности общества и государства. А именно: стабильность на индивидуальном уровне преломляется гражданами сквозь призму личной жизненной устойчивости, наличия соответствующей «почвы», обеспеченности, психологической, бытовой и коммуникативной комфортности и уверенности в будущем. Тогда как ценность служения Родине часто ассоциируется с готовностью катастрофически, экстремально менять собственную жизнь и всецело подчинять ее смысл и цели данной ценности. На наш взгляд, подобное противоречие стало возможным в современной России именно в результате глубочайшего социокультурного кризиса, духовного хаоса и мировоззренческой дезориентации (особенно молодых поколений).

Фактическое разрушение некогда единого духовного компаса, утрата чувства внутренней причастности единому историческому культурному *целому*, разрыв многих коммуникативных связей, нитей, публичных форм социализации и механизмов социальной мобильности, селекции и пр., привели в совокупности к замещению важнейшего опосредствующего звена индивидуального самосознания гражданина, того самого звена, благодаря которому индивид, собственно, и обретает самого себя как зрелую личность, как полноправного гражданина государства, – элемента политического всеобщего самоопределения. В сложившихся условиях только патриотизм как некоторая идея сохраняет внутреннюю энергию и жизнеспособность. Сквозь призму патриотически ориентированного политического и повседневного мышления снимается противоречие личной и всеобщей стабильности. И, с другой стороны, именно патриотическая идея позволяет избежать другой крайности – мифологизации политического и общественного публичного сознания, поскольку полностью сохраняет плюрализм мнений в вопросе толкования исторического прошлого. А любая мифология опирается прежде всего на идеализацию и поэтизацию прошлого (относительная ценность образа «золотого века» в истории любой страны).

Именно такой подход позволяет в том числе, что очень важно, преодолеть правовой и в целом гражданский нигилизм и восстановить конструктивный потенциал *социального доверия*. Отсутствие такого доверия есть прямое следствие разрушения ценностной основы личного

и общественного сознания. Экономические цели, материальная выгода и успех, а также соблюдение формально-юридической законности сами по себе не способны «перезапустить» скрытый механизм воспроизводства *человеческого капитала* в современной России – ее главного национального богатства. Достижение общегосударственных целей устойчивого развития вряд ли вообще возможно без реанимирования аксиологической и телеологической составляющей политической теории и практики. При этом, во избежание ошибок прошлого, ценностное регулирование должно опираться не на административный или бюрократический ресурс соответствующих верхних страт в социальной пирамиде. В основе такой работы должна лежать стратегия образования и воспитания молодого поколения, опирающаяся на традиции прошлого и на просвещение в области современного глобального коммуникативного контекста, в том числе и в первую очередь с использованием информационных технологий.

Вековые архетипы и ментальные структуры должны работать не только на уровне исторической памяти и постижения собственной истории [3]. Именно они должны образовывать когнитивные и ценностные координаты нового технологически обусловленного типа коммуникации. На наш взгляд, с познавательной целью исследования ценностных аспектов политического сознания в современном российском обществе можно использовать предложенный французским автором П. Бурдые термин «габитус» для фиксации механизма производства *постоянства* в социально-политическом взаимодействии: «Габитус как приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особенным условиям производства данного габитуса, и только им. ... Поскольку габитус есть бесконечная способность свободно (но под контролем) порождать мысли, восприятия, выражения чувств, действия, а продукты габитуса всегда лимитированы историческими и социальными условиями его собственного формирования, то даваемая им свобода обусловлена и условна» [1. С. 106-107]. Данный термин редко используется в современной политической концептологии, однако его эвристический потенциал до конца не раскрыт. Он помогает прояснить механизм становления стабильного социально-политического порядка в обществе как собственного (внутреннего) ценностно окрашенного *образа-регулятива* в сознании граждан страны.

Очень важно избежать диссонанса между самой чистой идеей ценности государства и общества, родной национальной культуры и технологическим контекстом ее постижения, сопоставления и усвоения. Вот когда данный диссонанс будет преодолен, можно будет говорить о достижении действительного успеха в реализации ценностной стратегии политического сознания современного российского общества. А это и будет, в свою очередь, создавать основу для стабильности – не только как отдаленной цели

государственного развития, и не только как суммы условий для такого развития, успешного планирования (в условиях повышенной нестабильности планирование крайне затруднено), минимизирования внешних угроз и действия деструктивных факторов и т.д., но и конкретной политической практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурдые П.* Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
2. *Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х.* Концептуализация духовно-нравственных проблем современного российского общества: экзистенциально-ценностный аспект. М.: КНОРУС; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016.
3. *Вартумян А.А., Шебзухова Т.А.* Политический процесс в «незападных политиях» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3 (52).
4. *Володенков С.В.* Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отд. РАН. 2018. Т. 18. Вып. 2.
5. *Глебова И.И.* Функции образов прошлого в политической культуре // Политическая наука. 2006. № 3.
6. *Глушенкова Е.И.* Проблема формирования политической модели устойчивого развития // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 2.
7. *Лейбин В.М.* «Модели мира» и образ человека // Критический анализ идей Римского клуба. М.: Политиздат, 1982.
8. *Салин П.Б.* Механизмы и каналы медиаманипулирования // Политическая наука. 2017. № 1.

A.B. GLAZKOV

*Postgraduate student of the department
Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

A.K. SHERBACHENKO

*D. in Law, Professor of the Department of Criminalistics
and Investigative Activity of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia*

PATRIOTISM AND THE STRATEGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to the study of the foundations of the formation of sustainable development strategy of the Russian state in the modern global context of increased instability and chaos. The influence of the value platform on the formation of a renewed public communicative space, within which the basic political concepts acquire the potential of an effective regulatory tool, is considered. The relationship between the key values of political thinking and the patriotic idea as the main integrating structure of civic identity in modern Russia is analyzed. Sustainable development is interpreted through the prism of the concept of stability as a goal and as a value of individual and national scale. The main problem is that the significant inertia of political thinking leads to the identification of the idea of stability in the minds of modern Russians with the image of a "closed" society, regulated by the type of closed system and therefore devoid of internal foundations of stability.

The research methodology is based on the tradition of the study of equilibrium and nonequilibrium socio-political systems, which has sufficient experience in analyzing the factors that destabilize political institutions and processes. At the same time, political stability is considered in the unity with its opposite, which creates the prerequisites for the development of an effective strategy of political stability of society and the state. Such a strategy includes both value orientations and target orientations. Achieving the unity of these two aspects is considered in the context of studying the role of the patriotic idea as a key constitutive element of socio-political consciousness and project activity in contemporary Russian society. The restoration of social trust of citizens to political institutions and the overcoming of civil-legal nihilism together create prerequisites for the growth of human capital as the main argument in the global civilizational competition.

Key words: *sustainable development, stability, civic identity, patriotic idea, social trust.*

А.А. ХАНДЖАН

*аспирант кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

Д.К. ГРИГОРЯН

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического
института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону*

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЭЛИТАРНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью данной статьи является исследование соотношения становления новой общенациональной интегрирующей идеологической парадигмы политического мышления и политической практики и кризиса традиционного элитарного сознания. Ставится проблема несовпадения самосознания элитных социально-политических страт в современном российском обществе и концептуальной стратегии отождествления индивидуальных (единичных) политических интересов, позиций со общегосударственной аксиологией и телеологией. Без чего субъектность элит в пространстве политического действия оказывается девальвированной. Конечный смысл теоретического исследования данной проблемы определяется необходимостью экспертной оценки патриотического дискурса, который в текущих условиях растущей глобальной нестабильности выбран в качестве приоритетного структурирующего принципа публичной коммуникации. Достижение данной цели связано прежде всего с решением таких задач, как дифференциация элитарного сознания и сознания элит, в том числе по отношению к культурно-историческому измерению российской государственности. Также важно проанализировать форму и содержание возрождаемой патриотической идеологии как возможного предмета элитарного самоопределения политических субъектов.

Методология анализа становления нового элитарного сознания на основе патриотического дискурса, с одной стороны, опирается на традицию цивилизационно-исторического самосознания Русского мира,

в рамках которой были идентифицированы основания гражданско-правовой, политической и духовно-нравственной синергии. С другой, поиск преодоления кризиса элитарного сознания должен учитывать исследования деформации публичной коммуникативной рациональности в условиях постмодернистской деструкции социальных и политических институтов в современном мире. Главный вопрос звучит следующим образом: можно ли отождествить критерии идентичности элитарного сознания с ценностными и смысловыми нарративами патриотизма в современной России? В ходе решения поставленных задач автор приходит к выводу о том, что традиционный патриотический дискурс есть именно опыт сознания элитных групп, но для его трансформации в качестве элитарного сознания в современных условиях требуется существенное преобразование внутреннего концептуального рельефа.

Ключевые слова: патриотизм, сознание элиты, элитарное сознание, самосознание, Российская цивилизация, политическая идентичность.

Глубокие трансформационные процессы, которые переживает современное российское общество и государство, в своем социально-политическом, идеологическом, культурном измерениях обусловлены в том числе кризисом элитарного сознания. Для актуального содержания политического мышления, его аксиологии и телеологии, в контексте текущей повестки публичной коммуникации власти и общества, важно определить траекторию преодоления, образовавшегося еще в конце прошлого века дефицита коллективной идентичности и самосознания. Задачи, стоящие сегодня перед страной, в том числе в связи с необходимостью укрепления собственного международного суверенитета по всем ключевым направлениям, очевидно, не могут быть эффективно решены без воспроизведения на новом концептуальном уровне национальной идейной платформы. Данное воспроизведение, несомненно, носит стратегический характер. Барьеры, возникающие на пути его решения, позволяют более точно определять жизнеспособные паттерны (идеи), которые в перспективе смогут конституировать общее смысловое, ценностное, и гражданско-правовое наполнение единого социально-политического субъекта.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 5; 8; 9; 10; 12; 14; 17; 18].

Однако проблему становления нового элитарного сознания на основе патриотического дискурса, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В отличие от западноевропейского политического проекта эпохи модерна и его современной неолиберальной вариации в нашей стране политическое сознание общества или его отдельных групп всегда было привязано к процессам цивилизационного (культурно-исторического, национального, конфессионального и пр.) самоопределения. В основе западного модерна – ценность *свободы*. И, как известно из истории политической мысли, предметной реализацией этой свободы было гражданское общество, состоящее из частных собственников, принимающих посредством корпоративных объединений участие в управлении государством [4. С. 340]. Сама область политического действия трансформировалась еще в XIX столетии в плоскость регулирования публичной коммуникации (на классическом языке – «наличное бытие разума»). Уже в новейшее время, особенно в связи развитием информационных технологий и сетевого типа взаимодействия, усилением роли медийных интерфейсов, данная коммуникация стала носить все более формализованный характер. Важнейший признак современного европейского политического процесса и мышления – доминирование прежде всего *знакового* обмена. В этих условиях любое политическое событие (например, протест, акция и пр.) оказывается реальностью ссылки, референты которой присутствуют не на городской площади или даже парламентской трибуне, а между информационными потоками, в «ризоматических» структурах, образуемых знаками и их означающим (понятие «ризомы» французский автор Ж. Делез использует для описания траектории нестабильных социальных и культурных процессов в пострадиционных обществах [6. С. 112]).

Современное же российское общество, преодолев болезнь слепого поглощения внешними эффектами либерального политического образа жизни европейских государств и США, сегодня пребывает в ситуации фундаментального по своей роли поиска оснований большого цивилизационно-исторического проекта под названием «Россия в глобальном мире третьего тысячелетия». Главная *проблема*, с которой сталкивается и государство, и само гражданское общество в нынешней ситуации, характеризующейся крайне высокой рискогенностью и конфликтогенностью как внутри, так и по периметру, очевидно, заключается в следующем. – Дефицит, а точнее, практически полное отсутствие элитарного сознания как ментального и коммуникативного потока, конституирующего основные грани национально-государственной, социально-культурной, политико-правовой идентичности, приводит к рассогласованию индивидуальной (единичной) стратегии самоопределения и самоутверждения (аффирмации в институционализированной среде), с одной стороны, и всеобщей, государственной, с другой.

Почему в данном случае необходимо говорить именно о дефиците элитарного сознания, о его кризисе? И, далее, существуют ли в настоящее

время объективные предпосылки для преодоления данного кризиса путем выстраивания новой конфигурации общенационального коммуникативного дискурса (может быть в чем-то аналогичного тому, который составлял координаты общественно приемлемого в сознании «советского народа» как определенного сконструированного исторического субъекта)? Связаны ли эти предпосылки с активно воссоздаваемой нынешней российской властью государственно-консервативной патриотической идеологией, с самим дискурсом патриотизма?

Во-первых, в контексте современных политических концептов «элитарное сознание» еще требует своего методологического и, подчеркнем, онтологического дифференцирования. *Элитарное сознание* и *сознание элиты* – принципиально не совпадающие по своей гносеологии и онтологии политические и социально-культурные конструкторы, понятия. Концепт «элитарное сознание» менее проработан и нередко просто отождествляется с объемом понятия «сознание элиты», противопоставляясь в современной практике социально-гуманитарных исследований массовому сознанию. Дихотомия массового и элитарного сознания – предмет отдельного исследования, который в данном случае выходит за рамки поставленных задач. Как фактор политического процесса в современном мире данная противоположность существенно деформирована. Связь элитарного сознания с патриотической идеологией раскрывает совершенно иные параметры политической активности, связанные не с противопоставлением элиты и массы, а с интеграцией и становлением *опосредованной* политической субъектности.

Необходимо более четко определить «элитарное сознание» именно как политологический концепт. Решение этой конкретной задачи осложняется тем, что формирование новой платформы национальной идеологии и государственной идентичности связано с рецепцией ценностного изменения общественного сознания. Тогда как элитарное сознание как понятие политической теории должно иметь собственное определение помимо данной аксиологии; должно указывать на определенные отношения между субъектами такого сознания, которые определяют характер политических действий, а не просто ценностных предпочтений. Критерии элитарного сознания должны отделять данное явление от сознания элиты не просто и не столько как его единичный или частный случай, а как совершенно уникальное явление, выражающее собой современный политический ландшафт. Причем отнюдь не только российского общества.

Во-вторых, патриотический дискурс как таковой в ситуации разрушения исторически родного «почвенного», говоря словами Ф.М. Достоевского, духовного компаса, свидетелем которого мы все были в конце XX в., сам сегодня нуждается в существенной реабилитации, в обретении новых идейных контуров. Простое отождествление феномена патриотизма с явлением

«любви к Родине» мало продуктивно с точки зрения выработки действенных политических программ и гражданских инициатив. Самый главный вопрос, который, по нашему мнению, уже давно назрел в нашем обществе и который все еще остается без должного публичного внимания (либо остается «по умолчанию» редуцированным к интуитивному восприятию или чувству) – способен ли патриотизм как совокупность чувств и отношений человека к государству и обществу выступать определенной «точкой» перерождения индивидуального или коллективного самосознания как ключевого фактора политической жизни?

За этим вопросом стоит следующий – достаточен ли современный актуальный патриотический дискурс как система понятий и семантических, логических отношений между ними, для выражения процессов становления нового элитарного сознания? То есть, другими словами, способен ли в принципе такой дискурс стать наличной знаковой структурой такого сознания? Патриотическое мышление, его интуитивные и рефлексивные образы и проекции – первичны по отношению к элитарному сознанию или производны от него? Может ли «любовь к Родине» как определенный модус частного мнения, пусть даже группового, выражать определенные градации самосознания той или иной части общества как грани именно политического процесса? Дабы эти грани не редуцировались к рецепции исторической памяти (что очень часто мы сегодня наблюдаем в публичных коммуникативных сетях и политических дискуссиях современной России), ситуационности межпоколенческого диалога и стандартной с точки зрения политических технологий идеологической манипуляции, классические примеры которой хорошо известны еще со времен пика европейского модерна первой половины XX в. и описаны в соответствующих исследованиях массовой культуры, психологии толпы и кризиса самой исходной ситуации человека, культуры и истории [2; 7; 11].

Отмеченная проблематичность патриотического дискурса может быть пояснена на уровне сопоставления классического гражданско-правового толкования патриотизма западноевропейского типа и российского, опирающегося на мощную традицию русской православно ориентированной социально-исторической, философско-правовой и политической мысли. В первом случае патриотизм – это свойственное именно модерну отождествление предметной объективации индивидуального самоутверждения, самосознания и идентификации с государством и обществом в целом. Классическое модернистское определение патриотизма дал, как известно, Гегель: патриотизм есть признание гражданами государства как в качестве своей «субстанции», которая гарантирует им сохранение, реализацию и укрепление их особенных целей и интересов, а также благосостояния [4. С. 330]. Данное признание и отождествление нельзя рассматривать только на уровне эмоциональной, психологической готовности граждан к «чрезвычайным жертвам

и поступкам» [4. С. 292]. Такое понимание патриотизма хорошо раскрывает суть классического либерального проекта, кризис которого, и почти полная последующая утрата знаменовали собой вторую половину минувшего столетия как рубежную историческую ситуацию. Для такого проекта отношением между человеком и государством является не что иное как именно предметно реализованная и тем самым закрепленная свобода. Свобода не как ценность и цель, не как абстрактная идея, а как определенный прописанный формат существования, получающий в праве, политических институтах, экономических структурах свое конкретное воплощение. Патриотизм как определенное «умонастроение» есть лишь частное следствие, субъективное представление, такой связи единичного и всеобщего.

Для нас важно еще раз подчеркнуть следующее: для западного типа политического мышления, в рамках которого были сформированы все основные категории публичной коммуникации, приоритетным в патриотическом «умонастроении» была не национально или аксиологически ориентированная шкала критериев, а сугубо политическая. Классический модерн знал только одного патриота – *гражданина государства*, обладающего собственностью, правами и обретающего в этом государстве гаранта собственной свободы в виде закрепленных и реализуемых прав. Национальные государства Германии или Франции, Италии или Испании на протяжении длительного времени лелеяли именно такой идеал свободного волеизъявления граждан, которое бы не противоречило интересам и целям общества в целом. Что можно на этом историческом фоне сказать о феномене русского патриотизма? Прежде всего то, что в отечественном политическом мышлении (дореволюционном, советском и нынешнем, который активно возрождается на уровне провозглашаемых ценностей и целей развития страны) доминирует духовно-нравственная интуиция образа идеального «умостроя» или мироустройства, идеального социального порядка, основанного не просто на православной метафизике соборного единства людей [15], а на конкретном живом воплощении идеи Правды и высшей Справедливости [16]. Иными словами, патриотический дискурс, как он сформировался в лоне теории и практики самосознания отечественной культуры и как он реально воплощался в жизни страны за последние столетия, носит ярко выраженный идеократически и национально окрашенный характер.

Проблема тут кроется в том, что опыт национального самосознания Русского мира, к которому сегодня часто апеллируют сторонники возрождения исторической почвы, корней, в том числе православных, социально-политического бытия страны, всегда скорее свидетельствовал о глубоком внутреннем *расколе* русского общества, чем о его единстве. Почему возникал такой раскол? Ответ на данный вопрос стал предметом исследования многих российских мыслителей прошлого столетия. – Интеллектуальная форма самопостижения русского мира, ставшая результатом длительной

исторической прививки западных ценностей и рационалистической методологии получения нового знания, всякий раз оказывалась доминантой в отождествлении содержания этой постигаемой социально-политической реальности русского общества. Следствием этих противоречий сегодня является то, что основания патриотического дискурса, принципы выстраивания национально ориентированной идеологии как основы государственного регулирования общественного сознания, существенно дистанцированы от *реально* функционирующих механизмов консолидации общества.

Иллюзия политического сознания, которая на несколько лет охватила наше общество после распада СССР, как раз и была связана с тем, что эту дистанцию пытались минимизировать посредством девальвации ценностной структуры коллективного сознания, его традиционалистской векторности и замещения высвободившихся пространств политического проектирования и когнитивности прозападными идеалами государства как корпорации свободных собственников, саморегулируемой правовой системой и балансом интересов. Как и все прочие политические мифы в истории, данное представление об искомом социальном идеале оказалось опровергнуто самой динамикой общественных процессов, институтов, кризисом социального и политического доверия, широким фронтом правового и всякого иного нигилизма.

То, что сегодня официальная власть, государство ставят большую историческую задачу ренессанса Русского мира во всех его возможных проявлениях, за счет именно рецепции патриотического дискурса, с одной стороны, отвечает исторической правде – той роли, которую всегда ранее играла ценность самой России как определенного *символа*, конституирующего все прочие, в том числе и политические, смыслы, с другой же, оставляет открытой дискуссию о том, может ли такая символизация стать эффективным методом преодоления указанного выше дисбаланса единичного и всеобщего в процессах восстановления единства общества. То есть, говоря иначе, может ли такой исторический ренессанс способствовать формированию нового элитарного сознания в современной России.

Теперь необходимо четко зафиксировать главные отличия элитарного сознания как явления именно политической жизни, дабы можно было сформулировать ключевую итоговую гипотезу, краткая предварительная аргументация которой и представлена в настоящей статье.

Что такое элитарное сознание и почему оно не тождественно сознанию элиты (элитных групп)? Сознание элиты формируется как результат самоопределения той или иной социальной прослойки в обществе по основанию имеющихся у этой прослойки ресурсов – властных, материальных, коммуникативных, символических (например, в силу господствующего типа мировоззрения, ценностей, какой-то традиции и т.д.). Такое качество элитарности фиксирует одновременно и определенный доминирующий

императив политического мышления и политической практики: субъектом политического действия может быть только такая элита (ее представители как живые носители статуса или символа). В свою очередь элитарное сознание к двум ключевым ресурсам общества – власти и богатству – относится не как к своей исторически оправданной или естественной предпосылке. Скорее наоборот: элитарное сознание само предшествует в реальном опыте политической или иной деятельности любой ситуации самоопределения по отношению к ресурсам или символам.

Что же является основанием элитарного сознания как политического феномена? – Таковым может выступать только одно – сам чистый опыт *самосознания* субъектов социально-политической деятельности. Предметом такого самосознания является не политическое или экономическое влияние (ресурсная база), а само противопоставление собственной определенности (идентичности) на уровне сознания всякому Иному. В таком противопоставлении ключевым моментом оказывается не ресурс и даже не идея, ценность или смысл. Нельзя рассматривать элитарное сознание в этом ракурсе как опыт самосознания элиты себя в качестве элиты.

Сознание элиты растворено в деятельности этой элиты, которая, то есть эта деятельность, может сохранять собственную слабую дифференциацию по отношению к другим социальным группам. Элита общества – элитарна в своей творческой, политической, военной, научной, коммуникативной и всякой иной модальности. Также и прежде всего она элитарна как субъект власти и как крупный собственник. Парадокс в том, что элита вовсе не обязательно может обладать элитарным сознанием. Более того, именно кризис самосознания элиты стал причиной разрушения старого традиционного общественного уклада на рубеже эпохи Модерна. Его место в западных странах как раз и заняла ценность свободы и либеральная гражданско-правовая система. В элитарном же сознании в центре императив чистого противопоставления, самоотождествления, который, что очень важно, подчиняет себе и частную жизненную стратегию индивида. Вопрос о том, были ли уже в истории (например, в западном цивилизационном очаге) реальные носители такого элитарного сознания и является ли само такое сознание универсальным достоянием политической жизни или порождением только определенного ее этапа – оставляем для отдельного исследования. В данной же статье мы попытались представить кратко аргументы рабочей гипотезы, которую теперь и сформулируем следующим образом.

Формирование принципиально нового элитарного сознания в пространстве социально-политической коммуникации и деятельности в современном российском обществе может стать способом решения многих глубинных противоречий и проблем, с которыми вот уже несколько десятилетий пытается бороться государство. Новое элитарное сознание должно выражать собой не осознание обладания тем или иным политически значимым

ресурсом, а осознание необходимости коренной глубокой «переоценки ценностей» – отбрасывания всякого случайного частного интереса с целью утверждения главного *критерия избранности* – самоидентификации и выстраивания стратегии политического самосознания по основанию подчинения единой общей цели-ценности. Если таковой сможет стать идея самой России, то патриотический дискурс сыграет большую конструктивную роль в созидании нового элитарного сознания. Элитарное сознание – преимущественно есть именно *самосознание*, предметом которого выступает определение себя (субъекта сознания_ как центра или носителя идентификации всеобщего – государственного, национального, интеллектуального и т.д. Элитарное сознание как феномен политической жизни есть результат рефлексии, в том числе рефлексии ценностей. Важный момент – оно не производно от простого приятия ценностей, но именно оно полагает эти ценности как охраняемые государством скрепы опыта.

Еще раз специально подчеркнем, что отличие элитарного сознания как феномена политического бытия заключается именно в том, что такое сознание непосредственно определяет политическую стратегию общества. Такая стратегия должна исходить не из традиционного паттерна «любви к Родине» и не из одной лишь экономической целесообразности или какой-то идеологической установки. Ее опора – признание субъекта политического действия самого себя и в своем лице такого же Другого как причастных единому вектору укрепления российской государственности. Такое самосознание снимает противоречие частного мнения и всеобщего (государственнического) требования. Почему такое признание нельзя, все-таки, приравнивать к традиционному патриотическому дискурсу? – По одной главной причине: *система традиционных ценностей, связанных со служением Отечеству, бережением идеалов духовного «умостройства» и пр., является на уровне, подчеркнем, политического сознания и политической практики ничем иным как сознанием элиты* (элитной группы), образовывавшей на определенном историческом этапе комплекс факторов политической динамики общества в целом.

Именно по этой причине в ситуации радикализации тенденций этнической и конфессиональной идентификации нельзя просто «вернуть» в умы и сердца миллионов граждан патриотизм как базовую ценность и единую действенную платформу собственной идентификации и самоутверждения. Такой «патриотизм» не сможет стать основанием нового элитарного сознания. Относительно перспектив становления такого сознания в обозримом будущем, видимо, следует признать, что пока на сегодняшний день его контуры только пунктирно проступают в политическом рельефе общества. Должно, как минимум, произойти укрепление дистанции субъектов элитарного сознания от самоидентификации по основанию обладания теми или иными ресурсами (в том числе ресурсом манипулятивного влияния

на социальные группы, процессы и акции). Обретение и упрочение такой дистанции возможно только через опыт самосознания субъектов действия. – Только *таким* образом возможно перенесение самого исходного смысла избранности вовнутрь *чистого политического мышления как такового*. Другими словами, такое политическое мышление само оказывается моментом опыта развертывания элитарного сознания, которое выстраивается не вокруг каких-то ценностей или отдельных целей, а по линии (границе) *разграничения* или противопоставления причастных такому осознанию и тех, для кого традиционные паттерны остаются ведущими факторами динамики общества и государства. Сознание элиты не конституитивно, элитарное сознание – обладает большим конститутивным потенциалом, реализация которого в современной России может быть связана с трансформацией патриотического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ананкин С.В.* Институциональные и политические условия общественного участия в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика, культурная революция, 2006.
3. *Великая Н.М.* Идеологические и институциональные доминанты консолидации российского общества и государства // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87).
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
5. *Григорян Д.К.* Законодательное властно-элитное реагирование на фейк-угрозы национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89).
6. *Делез Ж.* Складка. Лейбниц и барокко / общ. ред. и послесл. В.А. Подороги; пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Логос, 1997.
7. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
8. *Ибрагимов И.Д.* Ресурсы теологического образования в формировании у молодежи традиционных российских ценностей в условиях современных геополитических рисков // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 6 (82).
9. *Кривова А.Л.* Молодежная политика в РФ: формы реализации, проблемы и приоритеты развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

10. Кузнецов И.М. Вариативность содержания патриотической идентичности россиян // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).
11. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб.: Владимир даль, 2001.
12. Магадиев М.Ф. Государственное управление в сфере патриотического воспитания в условиях антироссийской западной пропаганды: состояние и перспективы развития // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 9 (85).
13. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003.
14. Осипов А.В. Политические партии как проблемный кластер консолидации политической власти современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78).
15. Соловьев Вл.С. Оправдание добра // Собрание сочинений в 10 т. Второе издание. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. Т. 8.
16. Сорокин В.В. Право и православие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007.
17. Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: фундаментальные вызовы в реалиях XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).
18. Чибиркин Е.А. Государственная политика патриотического воспитания в современной России: специфика формирования и проблемы реализации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 7 (83).

A.A. KHANDZHYAN

*Postgraduate student of the department
Political Science and Ethnopolitics Department, Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

D.K. GRIGORYAN

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the chair of D. in Political Science and
Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of
Criminalistics and Investigative Activity
of Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

PATRIOTIC DISCOURSE AND THE PROSPECTS FOR THE FORMATION OF A NEW ELITE CONSCIOUSNESS IN MODERN RUSSIA

The aim of this article is to investigate the correlation between the formation of a new nationwide integrating ideological paradigm of political thinking and political practice and the crisis of traditional elite consciousness. The problem of mismatch between the self-consciousness of elite socio-political strata in modern Russian society and the conceptual strategy of identification of individual (singular) political interests and positions with the nationwide axiology and teleology is raised. Without which the subjectivity of the elites in the space of political action is devalued. The ultimate meaning of the theoretical study of this problem is determined by the necessity of expert evaluation of patriotic discourse which in the current conditions of growing global instability is chosen as a priority structuring principle of public communication. The achievement of this goal is related primarily to the solution of such problems as the differentiation of elite consciousness and the consciousness of the elites, including in relation to the cultural and historical dimension of Russian statehood. It is also important to analyze the form and content of the revived patriotic ideology as a possible subject of elite self-determination of political subjects.

The methodology of analysis of the formation of a new elitist consciousness on the basis of patriotic discourse, on the one hand, is based on the tradition of civilizational and historical self-consciousness of the Russian world, within which the foundations of civil and legal, political and spiritual and moral synergy were identified. On the other hand, the search for overcoming the crisis of elitist consciousness should take into account the studies of deformation of public communicative rationality in the conditions of postmodern destruction of social and political institutions in the modern world. The main question is as follows: can the identity criteria of elitist consciousness be identified with the value and meaning narratives of patriotism in modern Russia? In the course of solving the tasks, the author comes to the conclusion that the traditional patriotic discourse is precisely the experience of the consciousness of elite groups, but its transformation as elite consciousness in modern conditions requires a significant transformation of the internal conceptual relief.

Key words: *patriotism, elite consciousness, elite consciousness, self-consciousness, Russian civilization, political identity.*

А.С. ТИТОВ

*аспирант кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

Д.К. ГРИГОРЯН

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Ростовского
юридического института МВД России,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье анализируется региональный опыт Ростовской области в деле обновления стратегии патриотического воспитания молодежи как составного элемента формирования платформы политической интеграции современного российского общества. Ключевым моментом данного опыта выступает сотрудничество институтов местного и областного управления, общественных фондов, Ростовской-на-Дону Епархии Русской Православной Церкви и Донского казачества в области реализации государственных задач и программ духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения. Исторический опыт такого взаимодействия рассматривается с современных позиций восстановления роли Православной Церкви в политической жизни страны, в процессах становления национального гражданско-правового самосознания и социально-политической идентичности. В статье приводится фактический материал, отражающий достигнутый уровень сотрудничества общественных и религиозных объединений Донского региона, который свидетельствует об эффективности проводимой государственной политики в области укрепления культурных и коммуникативных основ национальной безопасности и подлинного суверенитета в современном глобальном контексте. Главная проблема, с которой сталкивается регион, и которая требует именно концептуального уровня осмысления, заключается

в необходимости иерархического структурирования образовательно-воспитательной деятельности, которое позволит включить элемент политического проектирования и планирования уже в исходный процесс усвоения знания и нравственного кодекса. Осмысление путей ее решения выводит на уровень анализа общей государственной программы народного «просвещения», которая за пределами отдельно взятого региона, Донского края, имеет не всегда достаточную степень реализации.

Теоретико-методологические основы исследования включают в себя классическую традицию отечественной политической мысли, в рамках которой формирование зрелой личности было двуединым процессом становления как нравственного, так и когнитивного пласта знаний и навыков ценностно-ориентированного самосознания. Источниковой базой исследования выступили также официальные документы и материалы Русской Православной Церкви и казачьих учебных заведений Ростовской области, программы которых прямо опираются на императивы патриотического воспитания как конституирующего элемента гражданской идентичности.

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, гражданская идентичность, Русская Православная Церковь, региональный опыт, традиция.*

Современное российское общество и государство испытывает острый дефицит ценностно-смыслового обоснования политической теории и практики. Глубокий кризис социальной и культурной сферы, который наша страна пережила на рубеже столетий, оставил глубокие следы в процессах идентификации и формирования гражданского самосознания. Данный дефицит особенно сильно ощущается теперь – в условиях резкого возрастания внешних угроз и вызовов, когда обычная либеральная мотивация деятельности человека практически не срабатывает. Требуется изменение системы воспитания и образования, которые должны включать в себя элементы духовно-нравственного становления личности. Исторический опыт нашей страны свидетельствует о том, что духовное водительство человека со стороны государства и Русской Православной Церкви всегда выступало мощным позитивным фактором политической жизни, публичной социальной и правовой коммуникации. Также именно такое сотрудничество общества, государственных институтов и религиозных объединений, отвечающее цивилизационной традиции и роли православия в становлении единой российской государственности, выступает мощным консолидирующим элементом, цементирующим гражданское общество по основанию родных ценностей и исконно русского понимания свободы.

Региональный опыт Ростовской области по формированию гражданской идентичности на основе реактуализации патриотического воспитания, реализуемого во взаимодействии институтов Русской Православной Церкви

(Донской Епархии), Донского казачества и региональных общественных объединений, дает очень ценный пример для всей страны. По нашему мнению, опыт Ростовской области при желании может быть спроецирован на другие регионы страны и с учетом местных социальных и культурных особенностей может выступать институциональным методом закрепления культурных основ политического самосознания и гражданской идентичности в современных очень непростых условиях. Обновление единой государственной национальной стратегии России как фундаментальная задача, стоящая перед всем обществом, не может быть продуктивно решена без учета исторического регионального опыта. В этом же ключе должна быть сформирована общегосударственная программа задействования исконных истоков гражданского сознания и политического поведения. Такая программа сегодня нужна, поскольку еще недавно фактически была утрачена национальная традиция политической культуры и все политические реалии минувших десятилетий выстраивались на основе бессознательного копирования западных нелиберальных стандартов.

Социокультурный идеал Донского казачества в том его виде, в каком он сегодня обсуждается и претворяется жизнью посредством взаимодействия институтов государства, Церкви и казачества, обладает очень мощным и еще не растраченным интегрирующим потенциалом. Опыт современного Донского казачества (подтверждаемый деятельностью Всевеликого Войска Донского, его структурных подразделений, а также развитием и укреплением местного «муниципального» самоуправления в Донском регионе) говорит о том, что в основе выстраиваемой стратегии социального поведения казачества лежит подчеркивание индивидуального Лица казачества.

Об этом же *политическом* эффекте патриотического нравственного воспитания идет речь и в «Проекте» катехизиса Русской Православной Церкви. Очевидно, что постепенное укрепление общественных ролей Русской Православной Церкви позволяет решать ключевую задачу нашего времени – *консолидацию* всех общественных слоев и сфер и возрождение национальной основы политической жизни. Именно сотрудничеству Церкви и государства отводится огромная роль в предложенном варианте катехизиса Православной Церкви [4]. Всестороннее укрепление сотрудничества религиозных институтов (не только Русской Православной Церкви, и других традиционных конфессий страны) и государства в настоящее время на уровне публичной политической коммуникации рассматривается как важнейшая составляющая воссоздания национальных, исторически приемлемых и оправданных, источников политической легитимации. С этой точки зрения региональный опыт Ростовской области весьма показателен: традиция патриотического воспитания, опирающегося на православие и этический кодекс Донского казачества, выступает одним из основных инструментов формирования политического сознания на местном уровне,

а также, что очень важно, гражданско-правового порядка. А культурно-образовательный идеал казачества выполняет важнейшую функцию фильтра (селекции) информационных потоков и смысловых ориентиров в конкретной жизненной практике в ситуации охвата политической и гражданской коммуникации информационными высоко технологизированными сетями.

В Ростовской области укрепление нравственного здоровья в обществе, воспитание и образование как важнейшие сферы деятельности, предложенные в катехизисе Православной Церкви, находят свое практическое воплощение в конкретных делах. В том числе в организации специальных учебных заведений (кадетских корпусов), в которых воспитание гражданина и его патриотического самосознания неотделимо от процесса усвоения нового знания и обретения внутреннего нравственного стержня личности. Подчеркнем, что речь вовсе не идет о создании некоей теократической модели, которая когда-то в средневековой Европе выступала господствующей формой идентичности христианского общества, в сфере права, политики и образования. Реалии сегодняшнего дня естественным образом накладывают самый серьезный отпечаток на процессы взаимодействия государства и Церкви в области воспитания и образования. Опыт, который демонстрирует нам Донское казачество, говорит о том, что традиционные ценности и православный уклад жизни и соответствующий патриотический образ мышления отнюдь не противоречат становлению духовно здорового и уверенно ориентирующегося в сложных динамичных условиях развивающейся цивилизации молодого сознания.

Синергия Церкви и казачества в деле формирования гражданского стержня казачества минимизирует опасность не только нравственного оскудения человека, но и политического разобщения общества. В чем состоит важнейший социально-политический эффект такой синергии. Гражданский идеал донского казачества обладает мощным легитимирующим потенциалом. Молодое поколение выступает не только объектом воспитательного процесса, но и само активно определяет реальные границы *должного* в жизни своих сограждан. Для казачества всегда были ценны *труд* и *служение*, а не простое алчное потребление, культивируемое в современное западной культуре.

Смысл соработничества Церкви и государства в деле образования и воспитания заключается не в том, что церковь должна контролировать государство (и наоборот). Функции и роли не должны подменяться. Ибо в этом случае будет утрачено основное – искреннее служение и честная нравственная позиция в воспитании молодого поколения. Государство как светский институт, как субъект правового и политического волеизъявления не может выступать носителем духовного самосознания. Хотя сам уровень развития гражданской культуры и гражданского общества отражает и уровень нравственной зрелости его представителей. Равно как и Церковь не может быть

представителем или заместителем светской власти и управлять делами сугубо «земными». «Формирование социокультурного пространства традиций российского казачества через единство смысла и смысложизненных ориентаций представителей разных поколений и социальных групп, в свою очередь, является условием освоения духовного наследия казачества с позиций патриотизма» [6. С. 17].

Иными словами, во взаимодействии государства, Церкви и общества в учебно-воспитательном процессе проявляется важнейший функциональный элемент образования как социокультурного института – не только *селекция образованных граждан*, но и *саморегуляция* гражданского (политического) организма, включающая в себя контроль и отбор приемлемых моделей жизнедеятельности, поведения, коммуникации, ценностно-смысловых установок и т.д. В этом смысле культурно-образовательный идеал Донского казачества обладает мощным нормотворческим потенциалом. Молодое поколение, получающее установки патриотического *самосознания* и исторической культурной интуиции на базе православного мировидения, способно выступать не только объектом воспитательного процесса, но и само, в конечном счете, определять реально практически существующие границы *должного* в общественном поведении и жизни своих сограждан.

Важно понимать следующее. Сотрудничество казачества и государства, казачества и Православной Церкви обладает политическим эффектом не только по отношению к самому молодому поколению казаков (на Дону или в любом другом регионе страны). Оно значимо и показательно как *действующий пример для всего российского общества*. Транслируемый через воспитание и образование в совместном усилии Церкви и государства культурный и духовно-нравственный идеал казачества помогает собственное историческое наследие рассматривать как основание для подъема патриотического гражданского чувства и сознания.

Формируемые установки гражданского сознания, коллективной ответственности и идентичности достаточно сильны для того, чтобы быть автономными регулятивами по отношению к внешним формализованным правовым структурам. Что в целом также отражает традицию казачьего «демократизма» или «народовластия», не противоречащую российской православной государственности (как самодержавной, так и современной). «Державность» казачьего социокультурного идеала определенным образом преломляет общероссийскую традицию отношения общества и личности. *Всеобщее* в общественной и государственной жизни становится предметом *личного* усилия и гордости. Совесть и чувство долга выступают способом интеграции казачьего сообщества, а не его разобщения по принципу индивидуального толкования ценности служения и патриотизма. Для казачьего менталитета, поддерживаемого в процессе воспитания и образования со стороны Церкви и государства, свойственно особое

толкование героизма, отличающееся от западноевропейского, ориентирующегося на индивидуализм. Ценность *поступка* определяется прежде всего степенью самоотдачи человека в служении родному краю или Отечеству в целом. Самоотверженность и глубокое осознание привязанности к родной культурно-исторической почве лежат в основе воспитываемых жизненных приоритетов молодого поколения. «Особую роль в патриотических традициях казачества занимает военное служение Отечеству» [6. С. 25].

Имеющиеся на сегодняшний день конкретные формы реализации соработничества Православной Церкви, государства и Донского казачества в патриотическом воспитании молодежи свидетельствуют о том, что образовательная стратегия охватывает практически все области жизнедеятельности молодого поколения, сферу повседневного общения и быта. Внешние рамки учебно-воспитательного процесса не отгораживают человека от реалий современности, а напротив формируют *активное сознательное отношение* к ним с позиций вырабатываемого патриотически-гражданского самосознания и православного мировоззрения. Что и составляет непосредственное политическое измерение ценного регионального опыта Ростовской области.

Опыт соработничества Донского казачества, Русской Православной Церкви и институтов государства, общества как коллективного социально-культурного субъекта в современной России, безусловно, несет на себе печать исторического опыта прошлых эпох. В особенности XIX века, когда можно уверенно говорить о становлении взаимодействия между войсковыми, станичными структурами и епархиальным управлением Донской Епархии в деле организации образования на Дону, и минувшего XX столетия.

Конечно, современная ситуация в воспитании и образовании всей российской молодежи (не только казачьей) глубоко опосредована радикальными культурными травмами прошлого. Утрата или существенная деструкция многовековых устоев и традиционных духовно-нравственных оснований жизни людей на очень длительный срок задала определенный мировоззренческий и символический вакуум в обществе, что приводило к деформации и политической культуры. Последние три десятилетия мы наблюдаем в стране активное возрождение российского казачества. Данный процесс проходит в контексте общего восстановления исконно русской гражданской и правовой культуры и традиционной духовности. Проблема поиска прочного основания обновленной российской государственности, ее идеологической платформы, эффективной модели формирования гражданского общества, во многом упирается в проблему гармоничного совмещения социальной и личной свободы, с одной стороны, и ответственности за судьбы страны и общества в целом, с другой. Суверенная гражданская позиция должна не только манифестировать свободу выбора и апеллировать лишь к личной совести. Осознание необходимости патриотического

настрою молодежи как преемника прошлого и как носителя новых тенденций в социальном развитии также составляет ее важнейший компонент.

Если говорить о Донском регионе и Всевеликом Войске Донском, то можно выделить следующие основные направления взаимодействия Церкви и казачества в воспитательно-образовательном процессе: проведение различных совместных мероприятий (историко-этнических, культурологических, образовательных просветительских проектов и пр.); создание, укрепление и дальнейшее развитие (в соответствии с имеющейся традицией еще позапрошлого столетия) образовательных учреждений, в которых приоритет отдается изучению и трансляции именно казачьего регионального культурного компонента (обычаи, устоявшиеся коммуникативные формы, особенности быта и т.д.); всевозможные формы работы с молодежью, подрастающим поколением в рамках действующих актуальных военно-патриотических организаций и молодежных клубов, в которых казачья направленность деятельности является доминирующей. Во всех этих формах условно можно выделить два основных блока – первый из них связан в большей степени с концептуальной и методологической (отчасти и методической) рецепцией и практическим воспроизведением исторического и этносоциального наследия донского казачества, второй как раз направлен на воспитательно-образовательный процесс как таковой. Во втором случае православное мировоззрение, изучение основ православного вероучения, история взаимодействия Донской Епархии и казачьего войскового и станичного сообщества, выступает основной канвой формирования корпуса изучаемых дисциплин. При этом основной формой реализации совместного воспитания и образования выступает кадетский корпус. «Краеугольным камнем у основания казачьего кадетского образования является использование в учебно-воспитательном процессе культурно-исторических традиций российского казачества и региональных особенностей родного края, основанных на военно-патриотическом, физическом, духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, подготовке молодежи к служению Отечеству» [1. С. 4].

Сам дух образовательных учреждений на Дону сегодня непосредственно связан со стремлением восстановить ментальное, коммуникативное, нравственно-эстетическое и правовое пространство казачества. Передний фланг здесь, безусловно, принадлежит кадетским корпусам. «Воспитание обучающихся в казачьих кадетских корпусах – целенаправленный, педагогически организованный процесс формирования и развития у обучающегося на основе казачьего воспитательного идеала, традиционных ценностей казачества личностных качеств, значимых для казака и его социального окружения» [5. С. 4]. – Гласит одобренная Советом при Президенте Российской Федерации по делам казачества «Концепция» духовно-нравственного воспитания и социализации молодежи в кадетских корпусах.

На сегодняшний день на Дону насчитывается десять учебных заведений, которые именуются «кадетскими корпусами» (школами-интернатами) и как раз реализуют воспитательно-образовательный процесс на основе прочного взаимного сотрудничества казачества, православной церкви, государственных институтов и социально-правовых структур. К ним относятся: Белокалитвинский казачий кадетский корпус М. Платова, Морозовская А.В. Суворова казачья школа-интернат, Ростовской области кадетская школа-интернат Аксайский кадетский корпус, Ростовской области кадетская школа-интернат Шахтинский кадетский корпус, Ростовской области кадетская школа-интернат 2-й Донской Императора Николая II Кадетский корпус, Аксайский Данилы Ефремова казачий кадетский корпус, Донской Императора Александра III кадетский корпус, Шахтинский Я.П. Бакланова кадетский казачий корпус, Тацинский казачий кадетский техникум, Орловский казачий кадетский корпус. Данный перечень вовсе не исчерпывает институционализацию патриотического воспитания на Дону. Всего в Ростовской области насчитывается более 200 учебных заведений, в которых в той или иной степени реализуется сотрудничество казачества, государства и православной церкви (включая детские сады, школы, кадетские профессиональные училища и другие многопрофильные дополнительные учебные заведения). Однако именно кадетские корпуса сегодня, так же, как и на рубеже XIX-XX вв., являются закрепленными формами выражения синергии Церкви и казачества и наиболее явно, максимально демонстрируют населению и государству политический эффект.

Говоря об основных формах сотрудничества Церкви, казачества и государства в образовательно-воспитательном процессе в современной России нельзя не отметить такой примечательный факт. В октябре 2009 года на заседании Совета при Президенте РФ по делам казачества в столице Донского казачества городе Новочеркасске Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил, что «без хранения веры, без духовной ревности, без твердой опоры на духовные и нравственные ценности невозможно не только возродить казачество, но и само казачество невозможно» [2]. Тем самым была заложена фундаментальная стратегия возрождения казачества России и Донского казачества соответственно. Выражением сотрудничества государства и Православной Церкви в деле укрепления казачества, воспитания молодого поколения, на плечи которого и возлагается основное бремя возрождения духовности культуры России, стало то, что уже в 2010 г. решением Священного Синода Русской Православной Церкви был создан Синодальный Комитет Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством. Устав данного Синодального комитета определил основные принципы и направления сотрудничества казачества, православной церкви и государственных институтов. В этой связи интересен документальный факт – содержащиеся в числе прочих в «Плане реализации» государственной

программы Ростовской области «Поддержка казачьих обществ Ростовской области» положения о религиозной, социальной и культурной составляющей, характеризующей как раз ожидаемый на уровне государства и общества политический эффект от сотрудничества Церкви, государства и казачества [3].

Эти положения нашли свое отражение в *«Концепции традиционного духовно-нравственного воспитания, развития и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах»*, одобренной на заседании постоянной профильной комиссии по взаимодействию с Русской Православной Церковью в составе Совета при Президенте РФ по делам казачества 28 апреля 2011 года: *«Казачий воспитательный идеал – высшая цель казачьего образования, формируемая на основе христианского идеала, традиций, ценностей казачьей культуры и педагогики с учетом современных условий и общенациональных задач; нравственное (идеальное) представление о казаке, на воспитание, обучение и развитие которого направлены согласованные усилия государства, педагогических коллективов казачьих образовательных учреждений, казачьих обществ, семей обучающихся, Русской Православной Церкви, общественности»* [5. С. 5].

Если говорить о степени реализации культурно-образовательного и воспитательного идеала Донского казачества в современном социально-политическом контексте на Дону, то следует отметить, что хоть речь и идет об идеале, но он вовсе не связан с некими абстрактными или искусственными схемами, или идеями. Православный воспитательный идеал казачества востребован сегодня в нашей стране именно как пример эффективного духовного «инструмента» политической гражданской реинтеграции общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Беспалов М.П. Развитие системы непрерывного образования казаков: православный аспект. Опыт Ростовской области // Церковь и казачество: соработничество на благо Отечества: Материалы Четвертой Международной научно-практической конференции. М.: ООО «Духовное преображение», 2015.

2. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества в Новочеркасске. 14 октября 2009 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/813963.html>.

3. Департамент по делам казачества и кадетских учебных заведений Ростовской области // <http://depkazak.donland.ru/Default.aspx?pageid=109074>.

4. Катехизис Русской Православной Церкви. Проект. М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2017 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4966631.html>.

5. Концепция традиционного духовно-нравственного воспитания, развития и социализации, обучающихся в казачьих кадетских корпусах. М.; Ставрополь: Ирбис, 2013.

6. *Левченко Т.В.* Традиции российского казачества – духовный ресурс патриотического воспитания детей и молодежи. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2013.

A.S. TITOV

*Postgraduate student of the department
Political Science and Ethnopolitics Department, Russian
Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow, Russia*

D.K. GRIGORIAN

*Candidate of political sciences,
Associate Professor of the Chair of D. in Political Science and
Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of
Criminalistics and Investigative Activity
of Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

PATRIOTIC EDUCATION AS A FACTOR IN POLITICAL LIFE IN MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL EXPERIENCE OF THE ROSTOV REGION

The article analyzes the regional experience of Rostov region in updating the strategy of patriotic education of youth as a constituent element of formation of the platform of political integration of modern Russian society. The key point of this experience is cooperation of institutions of local and regional government, public foundations, Rostov-on-Don Diocese of the Russian Orthodox Church and the Don Cossacks in the implementation of state tasks and programs of spiritual, moral and civic-patriotic upbringing of the younger generation. Historical experience of such interaction is considered from modern positions of restoration of a role of Orthodox Church in political life of the country, in processes of formation

of national civil – legal consciousness and social-political identity. In the article the factual material, reflecting reached level of cooperation of public and religious associations of Don region is resulted. This fact testifies to efficiency of carried out state policy in the field of strengthening of cultural and communicative bases of national security and true sovereignty in modern global context. The main problem faced by the region, which requires exactly the conceptual level of comprehension, is the need for a hierarchical structuring of educational activity, which will allow to include an element of political design and planning already in the initial process of assimilation of knowledge and a moral code. The comprehension of the ways of its decision leads to the level of the analysis of the general state program of national education which outside the limits of a separately taken region, the Don area, has not always sufficient degree of realization.

Theoretical and methodological foundations of the study include the classical tradition of domestic political thought, in which the formation of a mature personality was a twofold process of formation of both moral and cognitive layer of knowledge and skills of value-oriented self-consciousness. The source base of the study were also official documents and materials of the Russian Orthodox Church and Cossack educational institutions of Rostov region, the programs of which directly rely on the imperatives of patriotic education as a constitutive element of civil identity.

Key words: *patriotic education, civic identity, Russian Orthodox Church, regional experience, tradition.*

Е.А. КУЗНЕЦОВА

*аспирант кафедры теории и истории государства
и права Тамбовского государственного технического
университета, Россия, г. Тамбов
<https://orcid.org/0000-0003-1135-0690>*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ В РАМКАХ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Конституционные поправки послужили началом процесса модернизации всей структуры власти. Появление публичной власти потребовало ее изучения в соотношении с теорией разделения власти и с точки зрения соблюдения основополагающих признаков демократии. Рассматриваются механизмы сдержек и противовесов, возникших в результате новых конституционных преобразований, на основе институционального анализа полномочий Президента, государственных органов, а также местного самоуправления. Найдено сильное звено в единой системе управления.

Ключевые слова: *публичная власть, перераспределение полномочий, целеполагание, глава субъекта, централизация власти.*

Поправки в Конституцию вызвали необходимость преобразования всей властной структуры. Вектор усиления позиции главы государства направлен не только в сторону федеральной, но и напрямую затронет региональную власть, а та в свою очередь распространит свое влияние на местное самоуправление. Потребность в изучении процесса разделения полномочий в рамках единой системы публичной власти обусловлена, во-первых, важнейшей деталью в изучении теории демократии, во-вторых, воплощение на практике конституционной модели эффективного управления государством. Ключевая роль в политическом транзите отведена власти Президента и ее взаимодействию с законодательными, исполнительными и судебными органами, а также в функционировании единой системы публичной власти. Цель исследования заключается в определении места публичной власти в системе государственной власти с позиции теории разделения власти. Для этого необходимо рассмотреть институциональные изменения, которые произошли в сфере управления. Проанализировать законодательные

решения с точки зрения механизма сдержек и противовесов различных органов власти.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4; 6; 7; 8; 11; 12; 14; 16].

Однако в рамках политической науки проблеме совершенствования российской системы публичного управления и повышения его эффективности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Во многом происходящие политические процессы напоминают попытку усовершенствовать или подкорректировать действующие положения Конституции к современным условиям. Поскольку Конституция 1993 года – это прежде всего результат кропотливой работы по преодолению существовавшего конституционного кризиса. В настоящее время намечен политический курс на обновление и адаптацию власти в рамках существующей политической системы.

Поэтому вопросы эффективного выстраивания властных отношений остаются наиболее сложными для российского государства. Изначально в процессе рассмотрения предложений по содержанию Конституции России, в ходе первого заседания конституционной комиссии, состоявшегося 1 апреля 1990 г., в числе первоочередных поправок была необходимость определиться с поправками в главу пятую, которая именовалась «высшие органы государственной власти и управления» [13].

По мнению Ю. Рыжова, входившего в состав конституционной комиссии, основная задача «определиться с отношениями Съезд – Верховный Совет – Президент. Поправка о президентстве» [13]. Как видим, вопросы взаимоотношения власти и определение статуса Президента были безотлагательными.

Л. Волков «(народный депутат Российской Федерации, член Конституционной комиссии)» [13. С. 56] также обозначил первоочередные меры по организации власти в стране.

Кроме того, Л. Волков предлагал «разделить единую систему Советов: муниципальная система не тождественна парламентскому принципу» [13. С. 41]. Впоследствии эти слова найдут отражение в Конституции РФ, закрепляя гарантии местного самоуправления.

Сейчас же намечена обратная тенденция, которая заключается в объединении усилий органов государственной власти различных уровней с органами местного самоуправления в единой публичной власти, сохраняя конституционные принципы независимости и самостоятельности местной власти.

Свои идеи Л. Волков предложил оформить в виде декларации поскольку искренно полагал, что именно она «должна стать не только политическим, но и юридическим, документом огромной важности, типа Декларации независимости США, ставшей основой американской Конституции» [13]. Возможно он планировал заимствовать американскую модель построения демократии у нас в России. Ведь именно американцы придали «новое звучание политике, суть которой сводится к тому, что политика – это не только управление делами государства, не только регулирование общественных отношений, но и целеполагание в управлении делами государства и регулировании общественных отношений. Американцы одними из первых демонстрируют достаточно интересный исторический опыт целеполагания в формировании политической системы, не деля власть, а делегируя полномочия централизованной власти» [15. С. 326].

Однако, результат нам уже известен. Если бы допустить такую мысль, что идеи Волкова нашли бы свое продолжение, то возможно не пришлось бы вносить конституционные поправки в 2020 году.

Еще один важный момент, озвученный на самом первом заседании конституционной комиссии касался вопроса определения правового статуса президента «это и есть конституционный и политический конфликт» [13. С. 42].

Проанализировав аналитическую записку «эксперта Конституционной комиссии РСФСР В.Д. Зорькина» [13. С. 60-61] в отношении разделения властей, приходим к выводу, что деление государственной власти соответствует современному, закреплённому в статье 10 Конституции Российской Федерации [5]. Главное отличие заключается в том, что у В.Д. Зорькина, по форме правления Россия – это «президентская республика», а сам президент «является главой исполнительно-распорядительной власти» [13. С. 60-61].

Идеи организации власти, предложенные на заседании конституционной комиссии, были воплощены спустя тридцать лет июльскими конституционным поправкам 2020 года, согласно которым Президент получил полномочие по осуществлению общего руководства главным исполнительным органом власти страны.

В целом проект Конституции РФ от 24 сентября 1990 года в своей структуре содержал семь разделов, раздел пятый был посвящен «системе государственной власти» [13. С. 77-78]. Интересный момент в этом разделе глава третья закрепляла не только институт Президента, но и «Вице-Президента» [13. С. 78].

В современной политической системе, исходя из первичного анализа практики государственного устройства, Президент занимает самостоятельную ветвь власти в Российской Федерации. К такому выводу приходим, исходя из анализа конституционных положений.

Функционально полномочия президента увеличены, об этом свидетельствует усиление его влияния на исполнительную власть путем осуществления руководства высшим исполнительным органом страны и учреждением Государственного совета, «формируемого непосредственно Президентом Российской Федерации» [9].

«По сути Государственный совет выступает вспомогательным органом Президента, который призван объединить публичную власть в лице федеральных, региональных и местных органов власти в единую систему с целью эффективного социально-экономического развития страны в целом, в том числе и на международной арене» [15. С. 327].

В состав Государственного совета входят представители власти различных уровней от исполнительной Председатель Правительства РФ, от российского парламента председатели каждой палаты, руководитель Администрации Президента, от региональной власти высшие должностные лица, а также по решению Президента могут быть включены представители политических партий и органов местного самоуправления, и другие, поскольку перечень не является исчерпывающим.

Резюмируя вышесказанное, Государственный совет собрал в своем составе представителей власти различного уровня и общественных организаций, что свидетельствует о заинтересованности в совместном решении задач, поставленных перед советом, с учетом различных мнений.

Кроме того, для детального погружения в глубину возникшей проблемы с целью ее эффективного решения указом Президента было создано 18 «комиссий Госсовета» [3] по различным направлениям.

В случае если возникла проблема в энергетической отрасли, то назначается заседание комиссии, которое проводится под председательством помощника Президента, секретаря Государственного Совета при участии председателя комиссии, губернатора соответствующей области, Министра энергетики, представителей профильных органов власти и организаций. В ходе заседания заслушиваются доклады по возникшему проблемному вопросу, обсуждаются участниками заседания возможные варианты решения. По окончании заседания составляется протокол рекомендательного характера для органов власти и другим субъектам хозяйствующей деятельности о принятия конкретных мер, направленных на своевременное решение возникшей проблемы.

Таким образом, обеспечивается неформальный, а действенный подход к решению вопроса, основанный на принципе «целесообразности». Поскольку Государственный совет выступает своего рода посредником, который аккумулирует интересы сторон и оформляет в виде предложений, поступающих непосредственно Президенту Российской Федерации, по важнейшим вопросам государственного устройства.

«С другой стороны, вместе с созданием Госсовета произошло усиление институционального президентского влияния на организацию контрольно-надзорной деятельности в субъектах федерации» [15. С. 327].

Внесенные конституционные поправки потребовали расшифровки замысла законодателя и как следствие издание закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» для объединения совместных усилий региональной власти и местного самоуправления в целях эффективного управления отдельным субъектом и государством в целом.

В законе отражены основные направления деятельности органов публичной власти в субъекте Российской Федерации. Органы местного самоуправления входят в состав публичной власти регионального уровня. Но при этом «признается и гарантируется местное самоуправление» [10]. Поскольку конституционные положения предусматривают самостоятельность в принятии решения населением по вопросам, отнесенным к ведению муниципального образования. Тем самым обеспечивается важнейший демократический принцип осуществления власти народом.

Таким образом, конституционная новелла в виде «публичной власти» призвана согласовать действия региональных органов государственной власти и местного самоуправления и создать единый слаженный оркестр властной системы. «Публичная власть» призвана сконцентрировать совместные усилия органов власти всех уровней «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [15. С. 327].

В условиях пандемии появилась новая формы взаимодействия власти. В законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» возможно дистанционное взаимодействие органов публичной власти. Тем самым обеспечивается оперативность в решении возникающих проблем и возможность беспрепятственного взаимодействия власти различного уровня, который стирает бюрократические препятствия и повышает доступность власти.

В данном законе содержится норма, закрепляющая «участие органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, в решении задач местного самоуправления» [10. Ст. 6]. Например, региональные государственные органы в рамках своей компетенции вправе законодательно закрепить права, обязанности, а также ответственность муниципальных органов и их должностных лиц, кроме того активно выступают в процессе их формирования. В законе учитывается классическая теория разделения власти на «законодательную, исполнительную и судебную» [10. Ст. 2] и закреплён «принцип единства системы публичной власти» [10].

Отметим особую роль главы государства в публичной власти. «Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации» [10. Ст. 1].

Региональным законодательством «может осуществляться перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации» [10. Ст. 6]. Подобная формулировка позволяет региональной власти самостоятельно очерчивать круг полномочий органов исполнительной власти и муниципальными органами, исходя из реальных потребностей и возможностей. Важное на наш взгляд уточнение в законе, что перераспределение таких полномочий возможно, как минимум на срок полномочий законодательного органа субъекта, что позволяет повысить уровень парламентского контроля в каждом регионе страны. Отметим, что представительные органы субъектов вправе заслушивать отчеты руководителей органов исполнительной и муниципальной власти.

В свою очередь органы исполнительной и местной власти несут двойную ответственность за выполнение своих полномочий как перед законодательным органом власти, так и перед населением региона.

Однако очерчен круг направлений, которые не перераспределяются – это распоряжение собственностью муниципалитета, местный бюджет и все что связано с его формированием, принятием устава и другие вопросы. Насколько при всем этом органы местного самоуправления сохраняют свою самостоятельность при очевидном влиянии государственной власти.

Тем не менее создан новый механизм власти, который действует согласованно при взаимодействии всех ветвей власти – федеральной, региональной и местной на основе четкого распределения полномочий, двойной ответственности и подотчетности власти.

Региональный парламент несет ответственность не только перед руководителем региона, который вправе принять решение «о досрочном прекращении полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации принимается в форме указа (постановления)» [10. Ст. 14], но и перед главой государства. Так, представительный орган прекращает свои полномочия досрочно в случае «ропуска законодательного органа субъекта Российской Федерации Президентом Российской Федерации» [10]. И вновь наблюдаем интересный механизм сдержек и противовесов власти основная позиция здесь отводится президенту, как гаранту Конституции, который выносит предупреждение региональному законодательному органу, в случае принятия им закона, противоречащего Конституции и судом данный факт установлен, но законодательный орган не исполнил решение об отмене спорного закона.

В полномочиях Президента определено право ограничить на время действие постановления главы или исполнительного органа региона при нарушении конституционных норм, законов, международных обязательств или нарушений прав и свобод человека «до решения этого вопроса соответствующим судом» [10. Ст. 3]. Данные меры подчеркивают ключевую позицию Президента в публичной власти и выглядят подстраховкой во избежание возможных ошибок и разногласий в системе управления.

Кроме того, «перечень типовых государственных должностей субъектов РФ утверждается Президентом» [10. Ст. 5]. Президент занимает уникальное положение в пирамиде власти, законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» подчеркивается, что в стране может быть только один президент. Поэтому в российских субъектах «такое наименование не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации» [10. Ст. 20].

Раньше главы регионов, как правило республик, могли именоваться президентами, то с введением в действие нового закона «наименованием должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является «Глава» с дальнейшим указанием наименования субъекта Российской Федерации» [10].

Президент участвует в назначении высшего должностного лица российского субъекта «Конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается депутатами законодательного органа субъекта Российской Федерации» [10. Ст. 23]. Кандидаты на должность определяются Президентом по рекомендациям партий, допущенных к распределению депутатских мест, а затем глава государства передает список кандидатов в законодательный орган региона для голосования. Содержится обязанность партии проведения консультации с другими политическими партиями, у которых отсутствует право на предложение непосредственно Президенту своих кандидатов, но имеющие территориальные отделения в регионе, в котором планируются выборы главы. Такая процедура позволяет найти достойную кандидатуру с учетом конкретного трудового вклада в развитие региона. В свою очередь глава государства из поступивших к нему на рассмотрение кандидатур представляет трех для избрания на должность главы региона в представительный орган субъекта.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что глава государства и парламент субъекта определяют должностное лицо, которое несет ответственность за весь регион и в случае неисполнения оказанного ему доверия точнее «в связи с утратой» [10. Ст. 28] досрочно прекращает свои полномочия.

Создана новая конфигурация власти, при которой региональная законодательная власть участвует в выборе высшего должностного лица,

возглавляющего исполнительную власть в субъекте, под чутким контролем Президента. Схожая схема только в другой последовательности применяется при определении главы Правительства только в данном случае решающее слово за Президентом, поскольку «Председатель Правительства Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации после утверждения его кандидатуры Государственной Думой» [9].

«При этом наиболее важным представляется акцентировать внимание на развитии консультативного механизма взаимосвязи организации деятельности Президента и Совета Федерации в системе публичной власти» [15. С. 327].

Принцип построения власти регионального уровня во многом идентичен федеральному и осуществляется в четком взаимодействии. При этом у Президента имеются различные рычаги властного воздействия во избежание всевозможных конфликтов, например, вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом «о проверке конституционности закона субъекта Российской Федерации до его обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации» [10].

Президент может распустить законодательный орган власти в регионе, «если в течение трех месяцев со дня вынесения президентом Российской Федерации предупреждения законодательному органу субъекта Российской Федерации указанный орган не принял в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда» [10].

Мы видим главенствующую роль президентской власти на всех уровнях от центра и до регионов. Напомним президент руководит деятельностью правительства, назначает министров после консультаций с законодательным органом власти. С полной уверенностью можно утверждать о том, что классическая триада власти не соответствует существующим реалиям и должна быть скорректирована с учетом включения президентской власти как самостоятельной, обладающей уникальными признаками. Президентская власть завязана со всеми остальными и проходит красной линией через каждую. Получилась интересная централизованная структура управления властью. С одной стороны, горизонтальное и вертикальное деление власти. При горизонтальном делении вспоминаем классическую триаду власти, а при вертикальном в основе положен принцип федерализма. Отдельное самостоятельное положение у местной власти. Публичная власть, которая объединяет федеральную, региональную и местную в единую систему. При этом каждая обладает исключительными полномочиями, закрепленными в основном законе страны.

Подводя итоги отметим, что благодаря конституционными поправками введен новый орган власти Государственный совет, который по сути возглавляет публичную власть. С точки зрения теории разделения властей, исходя из анализа законодательства, Государственный совет функционально

выступает на стороне исполнительной власти. Поэтому очевиден институциональный перевес в сторону исполнительной власти при сильной позиции главы государства. Если сравнивать государственную и публичную власть, то отмечаем идентичные постулаты, в том числе соблюдение теории разделения властей и основных демократических принципов. Значительные изменения в сфере организации власти затронули взаимоотношения органов власти региона с муниципалитетами. С точки зрения соблюдения основополагающих признаков демократии имеется спорный момент, связанный с нахождением местного самоуправления в единой системе публичной власти и сохранением за ними гарантий их самостоятельности в решении вопросов.

Политическая модернизация конституционного механизма управления власти в стране показывает незыблемость положений Конституции России в интересах народа, с другой стороны, очевидно изменение в системе «сдержек и противовесов» во властной структуре. Отмечаем центральную роль главы государства в системе публичной власти.

Важно отметить, что исследование в этом направлении продолжается и остаются проблемы, требующие изучения за рамками данной статьи. Ключевой вопрос, который требует научного внимания, заключается в определении положения местного самоуправления в системе публичной власти как важнейшего элемента теории демократии. Для этого необходимо детально рассмотреть различные точки зрения на практику институционального распределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления и дать оценку национальному опыту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ардзинба Д.К.* Концептуальные основы принятия решений органами государственной власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
2. *Ахпателов Б.Р.* К вопросу о реформировании федеративных отношений в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 10 (91).
3. Вопросы Государственного Совета Российской Федерации: указ Президента от 21 декабря 2020 г. № 800 // Собрании законодательства Российской Федерации. 28 декабря 2020. № 52 (часть I). Ст. 8793.
4. *Качуренко Д.С.* Разделение властей как философская доктрина и управленческий принцип: теоретические аспекты // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 25 декабря 1993. Ст. 10.

6. *Маслов К.В.* Проблема понятия «государство» в политической науке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

7. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* Отечественная история: к вопросу о влиянии этничности на доступ к власти // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 3 (25).

8. *Медведев Н.П.* Публичная власть субъектов Российской Федерации: из истории выборов депутатов региональных законодательных собраний (1995-2001 гг.) // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 2 (24).

9. О Государственном Совете Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 ноября 2020 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 декабря 2020 г. // Рос. газ. 11 декабря 2020. Ст. 3.

10. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 декабря 2021 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 декабря 2021 г. Ст. 2 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070.

11. *Осипов А.В.* Основные тенденции, динамика и противоречия процессов консолидации политической власти в современной России (на материалах социальных мониторингов 1998-2021 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

12. *Равочкин Н.Н.* Импорт политико-правовых институтов: проблемы и поиски путей преодоления (часть 3) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

13. *Румянцев О.Г.* Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.) в 6-и т. (10 кн.); Т. 6: Дополнительные, мемуарные, справочные материалы. 2010.

14. *Румянцев О.Г.* О некоторых политологических аспектах конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 2 (20).

15. *Санжаревский И.И., Кузнецова Е.А.* Разделение властей и конституционная эволюция системы государственного управления в современной России Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 3.

16. *Титов В.В.* Российская национально-государственная идентичность: фундаментальные вызовы в реалиях XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).

E.A. KUZNETSOVA

*Post-graduate student of the Department of Theory
and History of State and Law, Tambov State
Technical University,
Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1135-0690>*

MODERNIZATION OF THE POLITICAL PROCESS OF DISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN STATE AND LOCAL BODIES WITHIN A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC GOVERNMENT

The constitutional amendments served as the beginning of the process of modernization of the entire power structure. The emergence of public authority required its study in relation to the theory of separation of powers and from the point of view of observing the fundamental features of democracy. The mechanisms of checks and balances that have arisen as a result of new constitutional reforms are considered on the basis of an institutional analysis of the powers of the President, state bodies, and local self-government. A strong link in the unified management system has been found.

Key words: *public power, redistribution of promotion, goal-setting, head of power, centralization of power.*

Э.А. СУЛЕЙМАНОВ

аспирант факультета журналистики
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается информационная политика государства, как одно из ключевых направлений в социальной и политической жизни государства и общества. Информационное пространство, как системообразующий фактор политической жизнедеятельности. Отмечается, что со временем политическая роль информационного пространства возрастает, поскольку развиваются процессы информатизации и цифровизации всех сфер человеческой жизнедеятельности. Постиндустриальное общество внесло свои корректировки в информационную политику, проводимую государством.

В постиндустриальном обществе усилилось влияние средств массовой информации в политической сфере, а также произошла медиатизация политики, поскольку информационное пространство вышло на передний план во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова: *информационная политика, средства массовой информации информационное противоборство, манипулятивные техники, информатизация, цифровизация, медийные провокации.*

В XXI веке, практически каждый человек живет в гиперинформационном обществе. Информация была крайне важна на протяжении всего человеческого развития. Однако в последние десятилетия ее роль возросла в геометрической прогрессии и стала без преувеличения всеохватывающей. В современном мире информация играет ключевую роль в функционировании общественных институтов и в жизни каждого человека. Это обстоятельство обуславливает актуальность данного исследования. Медиа-среда не просто окружает человека, но и в значительной мере наполняет его жизнь, обеспечивает его информирование, досуг, развлечения, работу, выполняет функцию носителя памяти и информации. И, заинтересованные

лица за счет этого могут значительно влиять на человека и на общество в целом. Анализируя особенности влияния медиа на общественное мнение, можно отметить, что информационные технологии сегодня способны стимулировать ряд аспектов: обеспечивать поддержку и симпатии, политические выступления, слом государственных институтов, дипломатическую и международную политику, введение ограничений – санкции и обеспечивать множество иных сверхэффективных инструментов политической и экономической борьбы. Все это достигается путем ряда манипулятивных технологий, ядро которых – информация, а главный распространитель – медиа.

Следовательно, это необходимо учитывать при реализации государственной информационной политики.

Государственная информационная политика – это комплексное явление, которое состоит из различных структурных частей. В частности, Ю.А. Нисневич выделяет следующие виды структурных составляющих информационной политики государства:

1. Нормативно-правовые (законодательная база и принципы формирования политики).
2. Техничко-экономические (производственные процессы).
3. Организационно-технологические (информационная инфраструктура и процессы).
4. Социальные (специалисты, эксплуатация технологий и систем) [7. С. 98].

Таким образом информационная государственная политика тесно взаимосвязана, как следует из стратегии [14], с вопросами безопасности общества и государства, а также с экономическими вопросами и вопросами выстраивания эффективных международных отношений, роста авторитета России в мировом пространстве [6. С. 34-42].

Исходя из того, что цель информационной политики государства определена в правовом документе, можно сделать вывод о том, что она определяется самим субъектом государственной власти, наделенным соответствующими полномочиями – не существует объективной цели государственной информационной политики, единой для всех государств. Каждое государство выбирает собственную цель информационной политики в зависимости от режима власти, который существует в данной стране, поставленных общих политических целей, и в зависимости от конкретной личности руководителя государства и руководителей государственных органов, ответственных за разработку и реализацию информационной политики.

Задачи информационной политики государства определяются исходя из поставленной цели. Современные авторы выделяют три основных направления государственной информационной политики:

1. Формирование ценностных ориентиров общественного движения.
2. Информационное обеспечение политики государства.

3. Политическое информационное противоборство [3. С. 221-230].

Если рассматривать данные направления более подробно, то следует отметить, что под первым из них понимают формирование некоего политического сознания общества, которое соответствует ценностям, традициям и обычаям, приветствуемым политической властью. С помощью информационных технологий, средств массовой информации, государство стремится привить, укрепить и сохранить определенные ценности и устои. В частности, речь может идти об укреплении патриотических чувств, на что направлена работа многих современных журналистов и средств массовой информации [7. С. 34-42].

Исследуя второе названное направление информационной политики государства можно отметить, что оно формируется из нескольких составных частей:

1. Формирование положительного образа власти.
2. Обеспечение власти общественной поддержкой [11. С. 92-95].

Указанные составные части направления информационной политики связаны с управлением общественным мнением и необходимостью поддержания политической стабильности государства.

Третье направление государственной информационной политики заключается в предотвращении пропаганды, которая может быть расценена как враждебная для государства.

Если рассмотреть зарубежную информационную политику на примере США, то можно выделить два контура управления информационными потоками: на международной арене и во внутренней политике.

В целом, данные форматы информационной политики можно распространить на все государства, но некоторые из них активно участвуют на внешней (международной) арене (как, например, США), а другие и вовсе не интересуются этим (многие африканские государства).

Грабер Дорис, американский политолог, подчеркивая влияние американских СМИ, пишет, что «средства массовой информации не только главный источник мировоззрения каждого американца, но также самый быстрый способ распространения информации, в обществе, а также самый надежный способ толкования действий правительства США на международной арене. СМИ в Америке превратились из сторожевого пса, стоящего на защите свободы слова, в болонку, лающую по команде Белого дома» [1. С. 15-31].

Отметим и то, что цели и задачи государственной политики определяются непосредственно властвующими субъектами, при этом, направления государственной информационной политики могут быть выделены объективно, применительно к любым поставленным целям и задачам, любым применяемым способам реализации информационной политики и любой ее концепции.

Современное информационное пространство существенно отличается от того, которое существовало еще в прошлом столетии, и тем более отличается от более ранних ее форм. Изменения в информационном пространстве тесно связаны с научно-техническим прогрессом, созданием и развитием новых способов распространения информации. Сегодня именно Интернет играет главную роль в информационном пространстве, это основная медийная площадка и ключевой канал продвижения различных товаров и услуг, передачи любой информации и взаимодействия между людьми. Если сравнивать российское информационное пространство и информационное пространство развитых зарубежных государств, то можно отметить некое отставание России от западных государств, что связано со слабым развитием информационных технологий [8. С. 31-37].

Информационное пространство хоть и представляет собой нематериальную сторону жизни общества, однако, играет существенную роль в политической и общественной жизни любого государства. Со временем политическая роль информационного пространства возрастает, поскольку постоянно развиваются процессы информатизации и цифровизации всех сфер человеческой жизнедеятельности, включая социальную, экономическую, культурную и политическую сферу.

С появлением интернета возникает новое технологическое средство передачи информации, что существенно изменило информационно-коммуникативную среду. Современное информационное общество представляет собой систему с информационной характеристикой, с социально-политической практической реализацией [12. С. 785].

Информационная сфера жизни государства и общества выступает объектом государственной информационной политики и одновременно является одним из инструментов проведения политики, ее реализации. То есть, у информационной сферы жизнедеятельности и информационного пространства двоякая роль: это и объект государственной информационной политики, и инструмент ее реализации. Политическая деятельность не может обойтись в нашем мире без использования информационного пространства, поскольку именно через медиа пространство политики имеют возможность донести до людей определенные идеи и ценности, провести предвыборные кампании и т.д.

Социальная нестабильность, которой «дали волю» неукротимые исторические процессы, не только создали условия для напряженной борьбы за власть между различными частями социальной и политической элиты страны. Она также отнимает чувство уверенности и определенности у огромного числа людей, оказывая разрушительное, ускользающее от понимания воздействие на их жизни [13].

Благодаря качественной защите информационного пространства, реализации мер информационной безопасности могут быть защищены

политические и национальные интересы. То есть, информационное пространство отражается на вопросах национальной безопасности, особенно в современном состоянии всеобщей информатизации и цифровизации. Таким образом, информационное пространство – это системообразующий фактор политической жизнедеятельности.

Еще раз отметим, что информационное пространство и информационная сфера жизнедеятельности общества выступают в качестве объекта государственной информационной политики.

Информационное общество характеризуется спецификой деятельности, большинство населения которого реализует свою трудовую деятельность в информационной сфере (сфере производства знаний) [15. С. 23], в отличие от индустриального общества, которое было основано на промышленном прогрессе, а также доиндустриального общества, преобладающей сферой деятельности которого выступало сельское хозяйство.

Поскольку постиндустриальное общество неотделимо от информационного пространства и информационной сферы жизнедеятельности общества, постиндустриальное общество в своем широком проявлении также может быть отнесено к числу объектов государственной информационной политики, цель которой определяется конкретным властвующим субъектом [2. С. 85-91].

Если рассматривать более мелкие составные части объекта информационной политики государства, то можно отметить, что в основном государственная информационная политика направлена на контроль каналов массовой коммуникации (средства массовой информации), а также на контроль различных субъектов информационной сферы (как индивиды, так и группы лиц, включая общественные движения, иностранные государства, юридические лица и т.д.).

Постиндустриальное общество внесло свои корректировки в информационную политику, проводимую государством.

В постиндустриальном обществе произошло разделение аудитории на множество групп, которые часто возникают стихийно, что приводит к усилению влияния горизонтального уровня коммуникации и снижению эффективности информационной политики государства, поскольку горизонтальная коммуникация подразумевает – усиление роли неформальных каналов связи и снижение уровня доверия к официальным источникам информации.

Если рассмотреть социальные сети в контексте формирования политической среды, то следует отметить важные аспекты их функционирования. Политическая особенность социальных сетей заключается в том, что сами по себе конкретные сообщения от пользователей не несут в себе особой важности и значимости и могут легко затеряться в потоке других сообщений. Однако, как только вокруг сообщения собирается «группа поддержки»,

появляется обсуждение и цитирование, сетевая коммуникация начинает работать как общественно значимый политический механизм. Таким образом, возникает новый вид публичной политики, который характеризуется доступностью, оперативностью передачи сообщения и активным сетевым участием [12. С. 790].

Для постиндустриального общества характерно развитие политической деятельности по законам кинематографа, данная тенденция получила даже свое собственное название – «шоу-политика» [2. С. 85-91]. Политика становится частью культуры потребления. Политические события виртуализируются, политическое пространство расширяется благодаря современному информационному пространству.

В современном постиндустриальном обществе активно развиваются политические и экономические институты, что связано с процессом социализации, накапливается информация, развиваются информационные технологии.

Для постиндустриального общества также характерно такое явление, как информационное противоборство, в рамках ведения, которого отчасти реализуется информационная политика государства. Отличительной чертой информационного противоборства, являются медийные провокации, реализуемые с помощью средств массовой информации и иных медийных каналов.

Следует отметить, что, не смотря на появление и развитие так называемых новых медиа, роль средств массовой информации возрастает в современном мире вместе с увеличением роли информации, которая заполняет собой все сферы человеческой жизнедеятельности. Объем и потоки информации находятся в состоянии непрерывного роста, возрастает и доступность информации для каждого желающего, в связи с чем роль средств массовой информации в проведении государственной информационной политики приобретает особое значение. При этом, не стоит на месте технический и информационный прогресс.

Научно-технический прогресс и вовлечение мирового сообщества породили информационную войну как самостоятельную форму реализации медийных провокаций [10. С. 24-31].

Средства массовой информации, как уже неоднократно было отмечено, являются основным средством формирования общественного мнения, в связи с чем активно используются для различного рода манипуляций.

Медиа и их правильное использование является одним из эффективных способов решения мировых конфликтов, поскольку информационное противоборство стало как никогда актуальным в современном цифровом мире. В случае информационной войны освещение происходящих событий осуществляется с разной точки зрения конфликтующими сторонами.

Средства массовой информации обладают всеми необходимыми возможностями для того, чтобы вызвать резонанс в обществе и спровоцировать необходимую реакцию, в связи с чем те или иные факты могут умалчиваться, преувеличиваться, видоизменяться – происходит манипулятивное воздействие на общественное мнение и сознание посредством различных уловок и приемов.

Количество информационных войн и провокаций в мировом медиа пространстве неуклонно растет, основные функции средств массовой информации кардинальным образом видоизменяются, они перестают доносить до широкой аудитории независимую и достоверную картину событий, а используют манипуляции для формирования необходимого с точки зрения государственной информационной политики общественного мнения у различных слоев и категорий населения, у отдельных лиц или у всего общества в целом [4].

Медийная провокация, как правило, характеризуется такими признаками, как:

- эмоциональность подачи;
- сенсационность события и срочность его доведения до аудитории;
- повторение информации;
- дробление целостной фактологической картины на необходимые составные части;
- отрыв от контекста;
- ссылка на авторитеты, «достоверные» источники;
- активное использование стереотипов и т.д. [10. С. 24-31].

Перечисленные способы медийной провокации активно используются в ходе информационного противоборства. Медийная провокация – это составная часть информационного противоборства. Провокация – это коммуникативно – манипулятивный прием, посредством использования которого можно добиться поставленной цели.

В связи с наличием оперативных каналов передачи информации событие, произошедшее в одной части мира будет известно и освещено в мировых средствах массовой информации. Средства массовой информации в постиндустриальном обществе приобрели особое политическое влияние.

Сам институт журналистики представляет собой одну из форм выражения общественного мнения, сознания, в связи с чем как инструмент и объект регулирования эффективно используется государством в рамках проводимой информационной политики [4. С. 314-322].

Информационная политика государства, при этом, может быть направлена на распространение определенной информации, на широкую аудиторию определенных ценностей, политической воли и принимаемых решений, на формирование общественного мнения и образов политических деятелей и т.д. Таким образом, функции журналистики, как объекта государственного

регулирования и инструмента государственной информационной политики разнообразны.

Средства массовой информации являются также одними из создателей идеалов, что очень важно для политической системы. Ни одна предвыборная кампания не проходит без участия средств массовой информации, поскольку благодаря их усилиям и возможностям политические лидеры могут сформировать необходимое политическое мировоззрение, привить аудитории, электорату необходимые политические ценности и взгляды, сформировать выгодный образ.

Привлечение внимания электората и выстраивание необходимых для политиков образов – это главная задача предвыборных кампаний, таким образом, предвыборные кампании не могут обойтись без привлечения средств массовой информации и использования, имеющегося у них инструментария. Сам исход выборов, их результаты зависят от того, как будет преподнесена информация потенциальным избирателям, и какого содержания будет нести в себе представленная потенциальным избирателям информация [5. С. 589-591].

Как уже было отмечено, объективно можно выделить три основных направления государственной информационной политики вне зависимости от поставленных целей и задач. Каждое из перечисленных направлений может быть успешно реализовано с помощью и такого инструмента, как кинематограф.

Аналогичные выводы можно сделать и по другим современным средствам массовой коммуникации, в которые включаются различные каналы блогеров, социальные сети, популярные каналы в мессенджерах и т.д. Все они успешно влияют на формирование общественного мнения и используются, в том числе, государством в рамках реализации информационной политики и достижения поставленных целей.

Телевидение, как один из ключевых способов донесения информации до широкой аудитории, представляет собой инструмент реализации государственной информационной политики [9. С. 324-333].

Необходимо отметить, что главную роль играет и Интернет, что наглядно видно по количеству и популярности различных блогеров, интернет-сообществ в различных социальных сетях и мессенджерах. Данные медийные средства занимают ключевое место в современном информационном пространстве и являются основными субъектами формирования общественного мнения и влияния на общественное сознание особенно молодежи, что не может остаться незамеченным государственными органами для формирования и проведения информационной политики, а также контроля за деятельностью субъектов современного информационного пространства.

Государство должно активно взаимодействовать с субъектами современного информационного пространства для эффективной реализации государственной информационной политики.

Информационная политика государства напрямую связана с медийным пространством, средствами массовой информации и актуальна для исследования в современных условиях глобализации и цифровизации, проникновения информационных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Социокультурные механизмы установления повестки дня // Науч. ежегодник Института философии и права Урал, отделения Рос. академии наук. 2001. № 2.

2. Зеркаль Д.А. Особенности информационной политики современного государства // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. № 25.

3. Жидкина И.С. Потенциал использования кинематографа в реализации задач государственной информационной политики // Столыпинский вестник. 2021. № 3.

4. Курилкина О.А. Институт журналистики в современных политико-правовых условиях российской государственности: теоретический аспект // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2021. № 1.

5. Магомедов Г.А., Магомедова П.М. Специфика использования СМИ как информационного ресурса политики // МНКО. 2018. № 2 (69).

6. Михайлов Д.О. Взаимодействие традиционных СМИ и власти в вопросах реализации государственной информационной политики России // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. № 2.

7. Нисневич Ю.А. Информационная политика России: проблемы и перспективы. М., 1999.

8. Орехова К.А. Современное информационное пространство // Научный журнал. 2020. № 1 (46).

9. Рева Е.К., Кубрин С.Д. Роль телевидения в реализации государственной национальной политики России: типология, жанры, форматы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. № 2.

10. Робски А.М. Медийные провокации в современных информационных войнах // Вестник науки. 2022. № 3 (48).

11. Сакаева Э.З. Цели, задачи и принципы деятельности органов государственной и муниципальной власти по реализации государственной информационной политики // Интерактивная наука. 2021. № 9 (64).

12. Сулейманова Ш.С. Роль интернет-технологий в формировании политической среды // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Том 10. Выпуск 4 (61).

13. Сулейманова Ш.С. Этнический фактор в современном политическом развитии России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12834481_67265908.pdf.

14. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2003.

E.A. SULEIMANOV

Graduate student of the faculty of journalism

IGSU RANEPА under the President

of the Russian Federation,

Moscow, Russia

INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE IMPLEMENTATION OF THE INFORMATION POLICY OF THE STATE

The article considers the information policy of the state as one of the key areas in the social and political life of the state and society. Information space as a backbone factor of political life. It is noted that over time, the political role of the information space is increasing, as the processes of informatization and digitalization of all spheres of human life are developing. The post-industrial society has made its own adjustments to the information policy pursued by the state.

In the post-industrial society, the influence of the media in the political sphere has increased, and mediatization of politics has also taken place, since the information space has come to the fore in all spheres of public life.

Key words: *information policy, mass media, information confrontation, manipulative techniques, informatization, digitalization, media provocations.*

А.В. МОИСЕЕВ

*кандидат военных наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии
МИД России, Россия, г. Москва*

И.М. ГУСАКОВ

*магистр Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ, ВЫЗОВЫ И РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с тем, что трудовая миграция помимо резкого роста ее численности стала серьезным фактором влияния на социально-экономическое, внешнеэкономическое и демографическое развитие большинства государств, входящих в современную систему международных экономических отношений. Актуальность данной темы подтверждается тем, что в 2016 году Международной организацией по миграции (МОМ) управление трудовой миграцией внесено в качестве одного из измерений так называемого «Индекса миграционной политики (Migration Government index)» государств. Это означает, что управление трудовой миграцией признано в настоящее время сложнейшим вопросом для всего мирового сообщества, а сама трудовая миграция превратилась в структурный элемент экономики государств, став ее безальтернативным ресурсом. В настоящее время вопросы воздействия миграции на экономическое развитие весьма актуальны для России. При разработке и внедрении новых методов управления трудовой миграцией нельзя пренебрегать опытом зарубежных стран, анализ такого опыта необходим и актуален.

Ключевые слова: *трудовая миграция, демографическое развитие, индекс миграционной политики, миграционные риски, сетевое управление, роль государственного и международного регулирования трудовой миграции.*

Процессы глобализации, идеи создания «общего рынка», реализуемые в виде интеграционных объединений стимулировали передвижение трудовых ресурсов. В результате трудовая миграция превратилась в наиболее существенный фактор глобализации, оказывающий заметное влияние на экономику и рынки труда в большинстве стран современного мира [9. С. 3]. Рабочая сила стала фактически не просто товаром особого рода, а свободно перемещаемым фактором производства, требующим в этом качестве облегченного режима передвижения наравне с движением капитала, технологий, информации. Вторым, не менее важным фактором роста масштабов международной трудовой миграции, является увеличение диспропорций в развитии мировой экономики, следствием которых становится дифференциация уровней экономического и социального развития разных стран. Процесс движения рабочей силы к капиталу усиливают транснациональные корпорации, предъявляющие повышенный спрос на рабочую силу. На современном этапе можно выделить следующие особенности трудовой миграции:

1. Резкое возрастание ее масштабов.
2. Усиление влияния транснациональных корпораций на миграционные процессы.
3. Сложная структура потоков трудовой миграции (в развитые страны из развивающихся стран, перекрестная миграция в развитых странах, между развивающимися странами, миграция высококвалифицированных специалистов).
4. Рост нелегальной трудовой миграции.
5. Изменение центров международной трудовой миграции.
6. Увеличение влияния международной миграции на демографическую, социальную и криминальную ситуацию в принимающих странах.
7. Повышение роли государственного и международного регулирования трудовой миграции.

В процесс миграции рабочей силы вовлечены практически все страны мира. Эти процессы в какой-то степени стимулируются противоречиями между национальными интересами и принципами международного миграционного регулирования, декларирующими приоритет прав мигрантов [5. Статья 6; Статья 7; Статья 8]. Национальные и региональные интересы в использовании международной трудовой миграции объясняются ее положительными сторонами: сокращается безработица, снижаются издержки для работодателей, исключается необходимость выплаты пенсий и пособий. Кроме того, страны-экспортеры получают валютные поступления из стран-импортеров.

Однако эти преимущества имеют краткосрочный характер и несут в себе риски перерастания в структурные проблемы. Так низкая заработная плата низкоквалифицированных мигрантов, снижение затрат на их содержание

не стимулируют работодателей увеличивать производительность труда и, таким образом, уводит экономику с интенсивного пути развития. Для стран-экспортеров единственный положительный фактор от выезда мигрантов – снижение безработицы, но отъезд наиболее трудоспособных людей еще больше ухудшает функционирование национальной экономики, ухудшает демографическую ситуацию в стране, так как уезжают люди в наиболее репродуктивном возрасте.

Таким образом, современная международная трудовая миграция представляет собой квинтэссенцию проблем глобализации, создающих противоречия интересов государств-экспортеров и государств-импортеров мигрантов под воздействием растущей миграционной взаимозависимости государств.

Эта тенденция соответствует целям миграционной политики государств, составляющих «глобализационную элиту» и формулирующих правила для всех стран, участвующих в процессе глобализации, которая изменяет миграционные потоки под потребности мирового рынка труда. Так, благодаря расширившимся возможностям передвижения по миру, выросли масштабы временной трудовой миграции особенно среди высококвалифицированных специалистов. Например, США ежегодно принимают около 200 тысяч временных трудовых мигрантов, Канада – 100 тысяч, Австралия – 80 тысяч мигрантов. Начиная с 2000 года численность временных трудовых мигрантов росла на 7-8 процентов ежегодно.

Следует отметить два сформировавшихся полюса на мировом рынке труда: спрос на работников низкой квалификации для непрестижной работы, работы с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой, в сфере общественного сервиса и домашних услуг; спрос на ученых, инженеров, специалистов в области информационных технологий, менеджеров высшего звена и т.д. Именно для этой категории трудовых мигрантов большинство стран формирует стимулирующие меры в своей миграционной политике. Поэтому в этом секторе мирового рынка труда наблюдается максимальная конкуренция между странами-импортерами [8. С. 109].

Изменились гендерные особенности трудовых мигрантов. Развитие таких отраслей мировой экономики, как «экономика развлечений», «экономика домашних услуг», стриптиз-шоу, массаж, сексуальный бизнес сформировало сферу занятости для женщин и потребность в женщинах-мигрантах. Одновременно феминизация миграционных потоков создала на рынке труда проблему маргинализации большой группы мигрантов, усложнив проблему защиты прав трудовых мигрантов.

Еще одна особенность современной трудовой миграции – денежные переводы мигрантов, превратившиеся в крупнейший глобальный финансовый поток. Эти возвратные финансовые потоки для многих стран

становятся важным инвестиционным ресурсом, улучшающим их финансовое положение.

Таким образом, миграционная взаимозависимость превратила трудовую миграцию в фактор межгосударственного сотрудничества и привела к необходимости ее регулирования не только на национальном уровне, но в большей степени на глобальном межнациональном уровне. Попытки отгородиться от вызовов и рисков современной трудовой миграции протекционистскими мерами могут привести только к дестабилизации ситуации на мировых рынках. Трудовую миграцию следует рассматривать как взаимовыгодный процесс, а в управлении миграцией на межгосударственном уровне все страны должны участвовать как равноправные партнеры.

К сожалению, реальная практика не соответствует этому посылу: более развитые страны целенаправленно реализуют политику «утечки мозгов» из менее развитых стран, «сманивая» высококвалифицированных специалистов. С этой же целью используется, и риторика об уважении прав мигрантов из развивающихся стран. Например, право въезда в страну регулируется национальным законодательством страны въезда, то есть фактически противоречит праву на свободу перемещения. Здесь доминирующими остаются интересы национальной безопасности. Экономика, права человека и безопасность неизбежно сталкиваются при управлении миграцией. Кроме того, проблемы управления трудовой миграцией будут обостряться из-за современных темпов изменения характера труда, углубляющихся экономических и демографических различий, эволюции трудовых правоотношений и тенденций к уменьшению роли общественного договора между государством и другими заинтересованными в трудовой миграции сторонами [10. С. 6].

Важнейшим условием повышения эффективности управленческих решений является сбор и накопление достоверных и сопоставимых данных по трудовой миграции. Однако официальные данные по международной трудовой миграции не в полной мере отражают ее подлинные масштабы. Например, иностранные студенты и стажеры; «приграничные рабочие», пересекающие границу для работы в сопредельной стране; люди, использующие туристическую визу для незаконного трудоустройства, не включены в официальную статистику. Получение более достоверных статистических данных по трудовой миграции сформулировано как цель в «Повестке дня до 2030 года» Генеральной Ассамблеей ООН [11. С. 17]. Опыт регулирования миграционных процессов накапливался в соответствии с динамикой этих процессов. В результате, к началу XXI века, сложилась мировая система управления межгосударственными территориальными перемещениями населения, опирающаяся на нормативно-правовые акты, принятые на различных форумах, проводимых под эгидой международных организаций, прежде всего ООН и ее подразделений: Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Конференция ООН по торговле и развитию

(ЮНКТАД), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Глобальная сеть Организации Объединенных Наций по оказанию безвозмездной и неполитизированной помощи (ПРООН) и др., а также Международной организации по миграции, Международной организации по труду.

К глобальному уровню управления миграцией можно отнести и Всемирные конференции ООН, имеющие межправительственный статус. Концептуальные подходы к управлению процессами миграции были изложены в основополагающих документах: «Всемирный план действий в области народонаселения» и «Программа действий в области народонаселения и развития». В 2007 году, в Брюсселе, начал функционировать Глобальный форум по международной миграции (ГФММ). Существует большое количество комитетов по защите прав мигрантов. Международные организации имеют возможность отслеживать соблюдение государствами взятых на себя обязательств и нередко выступают с критикой как законодательных актов, так и практики стран-участниц или региональных объединений (например, директив ЕС), которые носят явно дискриминационный характер по отношению к мигрантам. Они же, имея широкую информационную базу и возможности вынесения экспертных оценок, могут комплексно оценить миграционные процессы и связать задачи управления этими процессами с задачами устойчивого развития. Большое значение имеет возможность налаживания диалога между государствами на площадках международных организаций. К сожалению, наблюдающаяся в настоящее время излишняя политизация миграционных процессов и их превращение из социально-экономического явления в разряд политического феномена, усложняют формирование эффективной международной многоуровневой системы управления миграционными потоками [3. С. 123].

Следует отметить, что большинство документов, принятых на различных всемирных конференциях, носят декларативный и рекомендательный характер.

Во многом поэтому действующая мировая система регулирования международной миграции не смогла даже смягчить негативные тренды, которые развиваются в течение нескольких последних десятилетий под влиянием резко выросших масштабов и концентрации миграционных потоков. Национальные институты регулирования иммиграции, сформировавшиеся и накопившие опыт регулирования миграции в период «бесконфликтной миграции», также оказались малоэффективными перед новыми вызовами. Совершенно очевидно, что требуется конкретизация международно-правовых инструментов межгосударственного управления трудовой миграцией. Особенно это касается общей и обязательной для государств-членов ООН нормы международного права об уважении к правам человека независимо от пола, языка и религии, от этнических и расовых особенностей.

К сожалению, демократическая риторика об уважении прав мигрантов служит лишь прикрытием негативных явлений с реальными правами трудовых мигрантов, сталкивающихся с неравенством в условиях и оплате труда, в социальной защищенности, в юридических правах. Поэтому, выдвижение идеи соблюдения прав человека в качестве единственно возможного подхода к формированию международной системы управления трудовой миграцией представляется если не ошибочным, то, скорее всего неким идеологическим императивом, плохо реализуемым в современных реалиях межгосударственного сотрудничества.

В миграционной политике современных государств большое внимание уделяется вопросам национальной безопасности и охране границ [7. С. 15]. Сюда же входит и борьба с нелегальной миграцией. Вакуум власти после «демократизации» достаточно демократических государств, радикализация населения, широкомасштабный поток беженцев, привели к распространению международного терроризма [6. С. 21]. Рост террористической опасности заставляет многие государства вводить новые технологии охраны границ и идентификации лиц, пересекающих границу, по биометрическим данным (США, Канада, Великобритания, Австралия и др.). Предпринимаются попытки перехвата нелегальных мигрантов до их въезда в страну на территории стран транзита и даже на территории стран-доноров. С такими странами подписываются соглашения о реадмиссии в обмен на финансовую помощь и увеличение квот на трудовую миграцию. Такими методами обеспечивается возврат и концентрация нелегальных мигрантов в «буферных зонах» (Турция, Испания, Италия, Греция и др.). В США, стране, созданной мигрантами, был принят закон, разрешивший строительство стены на границе с Мексикой, которая, по словам президента Дж. Буша-младшего, должна стать эталоном границы XXI века. В Польше, на границе с республикой Беларусь, построен забор, а для охраны привлекались вооруженные силы и национальная гвардия.

Вполне очевидно, что методы, используемые для повышения национальной безопасности и особенно охраны границ чаще всего противоречат требованиям соблюдения прав мигрантов.

К проблемам управления трудовой миграцией следует добавить усилившийся диверсифицированный подход к мигрантам в зависимости от их квалификации и способности адаптироваться к особенностям принимающего общества. С середины 2000 годов помимо Канады и Австралии, в которых отбор мигрантов по экономическим критериям – давняя традиция, селективная миграционная политика введена в некоторых странах ЕС (Германия, Франция, Италия) и в Великобритании. В этих же странах усилены требования к адаптивным способностям мигрантов и введены «контракты об интеграции», обязывающие мигрантов проходить курсы языка и общественного

устройства. Эти требования становятся обязательными для получения гражданства и разрешения на въезд членов семьи [2. С. 27].

В развивающихся странах миграционная политика направлена на поощрение трудовой миграции для снижения уровня безработицы и повышения уровня жизни в стране. Распространяется практика заключения двухсторонних договоров с принимающими странами об условиях труда и статусе трудовых мигрантов. Внедряется практика лицензирования рекрутинговых агентств, сбора информации о внешних рынках труда, а в некоторых странах (Индия, Китай, Филиппины, Армения, Турция, Мексика) составляются «черные списки» компаний, нарушивших обязательства в отношении трудовых мигрантов. Предпринимаются меры по увеличению выгод от работы соотечественников за рубежом. С этой целью развиваются каналы для денежных переводов и благотворительной помощи, развивается партнерство с диаспорами, которые рассматриваются не только как источник денежных переводов, технологий и инвестиций, но и как фактор политического влияния.

Многие развивающиеся страны, не имеющие возможности сдержать утечку квалифицированных специалистов, предпринимают попытки поощрять их возврат или передачу ими навыков и знаний. Такие программы оказались успешными для Тайваня и Южной Кореи, но малоэффективны в странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Серьезнейшей и трудно решаемой проблемой является для развивающихся стран является борьба с нелегальной миграцией. Многие из них (страны Северной Африки и Центральной Америки) часто используются для транзита нелегальных мигрантов в более развитые страны, которые оказывают финансовую и техническую помощь по сдерживанию нелегальных потоков. Эта помощь приводит к вынужденному согласию правительств развивающихся стран на реадмиссию и концентрацию на своей территории нелегальных мигрантов. В то же время, эта борьба является единственным направлением, на котором интересы развитых и развивающихся государств схожи в вопросах миграционного регулирования [4. С. 83].

Несмотря на множество разнонаправленных тенденций в развитии управления трудовой миграцией, на слабые, с точки зрения возможности эффективно решать реальные задачи, формы сотрудничества, можно утверждать о тенденции к усилению сотрудничества на наднациональном уровне, о начале становления системы глобального управления трудовой миграцией. В настоящее время взаимодействие на глобальном уровне заключается в основном в кратковременных консультациях акторов, не накладывающих на них серьезных обязательств. Возможности сближения позиций с целью подписания всеобъемлющего соглашения или создания полноценной Всемирной организации по миграции затруднено главным образом фундаментальными противоречиями в интересах государств с разным

уровнем развития. Развитые страны стремятся регулировать рынок труда таким образом, чтобы снизить риски от притока неквалифицированной рабочей силы. В итоге развивающиеся страны не только не получают выгод от миграции, но и подрывают возможности развития из-за утечки немногочисленной прослойки квалифицированных специалистов. Эти противоречия невозможно отрегулировать в глобальном масштабе, так как развитые государства не стремятся передать часть своих полномочий на международный уровень.

Миграционная составляющая мирового рынка труда должна стать особым объектом взаимодействия современных государств в контексте поиска новых форм глобального экономического миропорядка.

Действующая в настоящее время межгосударственная система регулирования миграции не смогла ответить на проблемы и вызовы современных миграционных процессов, превратившихся в фактор развития международных отношений современных государств. Необходимо глобальное управление для решения множества комплексных проблем, связанных с миграционными процессами, основанное на адекватном анализе причин и последствий их влияния на мировые политические процессы.

Ни один из акторов – межгосударственные организации, национальные правительства, частные компании не смогут в одиночку решить эти проблемы. Требуется совместные согласованные действия для создания эффективных наднациональных институтов. В противном случае неминуемо усиление глобальной нестабильности в результате ответной реакции на миграционные потоки в виде ксенофобии и воинственного национализма.

Для эффективного управления миграционными процессами необходимо реализовать режим ситуационной осведомленности с помощью единой для всех звеньев управления, целостной, контекстной информационной среды с включением в процесс ее непрерывной визуализации как можно большего количества источников первичной информации. Такой принцип организации систем управления называется сетцентрическим [1. С. 317]. Он позволяет объединить усилия всех звеньев в единое русло и дает возможность принимать решения, используя весь объем допустимой информации.

Сетцентричность не следует понимать только как насыщение системы управления информационными подсистемами и средствами связи. Такое насыщение свойственно всем современным системам управления любого ранга и сферы деятельности. Здесь речь идет о принципе «ситуационной осведомленности» (*situational awareness*). Имеется в виду использование максимального количества информации от первичных источников при условии их доступности всем уровням системы, то есть субъекты и объекты управления получают возможность использовать актуальную и точную информацию в любой требуемый момент времени при принятии решений, так как вся информация для принятия решений имеется в единой

информационной среде. Сетевое управление предполагает создание во всех звеньях управления «ситуационных центров» со всеми видами связи и визуализации. Такие центры должны обеспечивать мониторинг требуемой в соответствии с решаемыми задачами обстановки в заданной зоне ответственности. При обнаружении «точек бифуркации» происходит корректировка управленческих действий в центральном органе управления на основе анализа всей оперативной информации.

Таким образом, можно утверждать, что сетевое управление решает проблемы группового управления в распределенных системах, организуя целостную по отношению к решаемым задачам информационную среду с возможностью применения современных информационно-коммуникационных технологий эффективного управления миграционными процессами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Анненков В.И., Карпов В.В., Моисеев А.В., Сурма И.В.* «Сетевое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира // Национальная безопасность/ note bene. 2014. № 2. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.11393.

2. *Вимон П.* Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. 2017 // http://carnegieendowment.org/files/CP_Vimon_-2017_web_Rus.pdf.

3. *Ефимов Ю.Г.* Миграция и политический процесс: проблема соотношения // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 3.

4. *Журбина Н.Е.* Миграционная политика Европейского союза: учебное пособие для студ. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018.

5. Конвенции № 97 МОТ. Статья 6.

6. *Моисеев А.В., Конова И.А.* Международный терроризм: перспективы и проблемы создания антитеррористической коалиции // В сборнике: Научные записки молодых политологов и экономистов. Москва, 2017.

7. *Фахрутдинов Р.Р.* Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография / Р.Р. Фахрутдинов, В.Т. Сакаев, Р.И. Измайлов и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2020.

8. *Феоктистов Д.А.* «Утечка мозгов» как специфика креативной экономики в системе мирохозяйственных связей. ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет».

9. *Чесноков А.С.* Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург, 2010.

10. МБТ: The future of labour supply: Demographics, migration, unpaid work, тематическая записка серии 2 об инициативе, касающейся будущего

сферы труда, ноябрь 2016 г., а также другие тематические записки из этой серии доступны по адресу // <http://www.ilo.org/global/topics/future-of-work/facet/lang--en/nextRow--0/index.htm>.

11. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda>

A.V. MOISEEV

*Candidate of Military Sciences, Professor,
Professor of the Department of Public Administration
in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia*

I.M. GUSAKOV

*Master of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

FEATURES, CHALLENGES AND RISKS OF MODERN LABOR MIGRATION, REGULATORY ISSUES

The article is devoted to an urgent problem related to the fact that labor migration, in addition to a sharp increase in its number, has become a serious factor influencing the socio-economic, external economic and demographic development of most states that are part of the modern system of international economic relations. The relevance of this topic is confirmed by the fact that in 2016, the International Organization for Migration (IOM) introduced labor migration management as one of the dimensions of the so-called Migration Policy Index"of states. This means that the management of labor migration is currently recognized as the most difficult issue for the entire world community, and labor migration itself has become a structural element of the economy of states, becoming its non-alternative resource. Currently, the issues of the impact of migration on economic development are very relevant for Russia. When developing and implementing new methods of labor migration management, the experience of foreign countries should not be neglected, the analysis of such experience is necessary and relevant.

Key words: *labor migration, demographic development, migration policy index, migration risks, network-centric management, the role of state and international regulation of labor migration.*

Т.А. ХАРЛАШКИНА

*бакалавр кафедры государственного и муниципального управления
Российского университета дружбы народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

С.И. ПОПОВ

*кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры
публичной политики и истории государства и права
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва*

А.В. НОВИКОВА

*старший преподаватель очно-заочного и заочного
отделений факультета гуманитарных и социальных наук;
экономист лаборатории социологических и фокус-групповых
исследований кафедры социологии Российского университета
дружбы народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

ПОЛИТИКА УТИЛИЗАЦИИ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Авторы рассматривают одну из острейших проблем современности, особо актуальную для мегаполисов, – утилизацию твердых коммунальных отходов на примере Российской столицы города федерального значения Москвы сквозь призму передовых индустриальных технологий с недавнего времени применяемых в городе. Выделяются наиболее значимые факторы, влияющие на эволюционные решения данного вопроса, дается оценка возможности применения опыта столичного региона в других субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, утилизация, окружающая среда, инновационные технологии, законодательное регулирование.*

Не смотря на то, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, неоднократно давались научные рекомендации по решению широкого спектра вопросов близких к данной тематике [13; 14; 1; 4; 5; 6; 7; 8], по-прежнему неоспоримым является тот

факт, что проблема загрязнения планеты в настоящий момент достаточно остро стоит на повестке дня. Так, по данным, предоставленным на сайте Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, каждый год образуется примерно 5,4 млрд тонн отходов. При этом достаточно большой части из них, а именно 375 млн тонн, необходима особая промышленная переработка. Потребность в переработке обосновывается тем, что среди вторичного сырья существуют такие вещества, которые пригодны для дальнейшего промышленного производства. Более того, их концентрация в отходах зачастую превышает уровень концентрации, содержащейся в природных ресурсах.

Однако, существует серьезная проблема, препятствующая максимальному использованию вторичных веществ – на территории России на данный момент практически отсутствует централизованная система раздельного сбора мусора, а также дальнейшее его распределение по перерабатывающим заводам. Самых перерабатывающих заводов сейчас тоже немного, хотя, стоит отметить, что в последнее время положено начало строительству большего количества подобных комплексов.

Современное городское хозяйство Москвы функционирует в условиях совершенствования бытовой и хозяйственной деятельности населения, что предполагает необходимость решения вопросов организационно-управленческой деятельности по управлению твердыми коммунальными отходами (ТКО).

К твердым коммунальным отходам (ТКО) относятся товарно-материальные ценности, утратившие потребительские свойства при их использовании юридическими или физическими лицами в целях удовлетворения общественных и/или личных потребностей и коммунально-бытовых нужд. Также в состав ТКО включаются биологически твердые отходы (отбросы) и небиологические отходы естественного и искусственного происхождения (мусор), образовавшиеся в результате производственной, хозяйственной, медицинской и иной деятельности [12].

В современных условиях Федеральным законом № 89-ФЗ от 24.06.1998 г. «Об отходах производства и потребления» в ныне действующей редакции определены полномочия органов местного самоуправления – создание и содержание мест площадок сбора ТКО, определение схемы размещения контейнерных площадок и ведения реестра мест накопления твердых коммунальных отходов. Правила обустройства мест накопления твердых коммунальных отходов указывают на необходимость создания контейнерных площадок, в рамках которого действуют механизмы создания площадок на муниципальных землях при принятии решений органов исполнительной власти муниципалитета с контролем географических сегментов мест накопления ТКО; обустройство мест накопления ТКО иными лицами (застройщиками).

Известно, что в условиях единства городского хозяйства, в городе федерального значения Москве данная функция закреплена за органами государственной исполнительной власти [10]. В значительной степени это позволило централизованно решить практически все вопросы обозначенные выше, что подтверждается реальными показателями. Статистические данные получены из официальной информации Росприроднадзора [11], пересчитаны в процентном соотношении и для удобства восприятия сведены в таблицу 1.

Год	Утилизация (рециклинг) %	Обезвреживание (сжигание) %	Захоронение (полигоны) %
2019	22	78	
2020	32	20	48
2021	58	15	27

Таблица 1 Информация об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления

По итогам 2022 года статистические данные к настоящему времени не опубликованы, однако по словам заместителя мэра Москвы П.П. Бирюкова «с января по октябрь 2022 года на пункты переработки было отправлено более 1 млн тонн утильсырья, что является рекордом по сравнению с прошлым годом. В 2021 г. такой объем вторичного сырья был собран за 12 месяцев. Динамика сортировки коммунальных отходов положительная, и она в который раз доказывает, что московский регион выбрал правильный путь обращения с бытовым мусором» [8].

Такой высокой эффективности в сфере обращения с ТКО столице удалось добиться за счет небольшого количества довольно простых, но действенных управленческих решений, которые мы приводим ниже.

На сегодняшний день стало вполне очевидно, что захоронение ТКО на полигонах и сжигание на мусоросжигательных заводах – тупиковые пути решения проблемы. Первый по причине того, что в условиях существующей экосистемы процесс естественной утилизации мусора занимает десятилетия, а в мире наблюдается ежегодное увеличение прироста отходов. Второй при незначительном (в среднем на одну треть) снижении изначального веса ТКО, приводит к существенному повышению класса опасности вновь образующихся отходов в результате горения (с четвертого-пятого класса на второй – третий). В следствии этого единственно верным является алгоритм, при котором на первой стадии производится сортировка отходов, на второй стадии происходит извлечение из сырья полезных компонентов и рециклинг, на третьей осуществляется сжигание, с последующим использованием золы

и шлака в производственно-хозяйственной сфере и только остатки неиспользованные на предыдущих трех стадиях веществ подлежат захоронению на особым образом оборудованных полигонах (выстилка днища котлована специальным покрытием, не допускающим проникновения в почву, а также в грунтовые воды опасных и вредных веществ, оснащение системами улавливания и отведения газов).

Для осуществления наиболее эффективного разделения отходов на сортировочных линиях соответствующих заводов Правительство Москвы максимально приблизило этот процесс к источникам отходов: производству и населению.

К настоящему моменту на территории Москвы размещены 22 000 контейнерные площадки на которых расположены 60 000 контейнеров с цветовой маркировкой соответствующей наиболее типичным видам отходов. Вывоз их содержимого осуществляют более тысячи специализированных машин с особой цветографической схемой на борту. В городе работает единый региональный оператор ГУП «Экотехпром» по обращению с ТКО за которым закреплен весь набор полномочий, связанных с этим видом деятельности. Следует так же отметить, что не смотря на серьезное вложение финансовых средств в реализацию проекта и масштабы территории Москвы, тариф на данную коммунальную услугу остается единым по всему городу, включая ТиНАО (территории т.н. «Новой Москвы») [1]. Одновременно Правительство Москвы с привлечением общественных и молодежных организаций проводит широкую просветительскую деятельность: организует встречи с населением, проводит тематические семинары, размещает наглядную агитацию в местах и на территориях общего пользования. Это направление работы также приносит положительный эффект. По некоторым данным «из года в год мы наблюдаем рост интереса москвичей к сортировке отходов» [14].

Учитывая положительную динамику развития новых подходов к обращению с ТКО, в будущем планируется наращивание производственных мощностей данной отрасли. Например, в столичном регионе на 2023 год намечено открытие четырех подобных комплексов (включающих термическую обработку отходов). Они появятся в Воскресенске, Солнечногорске, Наро-Фоминском и Богородском округах.

Вполне понятно, что формирование структуры по обращению с ТКО наподобие московской дело весьма затратное, прежде всего в финансовом отношении. Однако следует принять во внимание тот факт, что столица производит порядка 20% мусорных отходов от их общего объема в целом по Российской Федерации, так что для отдельно взятого региона России затраты окажутся существенно (по крайней мере на порядок) ниже московских. Повторимся, что на первом месте при решении этой важнейшей задачи стоит грамотный организационно-управленческий подход.

Полагаем, что российским регионам стоит внимательно присмотреться к московскому опыту в данном вопросе и тогда уже, даже в краткосрочной перспективе, можно рассчитывать не только на успешную реализацию нацпроекта «Экология», но и на решение столь значимой и экологически важной для всей страны и планеты в целом задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Анохин М.Г.* PR-инструментарий предприятий, обеспечивающих эколого-радиационную безопасность / М.Г. Анохин, О.Е. Гришин // Информационные аспекты деятельности политических акторов в современной России: инструменты, модели, PR-технологии: сборник научных трудов / Институт политического анализа и стратегий. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012.

2. Более 1 млн тонн вторсырья собрали в Москве в 2022 году // РИА НОВОСТИ // <https://ria.ru/20221228/vtorsyrg-1841869285>.

3. *Грачев М.Н., Попов С.И.* Изменение тенденций развития местного самоуправления в Москве, в связи с присоединением новых территорий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 2 (33). Часть II.

4. *Гришин О.Е.* Экологическая безопасность в контексте концепции Smart City: технологический аспект // Современный город: власть, управление, экономика. 2020. Т. 1. DOI 10.15593/65.049-66/2020.1.

5. *Гришин О.Е.* Экологическая безопасность мегаполиса в контексте развития транспортного комплекса / О.Е. Гришин, О.Е. Гудошникова // Общество. Доверие. риски: Материалы 3-го Ежегодного международного форума: в 3-х книгах, Москва, 01 декабря 2021 года. Книга 3. Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2021.

6. *Гришин О.Е.* Энергетическая политика Европейского союза в отношении применения альтернативных источников энергии / О.Е. Гришин, М.В. Авдеева, Л.С.М. Махди // PolitBook. 2019. № 4.

7. *Гудошникова О.Е.* Экологические проблемы Московской агломерации в контексте развития пассажирского транспорта / О.Е. Гудошникова, В.О. Гришин // Общество. Доверие. риски: Материалы 3-го Ежегодного международного форума: в 3-х книгах, Москва, 01 декабря 2021 года. Книга 3. Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2021.

8. *Ионова А.Н., Попов С.И.* Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74).

9. Москвичи собрали рекордное количество вторичного сырья в 2022 году // <https://musor.moscow/novosti/moskvichi-sobrali-rekordnoe-kolichestvo-vtorichnogo-syrja-v-2022-godu/>.

10. Попов С.И. Правовые основы и принципы местного самоуправления. Москва, 2007.

11. Росприроднадзор. Информация об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления // https://moscow_region.rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/.

12. Способы утилизации твердых бытовых отходов: захоронение, компостирование, пиролиз и плазменная переработка // <https://bezotxodov.ru/othody/>.

13. Grishin O.E. Radiation safety in the Moscow region: experience of cooperation SUE SIA Radon with mass media and public / O.E. Grishin, S.M. Rakov // Journal of International Scientific Publications: Ecology & Safety. 2012. Vol. 6. No 2.

14. Smart city technologies in the context of ensuring environmental safety and political stability / O.E. Grishin, O.A. Nesterchuk, S.I. Popov et al. // E3S Web of Conferences: International Conference “Ecological Paradigms of Sustainable Development: Political, Economic and Technological Dimension of Biosphere Problems” (EPSD 2021), Saint Petersburg, Russia, 30-31.08.2021. Saint Petersburg, Russia: EDP Sciences – Web of Conferences, 2021. Vol. 311. DOI: 10.1051/e3sconf/202131107004.

T.A. KHARLASHKINA

Bachelor of the Department of State and Municipal Administration Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

S.I. POPOV

Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

A.V. NOVIKOVA

Senior lecturer of part-time education, Economist, Laboratory of Sociological and Focus Group Research, Department of Sociology, RUDN University, Moscow, Russia

SOLID MUNICIPAL WASTE DISPOSAL POLICY IN MOSCOW

The authors consider one of the most acute problems of our time, especially relevant for megacities, – the disposal of municipal solid waste on the example of the Russian capital of the federal city of Moscow through the prism of advanced industrial technologies recently used in the city. The most significant factors influencing the evolutionary solutions to this issue are highlighted, and the possibility of applying the experience of the capital region in other subjects of the Russian Federation is assessed.

Key words: *solid municipal waste, recycling, environment, innovative technologies, legislative regulation.*

М.К. КОВАЛЕВ

*аспирант кафедры российской политики
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается место государственной информационной политики (ГИП) в системе обеспечения национальной безопасности. Для определения роли ГИП в системе нацбезопасности автор фиксирует изменение форм и методов ведения современной войны и приходит к выводу, что государственная информационная политика в современных условиях трансформировалась из поддерживающего в один из главных инструментов обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: *государственная информационная политика, национальная безопасность, война нового поколения, информационная война, «гибридная война».*

В настоящее время место государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности определяется, в первую очередь, возникновением и развитием новых форм и технологий осуществления власти, а также международной конкуренции и противоборства.

Было бы чрезмерно категорично утверждать, что государственная информационная политика в сфере обеспечения национальной безопасности является новым политико-управленческим феноменом. Во все времена государство так или иначе в разной степени регулировало информационную сферу общества с целью сохранения своего суверенитета и существующего политического порядка. Яркими примерами служат религиозные гонения на протестантов в католических странах, деятельность инквизиции, упразднение патриаршества и создание Священного Синода Петром I, цензура в отношении печати в XIX веке, «охота на ведьм» в США, глушение сигнала радиостанции «Голос Америки» на территории СССР. Данный список можно продолжать. Однако на современном этапе можно говорить о росте значения государственной информационной политики в сфере обеспечения

национальной безопасности и выделении ее в отдельную самостоятельную отрасль.

Государственная информационная политика представляет собой деятельность государства по регулированию информационной сферы общества путем сбора, хранения, распространения и интерпретации информации с целью артикуляции государственных и национальных интересов в информационном пространстве. С развитием информационно-коммуникационных технологий и их использованием государственная информационная политика, как и политическое управление и политическая коммуникация становится одним из главных инструментов власти, вытесняя прямое физическое насилие и угрозу его применения. При этом важным аспектом государственной информационной политики является тот факт, что она осуществляется в процессе политической коммуникации – трансляции политического контента в конкурентной борьбе политических субъектов с использованием возможностей современных информационно-коммуникационных технологий с целью изменения, сохранения или формирования виртуальных норм, правил, ценностей, смыслов, представлений, образов, установок и др., посредством которых происходит формирование политической реальности всех взаимодействующих субъектов информационно-коммуникационных отношений [1. С. 30].

Примерно те же изменения произошли и в сфере международной политики, национальной безопасности, войны и мира. Совершенствование вооружений, развитие информационных технологий и военной мысли привело к изменению характера современной войны.

Теоретическое осмысление новых форм и методов борьбы происходило постепенно. Точкой отсчета можно считать введение понятий «иррегулярная война» и «асимметричная война».

Термин «асимметричная война» изначально обозначал войну слабого против сильного, однако к концу 90-х годов XX века приобрел более широкое значение и стал трактоваться как конфликт, в ходе которого используются институциональные слабости противника, психологическое давление, подрыв его воли, политического влияния и власти, способности к сопротивлению [7]. Для асимметричной войны характерно использование нетрадиционных методов противоборства – пропаганды, подрывной деятельности, использования «партизанских» вооруженных формирований, коллаборационистской части политической элиты [7].

«Иррегулярной войной» называют вооруженное противостояние между национальными государствами и негосударственными структурами за легитимность и влияние на определенное население. Методы ведения «иррегулярной войны» являются асимметричными, однако в ней также могут применяться традиционные военные средства с целью подрыва мощи, военного потенциала и возможностей противника [8. С. 16]. Иррегулярная война

включает в себя политические, дипломатические, психологические, экономические и другие средства противостояния [3. С. 16].

Справедливо будет отметить, что иррегулярные и ассиметричные методы противостояния также использовались на протяжении всей истории вооруженных конфликтов, однако оставались преимущественно на периферии. Расширение практики их применения, все более часто встречающееся сочетание традиционных и иррегулярных методов ведения войны привели к выделению иррегулярных и ассиметричных войн в качестве новой разновидности конфликтов [3. С. 13-19].

Логичным продолжением стало появление концепции «войны четвертого поколения». В 1989 году американские военные теоретики, в числе которых были У. Линд, К. Найтингэйл, Дж. Шмитт, Дж. Саттон, Г. Уилсон опубликовали статью, в которой попытались сформулировать наиболее общие черты войны нового типа. Среди особенностей войны нового поколения авторы в частности отмечали, что полем боя станет все общество целиком; целью войны станет не физическое (внешнее) уничтожение противника, а его «внутреннее» сокрушение, разрушение культуры, психологический подрыв населения и его доверия к правительству, поддержки войны; медийно-информационное вмешательство станет преобладающим оперативным и стратегическим оружием; одним из главных инструментов станет информационно-психологическое воздействие через СМИ для изменения общественного мнения. Авторы подчеркивают: «Телевизионные новости могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии» [5].

Следующим этапом стало введение и распространение термина «гибридная война», который изначально использовался для обозначения конфликтов, которые нельзя было с полной уверенностью отнести ни к традиционным войнам, ни к иррегулярным [4. С. 56]. Понятие «гибридной войны» было введено для обозначения высокого уровня (более высокого, чем в иррегулярной войне) комбинирования различных форм и методов ведения войны, их организации и глубокого синтеза в виде технологий («цветные революции», попытка смены политического режима в Венесуэле) и специальных операций («Панамское досье», «дело Скрипалей» и др.), а также повышения значимости так называемых «неинтервенционных» мер, которые представляют собой «составляющие насильственного контроля, не относящиеся к применению собственно вооруженных сил» [6. С. 159-160] для прямой интервенции и осуществления физического насилия. Примерами неинтервенционных мер являются экономические санкции, демонстрация силы, перекрытие финансовых потоков, «мягкая сила», информационно-психологические операции и т.д.

Увеличение роли неинтервенционных средств ведения современных конфликтов отмечается и представителями высшего военного руководства Российской Федерации. Начальник Генерального штаба В.В. Герасимов

пишет: «Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе...» [2].

Таким образом, перефразируя К. фон Клаузевица, можно сказать, что на сегодняшний день, политика является продолжением войны другими средствами, однако суть войны остается неизменной – полное подчинение противника своей воле.

Важнейшей составляющей современной войны является информационная война – «политический конфликт с целью разрешения противоречий по поводу власти и управления, в котором столкновение сторон осуществляется в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия» [6. С. 160-161]. Информационная война так же, как и государственная информационная политика существовала всегда, однако данное понятие отражает не только ее наличие, но и ее трансформацию из второстепенного, поддерживающего элемента боевых действий в полноценное самостоятельное пространство военно-политической борьбы. В том числе в силу этой трансформации, стало возможным говорить о возникновении нового поколения войн.

Один из ведущих исследователей международных отношений П.А. Цыганков пишет, что отличительной чертой «гибридной войны» является применение (помимо прямой физической силы) возможностей современных информационно-коммуникационных технологий. Использование таких возможностей становится новым средством ведения войны в виде дезинформации, искажения фактов, целенаправленного распространения «фейковых новостей» посредством современных каналов коммуникации, «вбросов» (контролируемых утечек информации) с целью оказания психологического, эмоционального эффекта, дезориентации, потери воли к сопротивлению [3. С. 22]. Данные технологии не меняют сути и цели войны (подчинение противника), более того часть из них применяется с древнейших времен, однако масштаб их применения и современные возможности ИКТ качественно меняют ее форму настолько, что становится правомерно утверждать, что трансформация асимметричной и иррегулярной войны в «гибридную» происходит тогда, когда «центр тяжести» применяемых средств военной борьбы смещается в информационно-коммуникационную сферу с использованием возможностей современных информационно-коммуникационных технологий [3. С. 22]. Другими словами, масштабное использование

информационно-психологических методов и технологий вместе с другими «ненасильственными» (то есть исключая, либо ограничивающих прямое физическое военное насилие прежде всего регулярных вооруженных сил) становится фундаментальной причиной возникновения войны нового типа. Она отличается тем, что охватывает все общество и все его сферы, а также все информационно-коммуникационное пространство – традиционные и «новые» СМИ, технические средства коммуникации, социокультурную сферу общества, в частности, образование, культурную индустрию, общественные некоммерческие и политические организации. Новый характер войны стирает грань между состоянием войны и мира, размывает линию фронта, затрудняет идентификацию тех или иных действий как агрессивных и враждебных. Она распространяется на политическую, экономическую, социальную, культурную сферы жизни общества, т.к. мишенью «гибридной войны» является вся организация общественной жизни, ментальная сфера общества. Иными словами, неотъемлемым и центральным элементом «гибридной войны» является «концентрическая война» [3. С. 22-23]. Таким образом, именно информационная составляющая является одним из формирующих элементов современной войны и определяет место государственной информационной политики как центрального элемента национальной безопасности.

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно характера современной войны:

Во-первых, это расширение границ и сфер ведения боевых действий. Если ранее войну можно было относительно четко определить с началом и завершением ведения вооруженной борьбы регулярными, а позднее и иррегулярными формированиями. Война объявлялась (дипломатической нотой) и завершалась (заключением мирного договора) в том числе формально главами государств и их послами. Теперь же границы войны становятся размыты, она ведется в масштабах всего общества одновременно: в политической, экономической, военной, научно-технической, информационной, психологической, культурной и других сферах жизни общества. Война ведется без объявления и охватывает все общество целиком, «линия фронта» проходит на производстве, в системе управления, инфраструктуре, СМИ, киберпространстве и т.д. Это стало возможным в силу применения невоенных средств ведения войны. Они применялись и ранее на протяжении всей истории человечества, однако в современных конфликтах их значение возросло, а эффект сравнялся, а зачастую и превосходит, применение прямого физического (военного) насилия.

Во-вторых, современная война стала представлять собой более сложное комбинирование различных форм и средств ведения борьбы. Например, военное насилие призвано не только нанести прямой ущерб людским и материальным ресурсам противника, но также деморализовать население,

армию, военно-политическую элиту. Это удары по символически важным объектам инфраструктуры (Крымский мост), удары беспилотниками вглубь территории, внесудебные расправы над пленными, обстрелы гражданских объектов, электростанций и т.д. Экономические санкции накладываются не только для нанесения прямого ущерба экономике, но также для вызова недовольства населения. Они как правило также сопровождаются масштабными информационными кампаниями с целью дискредитации и отчуждения от международного сообщества конкретной страны. Примеров и комбинаций множество. Вместе с тем информационное воздействие может вызвать вполне физические, осязаемые последствия: общественный раскол; рост суицидов, бедности, насилия, преступности; государственный переворот; гражданскую войну; паралич системы управления; отделение территорий; заключение международных сделок на выгодных условиях и др.

В-третьих, важнейшей сферой войны становится ее человеческое измерение, которое включает в себя эмоционально-психологическую среду, когнитивную сферу, культуру, социальную среду. Одной из главных целей войны становится воздействие на сознание и эмоции человека, «борьба за умы», для того чтобы добиться необходимого поведения. Эта форма противоборства также существовала всегда, однако ее значение и удельный вес в войнах нового поколения значительно возрастают.

Таким образом, суть войны остается неизменной – подчинение противника своей воле, но ее формы, методы и границы претерпевают значительные трансформации, что ведет к потребности изменения системы нацбезопасности.

В этих условиях, государственная информационная политика в сфере национальной безопасности становится одним из главных инструментов защиты национальных интересов.

В силу возникновения войн нового типа и информационных войн, ведущихся в форме информационных операций, возрастанию значения неинтервенционных (невоенных) средств управления политическими конфликтами, трансформации информационной сферы в самостоятельное пространство ведения боевых действий государственная информационная политика на современном этапе смещается с периферии в центр системы обеспечения национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018.
2. *Герасимов В.В.* Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 26.02.2013 // <https://www.vpk-news.ru/articles/14632>.

3. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под редакцией П.А. Цыганкова / В.А. Ачкасов, В.К. Белозеров, А.В. Будаев и др. Москва: Издательство Московского университета, 2015.

4. *Коньшев В.Н., Парфенов Р.В.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12.

5. *Линд У., Найтингэйл К., Шмитт Дж., Самтон Дж., Уилсон Г.* Меняющееся лицо войны: четвертое поколение // *Военное обозрение*, 07.01.2013 // <https://topwar.ru/22781-menyayuscheesya-lico-voyny-chetvertoe-pokolenie.html>.

6. *Стригунов К.С., Манойло А.В.* Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. Т. 4.

7. *Steven Metz et Douglas V. Johnson II.* *Asymmetry and U.S. military Strategy: Definition, background and Strategic Concepts*. 2001.

8. U.S. Joint Chiefs of Staff, Joint Publication 3-0: Joint Operations, Washington, D.C., 2008.

M.K. KOVALEV

*Postgraduate student of the Department
of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

STATE INFORMATION POLICY IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

The article discusses the place of the state information policy (SIP) in the national security system. To define the role of the SIP in the system of national security, the author fixes the change of the forms and methods of conducting modern warfare and comes to the conclusion that the state information policy in modern conditions has been transformed from supporting to one of the main tools for ensuring national security.

Key words: *state information policy, national security, new generation war, information war, hybrid warfare."*

Е.С. ПОДОБРЕЕВСКАЯ

аспирант Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Россия, г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПРАКТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТРЕНДЫ

В рамках представленного исследования исследуется вопрос о перспективных тенденциях в использовании принципов устойчивого развития в практике политического управления в России в среднесрочной перспективе. Методология работы построена на основе сочетания элементов системного и структурного анализа. Автор приходит к заключению, что перспективы развития принципов устойчивого развития в практике политического управления в России детерминируются в первую очередь экономическими и социальными трансформациями, порожденными эскалацией конфликта между Россией и коллективным Западом. Данное противостояние поставило вопрос о необходимости расширения мер финансовой и технологической поддержки «экологически дружелюбных» практик, сформировало новые группы населения, нуждающиеся в широкомасштабной поддержке со стороны государства (причем в том числе – в нематериальной) и усилило запрос на смену качества коммуникации власти с обществом. При этом эффективность решения каждой из этих задач так или иначе связана с решением задач экономического плана – успешной реализацией планов обретения технологического суверенитета, сохранением экспортных доходов, наращиваем параллельного импорта и диверсификацией внешней торговли. Соответственно, можно заключить, что ключевыми факторами, определяющими перспективы развития принципов устойчивого развития в практике политического управления в России, является ее ресурсообеспеченность и динамика данного показателя.

Ключевые слова: ESG, устойчивое развитие, политическое управление, Россия, тренды, факторы.

Понятие ESG было введено в научный оборот в 2004 г. Данную концепцию стратегического планирования и управления экспертному сообществу

презентовал генсек ООН К. Аннан. Ее суть заключается в выстраивании системы управления на основе таких принципов, как прозрачность менеджмента, а также ответственное отношение к экологии в рамках территории присутствия и обеспечение соблюдения социальных прав сотрудников и всех людей, с которыми организация напрямую или косвенно взаимодействует.

Первоначально ESG-стратегии продвигались преимущественно среди коммерческих структур. Однако работа системы «вращающихся дверей» достаточно быстро привела к тому, что принципы ESG, наряду с проектным управлением, начали активно заимствоваться государственной властью у бизнеса.

Данный процесс, впрочем, не получил широкого освещения в научной литературе. Степень научной разработанности темы остается сравнительно низкой. Внимание большинства исследователей сфокусировано на применении принципов ESG в рамках системы корпоративного управления [2; 6; 8; 12] и разнообразных вариаций отраслевой политики (в рамках решения задач пространственного развития, энергосбережения, обеспечения), преимущественно – на региональном уровне [1; 3; 5; 7; 10]. Использование ESG в рамках действующей модели государственного управления изучается либо в контексте разработки более широких вопросов, либо в ключе исследования отдельных аспектов, либо смежных тем [4; 9; 11].

При этом существенные изменения в геополитическом статусе России, динамике развития и системе внешних связей ее экономики в 2022 г. сформировали принципиально новую среду для внедрения ESG-принципов в практику политического управления. Влияние указанных факторов на процесс еще не было в полной мере артикулировано научным сообществом в силу наличия малого временного лага между началом крупномасштабных изменений внешней и внутренней политической среды и текущим моментом. Что в априорном порядке ставит устранение данного пробела в системе научных знаний в число наиболее приоритетных задач в рамках разработки соответствующей тематики.

Целью данного исследования является анализ перспективных трендов использования принципов устойчивого развития в практике политического управления в России в среднесрочной перспективе.

Методология работы включает в себя комбинированные элементы системного и структурного анализа.

Обращаясь непосредственно к заявленной теме, в первую очередь необходимо отметить, что, несмотря на рост санкционного давления на экономику, Минэкономразвития РФ продолжает активно продвигать в публичном пространстве инструменты помощи для малых и средних предприятий, активно использующих экологические практики в системе ESG-стратегий. Их эффективность может оцениваться по-разному, но ключевое значение в данном случае имеет то, что перечень мер поддержки для «экологичного

бизнеса» стабильно дополняется. Последнее свидетельствует о том, что действующая модель политического управления четко ориентирована на стимуляцию расширения экопрактик, как минимум, в среднесрочной перспективе [9. С. 23].

В то же время реализация данного элемента ESG-стратегии будет напрямую зависеть от эффективности решения политическим руководством России задачи обретения технологического суверенитета. В частности, переработка отходов все также остается импортозависимым процессом в плане доступа к сложному оборудованию. Именно по этой причине отрасль достаточно болезненно переживает последствия санкционного давления [10. С. 411].

Также имеются ощутимые затруднения в плане выстраивания коммуникации между представителями перерабатывающих предприятий и общественностью, а также разделения зон ответственности между региональными и местными властями. Длительное время предприятия не получали адресной помощи ни со стороны регионов, ни со стороны федеральных министерств. Поддержка впоследствии была оказана, но пришла с некоторым опозданием. Инвестпроекты развития экотехнопарков и сортировочных заводов, в целом вложения в инфраструктуру продолжали развиваться. Но функционирование отрасли по обращению с отходами было фактически приостановлено. Временно решить проблему удалось лишь за счет принятия политического решения о выделении субсидий федеральными властями. Лишь после этого представителям отрасли стало понятно, что регионы, испытывающие затруднения с сокращением или нехваткой доходной базы, получают необходимую поддержку [6. С. 72].

Исходя из этого, можно предположить, что эффективность реализации программ экологического компонента ESG-триады в обозримой перспективе будет определяться двумя факторами – 1) эффективностью работы государственных структур в рамках решения задач импортозамещения и налаживания параллельного экспорта и 2) сохранением программ субсидирования соответствующих отраслей из федерального бюджета до момента минимизации негативных последствий санкционного давления.

Выход спецоперации за хронологические границы краткосрочного конфликта ставит перед системой политического управления новый вызов: частичная мобилизация и планы расширения численности военнослужащих контрактников до 521 тыс. (т.е. более чем на 25%) предполагают необходимость существенного расширения «опечных» функций государства.

Властям будет необходимо, с одной стороны, организовать на постоянной основе материальную и психологическую поддержку семей военнослужащих, с другой – обеспечить успешную реинтеграцию ветеранов боевых действий. Последнее подразумевает создание комплексной системы поддержки в плане трудоустройства, физической и психологической реабилитации,

продвижения позитивного образа участника боевых действий в массовой культуре и формирование комплекса дополнительных социальных лифтов. При этом в данном случае государству придется отказаться от адресного подхода к оказанию помощи: использование данного принципа предполагает игнорирование потребностей граждан, если те по каким-либо формальным критериям даже незначительно будут не соответствовать требованиям к участникам соответствующих программ. Последнее же может обернуться возникновением значимых очагов социального недовольства. Равным образом власти будут вынуждены приостановить процесс оптимизации системы здравоохранения и социальной сферы, точнее реформировать его, заметно увеличив финансовые вливания на соответствующие нужды. Аналогичным образом власти должны будут решать проблему приема и адаптации беженцев. Однако реализовать соответствующие задачи можно будет лишь при условии сохранения стабильности экономики и, в первую очередь, успешном реформировании экспортно-импортных потоков до момента завершения программ по обретению технологического суверенитета [4. С. 87-89; 6. С. 73].

Вопрос о перспективах развития такого элемента ESG-управления, как открытость менеджмента, на текущий момент остается одним из наиболее дискуссионных. С одной стороны, рост внешних угроз (в том числе – информационных) вынуждает политическое руководство пойти на сокращение находящейся в публичном доступе информации о различных аспектах работы системы государственного управления. С другой стороны, общество все более четко артикулирует запрос на «новую искренность». В сложившейся ситуации политические элиты могут компенсировать негативный эффект от сокрытия информации за счет выстраивания новой системы коммуникации принимающих решения лиц с общественностью. Основой указанной системы может стать переход к доверительному, горизонтальному формату общения. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести, например, коммуникационный стиль губернатора Белгородской области В. Гладкова. Однако последнее требует не только изменений в кадровой политике и популяризации soft skills среди высших эшелонов управленческого аппарата, но и освоения новых технологических платформ, форматов и методов продвижения контента [10. С. 412].

В целом можно заключить, что перспективы развития принципов устойчивого развития в практике политического управления в России детерминированы в первую очередь экономическими и социальными трансформациями, порожденными эскалацией конфликта между Россией и коллективным Западом. Данное противостояние поставило вопрос о необходимости расширения мер финансовой и технологической поддержки «экологически дружелюбных» практик, сформировало новые группы населения, нуждающиеся в широкомасштабной поддержке со стороны государства (причем

в том числе – в нематериальной) и усилило запрос на смену качества коммуникации власти с обществом. При этом эффективность решения каждой из этих задач так или иначе связана с решением задач экономического плана – успешной реализацией планов обретения технологического суверенитета, сохранением экспортных доходов, наращиваем параллельного импорта и диверсификацией внешней торговли. Соответственно, можно заключить, что ключевыми факторами, определяющим перспективы развития принципов устойчивого развития в практике политического управления в России, является ее ресурсообеспеченность и динамика данного показателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белякова Е.А.* Оценка эффективности региональной политики энергосбережения на основе ESG концепции // *Интернаука*. 2021. № 47-3 (223).
2. *Вихренко А.Е., Савина Д.Д.* Интеграция проектов коммерческих компаний по социальной защите женщин в контексте ESG-политики // *Социальные коммуникации: наука, образование, профессия*. 2022. № 22.
3. *Вострикова Е.О., Мешкова А.П.* ESG – трансформация как фактор обеспечения экономической безопасности региона: теоретический аспект // *Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина*. Астрахань, 2021.
4. *Замбровская Т.А., Грищенко А.В., Грищенко Ю.И.* Ключевые аспекты устойчивого развития Российской Федерации в контексте ESG // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2022. № 2.
5. *Камалова А.О., Таубова Р.А.* ESG-критерии и ESG-факторы в инвестиционной политике // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. № 4 (61).
6. *Коваленко Е.И.* «ESG-принципы» как один из трендов совершенствования практики корпоративного управления коммерческих корпораций // *Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»*. Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Южно-Уральский государственный университет Юридический институт. Челябинск, 2022.
7. *Курченков В.В., Конева Д.А., Фетисова О.В.* ESG-принципы как инструмент комплексного устойчивого развития сельских территорий // *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2022. Т. 24. № 3.
8. *Литвин А.Ю.* Принципы и направления ESG-политики Сбербанка // *Инновационное развитие экономики*. 2022. № 1-2 (67-68).

9. Ломакин М.И., Докукин А.В., Гарин А.В., Сыромятников А.Е. Роль национально ориентированного подхода к разработке ESG-стандартов // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2022. № 2 (66).

10. Машегов П.Н., Машегов И.П. ESG-принципы и формирование стратегии инновационного развития территориального образования // Современный менеджмент: научные подходы и перспективные технологии. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Орел, 2022.

11. Ткачишак О.Р., Ажмуратова М.А. Отношение высших органов государственной власти к ESG-инвестированию // Самоуправление. 2021. № 4 (126).

12. Цыгалов Ю.М., Стрижов С.А. Политики и процедуры ESG-преобразования российских компаний // Управленческое консультирование. 2022. № 7 (163).

E.S. PODOBREEVSKAYA

*Postgraduate Student, Department of Political Science,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

USING THE PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE PRACTICE OF POLITICAL MANAGEMENT IN RUSSIA: PERSPECTIVE TRENDS

Within the framework of the presented study, the issue of promising trends in the use of the principles of sustainable development in the practice of political management in Russia in the medium term is investigated. The work methodology is built on the basis of a combination of elements of systemic and structural analysis. The author comes to the conclusion that the prospects for the development of the principles of sustainable development in the practice of political management in Russia are determined primarily by economic and social transformations generated by the escalation of the conflict between Russia and the collective West. This confrontation raised the question of the need to expand measures of financial and technological support for “environmentally friendly” practices, formed new groups of the population in need of large-scale support from the state (including intangible support) and increased the demand for a change in the quality of communication between the authorities and society. At the same time, the effectiveness of solving each of these tasks is somehow connected with the solution of economic problems – the successful implementation of plans for gaining technological sovereignty, maintaining export revenues, increasing parallel imports and diversifying foreign trade. Accordingly, we can conclude that the key factors determining the prospects for the development of the principles of sustainable development in the practice of political management in Russia are its resource endowment and the dynamics of this indicator.

Key words: *ESG, sustainable development, political management, Russia, trends, factors.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2023.89.1.019

УДК 32.327

А.Н. МИХАЙЛЕНКО

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной безопасности и
внешнеполитической деятельности России Факультета
национальной безопасности Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

А.В. ВОРОБЬЕВ

*аспирант кафедры международной безопасности и
внешнеполитической деятельности России Факультета
национальной безопасности Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

О НАДЕЖНОСТИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

В условиях обострения обстановки в мире, связанного со становлением нового мирового порядка, существенно возрастает значимость в международных союзах и стратегических партнерствах такого их свойства, как надежность. Оно часто используется в политическом дискурсе при характеристике партнеров в международных отношениях, но четкое его определение в политологии отсутствует. В статье предлагается авторское определение этого свойства международных отношений, а также основные направления его развития в рамках стратегического партнерства России и Китая.

Ключевые слова: *новый мировой порядок, надежность, Китай, стратегическое партнерство, союзничество, западные санкции, Инициатива пояса и пути, Евразийский экономический союз, малые и средние предприятия, доверие, платежные системы.*

Введение. В настоящее время идет этап становления нового мирового порядка, смены однополярного мира на многополярный или полицентричный. Смены мирового порядка характеризуются обострением ситуации в мире, все предыдущие мировые порядки устанавливались в результате войн. В такие периоды приоритетными становятся вопросы безопасности по сравнению с экономической и любой другой проблематикой [14. С. 83-94; 13. С. 143-158]. Ведущим странам мира в такой обстановке очень важно иметь надежных союзников или стратегических партнеров. Выступая на Восточном экономическом форуме 7 сентября 2022 года, Президент России В.В. Путин сказал: «Россия – суверенное государство. Мы всегда будем защищать свои национальные интересы, проводя самостоятельную политику, и ценим эти же качества в партнерах, которые на протяжении многих лет демонстрируют надежность и ответственность в ходе торгового, инвестиционного и другого сотрудничества» [17].

Россия к таким странам может без сомнений отнести Китай. Эта страна играет все более значительную роль в мировых делах. Она занимает первое место в мире по показателю валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности, является крупнейшей в мире по объему внешней торговли, занимает первое место в мире по численности населения. Китай также считает Россию заслуживающей полного доверия. Министр иностранных дел Китая Ван И. заявил в конце декабря 2022 года: «Отношения, поддерживаемые между КНР и Россией, тверды, как монолит. Они не подвержены вмешательству и провокациям, им не страшны крупные изменения конъюнктуры» [4].

Свойство надежности в международных отношениях приобретает особую важность в периоды обострения ситуации в мире. Сегодня мир находится именно в таком состоянии в связи со сменой мирового порядка. Однако в отечественном и зарубежном политическом дискурсе встречается разное понимание надежности. Поэтому актуальной задачей политической науки и теории международных отношений является разработка данного понятия, что и является предметом данной статьи. В ней рассматривается понятие надежности в международных отношениях, состояние и перспективы развития надежности российско-китайского стратегического партнерства.

Надежность в международных отношениях. Четкого определения надежности в международных отношениях до последнего времени не выработано. Вместе с тем понятие надежности используется в различных науках, то есть оно имеет междисциплинарную природу. Поэтому может быть полезно изучение значений этого понятия в технических науках, психологии, других науках. Изначально концепция надежности разрабатывалась и обосновывалась применительно к безопасности технических систем. Надежность и безотказность понимались как процесс сохранения объектом должного уровня работоспособности при соблюдении норм эксплуатации

[11. С. 88]. Также обосновывалась точка зрения о том, что надежность – это свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения, технического обслуживания, хранения и транспортирования [16. С. 167].

На свойство надежности обращается внимание и в психологической науке. Е. Дрягалова и А. Степанов подчеркивают, что изучение профессиональной надежности возможно в рамках выделения ее в отдельное направление исследования или же в совокупности с изучением профессиональной пригодности [5. С. 166]. Повышение значимости теоретических проблем обеспечения надежности приводит к расширению и углублению методологических основ исследований в данной области. Они проявляются, в частности, в том, что при анализе надежности относительно поведения человека стали применяться не только количественные, но и качественные показатели [18].

При этом под надежностью применительно к человеческой деятельности стала пониматься безошибочность выполнения специалистом его профессиональных обязанностей. Так, например, Б. Ломов и В. Небылицын рассматривали вопросы надежности в профессиональной деятельности работника-оператора [15. С. 403]. Очень подробно рассматривалась проблема надежности в деятельности военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов [9. С. 502]. Под социально-психологической надежностью нередко понимается способность группы (подгруппы) решать социально-психологические задачи и сохранять в допустимых пределах свои психологические параметры, такие как сплоченность, доверие, идентичность и другие [21].

Иные критерии надежности устанавливаются, например, для производственного предприятия. В соответствии с ними надежность систем промышленного предприятия оценивают, как отношение числа успешных случаев (т.е. функционирования на заданном уровне качества) к общему числу случаев. А. Фурманов выражает мнение о том, что к надежности социально-экономической системы можно отнести такие переменные, как устойчивость системы, ее гибкость, адаптивность и живучесть [23. С. 23].

В течение последних 10-15 лет обосновывается, и концепция надежности политической системы [20]. При этом надежность многими исследователями отождествляется с устойчивостью политической системы. И. Дискин и В. Федоров полагают, что «устойчивость политической системы означает ее равновесие, баланс на «входе» и на «выходе» [5]. Конкретными показателями надежности политической системы при таком подходе являются, например, конструктивная смена правящей элиты или своевременное обновление законодательства.

Основываясь на всех приведенных выше подходах, под надежностью можно понимать свойство системы международных отношений обеспечивать в стратегической долгосрочной перспективе устойчивое взаимодействие государств на мировой арене в соответствии с их национальными интересами. Надежность двусторонних международных отношений между государствами зависит от степени их интенсивности и разнообразия, а также от сбалансированности различных сфер их взаимодействия. Интенсивность двусторонних связей стран в экономике может измеряться объемом товарооборота между ними. Чем более разнообразными будут отношения между Россией и Китаем в различных сферах, тем легче будет найти точки баланса в них.

Современное состояние надежности стратегического партнерства России и Китая. Характеризуя современные российско-китайские отношения, можно утверждать, что исторически они находятся на самой высокой точке своего развития. Президент России В.В. Путин назвал их «...наилучшими за всю историю, представляют собой образец сотрудничества крупных держав в XXI веке» [21]. Президент России пригласил Си Цзиньпина совершить государственный визит в Россию весной 2023 года, считая, что этот визит «продемонстрирует всему миру прочность российско-китайской связи по ключевым вопросам, станет главным политическим событием года в двусторонних отношениях».

Россия находится на втором месте по поставкам трубопроводного газа в Китай и на четвертом – по объему ввозимого СПГ. Значительно выросли (в январе-ноябре 2022 года на 36 процентов) поставки в Китай продукции агропромышленного комплекса. В 2022 году открыты два моста через Амур: автомобильный мост Благовещенск – Хэйхэ и железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян. Координация действий Москвы и Пекина осуществляется не только в двусторонних отношениях, но и на международной арене, в том числе в рамках Совета Безопасности ООН, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, «Группы двадцати». В экономическом отношении в 2022 году был поставлен очередной рекорд товарооборота между двумя странами, он вырос на 25%, почти достигнув целевой планки в 200 млрд долл.

Успехи в двустороннем российско-китайском сотрудничестве настолько ощутимы, что исследователи и политики стали обсуждать возможность создания союза двух стран. Китай до последнего времени не заключал стратегические союзы, поскольку любой союз означает взятие на себя дополнительных обязательств. Однако в связи с «возвышением» Китая все чаще говорят о более активной роли страны на мировой арене. Например, автор китайской теории морального реализма, декан факультета международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтун отмечает, что, не вступая в союзы, «не будет возможности доказать свою надежность» [30]. Поэтому

ученый является сторонником заключения военно-политического союза Китая с Россией (1).

В целом отношения России и Китая можно оценить, как полноценное стратегическое партнерство. В то же время в условиях обострения международной обстановки отдельные действия китайской стороны могут рассматриваться как проявления ненадежности. Так, в марте 2022 года китайские компании перестали поставлять в Россию запчасти для самолетов, в апреле отказались заключать новые контракты по поставкам нефти, в июне возникли трудности в совершении операций с китайскими партнерами в крупнейшем российском банке «Сбер» [23].

Исследователи предлагают различные трактовки дискуссионных внешнеполитических действий своих стран. Например, китайский исследователь Юй Бин говорит о «дружественной и гибкой схеме стратегического партнерства» России и Китая. Он отмечает, что «Москва и Пекин либо не высказываются, либо нейтрально относятся почти ко всем «основным интересам» друг друга, будь то Крым, Тайвань, Южно-Китайское море, китайско-индийские пограничные споры и так далее» [26. С. 118-124]. М.В. Александрова в своих работах показывает, что подписываемые Россией и Китаем политические декларации часто не сопровождаются планами действий, то есть они не наполняются конкретными мероприятиями и поэтому существенно не влияют на развитие российско-китайского сотрудничества [1. С. 257-267; 2. С. 200-233].

В свою очередь, С.А. Иванов также отмечает слабую проработку системы реализации долгосрочных программ, в частности, Программы сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая на 2009-2018 гг. [7. С. 54-65]. Этот же аспект выделяет и Лэй Шуан, говоря о том, что между Россией и Китаем в 2001-2014 гг. достигались соглашения преимущественно на высшем уровне, однако в дальнейшем «практическая реализация в этот период далеко отставала от заявленных намерений и деклараций» [11. С. 118].

Укрепление надежности стратегического партнерства России и Китая. Для углубления надежности российско-китайского стратегического партнерства необходимо одновременно двигаться по четырем направлениям. Первым направлением в этом плане является согласование видения Россией и Китаем будущего мира, нового мирового порядка, а также роли и места обоих государств в его установлении и функционировании. У Китая такое видение есть – это концепция сообщества единой судьбы человечества. У России ее нет. В российском политическом дискурсе часто упоминаются многополярный и полицентричный миры, однако детальная проработка этих концептов пока отсутствует. Между тем все страны мира беспокоит вопрос, каким будет мир в ближайшем будущем. Лидерская

роль России и Китая в этом направлении должна проявиться в проведении целостной согласованной политики в двусторонних и многосторонних отношениях.

Понимание значимости этого положения у китайских партнеров России присутствует. В 2013 г. Си Цзиньпин представил мировому сообществу инициативу «Один пояс, один путь». Первая из пяти составляющих («пять соединений», «пять звеньев») данной инициативы заключались в согласовании политических установок участвующих в проекте стран. Стороны могли бы обмениваться мнениями по стратегии и политике экономического развития и, исходя из принципа поисков общей почвы при существующих расхождениях, осуществлять органичное соединение стратегий экономического развития всех заинтересованных стран, согласовывать и разрабатывать программу и меры по региональному сотрудничеству, в политическом и правовом планах использовать все необходимые средства и методы для углубления региональной экономической интеграции [8].

В соответствии с этим подходом Китай согласовывает свою ИПП со стратегическими планами стран, с которыми он взаимодействует [27]. В качестве примеров можно привести стратегии Вьетнама «Два коридора и одно кольцо», Глобальную морскую стратегию Индонезии, Прямоугольную стратегию Камбоджи, Стратегию «Таиланд 4.0», стратегию «Амбиции 2040» Филиппин, Стратегию развития «Перспективы Брунея до 2035 года» и другие. В этом же ряду находится деятельность по сопряжению евразийской интеграции в рамках Евразийского экономического союза и ИПП. Стремление согласовывать стратегии развития – очень важное условие успеха сотрудничества между странами, хотя достичь подобного согласования не так просто.

По второму направлению укрепления надежности российско-китайского стратегического партнерства необходима более четкая и более детальная теоретическая и практическая проработка взаимодействия России и Китая в различных сферах. В частности, необходимо добиваться более организованной работы создаваемых институтов российско-китайского сотрудничества. Нередко они создаются только на бумаге. Например, в 2018 году был подписан Меморандум о взаимопонимании между Министерством РФ по развитию Дальнего Востока и Министерством коммерции КНР по вопросу создания Делового Совета Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. Однако за прошедшие более трех лет никакой серьезной работы и соответствующих результатов деятельности этого Совета не наблюдается. Такова же и судьба некоторых других проектов.

В этом же плане России следует обратить пристальное внимание на развитие сотрудничества с малыми и средними предприятиями Китая [25. С. 140-152]. Сегодня на долю этого сектора экономики страны приходится

свыше 60% ВВП, более 48% внешней торговли, 80% рабочих мест [32]. Но это не только крупнейший сектор экономики страны, одновременно он вносит ведущий вклад в инновационное развитие Китая. На его долю приходится 65% патентов, 75% технических новшеств и более 80% годового выпуска новой продукции [9. С. 74-78]. Задачи инновационного развития Китая акцентированы в 14-м пятилетнем плане содействия развитию малых и средних предприятий (2021-2025). Россия могла бы развивать сотрудничество с малым и средним бизнесом Китая как в тактических, так и в стратегических целях.

Третьим направлением развития надежности российско-китайского стратегического партнерства является успешное разрешение имеющихся между сторонами противоречий. В отношениях между двумя странами их немало. Нет заметных продвижений и в проекте совместного российско-китайского пассажирского самолета. Особый интерес и важность представляет ситуация в торгово-экономических отношениях России и Китая, где имеется множество проблем. Изучая этот вопрос, сотрудник Института мировой экономики Петерсона М. Чорземпа установил, что Китай является наиболее важным потенциальным источником компенсации Россией западных санкций [28]. В 2021 г. он был крупнейшим импортером в Россию, на него приходилось около четверти российского импорта объемом 73 млрд долл. Очень важным является и качество импорта из Китая: в нем значительную долю составляют высокотехнологичные товары, так необходимые России в условиях западных санкций. В 2020 году Китай обеспечивал 57% российского импорта полупроводников и 20% импорта интегральных схем. Быстро заместить такой объем высокотехнологичного импорта невозможно.

Однако угроза западных вторичных санкций в отношении китайских компаний привела к тому, что они перестали экспортировать в Россию чувствительные товары. Экспорт Китая в Россию за один квартал с момента начала специальной военной операции на Украине сократился на 38% по сравнению со второй половиной 2021 г. Крупные китайские бизнес-структуры опасаются вторичных западных санкций. С российскими банками, находящимися под санкциями, отказалась работать китайская международная платежная система «China UnionPay», точно так же как ушла из России и одна из крупнейших телекоммуникационных компаний в мире «Huawei». Тем не менее, нельзя сказать, что из-за этого российско-китайские отношения зашли в тупик [13. С. 603-618]. Более того, в 2022 году торговля между двумя странами достигла рекордной планки 200 млрд долл.

Очень многое в надежности стратегических партнеров зависит от четвертого направления – развития доверия между народами России и Китая. Это свойство измеряется в результате опросов общественного мнения. В этом плане обратим внимание на недавнее исследование, в котором было выявлено отношение китайцев к крупнейшим странам и регионам мира. В ходе

исследования, проведенного с 8 по 15 декабря 2022 года в 16 крупнейших городах Китая, включая Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Харбин, были опрошены 2,2 тыс. человек в возрасте от 18 до 69 лет. Оказалось, что на первое место среди внешнеполитических приоритетов Пекина они (58% респондентов) поставили отношения с Россией [29]. На второе место участники опроса поставили отношения с Европой – 45,9%, а на третьем – со странами Юго-Восточной Азии – 39,7%. США оказались на четвертом месте с показателем 36,8%.

Сегодня во всем мире, в том числе в России и Китае, для платежей широко используются пластиковые карты и мобильные приложения. С точки зрения доверия к китайским партнерам важным направлением было бы создание единой российско-китайской платежной системы. Отношения между Евросоюзом, США и Россией в настоящее время продолжают оставаться напряженными, сохраняется угроза прекращения функционирования в России платежных систем Visa и Master Card. Китайская платежная система Union Pay могла бы их с успехом заменить. Данная система выступает в роли своеобразного противовеса западным платежным системам. Она так же достаточно развита в мире, как Visa и Master Card, однако в настоящее время недостаточно распространена в России.

В сентябре 2016 г. российская «Национальная система платежных карт» (оператор обслуживания карт «Мир») и китайская платежная система Union Pay договорились о выпуске совместных банковских карт. По результатам 2022 года несколько российских банков начали активно эмитировать такие карты, в которых «зашита» возможность их использования сразу в двух платежных системах – «Мир» и «China Union Pay». Для реализации данного решения проведена работа по формированию совместной платежной системы на базе карт «China Union Pay» и «Мир». Чем более массовым будет присутствие китайской платежной системы в России, тем большим доверием будет пользоваться Китай среди россиян.

Кроме платежной системы Union Pay, китайский юань занимает все более важное место в той части российской финансовой системы, которая касается непосредственно физических лиц. Сегодня предложения по открытию вкладов и накопительных счетов в юанях есть у 37 российских банков. Они предлагают населению делать депозиты и открывать накопительные счета в юанях. Эксперты объясняют выгоду таких операций, кроме ухода от доллара и евро, долгосрочным фактором несоответствия доли юаня на мировом валютном рынке (около 3-4%) доле Китая в мировом ВВП (19%) и мировой торговле (15%) [3]. Поэтому можно ожидать усиления влияния китайской валюты в мире.

Заключение. В условиях обострения обстановки в мире, связанного со становлением нового мирового порядка, существенно возрастает значимость в международных союзах и стратегических партнерствах такого

их свойства, как надежность. Ее можно определить, как свойство системы международных отношений обеспечивать в стратегической долгосрочной перспективе устойчивое взаимодействие государств на мировой арене в соответствии с их национальными интересами. Надежность двусторонних международных отношений между государствами зависит от степени их интенсивности и разнообразия, а также от сбалансированности различных сфер их взаимодействия.

О необходимости надежности в стратегическом партнерстве неоднократно заявляли политические руководители России и Китая. Однако в связи с неразработанностью этого понятия в политологии и теории международных отношений в его реализации имеет место противоречивая ситуация. Китай поддерживает Россию в большинстве резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН по актуальной внешнеполитической тематике. В условиях западных санкций растет товарооборот между двумя странами. В то же время в отношении специальной военной операции России на Украине Китай заявляет о необходимости соблюдать принцип территориальной целостности. В экономической сфере под угрозой вторичных санкций крупные китайские компании и банки покидают российский рынок. В России довольно распространено представление о «желтой угрозе» со стороны Китая.

Для развития надежности российско-китайского стратегического партнерства необходимо предпринять ряд действий. Следует обеспечить согласование стратегических долгосрочных планов международной деятельности России и Китая, увязанных со становлением нового мирового порядка. Эти стратегические планы требуется детализировать в краткосрочных тактических планах действий, добиваться их правового закрепления. России следует уделить больше внимания сотрудничеству с китайскими малыми и средними компаниями. Должна проводиться систематическая работа по выявлению и разрешению основных противоречий между Россией и Китаем в двусторонних отношениях. Необходимы предметные меры по укреплению взаимного доверия между российским и китайским народами.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) При вертикальном союзничестве слабые государства объединяются против одного сильного, а при горизонтальном, союз действует в интересах одной сильной страны в отношении многих слабых стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Александрова М.В.* О межрегиональном сотрудничестве России и Китая // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017-2018: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018.
2. *Александрова М.В.* Российско-китайское межрегиональное сотрудничество // Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи»: монография / сост. А.О. Виноградов, А.С. Исаев, Е.И. Сафронова, М.В. Александрова. М.: ИДВ РАН, 2020.
3. Банки запускают новые инструменты в юанях для населения и бизнеса // Ведомости. 2 ноября 2022.
4. ВКНР назвали отношения республики с Россией крепкими, как монолит. 25 декабря 2022 // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16683429?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop.
5. *Гришин О.Е.* Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.
6. *Дрягалова Е.А., Степанова А.А.* Диагностика акмеологического потенциала личности и профессиональной надежности курсантов МВД РФ // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 6.
7. *Иванов С.А.* Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (82).
8. Китай: развивать дух Шелкового пути и совместными усилиями совершать великие дела 2015.01.01 // <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/ztbd/aa11/t1251370.htm>.
9. *Климова Н.В., Глуценко О.С.* Инновационное предпринимательство в Китае // Фундаментальные исследования. 2018. № 10 // <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42283>.
10. *Крук В.М.* Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013.
11. *Лэй Шуан.* Арктическая политика Китая: стратегия, практика, международное сотрудничество. Дисс... канд. полит. н. Владивосток, 2022.
12. *Марченко Б.И.* Обеспечение надежности технических систем. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016.
13. *Михайленко А.Н.* Как выходить из внешнеполитических тупиков? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Том 8. № 5 (44).
14. *Михайленко А.Н.* Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134).
15. *Михайленко А.Н.* Современный этап в формировании полицентричного мира // Вопросы политологии. 2019. № 1 (41).

16. *Небылицын В.Д.* Избранные психологические труды / под ред. Б.Ф. Ломова. М.: Педагогика, 1990.

17. *Осадчук О.Л., Максименко Л.А.* Понятие «Надежность» в различных сферах жизнедеятельности человека: философские и этико-психологические аспекты // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* 2016. № 3-1.

18. Пленарное заседание Восточного экономического форума 7 сентября 2022 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/69299>.

19. *Пугачева Е.В.* Теоретические аспекты профессиональной надежности работника в организации // *Современная психология.* 2013. № 1.

20. Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции / под ред. С.Г. Еремеева, И.И. Кузнецова. М.: Издательство Московского университета, 2018.

21. Российско-китайские переговоры. Владимир Путин в режиме видеоконференции встретился с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. 30 декабря 2022 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70303>.

22. *Сарычев С.В., Чернышев А.С.* Социально-психологические аспекты надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности. Курск, 2000.

23. *Смирнова С.* Надежда на вырост: китайские инвесторы поверили в российский рынок // *Известия.* 21 июня 2022.

24. *Фурманков А.Н.* Надежность социально-экономических систем на этапе их проектирования // Монография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

25. *Чуванкова В.В.* «14-й пятилетний план содействия развитию малых и средних предприятий» (2021-2025) в КНР: инновационная составляющая // *Проблемы Дальнего Востока.* 2022. № 6.

26. Юй Бин. Нейтралитет Китая в новом мрачном мире // *Россия в глобальной политике.* 2022. Том 20. № 3 (115). Май – июнь.

27. Chen Yiyuan. Analysis of Southeast ASEAN nations Five Connectivity Index. August 28, 2019 // <https://chinareportasean.com/2019/08/28/analysis-of-southeast-asian-nations-five-connectivity-index-opinion/>.

28. *Chorzempa M.* Export controls against Russia are working – with the help of China // *The Peterson Institute for International Economics.* 2022. <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/export-controls-against-russia-are-working-helpchina>.

29. *Deng Zijun.* How Chinese view the world // *Global Times.* Dec 25, 2022.

30. Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism // *Theory Talks.* November 28, 2012 // <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html>.

31. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2022-03/13/nbs.D110000renmrb_01.htm.

32. 政府工作报告—二〇二二年三月五日在第十三届全国人民代表大会第五次会议上 [Доклад о работе правительства – на 5-й сессии ВСНП 13-го созыва 5 марта 2022 г.] // 人民日报.

A.N. MIKHAILENKO

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of International Security and
Foreign Policy Activities of Russia of the Faculty of National Security
of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

A.V. VOROBYOV

*Postgraduate student of the Department
of International Security and Foreign Policy Activities of Russia,
Faculty of National Security, Institute of Law and National Security,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

ON RELIABILITY OF RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

In the context of aggravation of situation in the world, associated with the formation of a new world order, the importance of such a property as reliability in international alliances and strategic partnerships is significantly increasing. It is often used in political discourse when characterizing partners in international relations, but there is no clear definition of it in political science. The article proposes the authors' definition of this property of international relations, as well as the main directions of its development within the framework of the strategic partnership between Russia and China.

Key words: *new world order, reliability, China, strategic partnership, alliance, Western sanctions, Belt and Road Initiative, Eurasian Economic Union, small and medium enterprises, trust, payment systems.*

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета; профессор
кафедры зарубежного регионоведения Университета Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского,
Россия, г. Москва*

И.Ю. СОМОВА

*кандидат исторических наук, заведующий
кафедрой зарубежного регионоведения Университета Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского»,
Россия, г. Москва*

А.Н. НЕХОРОШЕВА

*студент Института лингвопереводческих
технологий и развития международных коммуникаций
Университета Мировых Цивилизаций
им. В.В. Жириновского,
Россия, г. Москва*

УНИВЕРСАЛИИ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ВНЕШНЕ- И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТУРЕ ФИЛИППИН: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ И АНАЛИЗА

В данной статье авторы обратились к актуальной и малоизученной теме – универсалиям конфликтного потенциала на внешне- и внутривнутриполитическом контуре Филиппин. Интерес научной общественности к данной проблеме не случаен. Последние три года при реализации курса «Поворот России к Востоку» – национальной политики интеграции в наиболее быстро развивающиеся рынки мира, диктует неукоснительную потребность в изучении региональной проблематики АТР. «Поворот России к Востоку» был исходной позицией формирования нового внешнеполитического и экономического курса страны, обоснованного как геостратегической целью, так и решением практических задач. С ведением необоснованных рестрикций традиционные партнерские отношения с Западом, практически,

прекратили свое существование. Поиск Россией в Азии новых точек соприкосновения, как альтернативы западным ограничениям, предназначены для противодействия изолированию России в международном масштабе и смягчения негативного экономического воздействия рестрикций. Но после того, как коллективный Запад сделал ставку на войну с Россией, отсталость отношений со странами Азии стала очевидным тормозом для ее собственного развития и адекватности вызовам современного мира. С точки зрения России, поворот на Восток является наиболее естественным результатом принятия внешнеполитического и экономического курса страны. Изучение региональных проблем в данном случае для нас важнейшая задача. Такой поиск выходит за рамки этой озабоченности и соответствует цели России покончить с доминированием «американоцентричного» мирового порядка путем придания ему многополярности. В связи с этим, Филиппины, будучи одним из основных очагов радикальных настроений в Юго-Восточной Азии представляют особый научный интерес. Конфликтный потенциал южных районов Филиппин, связанный с растущим терроризмом существует и прогрессирует уже не одно столетие и до сих пор остается важнейшей внутривнутриполитической проблемой государства, имеющей в своей основе сложный, этнополитический и религиозный характер. На фоне происходящих в стране многочисленных событий и мер, принимаемых международным сообществом по достижению региональной безопасности, авторы видят необходимость всесторонне проанализировать истоки террористической опасности и ответить на вопрос о возможности их разрешения. В данной статье авторы рассматривают основные факторы, мешающие формированию новой архитектуры региональной безопасности в ЮВА, где одну и ключевых ролей играют Филиппины.

Ключевые слова: Филиппины, терроризм, сепаратизм, Бангсаморо, Минданао, мусульманское меньшинство.

Сегодня стало ясно, что на современном этапе развития международных отношений кардинальным образом изменился характер угроз как для глобальной, так и региональной безопасности. В период «холодной войны» основными вызовами и угрозами международному порядку выступали межгосударственные конфликты, противостояние двух военно-политических блоков. За последние годы мир столкнулся с качественно новым явлением транснациональных угроз, которые отличаются непредсказуемостью и представляют потенциальную опасность для граждан абсолютно всех государств. Транснациональными угрозами в полной мере можно считать международный терроризм, производство и торговлю наркотиками, а также нелегальную торговлю оружием и пиратство на морских коммуникациях.

Поиск альтернативных путей разрешения транснациональных угроз – первоочередная задача мирового сообщества. Но говоря о транснациональных угрозах, нельзя забывать об их источнике, либо местах повышенной концентрации, которыми являются т.н. «серые зоны», усиленные «дугами политической нестабильности» (1). Здесь важно иметь в виду то обстоятельство, что свойства нелинейности и неопределенности, характерные современной операционной среде в области международных отношений в высокой степени присущи так называемая «серой зоне», которая в общем виде представляет собой стратегическое пространство, в пределах которого международная система реформируется под правила нового миропорядка. Подобные территории, зачастую охваченные гражданской войной либо представляющие сепаратистские образования, экстремистские режимы, становятся объектами местонахождения баз и тренировочных лагерей международных террористических организаций, полем деятельности наркокартелей, пиратов.

Учитывая растущую роль Азиатско-Тихоокеанского региона на международной арене, проблема региональной безопасности Юго-Восточной Азии является одной из наиболее ключевых в выстраивании всей архитектуры международных отношений. Филиппины, находящиеся на стыке стратегических морских коммуникациях, образуют дугу политической нестабильности рядом с такой серой зоной, как «Золотой треугольник» (стык территорий Мьянмы, Лаоса, Таиланда), который исторически является центром производства наркотиков в регионе Юго-Восточной Азии, становятся мостом для транспортировки наркотиков в страны АСЕАН, государства АТР, а также в страны Африки и ЕС, минуя Индийский океан, территории Сомали, Эфиопии, ЦАР, неконтролируемого региона Западной Сахары. Можно заметить взаимосвязь двух «серых зон» – Сомали и «Золотой треугольника», которые составляют маршрут наркотрафика из Юго-Восточной Азии в Европу. Хотя в борьбе с торговлей наркотиками и выступает Таиланд, операции с 2003 г. по настоящее время мало повлияли на снижение наркоторговли в регионе. Проблема в том, что на их территории выращивание и переработка наркосодержащих веществ, фактически является отдельной отраслью региональной экономики. В связи с этим, авторы сконцентрировали свой научный интерес на террористической угрозе исходящей с Филиппин, как основного очага появления террористических и сепаратистских тенденций в регионе ЮВА. Так, согласно отчету Institute of Economic and Peace «Global Terrorism Index 2022» в 2021 году Филиппины впервые с 2015 года спустились с первой строчки спустились на второе место в рейтинге стран Азиатско-Тихоокеанского региона по воздействию террористической угрозы (индекс 6,79%), уступив первое место Мьянме [5]. Тем не менее, угроза дальнейшего развития радикальных настроений в государстве остается одной из важнейших.

Важно сказать, что террористическую угрозу на Филиппинах представляет, в первую очередь, сформированные группировки на юге Филиппин, представленные мусульманским меньшинством. Сепаратистские, а в следствии и террористические настроения на Филиппинах появились достаточно давно. Традиционно начало самого конфликта мусульманского меньшинства и христианского большинства, коим на сегодняшний день представлена правящая элита Филиппин, принято считать вторую половину XX века, когда в 1960-1990-х гг. произошло обострение противоречий между христианами и мусульманами на юге государства. Тут важно понимать, что используя религиозную веру и религиозные символы, можно придать сакральность любому политическому конфликту, что в свою очередь, приводит к сакрализации врага, делает его воплощением вселенского зла. Таким образом, именно религиозный фактор становится одним из наиболее удобных при использовании в политических целях для оправдания насилия и агрессии. Но сопрягаясь с этнонациональными проблемами, он приводит авторов к выводу о существовании некоторых универсалиях политических конфликтов на Филиппинах. Именно их универсальные особенности определяют не только динамику и уровень возможных потерь сторон, но возможность «перелива» из одной конфликтной ситуации, – в другую.

В данном случае пограничные отношения как фактор *интернационализации этнических конфликтов или «этнизация» международных политических отношений*, выступают в качестве одно из разновидностей межгрупповых столкновений. Они являются «продуктом» последних десятилетий, когда этнически идентифицированные народы, не имеющие государственности, становятся новыми действующими лицами на международной арене, втягивая третьи стороны, будь то государства или неправительственные организации в конфликт. Итог этого – выход на активизацию производства таких наркосодержащих веществ, как опиаты, гашиш, эфедрин и др., торговлю оружием и распространения террористических угроз.

Именно тогда, с середины XX века, на территории юга Филиппин были созданы многочисленные организации, экстремистские группировки и банды [1. С. 179-180], многие из которых функционируют по сегодняшний день. Важно понять еще один аспект проблемы. Межконфессиональный конфликт в данном регионе берет свое начало с X-XV века, когда впервые было положено начало социальному расслоению, основанное, где в первую очередь, религиозный фактор сыграл немаловажную роль [2. С. 110]. Наиболее ярким выражением конфликтогенного потенциала является вторая половина XX века, когда в 1969 году была создана одна из крупнейших группировок, борющихся с центральным правительством за отделение от Филиппин, – это «*Национально-освободительный фронт моря*» (НОФМ), в дальнейшем – «*Исламский фронт освобождения моря*» (ИФОМ), который в течение многих десятилетий был крупнейшей вооруженной группировкой

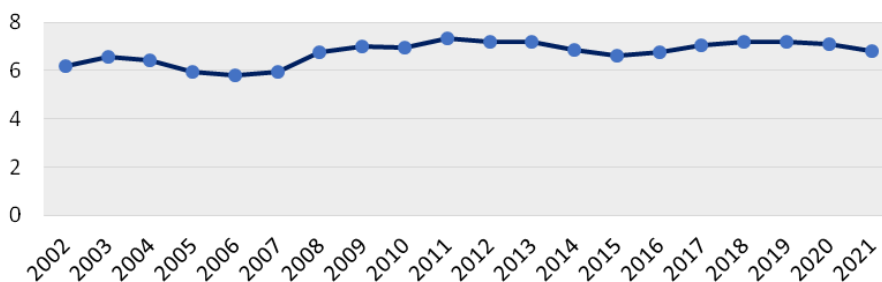
на юге Филиппин. Фронт активно борется за сохранение исторического, религиозного и культурного своеобразия народа моро, где основной идеологией стал джихад, против филиппинского правительства. Хотя, ради справедливости надо сказать, что на сегодняшний момент конфликт имеет затяжной характер и вышел в латентную фазу. На этом фоне происходит реализация всеобъемлющего соглашения о Бангсаморо, подписанного в 2014 году правительством Филиппин и Исламским фронтом освобождения моро (ИФОМ) [3]. Данное соглашение предусматривает создание так называемого «Основного закона Бангсаморо», который установил бы автономное образование в Бангсаморо со значительно большими полномочиями, чем те, которыми обладал предшествующий автономный регион Мусульманского Минданао. Процесс создания Автономного региона Бангсаморо в мусульманском Минданао достаточно продолжительный и по прогнозам должен завершиться к 2025 году (хотя, фактически, сам по себе такой объект уже существует, процесс нельзя назвать завершённым до полной реализации условий соглашения). В то же время религиозный фактор, обладая относительной самостоятельностью, может, в свою очередь, влиять на различные стороны жизни, заострять нерешенные социально-экономические проблемы. Можно сказать, что в многонациональном государстве любой вопрос имеет свойство перелива из одной формы в другую, в том числе может приобрести и этническую окраску. *Универсальные особенности* религиозных и этнополитических конфликтов определяют их динамику и уровень возможных потерь сторон. Когда религиозные и этнические различия на Филиппинах сознательно или несознательно, используется для того, чтобы придать направленность действиям сил в конфликтной ситуации, особенно когда эти различия становятся мощным мобилизованным символом, тогда этническая общность, приверженная одной конфессии, превращается в фактор, определяющий существо и динамику конфликта.

Во-первых, рассматривая проблему в исторической ретроспективе необходимо учитывать то обстоятельство, что ранее правительством Филиппин были осуществлены попытки мирного урегулирования конфликта:

1. 1988 г. – подписание Органического акта для Мусульманского Минданао, который создавал Автономный регион Мусульманского Минданао (АРММ) [7]. Официально появился в 1989 году, но, тем не менее, до настоящего времени террористические атаки прекращены не были. Так, следующего соглашения, которое было подписано в 2012 году со стороны со стороны различных террористических группировок было осуществлено множество террористических атак на территории государства.

2. 2012 г. – Рамочное соглашение относительно Бангсаморо предусматривало смену АРММ [11]. На самом деле, фактически, именно это соглашение и реализуется на данный момент (Всеобъемлющее соглашение состоит из Рамочного соглашения и нескольких приложений), а потому

можно смело предположить, какую реакцию может вызвать дальнейшая реализация договора. Так, экстремистская группа, назвавшая себя «Бойцами исламского освобождения Бангсаморо», не удовлетворенная перспективой автономизации, объявила о своем отсоединении от ИФОМ и продолжении борьбы с филиппинским государством за полную независимость региона. Кроме того, нужно отметить, что, несмотря на ранее упомянутое снижение индекса террористической угрозы, едва ли ситуацию можно назвать с положительной динамикой, поскольку, рассматривая данный показатель с 2002 по 2021 гг. (См. рис. 1), можно заметить, что изменение индекса волнообразно, то есть нет определенной закономерности. Потому, прогнозировать то, что подписанные соглашения оказывали и будут в дальнейшем оказывать какое-либо положительное влияние на обстановку, – сложно.

Рисунок 1. Изменение индекса террористической угрозы на Филиппинах 2002-2021 по данным Institute for Economics and Peace

Источник: составлено на основе данных Philippines Terrorism Index // Trading Economics // <https://tradingeconomics.com/philippines/terrorism-index>.

Во-вторых, количество террористических группировок на Филиппинах увеличивается, что связано с расхождением взглядов на политическую и вооруженную борьбу среди лидеров этих группировок. Так, многочисленные террористические организации, действующие на сегодняшний день на территории государства, изначально являются выходцами одной группировки (Рис. 1)

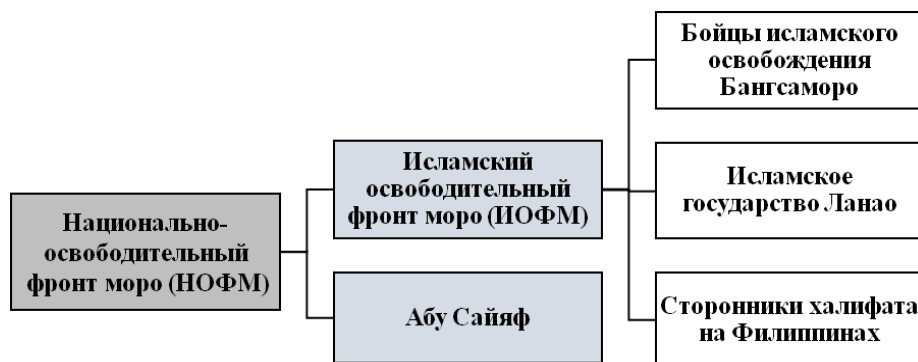

Рисунок 2. Основные террористические группировки, действующие на территории Филиппин

Надо сказать, что расхождения во взглядах группировок достаточно весомые. Например, если на сегодняшний день ИОФМ продвигает идею создания некоего субгосударства, население которого было бы представлено мусульманской частью жителей Филиппин, наподобие штата США, что подразумевает определенную автономию при сохранении территории в составе Филиппин, то «Бойцы исламского освобождения Бангсаморо» борются за идею полного отсоединения, независимости и превращения в отдельное государство о. Минданао. Такой вариант в целом не рассматривается как целесообразный по нескольким причинам. Во-первых, по экономико-географическим причинам – Минданао территориально занимает около половины всей территории Филиппин, являясь при этом важнейшим источником цветных металлов и угля. Так же, «Абу Сайяф», в свою очередь, поддерживает идею определенной независимости Минданао, однако, как отмечал еще в 2011 году эксперт Центра стратегических и международных исследований Зак Феллман, руководство группировки видит достижение цели только в насильственном пути развития конфликта [4. С. 2].

Фактически, конфликт стал многосторонним, поскольку одновременно с противоречиями между правительством и мусульманским меньшинством развиваются и противоречия уже в самом мусульманском населении государства. Такое положение дел подтверждает тот факт, что достижение какого-либо консенсуса между правительством и мусульманами Филиппин невозможно, поскольку не существует консенсуса в самом мусульманском обществе страны. Одновременно такой конфликт – явление политическое, поскольку затрагивает проблемы власти и национальной государственности.

В-третьих, проблему для решения конфликта создает сам факт выхода его за рамки Филиппин, приобретая такую универсальную особенность, как *интернационализация* конфликта, когда он выходит за национальные границы и вовлекает в себя внешние силы. Так, Абу Сайяф имеет тесные

связи с Исламским государством (признана в России террористической организацией), что дает определенную поддержку, в том числе и финансовую. Так, Билвир Сингх отмечал, что терроризм в Юго-Восточной Азии может получать финансирование тремя путями: похищения людей и требование выкупа, участие в рекламных акциях, финансирование через так называемую благотворительность [8. С. 7]. Последнее представляет наибольший интерес, поскольку под «благотворительностью» подразумевается, как раз привлечение мусульман из других стран. Кроме того, стоит добавить, что существуют подтверждения деятельности иностранных боевиков на территории Филиппин. Бенджамин Р. Самсон, будучи заместителем городского прокурора г. Манила опубликовал в 2018 году отчет, согласно которому на территории государства действуют индонезийская организация «Джемаа Исламия», а также боевики, входящие в группировки, которые не имеют структуры и лидеров [9. Р. 83-84].

Расширение территории влияния группировок влечет за собой превращение конфликта из локального в международный, что, объективно, значительно снижает возможность урегулирования конфликта.

В-четвертых, необходимо брать во внимание возможную реакцию участников ИОФМ, как потенциальных разжигателей дальнейшего конфликта. Если ранее прослеживалась тенденция расхождения взглядов в целом, то в дальнейшем ИОФМ и правительство Филиппин достигли соглашения и на данный момент занимаются его реализацией.

Но реальность далека от предполагаемой.

Соглашение предусматривает разоружение бойцов ИОФМ, которое предполагает полное избавление от вооруженных подгруппировок организации, что вызывает многочисленные споры среди населения Минданао. Разоружение происходит в четыре этапа, три из которых уже практически завершены. Поэтому можно сделать некие предварительные итоги и выявить основные проблемы данного процесса.

В первую очередь, трудности вызваны туманностью и неизвестностью дальнейшей деятельности демобилизованных боевиков. Дело в том, что Минданао остается одним из самых социально неблагоприятных районов Филиппин, имея самый высокий уровень бедности в государстве [6]. Так или иначе, при разоружении войск ИОФМ образуется большой пласт безработных граждан. Как показывает практика, при реализации одного из этапов в 2015 году, многие разоруженные остались недовольны предоставленными льготами [10].

Ситуация осложняется клановым делением общества, вызывающим многочисленные междоусобные конфликты населения. Для многих жителей Минданао, в том числе и для участников ИОФМ, наличие оружия является не только возможностью заработка, но и гарантией безопасности. Социальная нестабильность района создает условия, в которых выходцы

ИОФМ, неудовлетворенные своим положением вполне могут начать реализовывать себя в рамках участия в иных, более радикальных группировках, действующих на территории государства. А в перспективе – торговлю наркотиками, оружием и распространение террористических угроз в регионе.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что конфликт между радикальными группировками и правительством Филиппин является конфликтом с нулевой суммой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Сеть «дуг политической нестабильности», покрывающая Мировой океан, становятся в современных условиях геополитическим фактором, определяющим современный ландшафт политического мира. Понятие «серая зона» по своему содержанию гораздо шире «дуги нестабильности», которая охватывает территории ряда смежных стран, характеризующихся нестабильной политической обстановкой, вооруженными конфликтами и т.п. В случае выгодного геополитического положения данных территорий, если они находятся на стыке нескольких регионов, имеют выход к транспортным коммуникациям, то нередко «серые зоны» выступают маршрутами наркотрафика и нелегальной торговли оружием (Прим. авт.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Левтонова Ю.О.* История Филиппин. Краткий очерк. Москва: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979.
2. *Халиков Р.И.* Межконфессиональный конфликт на Филиппинах // *Modern oriental studies*. 2019. № 4 (1).
3. Comprehensive Agreement on the Bangsamoro // Peacemaker: <https://peacemaker.un.org/>. 2014 // https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/PH_140327_ComprehensiveAgreementBangsamoro.pdf.
4. *Fellman Z.* Abu Sayyaf Group // Homeland Security & Counterterrorism Program // Transitional Threats Project. 2011. № 5.
5. Global Terrorism Index // Institute of Economics and Peace: <https://www.economicsandpeace.org/>. 2022 // <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web.pdf>.
6. Philippines // ACAPS: <https://www.acaps.org/>. 2022 // <https://www.acaps.org/country/philippines/crisis/mindanao-conflict>.
7. Republic Act No. 6734 August 1, 1989 “AN ACT PROVIDING FOR AN ORGANIC ACT FOR THE AUTONOMOUS REGION IN MUSLIM MINDANAO” // The Lawphil Project: <https://lawphil.net>. 1989 // https://lawphil.net/statutes/repacts/ra1989/ra_6734_1989.html.
8. *Singh B.* Crime-Terror Nexus in Southeast Asia: Case Study of the Abu Sayyaf Group // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. 2018. Vol. 10. № 9.

9. Samson B. Philippines: the fight against terrorism // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1-2.

10. The Philippines: Militancy and the New Bangsamoro. Asia Report № 301 // International Crisis Group: <https://www.crisis-group.org/>. 2019 // <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/philippines/301-philippines-militancy-and-new-bangsamoro>.

11. 2012 Framework Agreement on the Bangsamoro political region // Wayback Machine: <https://web.archive.org/>. 2012 // <https://web.archive.org/web/20121017033934/http://www.president.gov.ph/news/2012-framework-agreement-on-the-bangsamoro-political-region/>.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of International Relations and Law
Vladivostok State University; Professor of the Department of Foreign
Regional Studies University of world civilizations
named after V.V. Zhirinovskiy,
Moscow, Russia*

I.YU. SOMOVA

*Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of Foreign Regional Studies
University of world civilizations named after V.V. Zhirinovskiy,
Moscow, Russia*

A.N. NEKHOROSHEVA

*Student, Institute of language and translation
technologies and the development of international communication
University of world civilizations named after V.V. Zhirinovskiy,
Moscow, Russia*

UNIVERSALS OF CONFLICT POTENTIAL ON THE EXTERNAL AND INTERNAL POLITICAL CONTOUR OF THE PHILIPPINES: AN ATTEMPT TO COMPREHEND AND ANALYZE

In this article, the authors turned to an urgent and little-studied topic – the universals of conflict potential on the external and internal political contour of the Philippines. The interest of the scientific community to this problem is not accidental. The last three years, when implementing the course of Russia's turn

to the East,"the national policy of integration into the fastest growing markets of the world, dictates a strict need to study the regional problems of the Asia-Pacific region. The Russia's turn to the East'was the starting position for the formation of a new foreign policy and economic course of the country, justified both by the geostrategic goal and the solution of practical tasks. With the conduct of unjustified restrictions, traditional partnerships with the West have practically ceased to exist. Russia's search for new points of contact in Asia, as an alternative to Western restrictions, is intended to counter Russia's isolation on an international scale and mitigate the negative economic impact of restrictions. But after the collective West went to war with Russia, the backwardness of relations with Asian countries became an obvious obstacle to its own development and adequacy to the challenges of the modern world. From Russia's point of view, a turn to the East is the most natural result of adopting the country's foreign policy and economic course. The study of regional problems in this case is the most important task for us. Such a search goes beyond this concern and corresponds to Russia's goal of ending the dominance of the American-centric"world order by giving it the objectivity of multipolarity. In this regard, the Philippines, being one of the main hotbeds of radical sentiments in Southeast Asia, is of special scientific interest. The conflict potential of the southern regions of the Philippines associated with growing terrorism has existed and progressed for more than a century and still remains the most important internal political problem of the State, which is based on a complex, ethnopolitical and religious nature. Because of numerous events taking place in the country and measures taken by the international community to achieve regional security, the authors see the need to comprehensively analyse the origins of terrorist danger and answer the question of the possibility of their resolution. In this article, the authors consider the main factors hindering the formation of a new architectonics of regional security in Southeast Asia, where the Philippines plays one of the key roles.

Key words: *Philippines, terrorism, separatism, Bangsamoro, Mindanao, Muslim minority.*

М.Ф. МАГАДИЕВ

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления и
национальной безопасности Института права и
национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
член-корреспондент РАЕН,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Российская Федерация является крупным государством с политической системой и международными отношениями, которые выстраиваются на взаимопонимании и доверии между странами-партнерами. Однако, в последние годы данная концепция нарушилась в результате деструктивного воздействия на международные отношения экономических санкций и давления, оказываемого США и странами ЕС на Россию. Кроме политических процессов изменения коснулись экономической, общественной, культурной, спортивной и других направлений сотрудничества между государствами, обеспечивающих социальный баланс среди населения. При этом именно выстраиванию международных отношений в настоящее время уделяется огромное внимание со стороны российских и зарубежных политологов, которые в целом характеризуют их довольно противоречиво.

Данная статья нацелена на изучение политической архитектоники системы международных отношений, в контексте возникших сложностей и противоречий, а также поиска направлений для устранения кризисов и эскалации отношений, в чем заинтересована не только Российская Федерация, но и США и страны ЕС, как и весь мир.

Ключевые слова: *политическая архитектоника, система международных отношений, социально-экономические санкции, проблемы, перспективы, история развития.*

Начиная с 2014 года, Российская Федерация находится в сложной политической ситуации, причиной чему стало присоединение Крыма к России и начало специальной военной операции на территории Украины, которая проводится и в настоящее время. В этой связи стране было выставлено огромное количество экономических и политических санкций, которые резко осложнили отношения между странами, сформированные десятилетиями, что, в целом, стало способствовать и перестройке других политических процессов в мире, который все стремительнее стал переходить на многополярное устройство.

В связи с этим современными политологами используется множество терминов, характеризующих систему международных отношений и возможностей их развития. Одним из основных определений современных тенденции, характеризующих систему международных отношений, является «политическая архитектура». Для понимания данного термина следует представить суть данного понятия, рассмотрев его с разных позиций.

При этом отметим, что в целом понятие «архитектура» более свойственно таким сферам как литература, искусство и архитектура [3].

По сути, оно означает строение чего-либо, отображает смыслы конкретных течений в той или иной форме искусства, определяя соподчиненность главного и второстепенного [4].

Согласно другой позиции, архитектура может определять последовательность исторических событий, которые повлияли на современное состояние конкретного объекта, а также соотношение исторических фактов с современностью [11].

Применительно к архитектуре, рассматриваемое понятие может быть представлено как последовательность событий по реализации и модернизации конкретных объектов строительства [10].

В целом, архитектура представляет собой совокупность каких-либо структурных принципов, выставивших целостность того или иного объекта. В контексте политики архитектура может быть изложена как влияние исторических фактов на сформированную действительность политических отношений на международной арене [8].

По нашему мнению, политическая архитектура представляет собой набор тенденций и факторов так или иначе повлиявших на формирование международных отношений, выстраиваемых на основании набора исторических факторов и действий на протяжении определенного исторического периода.

Переходя к рассмотрению политической архитектуры в отношении Российской Федерации и стран мира, следует отметить, что Россия, обладая большими природными ресурсами и богатствами, высоким интеллектуальным потенциалом, а также сформированной на генетическом уровне

качественной ментальностью людей, всегда исторически была противником для стран Запада и США.

Еще в 1799 году Турция вступила в войну с Россией, поскольку на нее давили страны Европы, боясь укрепившей свои позиции страны и ее потенциала [12].

Внимательно обращаясь к историческим фактам, стоит отметить, что, начиная с войны Франции, которую вел Наполеон против России, страны Запада всегда старались ослабить Россию и решить свои экономические и политические проблемы за счет нее.

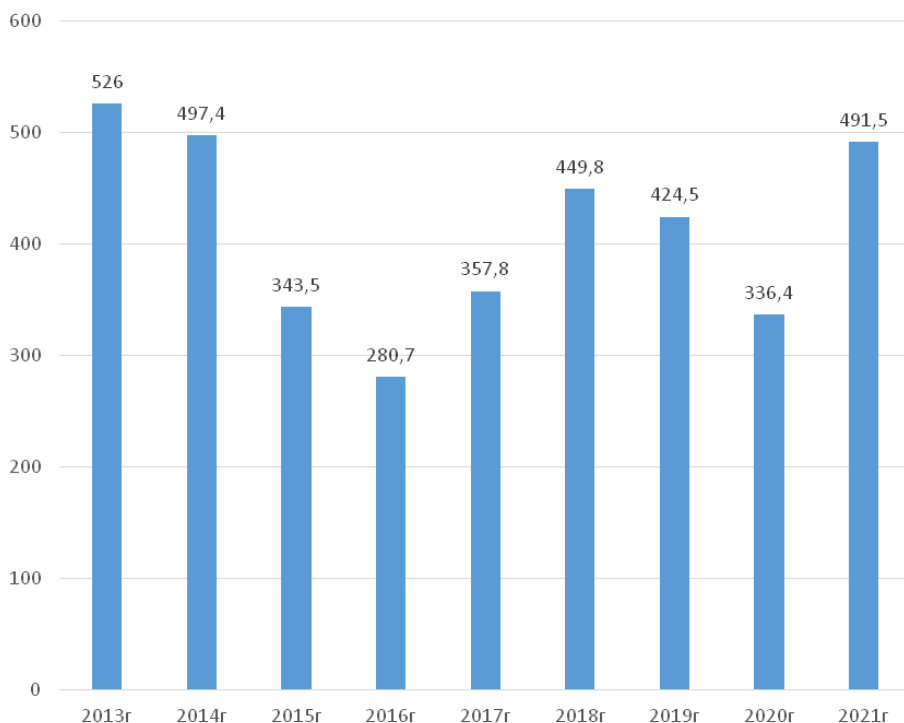
Вторая мировая война также была спровоцирована США, которые находились в жутком кризисе и целью которых было «рассорить всех со всеми», что и стало причиной агрессии Германии по отношению к России. То есть на протяжении нескольких столетий ведущие страны мира пытаются лишить Россию собственного потенциала, ослабив и принудив к участию на мировом рынке только на условиях, сформированных США [19].

При этом война используется как инструмент ослабления не только экономических позиций государства в мире, но и политических. Делая его «изгоем», большая часть партнеров отказываются от отношений с такой страной, несмотря на выгоду сотрудничества [9]. Опыт подобной политики у США огромен: в отношении Ирака, Ливии, Сирии, Сербии и других, неугодных ему государств, которые мешали им выполнять роль гегемона на мировой арене, контролирующего все и вся и определяющего ключевые параметры ведения экономики во всем мире [21].

Применение подобной политики США к России было выбрано правительством этой страны несколько лет назад, когда Российская Федерация в силу собственного развития стала выходить на новые рынки сбыта, выводя туда не только ресурсы, но и продукцию военного назначения и других отраслей, все более активно завоевывая мировые торговые рынки, а также повышая собственный имидж на спортивной, культурной и других аренах.

Переходя к более подробному изучению политической обстановки, стоит отметить, что экономика и политика – это параллельные системы, которые в целом и формируют сложившуюся мировую архитектуру [21]. Так, по мнению Семькиной Т.В., именно экономика является ведущим драйвером формирования политических отношений, а также принятия экономических решений, воздействующих в определенной степени на все мировые рынки.

Сказанное доказывают показатели динамики экспорта РФ, которые приведены на рисунке 1.

Рисунок 1. Динамика показателей экспорта продукции из России зарубеж, млрд. долл.

Источник: составлено автором по [16].

Несмотря на резкое снижение экспорта после 2014 г., которое продолжалось до 2016 г., начиная с 2017 г. он стал повышаться, постепенно выходя на те же значения, которые были до присоединения Крыма к Российской Федерации. Исключением стал 2020 год, когда в период пандемии большая часть предприятий не работала, что в значительной степени сказалось на экономике всех стран. Тем не менее, в 2021 году экспорт увеличился, фактически вернувшись к «допандемийным» значениям, что говорит о повышении деловой активности предприятий Российской Федерации и увеличении продаж на внешних рынках не только ресурсного потенциала, но и других товаров.

Далее рассмотрим структуру экспорта из РФ, которая приведена на рисунке 2.

Рисунок 2. Структура экспорта из РФ в 2021 году, %

Источник: составлено автором по [16].

Структура экспорта показывает, что большая часть принадлежит топливно-энергетическим товарам. Однако, если в 2021 году удельный вес этих продаж составил 64%, то на 10 лет ранее он доходил до 85-90%. То есть в определенной степени правительство диверсифицирует производство, отказываясь от импортных товаров, выводя на мировой рынок новые технологичные товары собственного производства. Так, активно реализуются металлы на зарубежном рынке, машины и оборудование, а также продовольствие. Последнее стоит рассмотреть более серьезно ввиду неграмотной политики Западных стран, из-за которых нарастает кризис продовольствия.

Именно Россия становится ведущим экспортером пшеницы, а также других зерновых, что способствует выходу ей на новые рынки сбыта азиатских и африканских государств. Динамика продажи пшеницы приведена на рисунке 3.

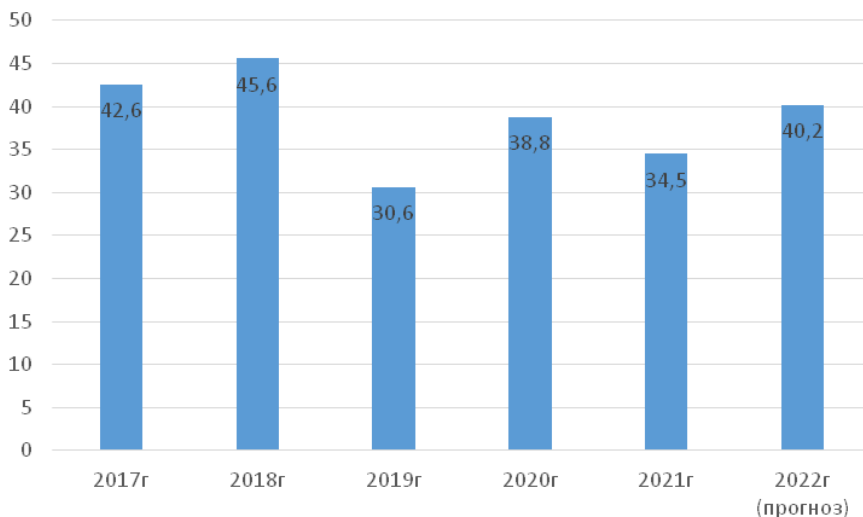

Рисунок 3. Динамика продажи пшеницы из РФ, млн. тонн.

Источник: составлено автором по [22].

Значительное снижение доли Украины на рынке зерна вызвало резкий рост цен на него и усилило позиции России на мировом рынке. И в целом данные позволяют судить о том, что в 2008 году Россия была одним из крупнейших импортеров зерна, в результате грамотной экономической политики вышла в лидеры экспортеров.

Все это доказывает экономический рост Российской Федерации, выход ее на новые мировые рынки, наращивание экспортного потенциала и получение возможностей влияния на страны отдельных регионов.

Однако, именно США такой экономический расклад не устраивает, что и стало причиной выращивания «анти-России» на территории Украины и эскалации отношений между государствами, которые объединяют не только географическое положение, но и историческое единство, общая ментальность, наличие культурных и иных связей. Результатом стала специальная военная операция, которая проводится по настоящее время [5]. Странами ЕС она трактуется как акт агрессии, нацеленный на уничтожение суверенитета Украины. С нашей позиции, это акт превентивного воздействия на правящий режим Украины, не применив который, страна столкнулась бы с более масштабными последствиями.

Акцентируя внимание на самой архитектонике политического состояния страны, стоит отметить, что основным фактором здесь стало резкое неприятие нацистской политики Российской Федерацией, с которой она может бороться, ссылаясь на статьи 106 и 107 Устава ООН [20]. Эти статьи

дают право странам союзников-победителей во Второй мировой войне – Советскому Союзу, США, Франции, Великобритании и Китаю – применять все меры в отношении воевавших против них стран гитлеровской коалиции для пресечения действий, направленных на пересмотр итогов Второй мировой войны и оправдания нацизма. В том числе, возможно применение военной силы против стран, оправдывающих нацизм и его преступления. Такой страной в современном контексте и стала Украина, которая вела крайне агрессивную политику в отношении РФ с подачи США и Великобритании. Они все последние годы обеспечивали Украину оружием и военной техникой, угрожали РФ принятием ее в НАТО. При этом основным инструментом, раскачивающим агрессию Украины против России, стали нацистские идеи. Снос памятников героям Великой Отечественной войны, повсеместная дискриминация русскоговорящего народа, репрессии и убийства жителей, принимающих сторону России – все это стало причиной для введения российских войск на территорию Украины.

К тому же в состав факторов, сопровождающих построение современной архитектоники, вошел набор исторических явлений, крайне противоречиво воспринимаемых в мире. Для систематизации данных причин в таблице 1 приведены основные факторы, обосновывающие стремление России к искоренению нацизма в Украине и ее демилитаризации [2].

Фактор	Историческое значение	Современная интерпретация
Исторический состав страны – это Киевская, Подольская, Волынская, Полтавская и Черниговская (до вхождения в состав СССР)	Именно на эти области и претендовала Украина после 1917 года. Была создана Украина современного формата, архитектором которой стал В.И. Ленин	Украина переписала историю и не перестает доказывать, что СССР не образовывало ее, акцентируя внимание на землях Донбасса и Крыма, что и стало предметом спора между государствами. На этих территориях живут исконно русские люди, и они в силу своего мировоззрения не приняли нацистские идеи, замену истории и героизацию нацистов, что стало причиной внутреннего конфликта в стране

Фактор	Историческое значение	Современная интерпретация
Донбасс и причерноморские губернии были присоединены к Украине большевиками в 1922 году	В состав Украины вошло большинство русских регионов с русским населением, мнение которого никто не спрашивал, чисто русские земли были украинизированы	Население, проживающее в этих территориях, несло с собой русские традиции и культуру, чем значительно отличалась от западной части Украины, что стало причиной для внутренних разногласий внутри страны. Новое Правительство Украины не нашло никакого другого способа, чтобы решить эту проблему, как введение военных действий в «несогласные» территории и убийство огромного количества своих граждан
Присоединение к Украине Западной части, которую Россия вернула от Польши в ходе Раздела Речи Посполитой. В 1940 году		
Буковина и часть Бессарабии были объединены в Черновицкую область УССР. В 1945 году часть отобрана у Венгрии и передана УССР	В итоге Москва передала УССР обширные области как на востоке, так и на западе. В сущности, было создано искусственное государственное образование, включавшее в себя сразу несколько исторических русских регионов	Украина помимо наследия земель выстраивалась Россией на протяжении 70 лет: строились крупные заводы, порты, торговые объекты, что позволило стать ей одной из ведущих республик СССР в экономическом и политическом развитии

Фактор	Историческое значение	Современная интерпретация
В 1956 году Никита Сергеевич Хрущев из состава РСФСР в состав УССР передал Крым	Крымом Н.С. Хрущев задобрил украинскую верхушку, которая имела значительную роль в СССР, чем и обеспечил себе надежные тылы для будущего перекраивания правительства	Крым исторически был русским и люди, которые остались жить в нем не могли стать украинцами. Они первыми отторгли новое правительство в Украине, которое динамично разваливало полуостров, обратившись к Правительству РФ о присоединении обратно на территорию страны

Таблица 1. Набор исторических факторов, обосновывающих стремление России к искоренению нацизма в Украине и ее демилитаризации

Имеет место и множество других факторов, доказывающих историческую общность России и Украины. По сути, Россия сама создала это квазигосударство, которое путем внешнего вмешательства и выстраивания нужной власти, стало главной угрозой для современной России, что не могло оставаться незамеченным, несмотря на отношение к этому мировой общественности.

Следствием присоединения Крыма к России и других регионов уже в результате ведения СВО, стало огромное количество санкций со стороны ЕС и США, возложенных на Россию, что переориентировало ее на международное партнерство с другими странами [6].

Негативное влияние на экспорт оказали не только потери рынков ЕС, но и сложности с транспортировкой продукции, страхованием грузов, оплатой продукции, что осложнило логистику перевозок продукции в разные страны мира.

Довольно быстро большая часть экспорта была переориентирована на азиатский рынок. Однако, данный процесс также связан с рядом сложностей:

Во-первых, китайские, турецкие и другие производители требуют огромных скидок для российских производителей, что в итоге делает данные поставки недостаточно рентабельными.

Во-вторых, значительное укрепление курса рубля к доллару уменьшило пул возможностей производителей в финансировании за счет дисконта от высокого курса валют.

В-третьих, рост цен на морские и другие перевозки также усилил давление на производителей и негативно сказался на рентабельность основных видов промышленности в РФ.

В этих условиях, огромным потенциалом роста обладает африканский рынок, поскольку он находится в стадии развития и требует потребления огромного количества продукции, включая сталь.

Рост поставок в африканский регион может получить определенную перспективу в результате строительства промышленных площадок в Северной Африке. Речь идет о Египте, в котором на сегодняшний день построено множество производственных объектов при содействии Советского Союза [14]. К тому же в настоящее время происходит разработка в рамках российско-египетского сотрудничества уникальной промышленной зоны в стране, которая предполагает развитие на ней базовых и разнородных производств. Данный проект реализуется в контексте национального проекта «Международной кооперации и экспорта» [18], который предполагает строительство двух площадок на берегу Красного моря и восточном берегу Суэцкого канала. При этом российские компании могут регистрировать дочерние фирмы по местному законодательству, что позволит избежать антироссийских санкций и выведет продукцию на африканский рынок.

В дальнейшем российская промышленность может реализовывать свою продукцию в Африку и на Ближний Восток через экономическую зону Суэцкого канала. Интересы при этом России и Египта полностью совпадают, поскольку обе стороны выигрывают от того, что продукция станет дешевле и доступнее.

Запуск промышленных зон в Египте дает импульс развития международных отношений между странами в разных отраслях, включая металлургию. Безусловно, африканский рынок является перспективным, поскольку его население приближается к 1,4 млрд. человек. В тоже время в Африке увеличивается потребление, а также имеют место тенденции к росту уровня благосостояния населения [7].

Данный рынок не является премиальным и непритязательным к качеству продукции и экологичности процесса производства, что также доказывает возможности переориентации промышленности РФ именно на него. А наличие сырья в большинстве африканских государств говорит о возможности сырьевой экспансии в африканские страны [1]. Так, например, «Норильскникель» уже является участником совместного предприятия по производству никеля в ЮАР [13]. Корпорация «Русал» работает в пяти африканских государствах, в которых добывается сырье и производится продукция, реализуемая на африканский рынок [15].

Диверсификация экспорта на данные страны сопровождается высоким спросом Африки и на военную продукцию из России. Обеспечение военной промышленности продукцией металлургии также повлечет рост потребности в стали, поскольку она является основным сырьем для производства. Конечно, африканский рынок не является максимально приоритетным и единственным для российской стали в сложившейся экономической

обстановке. Однако, он имеет перспективы для развития металлургии и продвижения продукции в Африку, включая развитие взаимосвязанных отраслей, основным сырьем для которых является сталь.

Все это не могло не повлиять на архитектуру международных отношений, которая все более активно перестраивается с одновременной эскалацией отношений РФ с США и странами ЕС. Доказательством этому становятся регулярные обвинения Российской Федерации во всех негативных трендах, так или иначе сказывающихся на экономике, а именно: дефиците энергоресурсов, продовольственной безопасности, росту социальной напряженности и инфляции во всем мире.

США понимает, что теряет собственные позиции на мировой арене, чего допустить не может в силу ряда экономических обстоятельств, что и стало причиной формирования антироссийской коалиции, способствующей выводу Российской Федерации не только с экономической арены, но и спортивной, культурной, и других областей мирового сообщества.

В то же время Российской Федерацией взят курс на развитие отношений со странами Азии и африканских государств, что перестроило баланс мирового устройства и в настоящее время вызвало множество недовольств и противоречий со стороны европейских государств. Пытаясь добиться своих целей, США и ЕС оказывают давление на Китай и Индию, так же, как и на другие страны, что, в целом, пока не дает им нужных результатов.

Перестройка мировой архитектуры на многополярный уклад в любом случае является неизбежным процессом в силу и других причин, среди которых необходимо выделить следующие:

- отказ стран Ближнего Востока от диктатуры США в силу наличия собственных возможностей развития их экономик;
- развитие африканских государств, которые также отказываются от контроля стран ЕС и выстраивают многосторонние отношения с Россией;
- развитие партнерских отношений России, Китая, Турции, Индии, Ирана;
- развитие партнерства и деятельности новых интеграционных объединений, среди которых БРИКС, ШОС, ЕАЭС;
- удорожание сырья в мире и провал выбранной «зеленой политики», что спровоцировало кризис экономики стран ЕС и потерю их влияния в мире;
- отсутствие эффективного лидерства на политической арене США и стран ЕС, что усиливает нарастание социальных взрывов, агрессии населения, недовольства граждан действиями своих политиков.

Таким образом, политическая архитектура системы международных отношений в современном контексте столкнулась с множеством проблем, основные из которых – это рост цен, инфляция, снижение уровня жизни населения стран ЕС, нарастание недовольств среди населения и числа

стихийных митингов, угроза развития военных действий и перерастания локальных конфликтов в Третью мировую войну. Последнее является самым негативным сценарием, так как может повлечь уничтожение всего человечества на планете Земля.

Данные проблемы европейское сообщество пытается решить посредством санкций и давления на Россию и ее союзников. Однако, это лишь усугубляет ситуацию и для решения всех перечисленных проблем требуется лишь прекращение поставок оружия и военной техники Киеву, и принуждению его к переговорам с Москвой, выбором условий, которые устроят обе стороны. Только в этом случае отпадет угроза Ядерной войны.

Тем не менее архитектура мировой политики и экономики уже не будет той, что была ранее. Скорее всего появятся новые полюса мировых отношений, в центре которых будут находиться крупные блоки стран: БРИКС, СОШ и другие.

России не стоит оглядываться на потерю ЕС как устойчивого партнера, поскольку эти связи, вероятно, уже разорваны на десятилетия. Поэтому нужно искать новые рынки сбыта, которых в мире немало. К тому же необходимо выстраивать альтернативные площадки для проведения мировых спортивных и культурных мероприятий, развития науки и техники, образования населения.

Таким образом, современная политическая архитектура имеет явный тренд на эскалацию политических отношений РФ со странами ЕС и США, и переориентацию их на другие государства, основными среди которых являются Китай, Индия, страны ОПЕК+, Иран. Также привлекательным полем для политического и экономического взаимодействия является и Африканский континент. Данные перенастройки усилят позиции России в мире и, в конечном счете, принесут выгоды в качестве освоения новых производств на своей территории, повышения инновационного развития и технологичности государства, нахождения новых партнеров для взаимодействия и сотрудничества, работающих на принципах уважения друг друга и обоюдных интересов. Однако, главная угроза – начало Третьей мировой войны, не уходит с современной повестки, что обязывает все государства мира, включая Россию, не допустить этого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Африка – Россия: достижения, проблемы, перспективы: совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и СОЮЗА «Африканская деловая инициатива» (АДИ) Доклад № 53/2020 / А.В. КОРТУНОВ, Н.Г. ЦАЙЗЕР, Е.И. ХАРИТОНОВА, Г.А. КОЧОФА, Д.П. ЕЖОВ, Л.Е. ЧКОНЯ; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020.

2. Братчик А.С., Курьлев К.П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность // Постсоветские исследования. 2022. № 5 // <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-formirovaniya-antirossiyskoj-politiki-na-ukraine-istoriya-i-sovremennost>.

3. Бердник Е.С. Корреляция понятий «Композиция» и «Архитектоника» в литературоведении // Universum: филология и искусствоведение. 2014. № 2 (4) // <https://cyberleninka.ru/article/n/korrelyatsiya-ponyatij-kompozitsiya-i-arhitektonika-v-literaturovedenii>.

4. Горюнов А.В. Архитектоника философско-исторического знания // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-filosofsko-istoricheskogo-znaniya>.

5. Единственная цель «украинского проекта» – в создании «анти-России» и «антирусских» // <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvennaya-cel-ukrain-skogo-proekta-v-sozdanii-anti-rossii-i-antirus-skikh>.

6. Ермаков А.Р., Ромашова И.Б., Дмитриева Н.Ю. Влияние «крымских» санкций на экономику России и борьба за их отмену // Economic Consultant. 2019. № 3 (27) // <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-krymskikh-sanktsiy-na-ekonomiku-rossii-i-borba-za-ih-otmenu>.

7. Египет открывает РФ экспортные перспективы для выхода на африканский рынок // https://rueconomics.ru/22847794-egipet_otkrivaet_rf_eksportnie_perspektivi_dlya_vihoda_na_afrikanskii_rinok.

8. Жолков С.Ю. Архитектоника прагматических теорий // Информационные процессы. 2014. Т. 14. № 1. EDN RYEXKV.

9. Иуков Е.А. Концепт «Страна-изгой» и угроза мировой изоляции для России // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62) // <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-strana-izgoj-i-ugroza-mirovoy-izolyatsii-dlya-rossii>.

10. Мамычев А.Ю. Архитектоника легитимности государственной власти. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2009. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-legitimnosti-gosudarstvennoy-vlasti>.

11. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование). 2-е изд. М.: Мир, 2004.

12. Обреченная на подвиг: как Россия оказалась одна против всей Европы // <https://iz.ru/800463/georgii-oltarzhevskii/obrechennaia-na-podvig-kak-rossiia-okazalas-odna-protiv-vsei-evropy>.

13. Официальный сайт «Норильского никеля» // <http://www.nornik.ru/>.

14. Россия и Индия: чем они торгуют и как будут развиваться отношения дальше // <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62d1814b9a79471844795fcb>.

15. РУСАЛ: обвал цен на алюминий и зависимость от дивидендов «Норникеля» // <https://conomy.ru/analysis/articles/88>.

16. Семькина Т.В. Взаимодействие политической и экономической систем в современной России // Гуманитарные науки. Вестник

Финансового университета. 2014. № 3 (15) // <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-politicheskoy-i-ekonomicheskoy-sistem-v-sovremennoy-rossii>.

17. Статистика внешнего сектора // Центральный банк России. 2022 г. // https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

18. *Татарченко К.Р.* Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»: региональный аспект // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 8 // <https://cyberleninka.ru/article/n/natsproekt-mezhdunarodnaya-kooperatsiya-i-eksport-regionalnyu-aspekt>.

19. *Темненкова М.В.* США: от нейтралитета до вступления во Вторую мировую войну (1939-1941 гг.) // Молодой ученый. 2018. № 11 (197) // <https://moluch.ru/archive/197/48765/>.

20. Устав Организации Объединенных Наций // <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27258>.

21. *Хасбулатов Р.И.* Мир в роковой час // Независимая газета. 19.10.2022 // <http://www.ng.-ru/ideas/2022-10-19/11world.html>.

22. Экспорт и импорт зерна в России // <https://www.tadviser.ru/index.php>.

M.F. MAGADIEV

*Candidate of sociological sciences,
Associate Professor of the Department of Public Administration and
National Security Institute of Law and national security of the Russian
Academy national economy and public service under the
President of the Russian Federation, corresponding
member of the Russian Academy of Natural
Sciences, Moscow, Russia*

POLITICAL ARCHITECTONICS OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The Russian Federation is a large state with a political system and international relations that are built on mutual understanding and trust between partner countries. However, in recent years this concept has been violated as a result of the destructive impact on international relations of economic sanctions and pressure exerted by the US and EU countries on Russia. In addition to political processes, the changes affected the economic, social, cultural, sports and other areas of cooperation between states that ensure social balance among the population. At the same time, it is precisely the building of international relations that is currently receiving great attention from Russian and foreign political scientists, who, on the whole, characterize them rather contradictory.

This article is aimed at studying the political architectonics of the system of international relations, in the context of the difficulties and contradictions that have arisen, as well as finding directions for eliminating crises and escalating relations, which is of interest not only to the Russian Federation, but also to the United States and EU countries, as well as the whole world.

Key words: *political architectonics, system of international relations, socio-economic sanctions, problems, prospects, history of development.*

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета; профессор
кафедры зарубежного регионоведения Университета Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского,
Россия, г. Москва*

И.Ю. СОМОВА

*кандидат исторических наук, заведующий
кафедрой зарубежного регионоведения Университета
Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского,
Россия, г. Москва*

А.Я. АМЕЛЬЧЕНКО

*студент института лингвопереводческих
технологий и развития международных коммуникаций
Университета Мировых Цивилизаций
им. В.В. Жириновского,
Россия, г. Москва*

ГЕРОИНОВЫЙ ДЖИХАД ТАЛИБАНА ИЛИ КТО СТОИТ ЗА СПИНОЙ АФГАНИСТАНА В МИРОВОЙ ГЕРОИНОВОЙ ИНДУСТРИИ

Данная статья посвящена актуальной теме – проблеме наркоторговли, исходящей с территории Афганистана и «пустившей метастазы» по всему миру. Авторы предприняли попытку ответить на вопрос: как опиум, гашиш и эфедрин стали главной сельскохозяйственной культурой Афганистана, почему США за два десятилетия нахождения в стране и «борьбы» за внедрение «основ демократии» так и не смогли победить местный наркобизнес. Уход Вашингтона из страны «вечной войны» после неудачной попытки хоть как-то придать этой разрозненной стране демократический вид, только возрос. Обещанию пришедших к власти талибов покончить с наркоиндустрией и свернуть производство опиатов и опиоидов, мир не верит. Суть в том, что запретом на производство героина проблему не решить: Афганистан давно является поставщиком наркотиков на американский континент и в Европу. Кроме того, в последнее десятилетие афганцы

наладили в стране культивацию эфедры – растения, которое используется в производстве метамфетамина, почти столь же опасного наркотика. Сегодня всех волнует вопрос: откуда у талибов, ведущих партизанский образ жизни, взялись деньги на покупку оружия и ведения войны с ведущей державой мира – США? То, что они облагают налогами торговые и транспортные пути на всех территориях, которые контролируют, а также ведут нелегальную добычу полезных ископаемых, которыми богат Афганистан, победы не одержать. Исходной исследовательской позицией авторов является тезис, что до 60 процентов дохода «Талибану» обеспечивает именно торговля героином и именно движение «Талибан» является родоначальником наркобизнеса в Афганистане, приносящий колоссальный доход движению «учеников» («студентов»). Большинству представленным мировому сообществу средств массовой информации недоступен весь объем данных, по которому можно было бы в полной мере судить о масштабах такого глобального бедствия, как наркоторговля. После детального анализа сокрытых от публичного обзора материалов становится ясно, что западные спецслужбы были заинтересованы не только в формировании самого движения «Талибан», но и в превращении Афганистана в источник наркоторговли. Исходя из этого правомерен вопрос: «наркобизнес – это системообразующий элемент политики талибов или же он является ширмой закулисной деятельности западных спецслужб, реализуемой на «шахматной доске XXI века»? На этот вопрос авторы и пытаются ответить в своей статье.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, опиаты, наркотики, наркоторговля, ЦРУ, МИ-6, США.

Крайне важно отметить, что зарождение масштабной наркоторговли в Афганистане тесно связано с энергетическим кризисом 1973 года. Мировые цены на нефть в 1974 года возросли в 5 раз – с 2,81 долл. до 10,97 долл. за баррель, а в 1979 году – до 30,96 долл. за баррель [8]. В 1976 году был предпринят переход с «Бреттон-Вудской» на «Ямайскую» мировую финансовую систему. До 1979 года (ввода советских войск в Афганистан) вместе с ценами на нефть резко повышаются цены на золото, а уже с 1980-1981 гг. их ждет внезапный обвал. Именно в эти годы Афганистан стал государством, поставляющим наркотики на мировой «черный рынок».

Бывший президент Пакистана генерал Зия в 1979 году обратился к ЦРУ за поддержкой афганских «джихадистов», в то время разобщенных и неспособных самостоятельно наладить взаимодействия внутри своей страны. И, по словам Роберта Гейтса, главы ЦРУ в 1991-1993, Джимми Картер 3 июля 1979 года дал согласие на оказание «помощи в пропагандистских и других психологических операциях в Афганистане: в создании канала,

позволяющего передавать сообщения по радио афганскому населению с использованием услуг третьих стран (в особенности Пакистана); в помощи афганским повстанцам напрямую, либо любыми другими средствами» [15]. Вскоре эта помощь приобрела еще и военный характер, включая не только передачу оружия в руки «джихадистов», но и строительство тренировочных лагерей и фортификационных подразделений, таких как «Тора-Бора» и др. Все это происходило с подачи ЦРУ, которые через вербовку такой глобальной сети, как «Мактаб эль-Хадакат» (созданную палестинским мусульманином Абдаллой Аззамом, его учеником Усамой бен Ладеном при помощи ЦРУ и пакистанской разведки) способствовали формированию в том числе и многих других исламистских террористических организаций. ЦРУ и саудовские спецслужбы позволили бен Ладену проповедовать в мечетях Саудовской Аравии и получать большой закят (ритуальный налог) для финансирования афганского джихада. Так, через финансирование движения «Деобанди» была создана «Аль-Каида» (1988), а затем и «Талибан» (1994).

По словам потомственного сотрудника МІБ Джеймса Кэсболта, задействованного в то время вместе со своим отцом в распространении афганских наркотиков в Европе, «...разница между этими группами (британской, американской, израильской, саудовской, пакистанской разведками) постепенно стиралась, пока, в конце концов, не стала одной международной группой, работающей вместе для достижения одних и тех же целей» [6]. То есть можно небезосновательно утверждать, что все подразделения национальных спецслужб были подчинены единой цели и координировались политическими структурами своих стран для дестабилизации внутриафганской обстановки с целью, во-первых, манипулирования политической властью страны и, во-вторых, на подкуп террористических организаций, В частности, афганских джихадистов, т.е. «теневой власти», которой легче управлять. Для финансирования внутригосударственного конфликта и подкупа лиц, его организующих, необходимы большие средства, неподъемные для Конгресса США. Эти средства могла дать только наркоторговля, которая с изменением геополитической обстановки, связанной с советско-афганской войной, переместилась из «Золотого треугольника» (Тайланд, Мьянма, Лаос) на Запад в «Золотой полумесяц» (Афганистан, Иран, Пакистан). Место Индонезии занял Афганистан. Вашингтон, отстаивая свои геостратегические амбиции по контролю запасов и добычи нефти по всему миру (в т.ч. в Каспийском бассейне), стал рассматривать наркомафию альтернативой армии.

Постоянное взаимное переплетение контактов наркоторговцев и нефтяных магнатов неслучайно. Это характерная черта внешней политики США (так же был решен вопрос и в Косово, когда сразу после оказания поддержки «Армии освобождения» в 1998 году, обвиненной

в финансировании наркомафией, начались переговоры по использованию Балкан как территории для транспортировки нефти на Запад). Итак, США совместно с Великобританией продолжили «Большую игру» XIX века и употребили все свои средства для достижения целей: через Афганистан обострить «геостратегический узел» и обозначить свое стратегическое присутствие в Евразии.

Наиболее неприкрытым случаем проводимой США политики было принятое в апреле 1979 года решение оказать военную помощь афганским моджахедам (часть которых позже перешла на сторону «Талибана», а другая часть – на сторону «Северного альянса»). Один из наиболее влиятельных афганских военных и политических руководителей в конце XX века Гульбеддин Хекматияр (премьер-министр Афганистана в 1993-1994 гг. и в 1996 г.) – уже на тот момент был широко известен как крупный наркоторговец, управлявший шестью собственными заводами по производству героина в пакистанской провинции Белуджистан, которая была полностью под контролем пакистанской разведки. Если до 1979 года из афгано-пакистанского «Золотого полумесяца» героин редко попадал в США, то уже через год 60% поставок героина в США шли из Афганистана [7]. Однако в это время «борьба с наркоторговлей» отошла на второй план, по сравнению с борьбой с ограниченным контингентом войск Советского Союза. Стоило только Западу заинтересоваться Афганистаном, как последний стал крупнейшим поставщиком опиатов на мировой рынок. А нападение США на Афганистан в октябре 2001 года преподносилось как очередной этап борьбы с наркомафией. Ведь и движение «Талибан», и бен Ладен были известны всему внешнему миру как существующие за счет наркоторговли. Отчет со всеми этими данными был предоставлен Российской Федерацией в Совете Безопасности ООН в марте 2001 года, однако Вашингтон проигнорировал эту информацию. В то время в США действовало негласное «эмбарго» на публикацию информации об Аль-Каиде. Но, тем не менее, во Франции, Канаде и Англии она свободно распространялась. Из журналов можно было узнать, что Аль-Каида получает средства не только от легального бизнеса (налогообложение табачной продукции и добычи энергоресурсов), но и от наркоторговли.

Постепенно стала известна причина молчания. Речь идет об использовании войск «Северного альянса» (одним из лидеров которого являлся Гульбеддин Хекматияр) как ключевом поставщике наркотиков с целью борьбы с «Талибаном» в то время, как последний ввел запрет на производство героина на подконтрольной территории. В то время «Северный альянс» утроил производство опиума на Севере Афганистана. Поначалу «Северный альянс» контролировал 5% афганского опиума, «Талибан» – 75-80%. Майкл Гриффин однажды отметил, что в середине 1980-х гг. производство и экспорт героина в Пакистане превратились в настоящий черный сектор экономики

оборотом в \$8 млрд./год, что составляло примерно ½ оборота официальной пакистанской экономики [10. С. 63].

Очевидно, что военная администрация страны также была вовлечена в этот бизнес. Число наркоманов в Пакистане выросло с «0» в 1979 году до 1,5 млн. в 1988 году. При всем этом столь быстрый рост наркоторговли был бы невозможен без покровительства со стороны пакистанской разведки (ISI/ UMP), которая, получая финансирование и вооружение от ЦРУ превратилось из маленького отдела в структуру армии, с современной агентурной службой со штатом в 150 тыс. человек и с годовым бюджетом в сотни миллиардов долларов [12]. Становление этого источника героиновых поставок происходило с ведома и в сговоре с ЦРУ, руководство которого опасалось, что в противном случае все наработки ЦРУ по созданию союза с моджахедами пойдут насмарку. Наркоторговцы не только наживались на войнах, но и помогали развязать их. Появление подпольных лабораторий по производству опиума и героина на афгано-пакистанской границе не было следствием войны – они возникли раньше. В 1979 и 2001 годах военные действия позволили обратить ситуацию в пользу организации наркоторговли как отрасли афганской экономики [11. С. 18].

Как выяснилось, с 1950 г. по 1976 г. ЦРУ управляло компанией «Air America», на самолетах которой с конца 1970-х гг. транспортировался героин из Афганистана и Пакистана. В фарватере «Air America» функционировали такие номинально независимые компании, как «DunCopr», занимавшиеся обучением наркоторговцев из США и предоставлявших им зарубежную инфраструктуру [2]. Такого рода компании, которые не имели постоянного бюджета, были заинтересованы в любых иностранных вмешательствах США, обеспечивающих прибыль и позволяющих оставаться придатком военной машины уже после Второй мировой войны. Однако сегодня Центральное Командование Вооруженных сил США уже выстроило систему автоперевозок внутри Афганистана. Местные полевые командиры обеспечивают безопасность прохождения конвоев на базы НАТО. По этим дорогам идут наркотики. С 1979 года по 1987 год году ЦРУ проводила операцию по контрабанде наркотиков на одной из маленьких воздушных баз в Арканзасе – базе «Man». Изначально база предназначалась для обучения пилотов. Одним из таких пилотов оказался Тери Рид. Он стал свидетелем того, что через базу осуществляется переброска оружия за границу на самолетах, построенных при поддержке компании «DunCopr», а позднее заметил, что через эту же базу шла контрабанда наркотиков. То есть, оружие шло за пределы США, а наркотики по тем же самым каналам доходили до США и оставались там [1].

Известно, что в течение трех лет Комитет по банкам Палаты Представителей Конгресса США проводил расследование по поводу фактов контрабанды наркотиков через базу «Man». В результате расследования

стал известен человек по имени Барри Сил, бывший в 1980-е гг. крупнейшим импортером кокаина и марихуаны на юге США. Оказалось, он был не только внештатным сотрудником ЦРУ, но и одновременно работал с Администрацией США по направлению «Контроль за соблюдением законов о наркотиках». В ходе поиска дополнительной информации выяснилось, что Барри Сил был тесно связан как с Правительством США, так и с семьей Клинтон. Речь, вероятно, идет об арканзасской компании «Park-On Meter», которая функционировала при поддержке юридической конторы Хиллари Клинтон. Одним из значимых сотрудников «Park-On Meter» был друг Билла Клинтона – Дан Лазатер – помимо всего прочего оказывавший серьезное влияние на импорт героина в США из латиноамериканских лабораторий [14]. Это говорит только об одном – уже в конце XX века существовала мировая сеть наркотических лабораторий, работу которых курировало американское правительство.

Еще до 1979 года ЦРУ построило достаточно прочную инфраструктуру в Пакистане, которая затем была задействована в переброске оружия в Афганистан. Речь идет о компании «Golf Group», которая ранее пользовалась у американского правительства спросом в поставках гуманитарной помощи из США в страны «Третьего мира». Кроме того, следует упомянуть и основанный в 1972 году банк «ВССИ», который и финансировал «Golf Group» [10. С. 65].

По некоторым данным, глава «ВССИ» Ага Хасан Абеди обладал давними контактами с ЦРУ [5], которые углублялись с 1976 года, когда директором ЦРУ стал Дж. Буш-старший. Наряду с этим стали завязываться связи с арабскими спецслужбами, в частности, с разведкой Саудовской Аравии, где ее сотрудники владели долями в «ВССИ». В том же 1976 году с целью превращения его в «прикрытие» для британской, американской и арабской спецслужб Дж. Буш-старший совместно с британской разведкой и своим преемником Кейси создали филиал «ВССИ» и, соответственно, агентурную сеть ЦРУ на Каймановых островах. В соответствии с этой версией сирийский наркоторговец Монзер Аль-Кассар играл в этой деятельности ключевую роль. Он убедил все террористические группы – от Абу Нидаля до «марксистов» проводить все свои операции через лондонское отделение «ВССИ». Согласно докладу сенаторов Керри и Брауна, данные обо всех финансовых транзакциях и транспортировке оружия по линии «ЦРУ-Пакистан-Афганистан» Абу Нидаля и Монзера Аль-Кассара были переданы американской и британской разведслужбам из «ВССИ». Вероятно, данные были переданы руководителем лондонского отделения, служившим своего рода информатором MI-6 и ЦРУ [13]. В докладе также критиковались методы отслеживания деятельности банка «ВССИ», которые выглядели весьма хаотичными. Благодаря «отсутствию должного контроля» Банк Англии оказался вовлеченным в «теневые операции» частных структур. Таким образом,

следует сделать вывод о том, что западные спецслужбы были в полной мере не только осведомлены о наркоторговле в Афганистане, но и снабжали страну оружием, получая средства от продажи наркотиков.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вполне основательный вывод о том, что в формировании движения «Талибан», а впоследствии и широкого распространения наркотиков на достаточно удаленные от Афганистана территории, стали западные спецслужбы, а также работавшие на них частные организации, с которыми была налажена густо переплетенная система связи между подразделениями спецслужб и террористическими группировками. Подтверждением тому служит тот факт, что многие члены проамериканского правительства Афганистана 2001-2021 гг. ранее состояли в рядах «Северного альянса». В течение двадцати лет войска НАТО охраняли наркокартели на территории Афганистана, которые отправляли конвои наркотиков по автодорогам за пределы страны в Среднюю Азию и Россию – по Северному, а в Европу и США – по Балканскому пути.

Исходя из анализа событий 1979 и 2001 гг., можно вполне вычленив такую тенденцию: за объявлением программы прекращения выращивания маков в Афганистане следовали «бум» наркотрафика, начало военного конфликта и переход к другой финансовой системе. В 1970-е гг. подразумевался переход от «золотого стандарта» к «нефтедолларовой» системе. В 2020 году Всемирным банком был объявлен переход к программе «Базель-III, IV» – «Золотой стандарт», основанный на «глобализированной» финансовой системе [4]. С 2021 года вновь наблюдаются трагические события в Афганистане. В частности, захват «Талибаном» политической власти и 96% территории Афганистана, провозглашение ими отказа от «наркоэкономики» и парадоксальный всплеск наркотрафика на мировом «черном рынке», увеличившийся в 4 раза. Все это сопровождается ростом цен на золото, нефть и газ. Это говорит и о неотъемлемом снижении стоимости доллара.

Наркоторговля позволяет снабжать колоссальными средствами вооруженные конфликты. Важно понимать, что наркотик – это товар, хождение которого не ограничивается куплей-продажей физическими лицами, прибыль от которой не смогли бы покрыть военные расходы; в купле-продаже обязательно участвуют сами государства. Наркоторговля всегда контролирует цены на нефть, газ и золото. Эмиссия доллара, казалось бы, ничем не оправданная, определяется необходимостью обеспечивать функционирование оборонно-промышленного комплекса, призванного поддерживать вооруженные конфликты столько, сколько того требует экономический переход. Именно такие банки, как «ВССИ», чьи филиалы находятся в Дубае, Гонконге и Лондоне конвертируют нарковалюту в золото. Избыточное количество наркотика на мировом рынке сбывается по низким ценам простому наркозависимому населению. Наркотик – это «третья валюта» после «нефти

+ газа» и «золота». Эта та валюта, которая способна обеспечить переходной экономике плавную перестройку на другую систему без катастрофических потрясений.

Еще один вопрос, касающийся проблематики статьи – миграционный, когда выходцы из Афганистана, как носители определенной культуры и норм обычаев становятся источником угрозы внутренней безопасности стран. Согласно данным УВКБ ООН, на конец 2020 года в мире насчитывалось 2,6 млн. беженцев из Афганистана, что составляет 10% от общего числа беженцев в мире (26,4 млн. на конец 2020 года). По численности беженцы из Афганистана занимают первое место в Азии и третье место (после беженцев из Сирии и Венесуэлы) в мире.

Что касается движения «Талибан», то власть в Афганистане была не захвачена им в прямом смысле этого слова, а лишь беспрепятственно передана западными спецслужбами, чего не могло произойти в 2001 году ни по экономическим, ни по политическим причинам.

Во-первых, мир еще не был готов к переходу на «глобальные рельсы».

Во-вторых, США и Великобритании было необходимо утвердить свое влияние в этом регионе, взяв под свой контроль все авто- и железнодорожные пути для дальнейшей интеграции Афганистана в глобальную торговую сеть в рамках трансконтинентальных торговых проектов, таких как Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), Трансафганская магистраль – «Узбекистан-Афганистан-Пакистан» (ТАМ), наземный транзитный маршрут «Иран-Афганистан-Узбекистан» (запущен в 2020 году) и т.д. Бывшие наркотранзитные пути сегодня становятся легальными государственными торговыми путями. И все они находятся под контролем «Талибана», т.к. Китай еще при власти Хамида Карзая и Ашрафа Гани, опережая другие страны, вел переговоры о налаживании торговых связей с талибами [3].

Каковы же **перспективы наркоторговли** с приходом к власти талибов? Авторы полагают, что, судя по тому, что войска США были выведены из Афганистана, «Талибан» более ничего не сдерживает в расширении глобальной наркобизнеса. Отныне не требуется усиленная охрана дорог для беспрепятственного вывоза наркотиков за границу. Однако здесь необходимо учесть то обстоятельство, что геополитические амбиции США выходят далеко за рамки Средней Азии. С приходом талибов к власти объемы афганской наркоторговли возросли в 4 раза и, по всей видимости, будут расти или же оставаться примерно на этом уровне. Согласно прогнозам Жака Аттали, французского идеолога, в России по замыслу ультраглобалистов, рано или поздно должен начаться внутривнутриполитический хаос, стремление субъектов к отделению от центра на фоне непрекращающихся войн в мире. И произойти это должно путем подкупа местных властей внутренними преступными группировками с подачи западных спецслужб с целью

разжигания борьбы между ними за влияние и контроль над ресурсами. Однако Жак Аттали умалчивает о том, что станет настоящим средством торга. Ясно одно – в условиях разрушенной мировой финансовой системы бессмысленно вести куплю-продажу какой-либо официально действующей валютой. Также Жак Аттали указывает, что первой жертвой столь немислимой политики станет Сибирь – граничащая с Казахстаном, через который и проходит «Северный наркотранзит» [9].

Наркобизнес – это системообразующий элемент политики «Талибан» или заинтересованность третьих стран? Сложно ответить на этот вопрос однозначно. «Талибан» был создан с целью сокрытия западных интересов в Афганистане от общественного внимания. Лидеры «Талибан» финансировались средствами от наркоторговли. Сегодня он наращивает свое влияние в регионе путем удержания транспортных путей под своим контролем благодаря тому, что более сорока лет назад эти пути были проложены их предками-талибами для транспортировки по ним наркотиков в интересах западных спецслужб и под их контролем. Но, тем не менее, все же можно согласиться с таким утверждением, что вследствие наращивания тенденций по увеличению глобальной наркоторговли, для Талибана наркобизнес становится одним из системообразующих элементов политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Грачева Т.* Невидимая Хазария // <https://booksonline.com.ua/view.php?book=52161&page=7>.
2. *Довбенко Ю.* Организованное преступление в стиле «белых воротничков» – подлинная сущность бизнеса между мега-корпорациями и правительством // <http://left.ru/2005/9/dovbenko126.phtml>.
3. *Казанин М.В.* О контактах властей КНР и Движения «Талибан» // <http://www.iimes.ru/?p=26302>.
4. *Катасонов В.Ю.* Грядет золото: для спасения мировой системы капитализма долларом придется пожертвовать // <https://www.business-gazeta.ru/article/512204>.
5. *Катасонов В.Ю.* Связь банков с криминалом и спецслужбами: история банка «ВССІ» // <https://economy-ru.com/istoriya-deneg-fb/svyaz-bankov-kriminalom-spetsslujbami-istoriya-19675.html>.
6. *Перетолчин Д.* Преступный треугольник: наркомафия – банки – спецслужбы // https://communitarian.ru/posts/novyy_mirovoy_poryadok_finansy/v_katasonov__prestupnyy_treugolnik_narkomafiya__banki-specsluzhby_19032016.
7. *Плотников Н.* Наркоситуация в Афганистане обостряется // <https://interaffairs.ru/news/show/19906>.

8. Разина А. Кривая выведет: как менялись цены на нефть за последнее столетие // <https://informburo.kz/stati/krivaya-vyvedet-kak-menyalis-ceny-na-neft-za-poslednee-stoletie.html>.

9. Сидоров Г. Пророчества иллюмината Жака Аттали // <https://www.alpha-omega.su/index/0-1032>.

10. Скотт П.Д. Наркотики, нефть и война. М.: Кучково поле, 2012.

11. Степанова Е. Афганский наркотрафик. Совместная оценка угрозы. N.Y.: EastWest Institute, 2014.

12. Турков М. Пакистанская разведка, наркоторговля и ЦРУ США // <https://proza.ru/2021/09/12/127>.

13. Юрганов Д. Для кого цветут афганские маки // <https://nday.club/video/p76hBX1EDjxkeTZq1mJz7V>.

14. Guyer M. Clinton 101: Dan Lasater // <https://www.theworldaccordingtoguyer.com/?p=638>.

15. Murr N.L. “Les talibans ont, comme al-Qaida, des ambitions mondiales” // <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/les-talibans-ont-comme-al-qaida-des-ambitions-mondiales-20211004>.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Law
Vladivostok State University; Professor of the Department
of Foreign Regional Studies of the University of the World Civilizations
named after V.W. Zhirinovsky, Moscow, Russia*

I.YU. SOMOVA

*Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of Foreign Regional Studies
University of world civilizations named after V.W. Zhirinovsky,
Moscow, Russia*

A.YA. AMELCHENKO

*Student, Institute of Linguistic Translation
Technologies and Development of International
Communications, University of World Civilizations
named after V.V. Zhirinovsky,
Moscow, Russia*

THE TALIBAN'S HEROIN JIHAD OR WHO STANDS BEHIND AFGHANISTAN IN THE GLOBAL HEROIN INDUSTRY

This article is dedicated to revealing an actual problem – the problem of drug trafficking originating from the territory of Afghanistan and thestasized"around the world. The authors have made an attempt to answer the question: how opium, hashish and ephedra became the main agricultural cultures of Afghanistan, why the United States for two decades of being in the country and fighting for the integration of the “foundations of democracy” have not managed to defeat the local drug business. Washington’s withdrawal from the country of “eternal war” after an unsuccessful attempt to give this desperate country a somewhat democratic image has only increased. The world does not believe the promise of the Taliban that has come to power to end the drug industry and curtail the opiates and opioids production. The bottom line is that a ban on the heroin production is not capable to solve the problem: Afghanistan has long been a supplier of drugs to the American continent and Europe. In addition, in the last decade, Afghans have established the cultivation of ephedra, a plant that is used in methamphetamine production, an almost equally hazardous drug. Today, the question concerning many is: where have the Taliban, leading a “guerilla lifestyle”, got the money to buy weapons and wage war with the leading power of the world – the United States? The fact they tax all the transport routes in the territories they control, as well as conduct an unlicensed mining of minerals that Afghanistan is rich in, is not victory. The initial research position of the authors is the thesis that up to 60 percent of the Taliban’s income is provided by the heroin trade and it is the Taliban movement that is the ancestor of the drug business in Afghanistan, that brings an enormous income to the movement of “students”. The entire volume of data, according to which it would be possible to judge fully the perpetrators of such a global disaster as drug trafficking, is not available to the majority of mass media represented to the world community. After having made a detailed analysis of the materials hidden from public review the fact that Western intelligence services had been interested not only in the formation of the Taliban movement itself, but also in turning Afghanistan into a source of drug trafficking, becomes clear. Proceeding from this, the question posed by the authors in this article is legitimate: Is drug-trafficking a system-forming element of the Taliban’s policy, or is it a screen behind the scenes of the activity of Western intelligence services implemented on “the chessboard of the XXI century”? This is the question the authors are trying to give an answer to in this article.

Key words: Afghanistan, Taliban, drugs, drug traffic, opiates, the CIA, the MI6, the USA.

Е.С. ВАСЕЦОВА

*доцент кафедры политологии Востока
ФГП МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

Д.В. ФАТХУЛЛИНА

*аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА КАТАР

Государство Катар продолжает укреплять свои позиции на региональной и международной арене, несмотря на продолжающееся противостояние с Королевством Саудовская Аравия и его союзниками. Во многом благодаря использованию инструментов «мягкой силы» Катар успешно отстаивает свои национальные интересы, и развивается, преодолевая серьезное давление со стороны стран-соседей. Нижняя хронологическая граница исследования начинается в 2017 году и обусловлена началом катарского дипломатического кризиса, а верхняя граница датируется октябрём 2022 г., когда стало известно о решении перенести в Катар из Китая Кубок Азии – 2023 по футболу. Данное решение о проведении кубка в Катаре свидетельствует об укреплении Катаром своего авторитета посредством спортивной дипломатии. В данной статье изучены инструменты «мягкой силы», с помощью которых Катар успешно отстаивает себя как одного из ключевых игроков региона.

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика Катара, Катар, Персидский залив, дипломатический кризис.

В настоящее время Катар заявляет о себе как об одном из региональных центров силы. Основными источниками экономического роста страны являются добыча колоссальных запасов природного газа, а также успешное внедрение технологий его транспортировки [1. С. 40]. Для реализации внешнеполитической стратегии, нацеленной на достижение регионального лидерства, Доха активно задействует инструментарий «мягкой силы».

Вопрос о применении «мягкой силы» национальными государствами находится в фокусе внимания многих исследователей. В основном авторы

сосредоточены на рассмотрении «мягкой силы» США и их союзниками [9. С. 1]. Существует не так много работ, в которых изучена «мягкая сила» арабских государств [2. С. 196-200]. Таким образом, данная статья восполняет существующий пробел.

Актуальность темы статьи и ее мало изученность обусловили цель исследования, которая заключается в выявлении особенностей «мягкой силы» Государства Катар.

Обратимся к термину «мягкая сила». Родоначальник термина Джозеф Най определил ее как способность влиять на других, чтобы получить результат, не принуждая, а привлекая. Один объект может повлиять на другой тремя способами [6. С. 94-109]: угроза и принуждение («кнуток»), стимулирование и поощрение («пряник») и привлекательность.

«Мягкая сила» Катара связана с несколькими ее аспектами. Прежде всего выделим образовательный ресурс. Катар вкладывает значительные средства в систему образования. Расходы государства на образование в процентах от ВВП являются одними из самых высоких в мире [10. Электронный ресурс]. Важность образования для дальнейшего развития страны подчеркивается в проекте Национальное видение Катара – 2030 год [8]. В последние 10 лет происходило укрепление образовательных связей между Катаром и США. В Катаре открылись филиалы престижных университетов США, среди которых Университет Карнеги-Меллон, Джорджтаунский университет, Университет Содружества Вирджинии, Корнеллский Медицинский колледж и Техасский университет Эй-энд-эм [11]. Данные учебные заведения стали очень популярны на Ближнем Востоке, являясь центром притяжения не только катарских абитуриентов, но и студентов со всего ближневосточного региона. В Катаре иностранные граждане могут выиграть гранты на получение бесплатного высшего образования. Все вышеназванные факторы способствуют укреплению престижа страны и постепенному формированию дружественно настроенной к Катару среды ближневосточных интеллектуалов и будущей элиты.

Применение инструментов «мягкой силы» Катаром стало особенно актуальным в контексте событий дипломатического кризиса, начавшегося в июне 2017 г. Тогда разразился масштабный кризис между Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном и Египтом, с одной стороны, и Катаром – с другой. Страны-союзники КСА выступили с заявлением, в котором объявили о разрыве дипломатических отношений с Катаром. Данный конфликт имеет далеко идущие последствия не только для региональных, но и для международных отношений, и потому вызвал серьезную озабоченность в экспертном сообществе [5. С. 13-15].

Противостояние, которое во многом явилось следствием борьбы за региональное лидерство, достигло больших масштабов. Ультимативное заявление «арабской четверки» включало тринадцать требований, из которых

особое внимание привлекают требования закрытия телеканала «Аль-Джазира», прекращение дипломатических отношений с Ираном, военного сотрудничества с Турцией. Бойкот был направлен на сдерживание Катара и введение санкций, связанных с его растущей региональной ролью в последние два десятилетия. Безусловно, дипломатический кризис стал серьезнейшим вызовом для Катара. Между тем, государство продемонстрировало свою способность преодолевать кризис и стойко противостоять санкциям. Важную роль в этом сыграло использование Катаром «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии. Изучим арсенал инструментов «мягкой силы» Катара.

Прежде всего выделим информационный ресурс, который был задействован «мягкой силой» Катара. В данной связи прежде всего выделим деятельность медиа империи Аль-Джазира, существующей с 1996 г. Аль-Джазира предоставляет своей аудитории различные точки зрения на глобальные проблемы, подтверждая свой девиз «View and the Other Point of View». С 2006 г. трансляция данного канала идет в том числе на английском языке, что позволило расширить влияние Катара в медиа пространстве на весь мир. «Аль-Джазира» призвана служить ответом на вопрос: «Почему мы должны полагаться на CNN или ВВС, чтобы получать новости о себе?». В идейном плане компания с одной стороны продвигает идею панарабизма, а с другой – в целом придерживается проправительственной политики.

Другим важнейшим ресурсом «мягкой силы» Катара является спортивная дипломатия. Отметим, что устоявшегося термина спортивная дипломатия до сих пор не выработано. В данной работе мы используем определение, которое дал исследователь С. Мюррей. Он пришел к выводу, что спортивная дипломатия является преднамеренным и стратегическим использованием спортсменов и спортивных мероприятий государственными и негосударственными акторами для улучшения имиджа страны за рубежом [7. С. 3].

Выделим следующие цели спортивной дипломатии Катара. Во-первых, это формирование позитивного образа государства во всем мире. СМИ широко освещают не только спортивные мероприятия, но и знакомят аудиторию с достижениями страны, принимающей соревнования и турниры. Происходит знакомство участников мероприятий и зрителей с культурой и традициями принимающей страны. Во-вторых, проведение спортивных мероприятий способствует развитию туризма, притоку иностранных инвестиций, что позитивно сказывается на темпах экономического роста государства. В-третьих, благодаря спорту стираются языковые и культурные различия между представителями разных народов, происходит их сближение, так как в спорте существуют понятные для всех правила и стандарты.

В своей внешнеполитической стратегии Катар активно применяет спортивную дипломатию. Так, Катар стал первой арабской страной, получившей право проведения чемпионата мира по футболу, что способствует

укреплению авторитета страны в регионе и мире. Проведение мероприятия запланировано с 20 ноября по 18 декабря 2022 г. в столице Катара – г. Дохе. Отметим, что катарской дипломатией была проделана значительная работа по улучшению имиджа страны, чтобы смягчить критику, направленную на ситуацию с соблюдением прав человека. Например, голландский парламент в 2021 г. дал рекомендацию не направлять высшее руководство Нидерландов на предстоящий мундиаль из-за нарушений прав человека Катаром. Уже осенью 2022 г. по итогам проведения консультаций по данной ситуации Нидерланды заявили о решении направить правительственную делегацию на предстоящий чемпионат, так как по словам главы МИД Нидерландов, ситуация с правами человека в Катаре уже стала лучше [3]. Этот шаг можно расценивать как успех катарской дипломатии по формированию позитивного образа Катара. Мундиаль положительно сказался на развитии туризма в Катаре, способствуя значительному росту туристического трафика. Так, в преддверии проведения мероприятия покупки билетов из России в Катар в июле 2022 г. увеличились более чем в 3 раза. За месяц до начала чемпионата на матчи были куплены 2,89 миллиона билетов болельщиками со всего мира [4].

В октябре 2022 г. стало известно, что Катар, чья сборная является действующим обладателем Кубка Азии, примет Кубок Азии по футболу 2023 года. Катар будет принимать турнир в третий раз, ранее он его принимал в 1988 г., в 2011 г. Таким образом, Катар последовательно выстраивает свою внешнеполитическую стратегию, задействуя спортивную дипломатию.

Другим важным ресурсом «мягкой силы» Катара является регулярное проведение различных культурных и специализированных, профильных мероприятий, таких как выставки, концерты, конференции, симпозиумы. В качестве примера подобного мероприятия приведем международную выставку сельского хозяйства и садоводства «International Horticultural Expo 2023 Doha Qatar», которая будет проведена с октября по март 2024 г. в г. Доха. Девиз выставки – «Зеленая пустыня, лучшая окружающая среда». Мероприятие актуально для региона в целом в связи с его природно-климатическими условиями и особенностями развития. Также данное мероприятие привлечет в Катар специалистов, экспертов и инвесторов со всего мира.

Так как очевидна взаимосвязь между развитием туризма и привлечением иностранных инвесторов в страну, была создана новая электронная система, значительно ускорившая процесс лицензирования туристического бизнеса.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия Катара направлена на защиту и укрепление национальных интересов страны, а также ее поступательное развитие. Для дальнейшего утверждения в регионе и мире Катар применяет инструментарий «мягкой силы», в котором ключевую роль

играют культурно-образовательный ресурс, информационный ресурс, спортивная дипломатия, развитие туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Васецова Е.С., Егоров И.С. Сотрудничество Государства Катар и Российской Федерации в контексте региональных противоречий // Вестник Московского университета. Серия 27 «Глобалистика и геополитика». 2020. № 3.
2. Васецова Е.С., Фатхуллина Д.В. «Мягкая сила» во внешней политике Объединенных Арабских Эмиратов // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77).
3. Нидерланды направят делегацию в Катар, несмотря на рекомендации парламента // РИА Новости Спорт // <https://rsport.ria.ru/20221019/futbol-1825097081.html>.
4. Оргкомитет назвал количество проданных билетов на матчи ЧМ в Катаре // РИА Новости Спорт // <https://rsport.ria.ru/20221017/chm-1824742787.html>.
5. *Blatt Dan*. Review of Soft Power by Joseph Nye. Orlando: Futurecast 4, 2004.
6. *Joseph Nye*. Public Diplomacy and Soft Power. Philadelphia: American Academy of Political and Social Science 616, 2008.
7. *Murray S*. Sport Diplomacy: Origins, Theory and Practice. London: Routledge, 2018.
8. Qatar – Adult literacy rate // <https://knoema.com/atlas/Qatar/topics/Education/Literacy/Adult-literacy-rate?origin=knoema.ru>.
9. *Wagner J.P*. The Effectiveness of Soft & Hard power in Contemporary International Relations. 2014.
10. World Data on Education – Qatar // http://www.ibe.unesco.org/fileadmin/user_upload/Publications/WDE/2010/pdf-versions/Qatar.pdf.
11. World Innovation Summit for education – Promoting Innovation in Education through Collaboration – Qatar // <http://www.wise-qatar.org/>.

E.S. VASETSOVA

*Associate Professor of the Department
of Political Science of the East FGP Moscow State
University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

D.V. FATHULLINA

*Postgraduate student of ISAA Moscow
State University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

MAIN FEATURES AND PECULIARITIES OF "SOFT POWER" OF THE STATE OF QATAR

The State of Qatar continues to strengthen its position in the regional and international arena, despite the ongoing confrontation with the Kingdom of Saudi Arabia and its allies. Largely thanks to the use of "soft power" tools, Qatar successfully defends its national interests and develops, overcoming serious pressure from neighboring countries. The lower chronological boundary of the study begins in 2017 and is due to the beginning of the Qatari diplomatic crisis, and the upper boundary dates back to October 2022, when it became known about the decision to transfer the 2023 Asian Cup from China to Qatar. This decision to hold the Cup in Qatar testifies to the strengthening of its authority by Qatar through sports diplomacy. This article examines the tools of "soft power," with the help of which Qatar successfully defends itself as one of the key players in the region.

Key words: *"soft power," Qatar's foreign policy, Qatar, Persian Gulf, diplomatic crisis.*

Д.А. АВАКЯН

*кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

А.В. СТЕРЛИКОВ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОФСОЮЗОВ И ГОСУДАРСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье представлен краткий историографический обзор работ, посвященных развитию английских профсоюзов, рассмотрена история их функционирования, выделены основные этапы в развитии с конца XVIII в. по настоящее время. Также проанализированы особенности становления английского профсоюзного законодательства.

Ключевые слова: *Великобритания, рабочий класс, профсоюзы, профсоюзное законодательство, трудовые отношения.*

Профсоюзы во всем мире наряду с другими участниками политического процесса (политическими партиями, общественными движениями) были и остаются наиболее массовыми организациями. Институт профессиональных союзов в настоящее время привлекает к себе все большее внимание политических исследователей, вероятно, как и любая другая структура, имеющая длительную историю и доставшаяся современному обществу в наследство от индустриальной эпохи. Поэтому к профсоюзам неизбежно возникают вопросы в связи с проблемами постиндустриального мира. Обращение к наследию прошлого, историко-политологический анализ развития профсоюзов являются важными и актуальными, поскольку могут помочь установить основные векторы их эволюции сегодня, выработать успешные политические подходы к решению современных вопросов, возникающих в трудовых, социально-экономических отношениях.

Известно, что первые профсоюзы (тред-юнионы) возникли в Англии в конце XVIII в., на родине промышленной революции, в целях защиты профессиональных интересов своих членов. Истории английского профсоюзного движения в историографии посвящено немало работ. Одно из первых фундаментальных исследований – это труд Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» [7]. Он представляет собой итог изучения жизни рабочих Англии в первой половине XIX в., в котором представлен глубокий анализ формирования и изменения условий жизни рабочего класса в различных отраслях промышленности в связи с развитием производства. Анализируя сложные условия труда и жизни рабочих в больших промышленных городах, факторы, влияющие на формирование заработной платы, Энгельс делает вывод о том, что эти обстоятельства подталкивали рабочий класс к борьбе за предоставление экономических свобод, что является исторически закономерным процессом.

Существенный вклад в изучение английского профсоюзного движения в конце XIX в. внесли экономисты и общественные деятели Уэбб и Сидней Вебб [3], которые на основе официальных источников представили опыт практической деятельности рабочих с конца XVIII в. до конца XIX в. В качестве предпосылок оформления рабочего движения как самостоятельной политической силы исследователи выделяли социально-правовую незащищенность, тяжелые условия работы на производстве, бытовую неустраиваемость. То есть если в конце XVIII – первой половине XIX вв. рабочие предпринимали попытки слепого бунта против новой системы, то во второй половине XIX – начале XX вв. рабочие постепенно адаптировались к новым условиям промышленного производства, начав формировать самостоятельные политические партии.

На рубеже XIX-XX вв. в британской историографии преобладал институциональный подход к изучению истории рабочего класса. Внимание исследователей было сосредоточено на организационно оформленных институтах рабочего движения – профсоюзах, политических партиях и т.д. Однако, в начале XX в., после окончания Первой мировой войны, в историографии сложилась тенденция к переосмыслению существующих концепций развития западноевропейского общества в XIX в. в рамках цивилизационного подхода.

Важное место в западноевропейской историографии профсоюзов в первой трети XX в. стала занимать экономическая история, предмет изучения которой – материальное положение различных социальных групп на фоне изменений в сфере производства. В частности, английский историк Д. Клепэм в работе «Экономическая история Великобритании» [9] подверг критике тезис о снижении уровня жизни рабочих в процессе изменения производственных отношений. Он утверждал, что индустриализация,

напротив, привела к улучшению социально-экономического положения рабочего класса.

В развитии историографии рабочего движения второй половины XX в. особую роль отводят исследованиям Э.П. Томпсона. В частности, в работе, «Формирование английского рабочего класса» [10] исследователь проследживает развитие британского рабочего класса в период с 1780 г. до 1830-х гг. Томпсон качественно расширил сферу исследования, включив в понятие «рабочий класс» не только организованную его часть, но и многочисленную часть неорганизованных рабочих.

Также нередко при анализе направлений историографии промышленной революции, социальной политики, рабочего класса в 1960- 1970-е гг. позиции исследователей условно разделяют на «оптимистическую» и «пессимистическую».

В рамках «оптимистического» направления утвердилась тенденция, согласно которой процесс ухудшения жизни рабочих в начале XIX в. рассматривался как временное явление. Достаточно скоро экономические позиции рабочего класса стали более устойчивыми, что стало причиной улучшения бытовых условий. Кроме того, такой путь привел рабочих к необходимости поиска политического компромисса с властью, что также рассматривалось в качестве позитивного фактора, в итоге сформировавшего английское общество как стабильную и динамично развивающуюся систему. Особое внимание уделялось качественным изменениям в структуре среднего класса, экономические позиции которого благодаря развитию промышленности существенно окрепли, сложились современные ценностные ориентации, определяющие облик западноевропейского общества в целом.

«Пессимистическая» трактовка последствий промышленной революции наиболее активно развивалась в рамках марксистского, леволиберального, радикального направлений. В частности, британский историк-марксист Э. Хобсбаум утверждает, что в конце XVIII в. уровень развития английского сельского хозяйства был подготовлен для развития тяжелой промышленности. Однако «наиболее серьезными последствиями» промышленной революции стали социальные последствия, заключавшиеся в «переходе к новой экономике». Изменения в экономической сфере породили «нищету и недовольство», представляющие собой «признаки социальной революции», происходившей в форме «спонтанных бунтов городской и промышленной бедноты» [6]. Низкий уровень жизни рабочих приводил их к состоянию выражения социально-экономического протеста.

Безусловно, это далеко не исчерпывающий обзор работ, посвященных истории английского профсоюзного движения. Однако, он позволяет говорить о том, что большинство из них представляют собой хронологически последовательный и обобщенный анализ эволюции историко-теоретических

воззрений на проблему. Каковы же основные этапы становления, функционирования и развития английских профсоюзов?

Первый их прообраз оформился в 1792 г. из числа прядильщиков города Ланкастер – представителей одной из самых передовых и механизированных в тот период отраслей производства. Забастовка высококвалифицированных рабочих, которых сложно было заменить, привела к серьезным экономическим потерям. Поэтому владельцам фабрик и государству неизбежно пришлось задуматься о том, как урегулировать этот конфликт.

В 1799 г. британский парламент принял закон о запрете деятельности профсоюзов, а в 1800 г. выпустил его более расширенную версию. Законы вошли в историю как «Комбинированные Акты» (Combination Act) [8], согласно которым запрещались любые объединения рабочих и стачки, а лидерам профсоюзов грозило уголовное преследование и конфискация всех денежных средств. В ответ на такие жесткие меры рабочие, находя поддержку среди радикальных членов парламента, начали бороться за восстановление и расширение своих прав. Итогом этой борьбы стала отмена в 1824 г. Комбинированных актов [8] – рабочие снова смогли бороться за свои права. Но такое решение было принято рабочими слишком буквально, и страна утонула в забастовках. Парламент в 1825 г. вновь был вынужден урегулировать взаимодействие с профессиональными союзами и принял закон о рабочих объединениях – стачки и коллективные переговоры снова запретили, а профсоюзы могли существовать лишь номинально.

Долгое время ситуация радикально не менялась: появлялись полуполюгальные объединения рабочих в тех или иных отраслях производства, но больших прав и возможностей у них не было. Ситуация начала кардинально меняться только во второй половине XIX в. В 1867 г. лидер консервативной партии граф Дерби создал специальную комиссию, которая исследовала проблему профсоюзов и отчиталась перед парламентом. В результате в 1871 г. парламент принял закон о профсоюзах – один из ключевых документов в истории трудового законодательства Великобритании. Основные положения закона сводились к тому, что все существующие законы, относящиеся конкретно к профсоюзам, должны быть отменены. Важно было и то, что все профсоюзы теперь могли получить полную правовую защиту. Представляется вполне обоснованным тезис о том, что британские тред-юнионы не только оказывали сильное влияние на электоральные процессы, но и применяли инструменты, которые характеризуются некоторыми российскими авторами как технологии «вмешательства в выборы» [5].

В 1875 г. был принят еще один закон «О заговоре и защите собственности» (Conspiracy, and Protection of Property Act), который полностью снимал уголовную ответственность с физических лиц за участие в забастовках. Этот закон действовал в Великобритании до 1992 года [3].

Такие меры способствовали тому, что профсоюзное движение приобрело массовый характер. В 1920 г. в профсоюзах состояло уже больше половины всех рабочих Великобритании. В дальнейшем роль британских профсоюзов только усиливалась, а их лидеры обрели реальную политическую власть. С конца XX в., британские профсоюзы активизируют усилия по коррекции государственной политики, предпринимают организованные действия по влиянию на нее как на этапе разработки, так и при ее реализации. Как и российские объединения наемных работников, на современном этапе они глубоко интегрированы в систему принятия политико-управленческих решений, что позволяет рассматривать их в качестве неотъемлемого компонента системы обеспечения политической стабильности [4].

Рассмотренные этапы развития английских профсоюзов и законодательства в этой области позволяют говорить о преемственности и системности эволюции общественных отношений, послуживших основной причиной издания новых законов, а также возникновения новых правоотношений на основе вновь принятых законов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бекяшев Д.К.* Международное трудовое право. М.: Проспект, 2008.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Игры обмена. М.: Весь мир, 2007. Т. 2.
3. *Вебб С., Вебб Б.* История рабочего движения в Англии. СПб.: Ф. Павленков, 1899.
4. *Фельдман П.Я., Аветисов Э.К.* Профессиональные союзы в системе обеспечения политической стабильности современной России // *Власть*. 2017. Т. 25. № 3.
5. *Фельдман П.Я., Федякин А.В., Ежов Д.А.* Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 50.
6. *Хобсбаум Э.* Век революции. 1789-1848 // <http://www.e-reading.by/book.php?book=1034988>.
7. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-ое. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 2.
8. *Aspinall A. and Smith E.* Anthony English Historical Documents, XI, 1783-1832. New York: Oxford University Press, 1959.
9. *Clapham D.* An Economic History of Modern Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. Vol. 1.
10. *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. London: Gollancz, 1963.

D.A. AVAKYAN

*Candidate of political sciences,
Senior lecturer of the Department of philosophy and sociology
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

A.V. STERLIKOV

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology Academy of Labor and
Social Relations, Moscow, Russia*

INTERACTION OF TRADE UNIONS AND THE STATE IN THE UK: HISTORY AND MODERNITY

The article presents a brief historiographical overview of works devoted to the development of English trade unions, examines the history of their functioning, highlights the main stages in development from the end of the XVIII century to the present. The peculiarities of the formation of the English trade union legislation are also analyzed.

Key words: *Great Britain, working class, trade unions, trade union legislation, labor relations.*

В.В. ДЕЛОВ

кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Д.Э. ЭБЖНОУ

магистрант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

КРИЗИС КЕМАЛИЗМА И ДОКТРИНЫ «ШЕСТИ СТРЕЛ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТУРЦИЯ

В статье исследуется кризис политической идеологии кемализма и доктрины «шести стрел», которые начали приобретать формальный характер и вытесняются идеями неоосманизма и религиозного консерватизма. Идеи основателя Турецкой республики – Мустафы Кемала Ататюрка, становятся неудобными для властей страны и правящей Партии справедливости и развития, которая стремится к политическому господству на территориях бывшей Османской империи. Кемализм не подразумевает имперские амбиции и лидерство в исламском мире, очевидно, что Анкара не стремится быть страной третьего мира и интегрироваться в региональные союзы в качестве второстепенного игрока, а проявляет желание быть «ядром» между Западом и Востоком. Идеи кемализма и доктрины «шести стрел» затрудняют Реджепу Тайипу Эрдогану реализовывать его политические амбиции, конкуренция Партии справедливости и развития («партия исламской демократии») и Республиканской народной партии (фактических сторонников идей Ататюрка) отражает ряд противоречий, которые перерастают в нестабильную обстановку в стране и вызывают митинги противников правящего класса. Авторы в своем исследовании рассматривают три возможных варианта развития идеологической трансформации, которые могут привести страну к следующим тенденциям, когда Турция станет: 1) авторитарическим режимом и усилит процессы неоосманской внешней политики с элементами религиозного консерватизма во внутренней политике, а также закрепит исключительное лидерство Партии

справедливости и развития в Великом национальном собрании Турции; 2) светским государством по типу кемалистских убеждений и откажется от наступательной политики неоосманизма, а также сформирует плюралистическую законодательную систему; 3) перейдет в стадию стагнации и сохранит баланс между религиозным консерватизмом и светским кемализмом, что позволит сохранять баланс двухпартийного превосходства Партии справедливости и развития и Республиканской народной партии над другими общественно – политическими движениями.

Ключевые слова: кемализм, доктрина «шести стрел», неоосманизм, религиозный консерватизм, светское государство.

Введение. Исследуя политическую систему современной Турции, можно отметить культ первого президента Республики Турция Кемаля Ататюрка, который стал политическим и идеологическим лидером созданного им государства, положив начало развитию новых тенденций на Ближнем и Среднем Востоке. Ататюрк сыграл ключевую роль в формировании светского государства и проведении реформ секуляризации. Однако, стоит заметить, что идеология кемализма в последнее время постепенно заменяется идеологическим смыслом неоосманизма (учитывая текущую внешнеполитическую стратегию государства) и стремлением Турции к религиозному лидерству во всем регионе. На сегодняшний день наблюдается поляризация турецкого общества на сторонников правящей Партии справедливости и развития (партия исламской демократии) и Республиканской народной партии. Проведение пантюркской политики и постепенной ликвидации светских укладов турецкого общества, которое переживает ряд изменений на идеологическом поле.

Республиканская народная партия создавалась при непосредственном участии Мустафы Кемаля и отражала его взгляды на дальнейшее развитие государства. Сегодня РНП занимает второе место в Великом национальном собрании Турции и значительно уступает Партии справедливости и Развития, лидером которой является Реджеп Тайип Эрдоган – действующий президент республики. Идеология кемализма и доктрина «шести стрел» развития доминировала с момента провозглашения республики и сохраняет лидерство по сей день, но постепенно отходит на вторые позиции, при содействии действующего президента и его стремлении возродить «османское господство» с упором на религиозный консерватизм.

Содержание кемализма: доктрина «шести стрел». В основе идей кемализма заложена доктрина «шести стрел» развития государства [2; 7. С. 79-102], которая является вектором интеграционных процессов с Западом, а также конструирование светского и прогрессивного общества, ставшее ответом Ататюрка на Османский деспотизм и агрессивную внешнюю

политику османской монархии. Политика вестернизации и отход от традиционных укладов (ставших симбиозом религии и национальных традиций) стал одной из сторон внешней и внутренней политики кемалистского вектора. Процесс вестернизации не рассматривал исключительного укрепления связей с Европой, а полагал отход от восточных традиций и религиозного догматизма, доктрина «шести стрел» является совокупностью путей развития Турции и формирование единого фундамента для светского общества, с опорой на основные принципы: республиканизма, национализма, секуляризма, революционизма, популизма и государственности [2].

Республика означает государственное управление, в котором суверенитет опирается на волю и выбор народа, это отражение демократии, в котором народ имеет право голоса и непосредственно участвует в управлении страной. В Конституции, в разделе «Введение», указаны характеристики Турецкой республики, где сказано, что Турция – демократическое, светское, социально-правовое государство, уважающее права человека, связанное с национализмом Ататюрка [8]. Идеи Ататюрка о республиканизме и формировании новых взглядов о государственном управлении были восприняты положительно странами Ближнего Востока и Северной Африки, так как многие из них находились под протекторатом Османской империи и не имели полноценных государственных институтов. Ататюрк фактически завершил колониальную политику Турции и распустил все территории в пользу народов, проживающих на бывших колониальных землях, данный процесс отражал заинтересованность Мустафы Кемаля в построении демократического и патриотического общества.

Национализм в интерпретации Ататюрка является призмой в восприятии основ патриотизма и защиты родины, независимо от религии и расовой принадлежности. Конституция Турции обозначает данные основы, которые закреплены в главе 4. «Политические права и обязанности» статьи 66 [9]. Национализм являлся базисом турецкой политики во всех векторах, но не был связан с идеями пантюркизма, которые доминировали в Османской империи и проявляются на государственном уровне в текущей турецкой политике. Идеи о необходимой консолидации всех тюрок не увлекала Ататюрка и не была основой «стрел» развития, так как пантюркинский проект отражал имперские амбиции и новый подход в гегемонистской политике, что не увлекало лидера турецкой нации.

Секуляризм Ататюрка подразумевает стремление в построении светского государства с мощным конституционным фундаментом и отсутствием религиозных догм в управлении государством. Данный принцип подразумевает отход государства от элементов связи государственных институтов и общества через призму религиозных догм, учитывая важный аспект, что власть Турции (в период правления Ататюрка) не выстраивала коммуникацию с гражданами по религиозным убеждениям, государство являлось

нейтральным по отношению к религиям и позволяло человеку сохранять свободу вероисповедания. Кемалистский секуляризм лежит в предпосылках всех других принципов, является началом демократической мысли и формированием новых подходов в избирательном праве Турции. Секуляризм стал началом в формировании избирательного права и позволил создавать партии и организации не по религиозным убеждениям. Данные принципы могли быть достигнуты революционным путем (революционность – одна из доктрин «шести стрел» развития), который отображает развитие государства и его основ, а также его избавление от любых угроз в политической системе. Государство должно отвечать требованиям эпохи и проявлять в этом направлении революционизм, разрушая традиционные уклады имперских воззрений, формируя прогрессивные взгляды в обществе, а также разрушая классовое неравенство и создавая социальные лифты. Кемализм выступает против консервативных стереотипов и проявляет неприязнь к ним, он описывает революцию в форме открытости к инновациям и изменениям, ликвидируя оковы старого мира. Популизм в трактовке Ататюрка подразумевает стремление государства к благополучию и прогрессу гражданина, гражданам в одинаковой мере должны быть доступны государственные услуги. Принципы популизма заложены в основу Республиканской народной партии, которую создавал непосредственно Ататюрк, он вложил следующие слова: «Я намерен создать политическую партию, основанную на принципах популизма, после мира и имени народной партии, чтобы быть достойным смирения и доверия со стороны любого народа, даже из самых отдаленных уголков исламского мира, чтобы я мог вечно гордиться собой, как самый скромный турок, стремиться к благу своей родины до конца своей жизни» [4]. Были приняты необходимые меры по равенству прав мужчин и женщин, составлен и принят новый турецкий алфавит на основе латиницы, также было закреплено право каждого гражданина получить образование. Кемалистский популизм хотел сплотить самую бедную и необразованную часть общества, а также сформировать социальную солидарность, данное направление позволило сформировать у общества положительный образ Ататюрка, который беспокоится о своих гражданах и выстраивает четкую социальную политику.

Рассматривая принципы государственности Ататюрка, то они подразумевают укрепление и национализацию экономики, данное направление должно было стать приоритетным у турецкого общества, оно актуально и сегодня в политике Турции. Кемалистская экономика основана на «свободном рынке» и личности, государство определяет границы, которые являлись правилами для «свободного рынка», так как государство никогда не должно опережать человека. Ататюрк также оказывает поддержку иностранному капиталу, что делает кемалистскую экономическую модель эквивалентной социал-либеральной экономике, данный факт отражает принципы рынка

и его поле для взаимодействия деловых групп, что актуально для Турции и сегодня. Помимо особенностей развития экономического сектора, также необходимо заметить, что в Турции высока значимость армии и ее традиций, которые получили начало от Кемалья Ататюрка. Роль вооруженных сил в Турции очень высока, как и в любой стране, но в турецком контексте армия выступает наследником кемализма, так как формирование вооруженных сил восходит к Мустафе Кемалю и его роли в турецкой войне за независимость (1919-1923 гг.). До 2016 года (1) армия выступала в роли свободного игрока на политической арене Турции, с периодическим отклонением от президентского курса. Данный подход имеет следующий аргумент: турецкие военные по-прежнему представляют нацию в терминах прямой мистической связи между армией, командующим которой был Мустафа Кемаль, и народом, чьим героем и «отцом» стал Ататюрк. В это же время, политические партии и их лидеры приобрели образ коррумпированных деятелей и утратили доверие среди общества.

Кризис кемализма. На сегодняшний день политика Реджепа Тайипа Эрдогана формально направлена на продолжение курса Ататюрка, но реален тот факт, что действующий президент Турции стремится создать собственный культ и опирается на идеи религиозного консерватизма и идею неоосманизма, которую сформулировал его соратник, бывший председатель правительства и министр иностранных дел – Ахмет Давутоглу, также он был одним из лидеров правящей Партии справедливости и развития.

Идеологическая политика Реджепа Эрдогана ориентирована на формирование консервативного уклада в обществе и отхода от установленного Ататюрком светского государства и образа жизни. Эрдоган стремится сконструировать новый пантюркийский проект и распространить свое влияние на территории всей бывшей Османской империи. Данные тенденции противоречат идеям кемализма и воссоздают имперские амбиции в современной Турции, так как XX век был этапом вестернизации и стремлением Анкары вступать в Европейские альянсы, а также стать частью западной культуры. Однако XXI век утвердил обратные тенденции и ориентацию Турции на лидерство в регионе Ближнего Востока, Центральной и Средней Азии, а также в Черноморском регионе и на Кавказе, в первую очередь на Южном Кавказе.

Эрдоган решил, что лидерство на Ближнем Востоке, в Азии и на Кавказе невозможно достичь путем светского подхода в управлении собственным государством, так как страны региона выстраивают политику в соответствии с религиозными убеждениями и активизируют конфликты посредством религиозных противоречий, не уводя на второй план и территориальные претензии. Религия в этих государствах является важным элементом духовной культуры и регулирует общественно – политические уклады общества. Отход Турции от светских укладов означает начало девестернизации

и отображает критическое отношение к полной интеграции в Европу. Также положено начало неперемennomу формированию собственного турецкого «ядра», которое объединит вокруг себя другие государства, сделает Турцию самостоятельным лидером и позволит участвовать в качестве независимого игрока на международной арене. Турция претендует на лидерство в «Организации тюркских государств», а с присоединением к этой организации в виде «государства – наблюдателя» Венгрии, и к объединению и лидерству среди туранских государств. События на Южном Кавказе и Украине способствуют воплощению этого плана: поставка оружия в эти страны, полная политическая и военная поддержка Азербайджана, желание получить прямой транспортный коридор в Азербайджан, активное участие в зерновой сделке, создание газового «хаба» в Турции и транспортного коридора в Россию через территорию Грузии.

Интеграционный курс Турции и Европы, который был заложен Ататюрком, больше не является ключевым направлением внешней политики Анкары. Книга Давутоглу – «Стратегическая глубина: международное положение Турции» (тур. *Stratejik derinli: Türkiye'nin uluslararası konumu*), отображает современные подходы неоосманизма и является фактическим призывом отказаться от идей кемализма и стремиться формировать политику лидерства в регионах, а не политику посредственного союзничества с государствами (ради слабых позиций в альянсах) [6. С. 221-232]. Роль Турции немного изменилась после прекращения существования СССР, так как Анкара выполняла роль вассала НАТО в Черноморском регионе, являлась фланговым игроком и не занимала ключевые позиции на международной арене, воззрения Давутоглу нашли отклик у Эрдогана и способствовали успеху Давутоглу на политической арене, так как в период издания книги он был преподавателем в вузах и не занимал государственные должности.

Необходимо отметить, что Турция рассматривает пути по достижению лидерских позиций посредством военной мощи, но есть нюанс, который формирует определенные противоречия, старая плеяда турецких генералов всегда позиционировала приверженность кемализму и выступала оппозицией религиозным консервативным группам, которые находятся в руководстве страны. Государственные перевороты в Турции с участием армии:

- Военный переворот в Турции в 1960 году.
- Военный переворот в Турции в 1971 году
- Военный переворот в Турции в 1980 году
- Военный переворот в Турции в 1997 году

Эти перевороты всегда сопровождалась защитой армии кемализма и светского образа жизни. В современной Турции позиции армии в идеологическом направлении остались неизменными. В 2010 году по делу «Бальоз» [5] (тур. *Balyoz* – пер. кувалда) были арестованы некоторые турецкие генералы во главе с Четином Доганом, которые обвинялись в попытках

организации государственных переворотов в Турции в 2003 году. Военные группы проявили активность и в период 2016 года, когда в Турции была осуществлена попытка государственного переворота, который подчеркнул нежелание определенной части военной элиты поддерживать курс Эрдогана, армия являлась катализатором митингов против правительства. Любое обсуждение личности Ататюрка, даже попытка пересмотреть исторические факты и отход от основных столпов кемализма, а также игнорирование доктрины «шести стрел», воспринимается военными с негодованием, поскольку они опасаются, что реформы могут привести к лишению армии ключевых позиций на политической арене, так как они продолжают играть огромную роль во внутренней политике Турции. Поэтому политика и политические проблемы рассматриваются турецкими военными либо как вопросы национальной безопасности, либо как вопросы, основанные на отсутствии светской идеологической приверженности правящей властью. Следовательно, как только эти принципы нарушаются, военные считают само собой разумеющимся, что у них есть мандат на вмешательство и поддержание светского государства.

Вывод. Турция стала страной с лидерскими амбициями в своем регионе и не рассматривает себя в качества отстраненного игрока на международной площадке, что было заметно в период двухполярного устройства мира, когда Анкара находилась между США и СССР (на этапе «холодной войны»). Географическое положение Турции и ее завоевания в период Османской империи, сыграли важную роль в формировании неоосманизма и стремлении стать важным механизмом между Востоком и Западом, желание быть «ядром» в международных отношениях является ключевым внешнеполитическим направлением современной Турции [3. С. 27-37]. Идеи кемализма и доктрины «шести стрел» не являются по своей сути путем по достижению имперских целей на международной политической арене в силу того, что кемализм ориентирован на вестернизацию и формирование курса сателлита Запада, данный курс все больше игнорируется и не является ключевой целью, а больше отображает игру Анкары между Западом и Востоком. Идеи кемализма носят категоричный характер по отношению к европейским ценностям и не подразумевают регионального и державного гегемонизма. Современная Турция переживает период идеологической трансформации, несмотря на значительные издержки, активная внешняя политика в регионах является отражением политики неоосманизма и религиозного консерватизма, а также постепенного кризиса кемализма. В связи с близящимися президентскими выборами в Турции авторы считают, что идеологическая и политическая трансформация может иметь три возможных варианта развития:

– первый вариант идеологического конструирования подразумевает стагнационный процесс. Турция не будет отходить от неоосманского

дискурса во внешней политике, а также будет стараться сохранять баланс между религиозным консерватизмом и светским кемализмом. Отношения с Западом будут исключительно утилитаристские, что наблюдается сегодня, а Ближний Восток и Средняя Азия, а также другие регионы, входившие или имевшие зависимость от Османской империи, будут объектами внешнеполитического и экономического влияния Турции. Великое национальное собрание будет сохранять типологию доминирования двухпартийной системы, где лидером в законодательном органе будет оставаться Партия справедливости и развития («партия исламской демократии»), а вторые позиции сохранятся за Республиканской народной партией (фактических сторонников доктрины «шести стрел»);

– второй вариант развития станет постепенным закатом светского государства и будет сделан основной упор на доминирование религии во всех социально – политических сферах Турции, страна станет аналогом Ирана (после революции 1979 года) и современной Саудовской Аравии. Эрдоган приобретет полномочия абсолюта власти и создаст собственный культ, который напрочь отодвинет идеи кемализма и сконструирует неприятие к светским тенденциям и Западным ценностям. Внешняя политика будет направлена на достижение влияния в регионе по меньшей мере в границах бывшей Османской империи. Великое национальное собрание Турции станет исключительным доминированием Партии справедливости и развития, остальные партии потеряют свое влияние, займут символические позиции и будут имитировать сохранение демократических принципов, а также проведение декоративных реформ без реальной цели и результата;

– третий вариант подразумевает постепенную смену власти путем избрания нового президента и ослабление Партии справедливости и развития, что позволит прочно укрепить позиции доктрины «шести стрел». Данный аспект сможет сформировать новые тренды в Турции, где Великое национальное собрание перестанет быть площадкой лидерства Партии справедливости и развития (оправдывающая политику неоосманизма), которая непосредственно связана с действующим президентом Турции и напрямую зависит от административных ресурсов, так как успех партии зависит от политических побед Реджепа Эрдогана. Внешняя политика перейдет в противоположную фазу неоосманизма и постепенно ослабит амбиции лидерства Турции на международной арене.

Учитывая обозначенные варианты развития событий, скорее всего, они могут сопровождаться определенными недовольствами в обществе, которое на сегодняшний день сохраняет поляризацию на сторонников кемализма и доктрины «шести стрел», а также сторонников неоосманизма и религиозного консерватизма, эти противоречия ярко отображены в конкуренции партий СПР и РПН. Любой из процессов идеологической трансформации, несомненно, будет сопровождаться массовыми недовольствами

конкурирующих идеологических сторон. Высокие показатели инфляции турецкой лиры, а также ухудшение финансово-экономического положения страны в преддверии президентских выборов 2023 года [10], создают негативную перспективу. С невозможностью срочного решения экономических проблем в стране в год президентских выборов связана крайне активная политическая деятельность Эрдогана на Южном Кавказе и Украине, носящая посыл к избирателям об «особой роли Турции» в этом регионе и личной роли Эрдогана в современной мировой политике. Данные факторы могут привести к катаклизмам политической системы Турции и усугубить обстановку в стране, что будет способствовать пересмотру существующих тенденций Турции в проведении политики пантюркизма и религиозного консерватизма, а также наступательной внешней политике неоосманизма и возврату Анкары к фактическому кемализму.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Была произведена попытка государственного военного переворота в Турции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аватков В.А.* Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3.
2. *Атамюрк К.* Избранные речи и выступления / под ред. А.Ф. Миллера. М.: Изд-во Прогресс, 1966.
3. Турция: новая роль в современном мире. М.: ЦСА РАН, 2012.
4. *Cumhuriyet Halk Fırkası'nın Kuruluşu. Cumhuriyet Halk Fırkası'nın Kuruluşu.* (пер. Организация Республиканской Народной партии. Создание Республиканской народной партии) // <https://chp.org.tr/chp-tarihi>.
5. *Çetin Doğan kimdir? AKİT gazetesi* // <https://www.yeniakit.com.tr/biyografi/cetin-dogan>.
6. *Davutoglu A.* Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası. Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001.
7. *Ergun Özbudun.* "The Nature of the Kemalist Regime", in Ali Kazancığil and Ergun Özbudun (eds.), Atatürk: Founder of a Modern State. London: C. Hurst and Company, 1981.
8. *Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. BAŞLANGIÇ.* (пер. Конституция Турецкой республики. Введение).
9. *Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. DÖRDÜNCÜ BÖLÜM Siyasi Haklar ve Ödevler.* (пер. Конституция Турецкой республики. Глава четвертая. Политические права и обязанности).
10. *Tüketici Fiyat Endeksi, Ocak 2022. Türkiye istatistik kurumu* // <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Tuketici-Fiyat-Endeksi-Ocak-2022-45790&dil=1>.

V.V. DELOV

*Phd of political sciences,
Lomonosov Moscow State University (MSU),
Moscow, Russia*

D.E. EBZHNOU

*Master's degree student,
Lomonosov Moscow State University (MSU),
Moscow, Russia*

THE CRISIS OF KEMALISM AND THE SIX ARROWS DOCTRINE AT THE PRESENT STAGE IN THE REPUBLIC OF TURKEY

The article explores the crisis of political ideology of Kemalism and the doctrine of «six arrows» of development, which are becoming formal and are replaced by the ideas of neo-Ottomanism and religious conservatism. The ideas of Mustafa Kemal Atatürk, the founder of the Turkish Republic, become unwanted by the current government and the ruling Justice and Development Party seeking to dominate the territories of the former Ottoman Empire. Kemalism does not imply imperial ambitions and leadership in the Islamic world, it is obvious that Ankara does not want to be a third world country and integrate into regional alliances as a minor player, but rather to be a «core» between East and West, Kemalism and the «six arrows» doctrine make it difficult for Erdoğan to realize his political intentions. The competition between the Justice and Development Party («Islamic Democracy Party») and the Republican People's Party (actual supporters of Atatürk's ideas) reflects a number of contradictions that develop into rallies and destabilize the Turkish political system. The author considers three possible variants of the development of the ideological transformation, which will lead Turkey to the following tendencies, that the state will become: 1) autocratic and will strengthen the processes of neo-Ottoman foreign policy with elements of religious conservatism in domestic policy and will consolidate the exclusive leadership of the Justice and Development Party in the Grand National Assembly of Turkey; 2) secular in the type of Kemalist beliefs and will abandon the offensive policy of neo-Ottomanism and will form a pluralistic legislative system; 3) will move to the stagnation stage and will maintain the balance of religious conservatism and secular Kemalism, which will allow to maintain the balance of two-party.

Key words: *Kemalism, Six Arrows Doctrine, Neo-Ottomanism, Religious Conservatism, Secular State.*

Е.А. МОСАКОВА

кандидат экономических наук, доцент,
доцент факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
России, г. Москва

Н.Р. МИРЗАБЕКОВ

магистрант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
России, г. Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

Введение. Восходящая динамика капитализации криптовалютного рынка в абсолютных значениях может способствовать росту преступности с использованием криптовалют. В связи с этим страны вынуждены вводить нормативно-правовые акты для регулирования данной сферы.

Цели и задачи. Целью данной работы является определение тенденций и подходов к правовому регулированию оборота криптовалют. К задачам данной работы относятся: 1) Сравнение криптовалюты с другими видами валют с учетом стандартов ФАТФ; 2) Определение характера динамики использования криптовалют в преступной деятельности; 3) Выявление основных подходов к правовому регулированию криптосферы.

Методы. В рамках работы были использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция. Также был проведен анализ нормативно-правовых актов, анализ статических данных и другие методы исследования.

Результаты. В результате исследования удалось дать характеристику правового регулирования с учетом географического критерия. Кроме этого, были определены основные подходы к правовому регулированию оборота криптовалют.

Выводы. На данный момент отсутствует единый нормативно-правовой статус в отношении криптовалют. При этом, существуют как примеры стран, легализовавших криптовалюту как официальное платежное средство (Сальвадор, ЦАР), так и страны, вводящие ограничения на оборот криптовалюты, вплоть до ее запрета (Китай, Непал и др.)

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, отмывание денег, майнинг, лицензирование.

Актуальность проблемы. Проблема выработки нормативно-правовой базы для регулирования оборота виртуальных активов приобрела особое значение в последние 3-4 года [7. С. 39]. Это обусловлено восходящей динамикой общей стоимости входящих криптовалютных транзакций для адресов, связанных с незаконной деятельностью (рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика общей стоимости входящих криптовалютных транзакций для адресов, связанных с незаконной деятельностью в млрд. долл.

Источник: составлено автором на основании материалов: [15].

По данным рисунка 1 можно заметить, что в 2021 году значение показателя равно 14 миллиардам долларов, что является максимальным значением общей стоимости криптовалютных транзакций, направленных на незаконную деятельность за период с 2017 по 2021 годы. На данную тенденцию указывает, и линия тренда на рисунке 1, имеющая восходящую динамику.

Капитализация криптовалютного рынка по-прежнему высока. Поэтому доля криминальных транзакций, описанных на рисунке 1, в общем объеме криптовалютного трансфера в последние годы резко сократилась. На это указывают данные, представленные на рисунке 2.

Рисунок 2. Доля криминальных транзакций в общем объеме криптовалютного трансфера в %

Источник: составлено автором на основании материалов: [15].

Представленная на рисунке 2 тенденция дополняет вывод, полученный из рисунка 1. Восходящая динамика капитализации криптовалютного рынка обусловила рост показателя на рисунке 1, однако снижение доли криминальных транзакций в общем объеме от криптовалютного трансфера указывает на успех применения риск-ориентированного подхода и другой методологии борьбы с преступной деятельностью. Линия тренда указывает на нисходящий характер динамики рассматриваемого показателя. Что касается 2019 года, когда произошел резкий всплеск криминальных транзакций, то группа Chainalysis указывает, что это обусловлено сложными методами, чтобы обойти даже передовые меры кибербезопасности.

Совершение определенных видов преступлений может привести к факту отмывания денег. Данные преступления в научной литературе признано называть предикатными. К ним относятся преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации: статья 222 – Незаконный оборот оружия, статья 105 – Убийство, статья 159 – Мошенничество и другие [11]. Совершение одного из данных преступлений может привести к отмыванию денежных доходов. В Российской уголовной практике данный вид деяния квалифицируется как статья 174 – Легализация денежных доходов и иного имущества, полученных преступным путем. Аналитическая группа Chainalysis рассмотрела тенденцию динамики общего объема криптовалютного трансфера в адрес сервисов по отмыванию денег с 2017 по 2021 годы (рисунок 3).

Рисунок 3. Динамика общего объема криптовалютного трансфера в адрес сервисов по отмыванию денег в млрд. долл.

Источник: составлено автором на основании материалов: [15].

На рисунке 3 показана динамика объема средств, попадающих на адреса сервисов по отмыванию денег в млрд. долл. То есть, лица, совершившие то или иное преступление, в результате которого были получены преступные средства, использовали криптовалюту и сторонние сервисы для легализации данных средств. Тенденция, отображенная на рисунке 3 такова, что в ближайшие годы будет наблюдаться рост показателя, что связано с высокими темпами роста криптовалютного рынка в абсолютных величинах. Эти обстоятельства в числе прочих дают основания для формирования правовой среды для оборота криптовалюты и других виртуальных активов. Законодатели сталкиваются с многочисленными трудностями, связанными с выработкой нормативно-правовой базы регулирования данной сферы.

Прежде чем перейти к анализу опыта нормативно-правового регулирования виртуальных активов (валют), необходимо определить их место и отличия от существующих видов денежных активов.

Согласно отчету ФАТФ «Виртуальные валюты ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ», виртуальная валюта определена как «средство выражения стоимости, которое функционирует в качестве (1) средства обмена; и/или (2) расчетной денежной единицы; и/или (3) средства хранения стоимости, но не обладает статусом законного платежного средства (т.е. не является официально действующим и законным средством платежа при расчетах с кредиторами) ни в одной юрисдикции» [8].

Виртуальная валюта отличается от традиционной валюты тем, что вторая повсеместно обращается, используется и принимается в качестве заемного средства стране, а также в стране – эмитенте. То есть фиатная валюта – это

монеты и бумажные деньги, эмиссией которых, как правило, занимаются государственные органы [7]. А что касательно виртуальной валюты, то ее эмиссию государство не контролируют, и ее могут проводить как юридические, так и физические лица. Исключением данной нормы является Венесуэла, правительство которой разработало национальную криптовалюту Петро, обеспеченную природными ресурсами страны [14].

Сравнивая виртуальную валюту и электронные деньги. Электронные деньги могут выступать в качестве выражения фиатной валюты и ее дальнейшего использования, но только в цифровой форме. Другими словами, электронные деньги – это цифровой перевод фиатной валюты. Что касательно понятия цифровая валюта, то оно объединяет в себе фиатную или электронную и нефиадную, то есть виртуальную валюту [2]. И поэтому иногда возникает подмена понятий, так как цифровую валюту отождествляют с виртуальной.

Таким образом, виртуальные активы (валюты) получили активное применение в современных финансовых отношениях. При этом масштабы криптовалютного рынка по-прежнему высоки, что по сути вынуждает государства принимать новые законодательные акты, адаптировать законодательство под новые условия внешней среды, чтобы не допустить угрозы для подрыва финансовой безопасности государства.

Методология и ход анализа. Проведение анализа международного опыта нормативно-правового регулирования оборота виртуальных активов предполагает определение существующих подходов к регулированию криптосферы.

Необходимо упомянуть также и следующую особенность анализа. С целью репрезентативности анализа, необходимо сформировать такую выборку, где будут выбраны страны с разных континентов и с разным уровнем экономического развития, поскольку речь идет о вопросах мирового масштаба и выработке единых стандартов противодействия отмыванию денег с применением виртуальных активов.

Поэтому был проведен анализ опыта правового регулирования по следующим группам:

1. Страны Северной и Южной Америки. В данный регион вошли такие страны как США, Канада, Сальвадор и Венесуэла. Напомним, что в процессе выборки стран были отобраны те государства, где данные правовые вопросы активно стоят на текущей повестке дня.

2. Страны Европейского союза. В данный регион вошли такие страны как Германия, Франция, Италия, Испания, Эстония, Люксембург, Дания, Финляндия, Швеция. При этом тут была учтена важная особенность, связанная с дифференциацией позиции управляющих органов ЕС и стран-членов в рамках национальной политики.

3. Страны объединения РИК. В данный регион вошли Россия, Индия и Китай.

4. Страны Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что данный регион охватывает большое количество стран, был сделан акцент в сторону трех государств, а именно Южной Кореи, Сингапура и Японии.

Характеристика статуса криптовалюты в странах по регионам была представлена тезисно в таблицах. На основании данной характеристики были получены соответствующие выводы. Так, в таблице 1 представлена характеристика стран Северной и Южной Америки.

Затем, на основании полученной информации будет проведено распределение государств по подходам к правовому регулированию оборота криптовалют.

Государство	Нормативно-правовой статус криптовалюты
США	1. Криптовалюты рассматриваются как собственность для налогообложения. 2. В сентябре 2022 года, криптовалюта признана ценной бумагой, а криптобиржи – биржами ценных бумаг.
Канада	1. Все криптовалютные биржи обязаны пройти регистрацию. 2. С точки зрения налогообложения, криптовалюта рассматривается как товар.
Сальвадор	1. 2021 год – признание биткоина официальным платежным средством. 2. Потеря половины инвестиций на фоне падения курса биткоина.
Венесуэла	1. Использование блокчейн – технологий с целью привлечения потока инвестиций в обход американских санкций. 2. Создание национальной криптовалюты Petro, обеспеченной национальными природными ресурсами.

Таблица 1. Особенности правового статуса криптовалюты в странах Северной и Южной Америки

Источник: составлено автором на основании материалов: [9; 13; 1; 14].

По данным таблицы 1, наблюдается активное развитие крипторегулирования в странах Северной Америки. Отсутствие соответствующей правовой базы в странах Южной Америки создает риски и угрозы подрыва финансовых систем стран. Криптовалюта рассматривается как имущество, товар, официальное платежное средство, активно создаются национальные криптовалюты.

Государство	Нормативно-правовой статус криптовалюты
ЕС	2020 год – ужесточение мер по борьбе с отмыванием денег, обеспечение прозрачности криптовалютного рынка.
Германия	Биткоины определены как договорное платежное средство.
Франция	Совершение покупок в биткоинах в ряде магазинов.
Италия	Действует проект, направленный на развитие платежей в биткоинах.
Эстония	1. Один из лидеров в регулировании криптосферы. 2. Регулирование направлено на развитие прозрачного криптобизнеса. 3. Введены лицензии на операции с криптовалютой.
Люксембург	Начала первой вводить лицензирование криптовалютных бирж.
Дания	Легализация майнинга на государственном уровне.
Финляндия	Криптовалюты признаны средством платежа, финансовым инструментом.
Испания	1. Была отнесена к электронным средствам платежа. 2. Регистрация и уплата соответствующих налогов.
Швеция	Криптовалюта была легализована как один из видов средств платежа.

Таблица 2. Особенности правового статуса криптовалюты в странах Европейского Союза

Источник: составлено на основании материалов: [3].

По данным таблицы 2, можно утверждать о наличии у стран-членов ЕС умеренного скептицизма в отношении крипторегулирования, однако отдельные страны такие как Эстония, Швеция активно прорабатывают соответствующую нормативно-правовую базу. Страны стремятся обеспечить прозрачность криптосферы путем лицензирования и внедрения требований ПОД. Теперь перейдем к рассмотрению тенденций, существующих в рамках международного формата РИК, куда входят такие страны как Россия, Индия и Китай.

Государство	Нормативно-правовой статус криптовалюты
Россия	1. 2020 – Закон о Цифровых финансовых активах. 2. Законопроект № 127303-8 О майнинге в Российской Федерации. 3. Отсутствует единая позиция среди регуляторов.
Индия	Отсутствует нормативно-правовое регулирование криптосферы, есть риск запрета криптовалюты.

Государство	Нормативно-правовой статус криптовалюты
Китай	Майнинг занесен в список отраслей, запрещенных для инвестиций.

Таблица 3. Особенности правового статуса криптовалюты в странах формата «РИК»

Источник: составлено на основании материалов: [10; 4; 5].

Данные таблицы 3 указывают на то, что в рамках международного формата РИК отношение к криптовалютам сформировалось больше отрицательное, чем положительное. При этом в Российской Федерации наблюдается постепенная выработка нормативно-правовой базы крипторегулирования. Однако наблюдается отставание в нормативно-правовом регулировании криптосферы, поскольку первый законодательный акт был одобрен лишь в 2020 году. Наконец, обратимся к данным по региону, включающему страны Юго-Восточной Азии (таблица 4).

Государство	Нормативно-правовой статус криптовалюты
Южная Корея	1. Все компании обязаны идентифицировать пользователей, сертифицировать системы управления информационной безопасностью. 2. Государство планирует представить в 2023 году Базовый закон о цифровых активах – DAVA.
Сингапур	В январе 2020 года был принят закон «О платежных услугах» о выдаче лицензий криптобиржам.
Япония	В 2017 году вступил в силу закон, признающий криптовалюту одним из способов оплаты.

Таблица 4. Особенности правового статуса криптовалюты в странах Юго-Восточной Азии

Источник: составлено на основании материалов: [12; 6].

Можно заметить, что выбранные страны Юго-Восточной Азии отличаются более последовательным подходом в отношении криптовалют. Это определяется стремлением выработать нормативно-правовых актов для урегулирования статуса криптовалюты. В данной ситуации нельзя обобщать, что вопросы крипторегулирования активно развиваются во всех странах Юго-Восточной Азии. Выбор данных государств позволяет определить наиболее референтный опыт и практики для развития национального законодательства в контексте регулирования криптовалют.

Подход, рассмотренный выше, позволяет дать общую оценку нормативно-правовому регулированию криптовалюты с позиции географического критерия. Исходя из полученных результатов анализа и анализа других источников по теме, можно определить несколько ключевых подходов к регулированию криптосферы, представленные в таблице 5.

Подход к регулированию криптосферы	Страны
Легализация криптовалюты как официального платежного средства	Сальвадор, ЦАР
Криптовалюта как договорное средство платежа, один из видов средств платежа	Германия, Швеция, Япония, Эстония, Италия, Испания, Финляндия, Турция и другие
Криптовалюта как собственность или товар	Беларусь, Бразилия, Франция, Израиль, Нидерланды, Новая Зеландия, США и другие
Недоверие к криптовалюте со стороны регуляторов, без введения полного запрета или введен банковский запрет	Индия, Ангола, Таджикистан, Камбоджа, Иордания, Колумбия, Аргентина, Намибия, Россия
Запрет на операции с криптовалютой	Алжир, Бангладеш, Боливия, Вьетнам, Китай, Непал, Египет и другие

Таблица 5. Подходы к правовому регулированию оборота криптовалюты

Источник: составлено автором на основании изучения материалов по теме.

Исходя из данных таблицы 5, можно обнаружить, что страны по-разному осуществляют регулирование криптосферы, вводя либо полные/неполные запреты, либо постепенно снимая ограничения на введение криптовалюты в финансовую систему страны.

Выводы. Подводя итоги сравнительного анализа, можно определить ряд тенденций в развитии крипторегулирования и определения статуса виртуальных валют. Как можно заметить, государства предпринимают ряд действий, начиная с запрета вплоть до перехода на блокчейн. То есть нельзя сказать однозначно о повсеместном развитии криптовалютного рынка. Однако можно заметить, что капитализация криптовалютного рынка стабильно растет и будет расти в долгосрочной перспективе. Страны не торопятся активно внедрять нормативно-правовое регулирование данной отрасли, поскольку она обладает совокупностью рисков для финансовой безопасности государства в контексте отмывания денег и финансирования терроризма.

На данный момент страны стремятся находить точки соприкосновения нерегулируемой криптоэкономики с традиционной экономикой. В первую очередь, речь идет об обмене криптовалюты и фиата, а также

применения криптовалют в качестве средства платежа в легальной экономике. Точность такого фокуса проявляется в том, что страны могут обходиться вообще без отдельного закона о криптовалюте на уровне государства (США, Эстония), ограничиваясь регулированием криптовалют в рамках основного законодательства против финансовых преступлений, не в ущерб качеству регулирования (Эстония).

Первая тенденция в развитии крипторегулировании такова, что необходимость государственного регулирования будет и в будущем насущной.

Вторая тенденция связана с утратой практического и законодательного интереса у ряда государств в регулировании криптовалют.

В-третьих, правовое регулирование затрагивает те области легальной экономики, где она может проделать дыру. Одним из таких случаев является использование виртуальных валют в качестве средства отмывания денег, полученных в результате совершения одного из предикатных преступлений.

В-четвертых, страны отдают в целом приоритет соответствию существующим законам. То есть законодатели не стремятся выработать новые нормативно-правовые акты, а вносят поправки для урегулирования финансовых отношений с использованием виртуальных активов. Одним из ярких примеров, подтверждающих данную тенденцию, является регулирование смарт-контрактов осуществляется через Гражданский кодекс. Или же, например, для регулирования NFT, понятие о данном виде активов было внесено в Гражданский кодекс РФ об охране интеллектуальных прав и так далее. Выбор подхода к правовому регулированию оборота криптовалюты зависит от национальных интересов государства, стабильности финансовой системы, экономической политики государства и ряда других факторов. Сложно сказать, какой из путей будет наиболее целесообразным для Российской Федерации, что также связано и с введением большого количества санкционных пакетов в связи с событиями 2022 года, а также пандемии коронавирусной инфекции, которая выступила одной из причин роста преступности с использованием виртуальных валют в 2020-2021 годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Биткоин стал платежным средством в Сальвадоре год назад // 2bitcoins // <https://2bitcoins.ru/bitkoin-platyozhnoye-sredstvo/>.

2. Виртуальная валюта // Finansistem // <https://finansistem.com/virtual-currency/>.

3. Каким будет регулирование криптовалют в Евросоюзе // Media.sigen // <https://media.sigen.pro/regulation/10056>.

4. Криптовалюта в Индии: новые правила // Block-chain24 // <https://www.block-chain24.com/articles/kriptovalyuta-v-indii-novye-pravila>.

5. Китай решил запретить инвестировать в майнинг криптовалюты // Forbes // <https://www.forbes.ru/finansy/442483-kitaj-resil-zapretit-investirovat-v-majning-kriptovaluty>.

6. Криптовалютная лицензия в Сингапуре: требования и особенности // Tkdeal.com // <https://tkdeal.com/licenses/kriptovalutnaa-licenzia-v-singapore-trebovania-i-osobennosti>.

7. *Марамыгин М.С.* Экономическая природа и проблемы использования виртуальных денег (криптовалют) / М.С. Марамыгин, Е.Н. Прокофьева, А.А. Маркова // Известия УрГЭУ. 2015. № 2 (58).

8. Отчет ФАТФ. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ // ФАТФ // https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.

9. США признали криптовалюты ценными бумагами // Finliners // <https://finliners.com/ru/blog/ssha-priznali-kriptovalyuty-cennymi-bumagami>.

10. Система обеспечения законодательной деятельности // Система обеспечения законодательной деятельности // <https://sozd.duma.gov.ru/>.

11. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Консультант Плюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

12. Южная Корея внедрит биткоин и другие цифровые активы в свою финансовую систему к 2024 году // Ixbt.com // <https://www.ixbt.com/news/2022/05/15/juzhnaja-koreja-vnedrit-bitkojn-i-drugie-cifrovye-aktivy-v-svoju-finansovuju-sistemu-k-2024-godu.html>.

13. FINTRAC ужесточит правила регулирования цифровых активов // Bits.media // <https://bits.media/fintrac-uzhestochit-pravila-regulirovaniya-tsifrovyykh-aktivov/>.

14. Petro всему голова: криптовалюта, обеспеченная нефтью, решит проблемы Венесуэлы // Oilexp // <https://www.oilexp.ru/news/economy/petro-vsemu-golova-kriptovalyuta-obespechennaya-neftyu-reshit-problemy-venesuehly/156844/>.

15. The Chainalysis Cryptocrime Report 2022 // Chainalysis // <https://blog.chainalysis.com/reports/2022-crypto-crime-report-introduction/>.

E.A. MOSAKOVA

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Faculty of Global Processes Moscow State
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

N.R. MIRZABEKOV

*Master student of the Faculty of Global Processes
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES TURNOVER

Introduction. *The upward dynamics of the cryptocurrency market capitalization in absolute terms can contribute to the growth of crime using cryptocurrencies. In this regard, countries are forced to introduce regulations to regulate this area.*

Goals and objectives. *The purpose of this work is to identify trends and approaches to the legal regulation of the circulation of cryptocurrencies. The objectives of this work include: 1) Comparison of cryptocurrency with other types of currencies, taking into account FATF standards; 2) Determining the nature of the dynamics of the use of cryptocurrencies in criminal activities; 3) Identification of the main approaches to the legal regulation of the cryptosphere.*

Methods. *As part of the work, general scientific research methods were used: analysis, synthesis, comparison, induction, deduction. Also, an analysis of legal acts, analysis of static data and other research methods was carried out.*

Results. *As a result of the study, it was possible to characterize the legal regulation taking into account the geographical criterion. In addition, the main approaches to the legal regulation of the circulation of cryptocurrencies were identified.*

Conclusions. *At the moment, there is no single regulatory status for cryptocurrencies. At the same time, there are both examples of countries that have legalized cryptocurrency as an official means of payment (El Salvador, Central African Republic), and countries that impose restrictions on the circulation of cryptocurrency, up to its ban (China, Nepal, etc.)*

Key words: *cryptocurrency, bitcoin, money laundering, mining, licensing.*

А.Е. ТЕМИРХАНОВА

преподаватель Карагандинского
университета им. А. Букедова, Республика
Казахстан, г. Караганда

ЖЕТЫСУ – ВОСТОЧНЫЕ ВОРОТА ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

В статье рассматривается казахстанский регион, в частности, юго-восток Жетысу (Семиречье), как одна из важнейших трасс Великого Шелкового пути. Подчеркивается, что города данного региона упоминаются в средневековых источниках, как место через которое шли торговые караваны и где происходили пересечения представителей различных этносов и происходили взаимообогащения культур Востока и Запада. Отмечается, что религия составляет важнейшую основу интеграции этноса, культурного формирования и мировидения человека. Подчеркивается, что обращение к историческому опыту – это один из важнейших способов найти ответ на злободневные вопросы современного общества.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, Запад, Восток, религия, ислам, культура, города.

Грандиозные перемены, которые охватили Казахстан после приобретения суверенитета отразились и на всех сферах жизни казахстанского общества. Согласно Конституции Республики Казахстан: «высшими ценностями являются человек, его жизнь, права и свободы [18]. Перед многонациональным народом Казахстана открылась перспектива не только выбора религии, но и реальной возможности ее исповедания. «Устремление в веру вызвано необходимостью заполнить духовный вакуум...» [7. С. 5].

При изучении Центрально-Азиатского региона (ЦАР) необходимо учитывать не только новую геополитическую ситуацию и условия переходного периода, а также роль исторического наследия, особенности и характер цивилизационного развития народов региона [15].

Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отмечает: «В свое время программа «Мәдени мұра» открыла путь для переосмысления национальной истории. Отечественная историческая наука Казахстана динамично развивалась, проводились многочисленные исследования. В научный оборот введен значительный массив неизвестных ранее

исторических источников и археологических артефактов. Новые открытия показали всему миру, что наша история уходит корнями в глубь веков» [13]. Безусловно, в условиях поступательном движении глобализации «... для понимания и развития диалога разных культур необходима и духовная модернизация, выработка новой системы ценностей для достижения цивилизационного синтеза при сохранении культурного плюрализма» [15. С. 38]. «С духовными ценностями связаны интеллектуальная жизнь, накопленные знания, мораль, право, наука, художественные произведения» [11]. Обращая внимание на современное развитие мира, можно сказать, словами И. Валлерстайна «Мы плывем в морях, еще не нанесенных на карту. Мы гораздо больше знаем об ошибках прошлого, чем об опасностях ближайшего будущего. Потребуется неизмеримые коллективные усилия, чтобы выработать ясную стратегию преобразований» [2. С. 232]. Итак, обращение к историческому опыту – это один из важнейших способов найти ответ на злободневные вопросы современного общества. Между странами Востока и Запада в конце 1 тыс. до н.э. стали активизироваться торговые отношения, то есть речь идет о том, что на территории Евразии складывается трансконтинентальная система, которая известна всему миру как Великий Шелковый путь [16. С. 370].

Один из самых значимых исторических достижений цивилизации принято считать создание трансконтинентальной трассы – ВШП. Один из путей проходил через Семиречье, по долинам рек Чу, Или, подножью Джунгарского, Илийского, Кыргызского Алатау, Таласского хребта в Ташкент и далее через такие города как Самарканд, Бухара, Мерв далее в Малую Азию и Византию. На отрезке ВШП города: Суяб, Баласагун, Сайрам, Саурвн, Койялык, Кулан, Тараз.

По Великому Шелковому пути (ВШП) распространялись религиозные идеи, различные миссионеры «несли» свою веру в заморские страны. Из Индии в Центральную Азию и Восточный Туркестан в Китай, Корею и Японию пришел буддизм; из Сирии, Ирана и Аравии распространилось христианство, а затем ислам. Однако, ислам, распространившийся не только «огнем и мечом», но и, сладкоязычием купца-мусульманина, постепенно вытеснил в Центральной Азии и христианство, и буддизм, и зороастризм, и местные культы [2. С. 27].

«О христианстве в Жетысу в IX-X вв. Свидетельствуют согдийские надписи на глиняных хумах для хранения вина. Надписи содержали христианские термины, такие как «учитель», «наставник». О христианстве свидетельствуют находки нательных крестов...» [5]. «Христианские церкви действовали также в Таразе и Мирки (Таласская долина). Из письменных источников известно, что позднее в IX веке они были приспособлены в мечети» [3. С. 80]. Сохранились кайраки – это надгробные камни

с несторианской символикой и тюрко-сирийские надписями. В районе Семиречья их обнаружено около 700 [6. С. 296].

Учитывая, что в настоящее время, именно религия составляет важнейшую основу интеграции этноса, культурного формирования и мировидения человека. Необходимо помнить, и то, что свобода человека предполагает, что он ответственен за каждое свое деяние. Всевышний не спрашивает человека за то, что выше его сил. В Коране записано: «Господь не возлагает на человека сверх его возможностей» [8. С. 286]. Трансформация духовной сферы охватила сферы этики и особенно идеологии. Динамика этих двух сфер неразрывно связана и отражает преобразования на всех этапах пирамиды общества, определяя целевые установки, идеалы и правила взаимоотношения людей. Идеалы человек, его нравственные правила и сдерживающие начала во взаимоотношениях с другими людьми, с обществом, в обращении с культурными ценностями могут базироваться либо на вере, либо на знании [17. С. 315]. Особая роль в изменении культуры Центральной Азии принадлежит исламу. Ислам – религия мира, и его принцип жизни в справедливом, безопасном мире – это высший нравственный закон [9. С. 43].

Всей своей системой мусульманская культура нацеливает человека на «день предвечного диалога» и грядущее Воскресение: «Молите и Я отвечу Вам». При этом человек теоморфен, т.е. сотворен по «образцу Божьему», а поэтому во всех своих мыслях наделен свободой воли. Понимание прекрасного четко сформулировал Мухаммед: «Аллах красив, и он любит красоту». Поэтому сотворенный им мир и то, что создано человеком, – прекрасно. То есть внешняя сторона религии, должна быть столь же возвышенно прекрасной, как и внутренняя духовная жизнь мусульманина [10. С. 136].

Ислам начинает проникать на территорию Казахстана во второй половине XII в. период правления Омейядов (661-750). Это был длительный и сложный путь. В IX в. были исламизированы карлуки, которые до этого были приверженцами несторианства. Укрепление позиции ислама произошло при династии Караханидах IX-XII вв. Заметим, что «парадоксальным образом укрепление ислама в Орде сопровождалось укреплением православия на Руси». Терпимость к православию ханы (Золотой Орды) сохранили и впоследствии, уже после своего обращения в ислам [9. С. 43].

Именно Великий Шелковый путь пролегал через современную территорию Казахстана и служил мостом взаимного культурного и духовного обогащения Востока и Запада, Севера и Юга. ВШП способствовал расцвету Жетысу – этот регион был одним из важнейших территорий по которому проходила одна из важнейших трасс Шелкового пути.

Через земли Жетысу на Восток проходило несколько направлений Великого Шелкового пути. Жетысу – называют «золотой колыбелью».

Именно на этой территории казахи, как народ, обрели нынешнее свое самоназвание. Здесь образовалось Казахское ханство. Впервые на исторической сцене прозвучало имя народа. Жетысу можно называть «золотой колыбелью» еще по той причине, что его земля отличается плодородием. Семиречье – историко-географический регион, занимающий юго-восток Казахстана. На севере его территории расположено озеро Балхаш, на северо-востоке – Сасыкколь и Алаколь, на востоке – Джунгарские Алатау, на юго-западе – Аспантау (горы Тянь-Шань). Семиречье простирается с севера на юг на 900 километров, с запада на восток – на 800 километров.

Во второй половине VI в. Семиречье, Южный Казахстан вошли в состав Тюркского Каганата, огромной кочевой империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. В конце VI в. происходит оживление Шелкового пути на участке Семиречья и Южного Казахстана, что сыграло важную роль в развитии городской культуры этого региона. В Семиречье он стимулировал возникновение ряда городских центров, а на юге Казахстана способствовал быстрому росту городов. Шелковый путь через Среднюю Азию, Южный Казахстан и Семиречье функционировал вплоть до XIV в.

Главное восточное направление Великого Шелкового пути пролегало через города, расположенные в средние века на территории Жетысу, т.е. оно шло через Тараз до Алматы, а оттуда через Шелек (Чилик), Сумбе, Жаркент и далее в восточном направлении.

Во-вторых, северо-восточное направление – Алматы (Алмалык, Алматы), пройдя Капшагай (ныне город Конаев), Шенгельды, Алтын-емель, Дунгене, Койлык и через них – выход мимо Алаколя к Джунгарским воротам.

В-третьих, северное направление – Тараз, Кулан и выход по северно-восточному пути в Хантау и Балато-пар, через Или – выход к городу Дунген, где обе дороги соединяются и расходятся от поселения Айнабулак, поворачивая на север – в Сарканд и через Восточный Казахстан выходят в Монголию. По этому пути направлялся знаменитый посланник и путешественник Рубрук, когда ехал к монгольскому хану Мунке. На протяжении VIII-XIII веков происходило процесс развития и расцвет городской культуры в орбите международных торговых связей по Великому Шелковому пути.

К этому времени на территории «большой Алматы» находилось несколько поселений и городов. Они располагались на территории колхоза «Горный Гигант» (IX-XII вв.) на территории нынешнего Ботанического сада (X-XII вв.) «Весновское городище». Однако наибольший интерес представляло городище, расположенное на территории Пограничного училища (Военный институт). О нем, как об остатках большого города, писал академик В.В. Бартольд в 1894 г. Он обследовал его вместе с городским архитектором В.П. Гурдэ. На поверхности городища тогда еще сохранялись

остатки сооружений из жженого кирпича, который жители Верного разбрасывали для своих построек. На этом месте при строительных работах до сих пор находят древнюю керамику, изделия из бронзы и железа. В 1980 г. здесь обнаружили остатки средневековой кузнечной мастерской X-XI вв., а в ней заготовки железа, топоры, остатки кузнечного горна. С этим же городищем связаны находки серебряных монет XIII века с указанием места выпуска – город Алмату. Первый хан Могулистана Тоглук-Тимур сделал столицей ханства город Алмалык, а также стал известен тем, что в один день обратил в ислам 160 тысяч человек, сделав мусульманство государственной религией. Алмалыке есть упоминание, датируемое 1390 годом, у Шереф-ад Дина Йезди.

Захириддин Мухаммед Бабур в своем произведении «Бабур-наме» упоминает город Алмату (в XVI веке). В частности, он пишет: «Фергана – область в пятом климате, находится на границе возделанных земель; на востоке от нее – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге горы Бадахшанской границы; на севере, хотя раньше были города, подобные Алмалыку, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Отрар, теперь из-за (нашествий) моголов и узбеков они разрушены...» [1. С. 17]. Скорее всего, здесь назван средневековый город, расположенный на месте будущей Алматы и носивший имя Алмату. О селении Алмату сообщает современник Бабура Мухаммед Хайдар Дулати, автор сочинения «Тарих-и Рашиди» в связи с военными действиями монголов и битвой вблизи этого поселения Алмату.

На одной из них в круговой легенде ясно различалось название монетного двора и слово единиц в дате: «чеканен этот дирхем в области (балад) Алматы в году пять...». Это позволяет видеть в слове Алмату название города, в XIII веке располагавшегося на месте южной столицы.

Таким образом, опираясь на данные письменных источников и археологические находки можно заключить, что современный город Алматы под именем Алмату сформировался в X-XI веках, и его история насчитывает не менее тысячи лет. Сохранились древнейшие памятники, свидетельствующие о корнях религии в южном Жетысу, знаменитые Боралдайские курганы на территории Алматы. Дирхамы со знаками местного монетного двора не только говорят о высоком торгово-финансовом развитии региона, они доказывают изначальное становление исламской религии. Также имеются древние изображения, относящиеся к буддизму, иудаизму, несторианскому христианству. Письменные источники указывают на почти тысячулетние связи Ватикана с Золотой Ордой, пути папских дипломатов также проходили здесь.

Таким образом, Жетысу всегда характеризовался разнонаправленными векторами политико-экономического развития и, как следствие, был много-религиозен. Здесь в полной мере проявилась присущая казахскому народу веротерпимость и толерантность. Эта историческая традиция сохранилась

до нашего времени. По мнению казахстанского академика К. Байпакова X-XI вв. относится появление Алматы и это было временем мусульманского ренессанса, когда на Востоке появились такие деятели культуры, науки, как аль-Фараби, Бируни, Авиценна, Омар Хайям. Тогда же был взлет городской культуры, который затронул Жетысу со столицей Алматы.

Культурная столица Казахстана в лице города Алматы прилагает немало сил и ведет неустанную работу по выстраиванию добрых отношений между всеми этническими и конфессиональными группами страны. По инициативе тогдашнего президента Казахстана Н. Назарбаева в 2003 г. в г. Алматы создана межрелигиозная площадка – Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Почетное звание столицы исламской культуры подчеркивает историческую преемственность и придает городу Алматы новый импульс возрождения исламской духовности.

Таким образом, через территорию Семиречья шли дороги на север и восток и далее сквозь в Центральную и Восточную части Казахстана дорога вела на Алтай, Сибирь и в Монголию. С другой стороны, близкое географическое расположение района Семиречья к Средней Азии, а также к Ближнему Востоку во многом предопределила возможности тесного взаимодействия в разных сферах, не стало исключением и религиозное составляющее. Контакты на ВШП способствовали дальнейшему развитию человеческой цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бабур-наме* (Записки Бабура) / сост. С. Азимджанова; отв. ред. М. Хайруллаев; пер. М. Салье. Ташкент, 1982.
2. *Байпаков К.М.* Шелковый путь в Центральной Азии // Шелковый путь и Казахстан. Материалы научно-практической конференции. Алматы, 1999.
3. *Байпаков К.М.* Христианство Казахстана. Сведения арабских и персидских источников.
4. *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003.
5. Генезис мировых религии // <https://articlekz.com/article/18301>.
6. *Железняков Б.А.* О несторианстве Семиречья в средние века // Известия МОН РК. Сер. Обществ. Наук № 1. Алматы, 2002.
7. *Иванов В.А., Трофимов Я.Ф.* «Религии в Казахстане». Алматы, 2003.
8. Коран / пер. И.Ю. Крачковского. М., 1963. Сура 2. Аят 286.
9. *Ланда Р.Г.* Россия и мир российского ислама. М., 2011.
10. *Ленсу М.Я.* Иудаизм и Ислам. В контексте культуры (сравнительный анализ) // Культурология. Проблемы преподавания. Минск, 1995.
11. *Нуржанова А.А., Терновья Г.А.* К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах иго-Западного Жетысу во второй половине VIII-XII вв. (по материалам археологии) // <https://cyberleninka.ru/>

article/n/k-voprosu-o-rasprostraneni-i-vliyanii-islama-v-gorodah-yugo-zapadnogo-zhetysu-vo-vtoroy-polovine-viii-xii-vv-po-materialam.

12. Пончаев Ж. Ислам как религия согласия. Угроза ислама или угроза исламу (по итогам международной конференции). М., 2001.

13. Прохоров И. Новое осмысление истории // Казахстанская правда. 14 января, 2021 // <https://kazpravda.kz/n/novoe-osmyslenie-istorii/>.

14. Сыздыкова Ж.С. Медиакоммуникации и проблема поиска новой идентичности в условиях глобализации // Коммуникология. ноябрь-декабрь 2014. Том 8. № 6.

15. Сыздыкова Ж.С. Основные этапы цивилизационного развития народов Центральной Азии до вхождения в состав Российской империи // <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-tsivilizatsionnogo-razvitiya-narodov-tsentralnoy-azii-do-vhozheniya-v-sostav-rossiyskoj-imperii>.

16. Сюй Хун, Сыздыкова Ж.С. Великий Шелковый путь: от караванной трассы до мегапроекта «пояс и путь» // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2022. Том 11. Выпуск 5 (45).

17. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1997.

18. http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

A.YE. TEMIRKHANOVA

*Lecturer at the A. Buketov
Karaganda University, Karaganda,
Kazakhstan*

ZHETYSU – EAST GATE GREAT SILK ROAD

The article considers the Kazakhstan region, in particular, the southeast of Zhetysu (Seven Rivers), as one of the most important routes of the Great Silk Road. It is emphasized that the cities of this region are mentioned in medieval sources as a place through which trade caravans passed and where representatives of various ethnic groups crossed and mutual enrichment of cultures of East and West took place. It is noted that religion is the most important basis for the integration of the ethnic group, cultural formation and worldview of a person. It is emphasized that turning to historical experience is one of the most important ways to find an answer to the burning questions of modern society.

Key words: *Great Silk Road, West, East, religion, Islam, culture, cities.*

И.А. АРЖАНОВ

*аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
ORCID ID: 0000-0002-5738-3941*

ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОПЕРНИЧЕСТВА С НАТО В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ³

*Арктика в XXI столетии – регион стремительных пертурбационных изменений, по мере роста внимания к которому в ключевых и значимых для международного сообщества вопросах соперничество приходит на смену взаимовыгодному и ценному сотрудничеству. Военно-политическое измерение не стало исключением. Реализуемый на протяжении более чем 15 лет осознанный и намеренный курс Организации Североатлантического договора (НАТО) на дестабилизацию Арктики привел к росту конфронтационной атмосферы. В условиях выстраиваемого одностороннего соперничества со стороны Альянса особый исследовательский интерес представляет обращение к политике Российской Федерации в Арктике, предпринимаемым мерам по защите национальных интересов страны. **Цель настоящего исследования** – выявить и раскрыть основополагающие аспекты военно-политической деятельности России на Крайнем Севере в условиях сопернических устремлений со стороны НАТО в XXI столетии. **Поставленная цель предопределила постановку следующих задач:** 1) отразить отдельные ключевые вехи, указывающие на выстраиваемый сопернический курс НАТО в Арктике; 2) на основе обширного эмпирического материала систематизировать и детализировать последовательно реализуемые оборонительные меры по защите национальных интересов страны в Заполярье; 3) определить, с учетом избранной странами коллективного Запада политики по всеобъемлющей изоляции России на мировой арене, возможные перспективы дальнейшего развития ситуации в области региональной безопасности Крайнего Севера. **Для получения научных***

---

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Политика России в условиях соперничества с НАТО в Арктическом регионе: военно-политический аспект».

результатов в числе основных автор использовал следующие методы: историко-описательный, сравнительный, контент- и ивент-анализ. Кроме того, задача выявления возможных перспектив предопределила обращение к ситуационному анализу и прогнозированию. **Ключевым результатом исследования** стала разработанная и представленная в статье авторская концепция поэтапной периодизации военно-политической деятельности России в Арктике. Системно структурированная в четыре основных этапа, рассматриваемая концепция подчеркивает исключительно оборонительный и ответный характер отечественной активности, а также ненаправленность реализуемой военной политики против других государств. В заключении констатируется, что в долгосрочной перспективе соперничество сохранится.

Ключевые слова: Россия, НАТО, Арктика, безопасность, соперничество.

Эволюция военно-политической деятельности Российской Федерации в Арктике как мера по защите национальных интересов страны. В настоящее время уже нельзя отрицать тот факт, что Организация Североатлантического договора избрала путь на соперничество с Россией в Арктике. Однако, сложившийся подход НАТО – планомерно выстраиваемый и длительный, основы которого были заложены еще в середине 2000-х гг. Для Российской Федерации, рассматривавшей с конца XX – начала XXI в. регион Крайнего Севера как уникальную зону мира и широкого международного сотрудничества, появление настроений соперничества со стороны Альянса, очевидно, по мере постепенного роста такового, не могло оставаться без внимания и адекватного ответа (гораздо меньшего и более сдержанного, отвечающего исключительно оборонительным задачам). По результатам проведенного исследования автору настоящей статьи видится возможным и рациональным представить военно-политическую деятельность Российской Федерации в Арктике в виде следующих четырех закономерных этапов:

Первый этап (2000-2007 гг.) – это период низкой заинтересованности Российской Федерации к рассмотрению военно-политического компонента как одного из элементов обеспечения национальных интересов страны в Арктике. Во многом данная позиция предопределялась событиями конца XX столетия: трагический распад СССР привел практически к нулевой заинтересованности новообразованной России зоной Крайнего Севера вплоть до середины 2000-х, вместе с этим регион утратил и военно-стратегическую значимость на фоне возвышения либеральной парадигмы и т.н. «окончания противостояния с США и блоком НАТО» в Арктике.

При этом, важно отметить, в рассматриваемый период начинается формирование одностороннего сопернического курса НАТО: с начала 2000-х

гг. Альянс приостанавливает разоруженческую политику в Арктике, приступает к проведению регулярных (раз в два года) учений “Cold Response” («Холодный ответ») [9. С. 15]. Тем не менее, на вышеуказанное, а также на отдельные предпринимаемые меры по началу военного строительства на Крайнем Севере – например, обращение страны-лидера НАТО – США к развитию системы ПРО в регионе начиная с 2004 года (в Гренландии на авиабазе «Туле»), ощутимых отечественных мер по укреплению национальной безопасности в Арктике не наблюдается.

Второй этап (2007-2014 гг.) – это период резкой встряски, первого значимого арктического кризиса и начала переосмысления значимости военно-политического компонента России на Крайнем Севере для обеспечения неотъемлемых национальных интересов страны. Рассматриваемый этап ознаменовался процессом завершения формирования истинной политики НАТО в Арктике (однако, при определенном ее рассмотрении еще достаточно неявной). В 2007 году Альянс впервые продемонстрировал откровенное нежелание рассматривать Россию в Заполярье в качестве самостоятельного и независимого, сильного актора в регионе. Проявив резкий протест отечественной экспедиции «Арктика-2007», дополнив его установлением постоянного контроля за ходом научно-исследовательского мероприятия при помощи ВВС НАТО, а также усилив алармистские настроения касательно возможного конфликта в регионе, страны-члены Альянса твердо и четко указали на нежелание разделять все более явные появляющиеся преимущества Арктики с Россией [12. С. 10, 65].

В условиях резкой критики состоявшейся экспедиции, дополняемой острыми высказываниями западных политических деятелей о невозможности «законных претензий русских на океанический шельф» (цитата принадлежит бывшему представителю Госдепартамента США Т. Кейси [21]) начинается процесс обращения России к военной компоненте в качестве имеющей значение сдержанной адекватной меры на ультимативную позицию стран Запада.

Как итог, кризис в Заполярье 2007-2008 гг. привел к принятию ряда обстоятельных мер. Во-первых, в качестве ответа на коллективный демарш стран-членов НАТО на экспедицию в Арктике, Россия обращается к возвращению на регулярное боевое дежурство морских кораблей и полетам стратегической авиации в регионе. Во-вторых, в принятом в 2008 году знаковом стратегическом документе – Основах государственной политики России до 2020 года и последующую перспективу закрепляется тезис о необходимости защиты суверенных границ и имеющихся экономических интересов страны [19].

Несмотря на вновь скептически воспринятую Западом позицию, отраженную в вышеуказанном документе, прямую констатацию возросшей значимости Арктики для НАТО на состоявшемся в январе 2009 года семинаре

Альянса «Перспективы безопасности на Крайнем Севере» [27], а также обращению страны-лидера блока – США к планам по расширению морских операций в Арктике [14. С. 228-229], период до 2014 года, в целом, представляется возможным описать как преследующая цели одностороннего извлечения выгод попытка стран Запада по выстраиванию ограниченного сотрудничества с Россией в военно-политическом измерении при дальнейшей неявной сопернической риторике.

Так, поддерживаемая государствами Запада атмосфера неоднозначного по своей направленности сотрудничества, при одновременной открытости отечественного подхода (а в некоторых случаях делались и территориальные уступки – как, например, в случае с заключенным в 2010 году с Норвегией разрешившим давний спор договором о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане [8]), сопровождалась дальнейшим проведением учений стран-членов в Арктике с парадоксальной констатацией отсутствия планов по расширению деятельности на Крайнем Севере. Тем не менее, специфика западного подхода учитывается Россией, и в 2012 году, в Мурманской области и акватории Баренцева моря, проводятся межвидовые учения с привлечением около 7 тыс. военнослужащих [11. С. 110]. В сентябре 2013 года руководствуясь складывающейся ситуацией, Министерство обороны России констатировало окончательное возвращение в регион, возобновив постоянное военное присутствие на Крайнем Севере [5]. Однако, несмотря на ряд предпринятых практических оборонительных шагов, о крайне отдаленной роли силового фактора для России в Заполярье до кризисного 2014 года свидетельствует принятая в феврале 2013 г. первая редакция Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, значимость и перспектива сохранения актуальности которой рассматривалась на период до 2020 года. В ней, в части приоритетных направлений отечественной деятельности на Крайнем Севере, обеспечение военной безопасности находилось на последнем, шестом из всего перечня месте [23. С. 4].

Нельзя не отметить и тот факт, что в 2011-2013 гг. имели место быть действительно плодотворные попытки по выстраиванию ценного и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и НАТО в Арктике: в 2011 году учреждается такая площадка для диалога как Круглый стол арктических сил безопасности, а в последовавшие два предкризисных года состоялись встречи начальников Генеральных штабов стран-членов Арктического совета. Практические усилия дополняются дискуссиями в научно-исследовательских кругах: появляется перспективная, но нереализованная в реальной плоскости идея о возможности совместной разработки военного кодекса поведения в Арктике [1. С. 100].

Третий этап (2014-2020 гг.) – это период, характеризующийся более существенным продолжением ранее начатого пересмотра значимости военной компоненты для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на Крайнем Севере. Решение данной задачи проходило в условиях приостановки взаимодействия по военно-политической линии (Круглый стол арктических сил безопасности с 2014 г. проходит без участия России, а встречи начальников Генштабов более не организуются [25]) и резкой активизации НАТО в Арктике с антироссийской направленностью – факторами, вызванными в результате обострения отношений на фоне намеренного использования странами коллективного Запада украинского кризиса в качестве выгодного предложения для последующего выстраивания образа врага.

Курс на «жесткое» соперничество начинает учитываться в стратегических документах, затрагивающих Арктический регион: действующая редакция Военной доктрины, принятая в декабре 2014 г., впервые определяет за Вооруженными силами России защиту национальных интересов в мирное время [6]; утвержденные в 2015 г. и утратившие свою силу к настоящему времени (по причине выхода обновленных версий) Морская доктрина и Стратегия национальной безопасности фиксируют рост международного соперничества в Арктике (кроме того, первый документ указывает и на необходимость принятия ответных адекватных мер со стороны России) [16; 22].

Таким образом, глубочайший кризис в отношениях по линии Россия – НАТО и рост сопернической риторики со стороны Альянса приводит к вынужденной необходимости принятия практических мер по защите национальной безопасности. В представленной ниже таблице отражены реализованные и запланированные в 2014-2020 гг. ключевые аспекты военной деятельности России в Арктике, направленные на решение исключительно оборонительных задач. При этом, важно отметить, что изложенные практические результаты отечественных усилий являются не только частью переосмысления значимости военной компоненты, но и результатом последовательных программ по планомерной модернизации российских вооруженных сил (реализуемых с 2000-х), их ускорением по ряду направлений в условиях новых вызовов и угроз (задачи которой, главным образом, отражаются в регулярно принимаемых Государственных программах перевооружения).

Направление деятельности	Практический результат
Военно-административные меры	Для общей координации и управления многоплановыми аспектами военной безопасности на Крайнем Севере в декабре 2014 г. создается специальное стратегическое командование «Север» с определением зоны ответственности от Мурманска до Анадыря
Модернизация арктической системы ПВО	Последовательное обновление системы ПВО: замена С-300 на С-400 на территориях от Кольского полуострова и до Чукотки (в т.ч. и на островах). Например, в настоящее время современные комплексы С-400 расположены на архипелаге Новая Земля. В арктических условиях прошел успешные испытания ЗРК С-500 «Прометей» (в перспективе будет нести боевое дежурство в Заполярье). Кроме того, стоящие на вооружении комплексы «Панцирь-С1», РС-26 «Рубеж» и С-300/С-400, начиная с октября 2014 года объединены в единую оперативную группу в Заполярье
Развитие военной авиации (в т.ч. стратегической)	На боевое дежурство в Арктику поступили стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Ту-160 в количестве четырех единиц. Перспективной видится эксплуатация новейшей глубокой модификации Ту-160М (опытный образец совершил первый полет в феврале 2020 года). В рассматриваемый период прошла основная фаза переконфигурации тяжелых истребителей МиГ-31 в обновленную версию МиГ-31БМ
Обновление морской стратегической флотилии	Запланировано обновление восьми единиц атомных подводных лодок (АПЛ). Продолжается начатый в 2013 г. прием на боевое дежурство субмарин 4-го поколения «Борей» (две из пяти построены и переданы Северному флоту – подлодки «Юрий Долгорукий» (2013) и «Князь Владимир» (2020). Идет модернизация шести подводных лодок класса «Дельта-IV», а также передана на службу АПЛ «Казань» проекта «Ясень-М» (2020-2021)

Направление деятельности	Практический результат
Реформирование арктических вооруженных сил, расширение задач Пограничной службы ФСБ России	Созданы две арктические бригады – в Мурманской области и Ямало-Ненецком автономном округе (2015-2016). С целью защиты Северного морского пути (СМП) в 2019 г. создана новая арктическая эскадрилья 98-го отдельного смешанного авиаполка 45-ой армии ВВС и ПВО. В 2020 году на территории Республики Саха (Якутия) сформирован новый зенитный ракетный полк с комплексами С-300, на острове Котельный и на материковом побережье моря Лаптевых развернуты специальные радиотехнические подразделения (в т.ч. и расчеты пунктов наведения авиации). В задачи Пограничной службы ФСБ России добавляется контроль за обеспечением безопасности судоходства на СМП и защита отдельных нефтегазовых отечественных объектов в Арктике
Строительство военной инфраструктуры	Запланировано возведение тринадцати авиабаз и одного испытательного полигона для военно-воздушных сил. Намечены планы по строительству 10 радиолокационных станций (РЛС) и соответствующей инфраструктуры для их управления. В Заозерские и Гаджиево идет обновление морских баз для атомных подводных лодок. Создается специальная инфраструктура для воинских частей и гарнизонов, расположенных в Заполярье

Таблица 1. Военный вектор деятельности в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в Арктике в 2014-2020 гг.

Составлено автором на основе: Для арктической группировки войск РФ сформируют две отдельные мотострелковые бригады // <https://tass.ru/armiya-i-opk/1478121> [7]; Россия модернизирует базу для подводок в Арктике // <https://lenta.ru/news/2020/03/18/base/> [20]; Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российские подходы к арктической безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: монография / Отв. ред. О. П. Иванов. М.: Проспект, 2020. С. 321-325 [13]; Журавель В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 58-59 [10].

Следует отметить, что вышеизложенные меры по совершенствованию оборонительных возможностей страны осуществлялись не без регулярных предложений к Альянсу о необходимости восстановления военно-политического диалога. Россия неоднократно акцентировала внимание на важности возобновления встреч начальников Генштабов, сокращения военной

активности близ линий соприкосновения. Дипломатические инициативы не получали содержательного ответа от Североатлантического Альянса.

Четвертый этап (2020 г. – по настоящее время) – это период, обозначивший переход НАТО от менее явного к открытому и более напористому соперничеству с Россией в Арктике. Учитывая откровенное нежелание Альянса выстраивать взаимовыгодный диалог и установившийся рекордно низкий уровень взаимоотношений (или же их полное отсутствие), складывающийся подход вновь находит свое отражение в актуальных редакциях стратегических документов, посвященных или затрагивающих Заполярье. Констатация роста конфликтного потенциала в Арктике и назревающая в этой связи потребность в учете силовых оборонительных возможностей, обеспечивающих военную безопасность, отмечается в утвержденных и обновленных в 2020 г. Основах госполитики России в Арктике [18] и Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [24], а также в принятой в 2022 году актуальной редакции Морской доктрины [17].

Как отметил в мае 2021 года посол по особым поручениям МИД России Н.В. Корчунов, Россия вынуждена и далее учитывать нарастание угроз в военном планировании [4]. Продолжились планы по военному строительству (идет возведение аэродромов Темп и Нагурская, а также блочно-модульных городков [10. С. 59], рассматриваются перспективы создания эскадрильи с новейшими ударными самолетами Су-34 и МиГ-31К [15]. Проводятся военные учения – в значительно меньших масштабах, чем аналогичные маневры НАТО в Арктике.

Дальнейшее развитие ситуации в области безопасности на Крайнем Севере: перспективы и выводы. Следует констатировать, что с наступлением 2022 года и последовавшими с весны усилиями коллективного Запада, связанными с попытками всеобъемлющей изоляции России в системе международных отношений, продолжающийся процесс односторонней реструктуризации баланса сил в Арктике, наиболее отчетливо наблюдаемый с начала второго десятилетия XXI в., получил дополнительный искусственно политизированный импульс и, как следствие, дальнейшую трансформационную интенсификацию. Однако, несмотря на существенный рост конфликтного потенциала и, по справедливой оценке Н.В. Корчунова, смещение в результате возросшей активности НАТО на Крайнем Севере в сторону позиционирования региона как потенциального интернационального театра военных действий [2], представляется, что ситуация в области региональной безопасности, несмотря на резкое обострение, в условиях нарастающего дисбаланса все еще сохраняет относительную стабильность и пока что не выходит за разумные пределы. Кроме того, как отмечает Ю.Я. Белобров, существующие разногласия внутри Альянса между его странами-членами касательно видения как на проблемы региона, так

и на возможности извлечения ресурсов, представляют собой окно возможностей для дипломатических усилий России в выстраивании контактов [3. С. 82].

Однако, предельно общий вектор направленности деятельности НАТО на соперничество с Россией в Арктике, как видится, сохранится и закономерно повлечет за собой новые адекватные, и что крайне важно, исключительно оборонительные меры при обращении к конфигурации вызовов отечественной военной безопасности в Заполярье. В заключение, для аргументации вышеизложенного тезиса о сохранении соперничества на долгосрочную перспективу, представляется необходимым обратить внимание на три ключевых стрессора, определяющих рассматриваемую тенденцию.

Во-первых, в рамках Североатлантического Альянса, вследствие последовательного и осознанного формирования образа врага в лице России, удалось закрепить тезис о «стратегическом вызове» исходящим в результате отечественной деятельности в Арктике, которая, как отмечается, способна «нарушить усиление НАТО». Таковой подход представлен в обновленной редакции центрального для западного военно-политического блока документа – Стратегической концепции НАТО, утвержденной 29 июня 2022 года [26. С. 4].

Во-вторых, близкое к своему завершению вступление Швеции и Финляндии в Альянс, а также настойчивое позиционирование ранее нейтральных стран в качестве весомых рубежей НАТО не только на Балтике, но и в Арктике – сигнализирует о втягивании двух рассматриваемых государств в общую цепочку выстраиваемого соперничества с Россией на Крайнем Севере.

В-третьих, лидер Альянса – США, исходя из контент-анализа актуальных редакций стратегических документов по Арктике, принятых в последние годы и рассчитанных на перспективу, продолжают и далее делать ставку на расширение присутствия и влияния в регионе с опорой на своих союзников по НАТО, использовать их в качестве выгодного геополитического инструмента для поддержания напряженности и соперничества с Россией в Заполярье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Апанасенко В.М., Ознобищев С.К.* Конвенциональные вопросы безопасности в Арктике // Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. А. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
2. Арктика превращается в театр военных действий, заявили в МИД // <https://ria.ru/20220522/arktika-1789986809.html>.
3. *Белобров Ю.Я.* НАТО – курс на дестабилизацию Арктики // *Международная жизнь.* 2022. № 10.

4. В МИД заявили о нарастании потенциальных угроз в Арктике // <https://ria.ru/20210512/arktika-1731921122.html>.

5. ВДВ весной проведут экспериментальные учения в Арктике // <https://ria.ru/20131205/982208727.html>.

6. Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 2014 г.) // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1666152/.

7. Для арктической группировки войск РФ сформируют две отдельные мотострелковые бригады // <https://tass.ru/armiya-i-opk/1478121>.

8. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (15 сентября 2010 г.) // <http://www.kremlin.ru/supplement/707>.

9. *Журавель В.П.* Активизация деятельности стран НАТО в Арктике // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 12.

10. *Журавель В.П.* НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2.

11. *Загорский А.В.* Безопасность в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019.

12. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / Под. ред. И.В. Прокофьева. М.: РИСИ, 2011.

13. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Российские подходы к арктической безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: монография / Отв. ред. О.П. Иванов. М.: Проспект, 2020.

14. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2.

15. *Лавров А., Крецул Р.* В добрый Севморпуть: перехватчики МиГ-31БМ прикроют арктическую трассу // <https://iz.ru/1116095/anton-lavrov-roman-kretcul/v-dobryi-sevmorput-perekhvatchiki-mig-31bm-prikroiut-arkticheskuiu-trassu>.

16. Морская доктрина Российской Федерации (в редакции от 2015 г.) // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf>.

17. Морская доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 июля 2022 г.) // <http://kremlin.ru/acts/bank/48215>.

18. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 5 марта 2020 г.) // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255>.

19. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом

Российской Федерации В.В. Путиным 18 сентября 2008 г. № Пр-1969) // <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNI175I40U0K46x4SsKRHGFUO.pdf>.

20. Россия модернизирует базу для подлодок в Арктике // <https://lenta.ru/news/2020/03/18/base/>.

21. Союстов А. Севернаш: Россия берет Арктику под военный контроль // https://cont.ws/@lexx_xs/164419.

22. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (в редакции от 2015 г.) // <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512310038.pdf>.

23. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (в редакции от 2013 г.) // <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf>.

24. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 26 октября 2020 г.) // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972>.

25. Толстухина А. Международное сотрудничество в Арктике: актуальное состояние и перспективы // <https://interaffairs.ru/news/show/16152>.

26. NATO 2022 Strategic Concept // https://www.nato.int/nato_static_f2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf.

27. Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer on security prospects in the High North // <https://www.nato.int/docu/speech/2009/s090129a.html>.

I.A. ARZHANOV

*PhD Student, International Relations and
Integration Processes Department, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5738-3941*

RUSSIA'S POLICY IN THE CONTEXT OF RIVALRY WITH NATO IN THE ARCTIC REGION: MILITARY-POLITICAL ASPECT⁴

*The Arctic in the XXI century is a region of rapid perturbation changes, with increasing attention to which rivalry is replacing mutually beneficial and valuable cooperation in key and important issues for the international community. The military-political dimension was no exception. The conscious and purposeful course of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) to destabilize the Arctic, implemented for more than 15 years, has led to an increase in the confrontational atmosphere. In the context of the unilateral rivalry being built up by the Alliance, the appeal to the policy of the Russian Federation in the Arctic, the measures taken to protect the national interests of the country are of particular research interest. **The aim of this study** is to identify and reveal the fundamental aspects of Russia's military and political activities in the High North in the context of rival aspirations on the part of NATO in the XXI century. **The goal predetermined the formulation of the following objectives:** 1) to reflect certain key milestones indicating the NATO's rival course being built in the Arctic; 2) on the basis of extensive empirical material to systematize and detail consistently implemented defensive measures to protect the national interests of the country in the Arctic; 3) to determine, taking into account the policy chosen by the countries of the collective West aimed at the comprehensive isolation of Russia on the world stage, possible prospects for further development of the situation in the field of regional security of the High North. **To obtain scientific results, among the main ones, the author used the following methods:** historical descriptive, comparative, content and event analysis. In addition, the task of identifying possible prospects predetermined the appeal to situational analysis and forecasting. **The key result of the research** was the author's concept of phased periodization of Russia's military-political activities in the Arctic, developed and presented in the article. Structured in four main stages, the concept emphasizes the exclusively defensive nature of Russian activity, as well as the non-directionality of the implemented military policy against other states. In conclusion, it is stated that in the long term the rivalry will continue.*

Key words: Russia, NATO, Arctic, security, rivalry.

---

⁴ The study was carried out with financial support from the Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University in the framework of the scientific project "Russia's policy in the context of rivalry with NATO in the Arctic region: military-political aspect".

НАЦЫКЭ БЕЛІКЭ

аспірант кафедры ЮНЕСКО

факультета глобальных процессов

Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА МАЛЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ СЕРБИИ)

В настоящей статье исследуется роль внешней политики малых государств в обеспечении их национального суверенитета на примере Сербии. Автор отмечает, что кризис национальной идентичности малого государства может приобретать различные формы и масштабы, и его преодоление для многих из них предполагает выбор конкурентоспособной и при этом в определенной степени независимой стратегии развития, что в итоге может способствовать сохранению национального суверенитета. В статье дан анализ векторов внешней политики Сербии, начиная с 1990-х гг., с целью показать, каким образом государство управляет своими внешнеполитическими нарративами идентичности, реагируя на меняющийся геополитический курс ЕС в свете динамики конфликта между Россией и Украиной. Сербия уже несколько лет пытается не только доказать свое лидерство в Западных Балканах, но и найти свое место в глобальной геостратегической игре. Она балансирует, иногда весьма рискованно, между крупнейшими мировыми игроками. Внешнюю политику Белграда часто описывают как постоянную борьбу российского и европейского векторов. Современная внешняя политика Сербии рассматривается на нескольких уровнях: как выстраивание нейтралитета с точки зрения своих интересов, связанных с получением политической и дипломатической поддержки от России в рамках партнерства двух стран, и как стратегическая ориентация на членство в ЕС. Автор приходит к выводу, что многовекторность в международной политике Сербии соответствует ее нарративу национальной идентичности и национального суверенитета с учетом возможностей малой европейской страны.

Ключевые слова: внешняя политика, малые государства, Сербия, национальный суверенитет, многовекторность, геополитика.

Существенные изменения геополитического пространства, произошедшие в последнее десятилетие XX века, затронули прежде всего страны бывшего социалистического лагеря. Несмотря на то, что в 1980-х годах Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) имела наиболее дружественные отношения с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) по сравнению с другими социалистическими странами [4], распад государства и гражданские войны 1991-1995 гг. привели к разрыву этих связей. Распад СФРЮ, крах режима С. Милошевича и приход к власти в Союзной Республике Югославия (СРЮ) проевропейски настроенных политических сил в 2000 г. запустили процессы значительных изменений сербского общества и нового витка сближения страны с Европейским Союзом (ЕС).

В 2000-2003 гг. началась кардинальная внутренняя перестройка страны: переход от государственной командно-административной экономики, авторитарной, фактически однопартийной политической системы к рыночной экономике и более демократической, многопартийной, парламентской политической системе. Этот процесс развивался в условиях жесткого политического противостояния между сторонниками авторитаризма, государственного социализма и национализма с внешней ориентацией на Россию, с одной стороны, и сторонниками демократического общества западноевропейского образца с ориентацией на Евросоюз – с другой. В 2000-2006 гг. в Сербии произошло много изменений, которые приближали ее к «копенгагенским критериям» членства в ЕС.

Однако отсутствие национального консенсуса, широкий разброс мнений в отношении видения путей и методов модернизационных реформ и перспектив сближения с ЕС среди представителей общественности и политической элиты повлекли за собой снижение темпов европеизации Сербии в 2004-2006 гг., прекращение в мае 2006 г. переговоров с ЕС о дальнейшем сближении. Сербия оказалась перед необходимостью выбора своего пути цивилизационного развития. В случае выбора ЕС, который предполагал признание Косова и вступление в НАТО, отношения Балкан и Европы создавали бы в регионе клубок противоречий с возможностью «крутых зигзагов как истории, так и современности» [1. С. 119].

Эксперт Фонда Карнеги М. Саморуков обратил внимание на непоследовательность стратегии ЕС в отношении стран Западных Балкан. Неготовность ЕС принять их в свой круг, равно как и неготовность самих балканских стран в полной мере отвечать критериям членства в ЕС создает региональный геополитический вакуум [7].

В научной литературе продолжается дискуссия по поводу целесообразности расширения ЕС в сторону Западных Балкан [12]. Историкографический анализ свидетельствует о целом ряде стратегических проблем, с которыми

сталківаецца Еўрапейскі Союз у рэгіоне. Спусця дзесяцілетця з моманта распада сацыялістычнай Югаславіі праблематіка рэгіянальнай безапаснасці напўняецца дыскурсамі аб адносінах ЕС і Сербіі на фоне такіх вызоваў як міграцыйны крызіс, уплыві внерэгіянальных дзяржаў (Расіі, Турцыі, Кітая), процістаяніе Расіі і ЕС у сувязі з канфліктам на Украіне і яго уплыві на агульную безапаснасць у Еўропе. Событці падобнага маштаба трэбуюць перагляду знешняй палітыкі малых гасударстваў Еўропы ў XXI веку, і ў частнасці Сербіі, з улікам недаўняга вяртання ў сусветны палітычны дыскурс пытання аб фарміраванні і у крупных, і у малых еўрапейскіх дзяржаў іх новай ідэнтычнасці ў мяняючайся знешняй сродзе [5].

У гэтай сувязі Ж.-М. Ріклі актуалізуе разліччя між кооператывнымі і абаронічымі военнымі стратэгіямі малых гасударстваў у перыяд аднаполярнасці пасля «халоднай вайны», асабліва з улікам цякучай неопрэделеннасці ў рашэнні праблемы еўрапейскай безапаснасці. Такія стратэгіі на самам дэле тесна звязаны з тым, што Х. Морітцен і А. Вівель [17] панамаюць, як цэлі малых гасударстваў ў іх стремленні к аўтаноміі ці уплыві на міжнароднай арэне. Як правіла, гэта азначае, што яны стремяцца к безапаснасці і павышэнню свайго аўтарытэта пасредствам вступлення ў саюзы ці выбіраюць прымусна абаронічнюю пазіцыю, прыдэржываюцца пры гэтым военнага нейтралітэта [18]. Пасляднее можна саотнесці з логікай Сербіі, якой яна рыводзіцца ў свайой стратэгіі, пачынаючы з 2000 года: членства ў ЕС і НАТА ці інтэграцыя з ЕС і военны нейтралітэт.

Для ацэнкі перспектыв развіцця цякучага процістаяння на Западных Балканах следуе ўчытаваць, во-первых, то абстаятельства, што нынешнюю неспакойную палітычную сітуацыю ў Еўропе можна разглядваць як вызов аднаполярнасці ЕС і яго партнеру США, і во-вторых, растуцее уплыві Расіі і Турцыі, а такжэ эканамічнае прысутствіе Кітая за прадэламі іх рэгіянаў, ў том лісле, к юго-востку ад Еўропы. У сувязі з чым неабходна крытычны падыход к ізучыню прыроды гэтых палітычных феноменаў.

Безумоўна, сегоднё ЕС яўляецца «ключавым стратэгічным прыорытэтам» во знешняй палітыке Сербіі, неспрама на провозглашаннае ёю военны нейтралітэт і стратэгію «чатырех столпаў» знешняй палітыкі, якая прызнае важнасць хорашых адносінаў з ЕС, США, Расіяй і Кітаем. К. Хаугевік і П. Рікер адзначаюць, што у небабльшых еўрапейскіх гасударстваў тэпер ёсць выбар, які вар'іруецца «між формальнай аўтаноміяй і інтэграцыяй і між нерашчальнасцю дэ-факта і спосабнасцю к аааптацыі» [16]. У гэтым смысле знешняя палітыка Сербіі прадстаўляе сабой пастаянныя паяткі дабчыцца ббльшай незавісамасці ад свайх формальных абязальстваў па інтэграцыі з ЕС з улікам ёе дружэственнае пазіцыі

в отношении Российской Федерации. Сближение Сербии со странами ЕС всегда шло параллельно с активным политическим диалогом с Россией. Сербия была и остается главным союзником русских на Балканах.

Белграду, несмотря на серьезные потрясения рубежа XX-XXI вв. (разрушение Югославии, бомбардировки НАТО, «развод» с Черногорией, создание «Республики Косово»), удается балансировать между двумя главными полюсами притяжения – ЕС и Россией, что вполне укладывается в концепцию многовекторности. В официальном международном дискурсе вступление в ЕС остается главным внешнеполитическим приоритетом Сербии, что согласуется и с объемом торговли со странами ЕС, который составляет 64,5% [14]. Сохранение евроинтеграционного курса Сербии подтверждает ее заинтересованность в таких проектах как «Малый Шенген», «Открытые Балканы», в формировании таможенных, экономических, транспортных рынков, которые не только усиливают региональное сотрудничество, но и способствуют дальнейшей евроинтеграции всего региона.

В абсолютных цифрах объем торговли между Сербией и Евросоюзом в 2021 году составил 59,3 млрд евро, что на 29,8% больше показателей 2020 года. С Россией торговый оборот достигает всего 2,8 млрд евро, а рост не превышает 13,1%. Россия занимает пятое-шестое место среди торговых партнеров Сербии – после Германии, Италии, Боснии, Румынии и Венгрии. За десять последних лет объемы инвестиций Евросоюза в сербскую экономику составили 3,4 млрд евро, КНР – 1,6 млрд, России – 1,4 млрд евро [8].

6 апреля 2006 г. сербское правительство приняло важный документ «План имплементации приоритетов европейского партнерства» [5]. Но в тот период в центре внимания сербского общества находились уже не столько проблемы институциональной трансформации Сербии, сколько проблемы ее сотрудничества с Гаагским трибуналом, и особенно вопрос о статусе автономного края Косово и Метохии.

Переговоры между Белградом и Приштиной шли в Брюсселе при посредничестве ЕС и с перерывами продолжались с 2011 по 2020 год. Долгое время стимулом для развития брюссельского процесса служило эвентуальное членство Сербии в ЕС. Сербия начала переговоры о вступлении в Евросоюз в 2014 году. Однако процесс продвигается медленно: страна проработала 18 из 35 глав переговорной программы, выполнив всего два условия. По большому счету Сербии как стране-кандидату для полноправного членства достаточно было признать независимость Косова. Очевидно, что Сербия, сосредоточив свою внешнюю политику на статусе Косова, замедлила интеграцию с ЕС. Впрочем, с риторикой еврочиновников о приостановлении расширения ЕС угасал и энтузиазм участников процесса к нормализации отношений между Белградом и Приштиной. Хоть и медленно, но поддержка евроинтеграционных стремлений уменьшается и среди населения Сербии, по последним данным соцопросов она составляет уже менее 50%.

При всей географической, исторической, культурной и экономической предопределенности европейской интеграции окончательный выбор Сербии отягощен не только необходимостью признания «Республики Косово», но и еще одним принципиально важным моментом – включением в военно-политический блок НАТО. Ситуацию усугубляют попытки ЕС активно вмешиваться во внешнюю и внутреннюю политику Сербии, как и ее соседей, опасющихся территориальных споров на своих территориях (например, Испании и Кипра, которые входят в число стран, не признавших независимость Косова). Естественным противовесом евроатлантическому давлению на Белград выступает Россия, обладающая уникальными политическими возможностями и не претендующая, в отличие от ЕС, на роль «империи по приглашению» [6. С. 89-90].

В предыдущем десятилетии при выстраивании контактов с ЕС и Россией официальный Белград проводил сбалансированную политику в попытке сохранить хорошие отношения с Брюсселем и при этом заручиться дипломатической поддержкой Москвы при блокировании Сербией попыток Косова стать полноценным членом международного сообщества. Так, в 2018 году, по случаю 180-летия дипломатических отношений между Россией и Сербией, министрами иностранных дел двух стран была опубликована статья, в которой определялись «масштабные задачи по дальнейшему изучению поистине безграничного потенциала российско-сербского партнерства» на основе «вековых традиций дружбы и доверия» [20]. Двойственность положения страны, заставляющая лавировать между Европой и Россией, стимулирует поддержание Сербией политики нейтралитета.

В таких геополитических условиях для малой страны сохраняются постоянные вызовы ее историческому нарративу идентичности. Кризис идентичности малых стран может приобретать различные формы и масштабы, и необходимость преодоления этого кризиса сегодня означает не только выбор адекватного ситуации вектора стратегического развития, но и решение проблемы сохранения национального суверенитета. Этот фактор можно расценивать как тормоз для процесса вступления Сербии в ЕС. Для страны стратегический выбор осложнен политикой двойных стандартов коллективного Запада, в том числе в вопросе о Косово. Как сказал президент Сербии, Александр Вучич: «мы слишком малы, чтобы кому-то угрожать... Интересы Сербии – это мир и стабильность. Сегодня Сербия является одной из немногих стран, глубоко уважающих международное публичное право, в отличие от Запада, громко призывающего к т.н. нерушимости границ» [2]. По его мнению, украинский кризис особенно показателен для Сербии в том смысле, что если действия Украины «ведут ее в НАТО», то для Сербии важно сохранять военный нейтралитет и независимость: «Если кто-то считает, что мы будем на побегушках в той или иной

стороне, то такая политика ведет нас прямо в пропасть. Наша политика взвешенная, ответственная и отвечает интересам Сербии и ее граждан» [2].

Следует обратить внимание на тот факт, что к 2022 году возросло влияние как в политическом, так и в экономическом отношении на малые европейские государства региональных акторов, прежде всего таких как Россия, Турция, Китай. Что касается Китая, что при всей его экономической значимости китайское присутствие в этом регионе важно и с геополитической точки зрения: для Сербии Пекин является альтернативой «безусловному подчинению евроатлантическому миру», ибо «не представляет угрозу ни в качестве гегемона, ни в качестве радикальной силы или спойлера» [9. С. 15]. В центре внимания двух стран находится проект «Один пояс, один путь», глобальная инициатива Китая, которая реализуется с 2013 года и будет завершена в 2049 году, к столетию провозглашения Китайской Народной Республики. Этот проект должен обеспечить экспансию Китая в разные регионы мира – не только торгово-экономическую, но и политическую. Сербия находится на пути Китая к Центральной и Восточной Европе, что выгодно для обеих стран. Однако товарооборот между Сербией и Китаем растет не слишком динамично – по некоторым данным, с 1,48 млрд долларов в 2011 году до 3,6 млрд долларов в 2021 году [8]. При этом Сербия рассматривает КНР как страну, с помощью которой она может диверсифицировать источники приобретения вооружения и получить инвестиции, а также улучшить свою транспортную инфраструктуру [8].

Но если Китай неуклонно расширяет свое экономическое присутствие в этих странах, то Европейский союз по-прежнему остается их главным стратегическим приоритетом, особенно в условиях проведения Россией на Украине Специальной военной операции (СВО). Политика в регионе по-прежнему однополярна, хотя кризис расширения ЕС и ухудшение его отношений с Россией после 2014 г. усилили в малых европейских государствах восприятие роли России как катализатора политических процессов [11]. Значительная часть сербов выступила за так называемый «восточный вектор интеграции» – Таможенный союз, Единое экономическое пространство с Россией, Беларусью и Украиной. Важно отметить, что в решении проблемы Косова часть сербского общества и политической элиты возлагала надежду на поддержку и помощь не ЕС, а именно России. С началом СВО авторитет и влияние России в Сербии снова усилились.

Анализ внешнеполитической стратегии Сербии в контексте ее евро(атлантической) интеграции и ее реакции на то, что В. Самохвалов называет «российско-украинско-европейским» кризисом, который стал причиной «беспрецедентного ухудшения российско-западных отношений» из-за аннексии Крыма и последующей военной операции России в Украине [19], свидетельствует о том, что конфликт на Украине является серьезным испытанием для провозглашенной Сербией политики нейтралитета и ее

взвешенной позиции. Такая позиция вынуждает Сербию увязывать свой сознательный «невыбор» стороны конфликта с необходимостью окончательного согласования и выполнения требований для кандидатов в члены ЕС.

Руководство Сербии поддерживает этот сложный баланс с 2014 г., а в 2015 г., в период своего председательства в ОБСЕ, предпринимала попытки играть роль посредника в урегулировании российско-украинского вопроса. Такой подход на уровне государственной политики позволил Сербии поддерживать нейтральную позицию, но ее вклад в достижение компромисса на минских переговорах был довольно скромным. Сербия высказывается в поддержку принципа территориальной целостности государств. Украина, в свою очередь, не признала провозглашение независимости Косова, что важно для Сербии, озабоченной своим суверенитетом. В то же время Сербия не поддерживает санкции ЕС в отношении России. Это твердая официальная позиция Белграда, отражающая жесткие ограничения, которых вынужден придерживаться в своих попытках сохранить порядок внутри страны и суверенитет на международной арене с учетом конфликта интересов множества сторон.

Вместе с тем роль, которую играет Сербия, представляется не вполне соответствующей ее возможностям, но, очевидно, соответствует характеру кризиса ее идентичности, связанного с нерешенной проблемой статуса Косова, являющейся ключевой в повестке дня страны. В то же время благодаря этой «балансировке» Сербия смогла включиться в геополитическую игру и выиграла в тактике, что можно рассматривать как награду за успешную многовекторность в международных отношениях. Вопрос в том, как долго такая политика сможет сохраняться в среднесрочной перспективе. По косовской проблеме уже предложен приемлемый для заинтересованных сторон выход без ущерба для международного порядка (Брюссельские соглашения о нормализации отношений между Белградом и Приштиной от 19 апреля 2013 года). Но окончательное решение этого вопроса зависит от выбора стратегии, которой будут придерживаться Россия и ЕС в плане расширения своего влияния в регионе.

Очевидно, что анализ текущей ситуации в международной политике необходим для понимания динамики изменений позиции постюгославских стран и их реакции на глобальные вызовы, такие как противостояние ЕС и России, конфликт на Украине, и на прогнозирование их политического будущего.

Некоторые эксперты прослеживают тенденции к смещению геополитических устремлений малых стран Юго-восточной Европы в сторону влияния крупных игроков, таких как Китай, Россия, Турция и Соединенные Штаты [10]. Подобный подход, однако, не принимает во внимание частные аспекты, а лишь в целом подтверждает, что у малых государств нет

иного выбора, кроме как придерживаться проекта европейской интеграции как наиболее жизнеспособного из всех предлагаемых, несмотря на выступления его противников. Иными словами, можно утверждать, что интеграция может зависеть от отношений и институциональных процессов в ЕС или от других, более сильных геополитических акторов, таких как Россия и Китай, которые могут оказывать реальное влияние на региональные или двухсторонние отношения.

В настоящее время позиция Сербии, придерживающейся политики военного нейтралитета и максимально возможного государственного суверенитета в условиях современной Европы, может подвергнуться испытаниям ввиду перманентного процесса интеграции Сербии с ЕС. Страна может столкнуться с последствиями такой стратегии на фоне расширения стратегического партнерства с Россией в условиях украинского кризиса и СВО. Однако, как отметил Филип Эйдус, нейтральную позицию Сербии следует рассматривать как действие, направленное на соблюдение ее интересов, в то время как сохранение этой страной своей идентичности можно считать, как причиной, так и следствием ее геополитической стратегии [13]. По сути, этой стране предстоит выбор между корректировкой своего подхода к собственной идентичности и образу действия и отказом от того, чтобы принять сторону ЕС или России. Парадоксальная, на первый взгляд, позиция Сербии в отношении территориальной целостности Украины формально объясняется поддержкой принципов международного права и Устава ООН при сохранении недопустимости санкций ЕС против России по соображениям национальной безопасности.

На основании вышесказанного можно резюмировать, что в текущей ситуации для Сербии важно не растерять свои позиции во внешней политике, а, наоборот, стать своего рода медиатором, добиваясь альтернативного разрешения споров между главными евразийскими стратегическими партнерами – ЕС и РФ [20]. Оппозиционные политические силы Сербии подчеркивают, что сотрудничество и членство в ЕС могут спровоцировать возникновение новых проблем с одним из ведущих партнеров – Россией [3. С. 8]. По их мнению, вступление стран в состав ЕС – привлекательная перспектива, но не для Сербии. Главным аргументом оппозиции является пример Великобритании и Греции, которые посредством членства в Союзе не удовлетворили собственные государственные нужды и не обеспечили стабильность информационной защиты. С другой стороны, оппозиция подталкивает Сербию к активному диалогу с ЕС и созданию зоны свободной торговли в рамках ЕАЭС (Евразийского экономического союза), что подразумевает создание мощного наднационального объединения.

Выводы. В условиях, когда классические критерии могущества государств на мировой арене и обеспечения их реального суверенитета размываются (военный, экономический потенциал и т.п.), и на одну из важнейших

позицій выходзя такія як внутрыполітычная стабільнасць, сплоченнасць, устойлівасць, політычнае ўплыванне і імідж гасударства за межавамі тэрыторыі краіны, а такжэ дыпламатычныя ўспехі, малыя гасударства палучаюць шанса на самастойнасць і адносна незалежнасць. Як паказывае вопыт Сербіі, політыка захавання нацыянальнага суверенітэта малых еўрапейскіх гасударстваў залежыць як ад часовых фактараў, так і ад доўгасрочнай стратэгіі. Для Сербіі жыццёва важна падтрымліваць баланс інтарэсаў у рэгіёне, псколькі гэта пазваляе ёй рэалізавываць свой нацыянальны нарратыв ідэнтычнасці, ўчытваючы яе арыентацыю на ЕС, но пры гэтым захаванні традыцыйна дружэственныя адносіны з другімі краінамі і, пражэе ўсёга, з Расіяй.

Важна падчэркнуць, што многавекторнасць у міжнароднай політыцы Сербіі адпавядае яе стратэгіі нацыянальнай суверенізацыі з ўчытом рэальных магчымасцей малой еўрапейскай краіны. Аднакочевідна, што рэалізацыя гэтай ідэнтычнасці ў кантэкстае глабальнай політыкі стане больш складнай па мере прадвжэння Сербіі к членству ў ЕС, асабодна з тчыкі зрэння гарманізацыі адносінаў са краінамі-членамі ЕС, што стане праверкай актуальнасці яе нннешняй пазіцыі ваеннага нейтралітэта. Палітыка многавекторнасці явяляецца політыкай выжывання, якая пазваляе не толькі захаванні статус-кво ў самым чувствітэльным – косавскім – вопсе і там самым адодвннуць на неадрэдаваны тэрмін вступленне ў ваенна-політычыскі блок НАТА, но і абеспечыць эканамічыскі і ваенна-тэхнічыскі фундамент будучых дасягненняў. Пры ўсёй імеючайся крытыцы данная канцэпцыя можа стаць для Сербіі магчымасцю выхаду з тупіка стратэгічыскай уязымасці і захаванні на бліжэйшую перспектыву нейтралітэт у політычыскай і ваенна-стратэгічыскай сферах.

БІБЛІОГРАФІЧЭСКІ СПІСОК:

1. *Вішняков Я.В., Пономарева Е.Г.* Сербія на Балканах: ізобретение «порохового погреба Европы» // Современная Европа. 2018. № 7.
2. Выступленне А. Вучыча на 8-м сімпозіуме аналітычыскіх цэнтраў Кітай – краіны ЦВЕ. 2022 // <http://www.beijing.mfa.gov.rs/cir/news.php>.
3. Ковачевіч. А. Економскі односі Србіје са ЕУ. Београд: Універсітет у Београду. Економскі факултет, 2012.
4. *Отношения между Serbia and the EU* // www.fefa.edu.rs/.../sveska02RelationsBetween...
5. План для ісполнення еўрапейскіх партнёраў priority // <http://www.esiweb.org/pdf>.
6. *Пономарева Е.Г., Младеновіч М.* Сербія: многавекторнасць як выхад з тупіка стратэгічыскай уязымасці // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 1.

7. Саморуков М. Западные Балканы без ЕС. Что это означает для России? // <https://carnegie.ru/commentary/80659>.

8. Цибульник В. Многовекторная Сербия: что формирует внешнюю политику Белграда и где границы его дружбы с Россией. 2022 // <https://vaseljenska.net/2022/07/30/visevektorska-srbija-sta-oblikuje-spoljnu-politiku-beograda-i-gde-su-granice-njegovog-prijateljstva-sa-rusijom/>.

9. Энтина Е., Пивоваренко А., Новакович Д. Куда идут Балканы? / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2018 // <http://ru.valdaiclub.com/files/21567/>.

10. Babić M. Izazovi geopolitičkih koncepcija na Balkanu: Slučaj Srbije. Challenges of Geopolitical conceptions in the Balkans: the case of Serbia. Međunarodna politika. 2018. № 69 (1169).

11. Bechev D. Rival Power: Russia in Southeast Power. New Haven: Yale University Press, 2017.

12. David D., Wunsch N. Sollte eine EU einen Erweiterungsstope in legen? // <https://www.internationalepolitik.de/de/sollte-die-eu-einen-erweiterungsstopp-ein-legen>.

13. Ejdus F. Beyond National Interests: Identity Conflict and Serbia's Neutrality toward the Crisis in Ukraine. Südosteuropa. 2014. № 62 (3).

14. European Commission. European Union, Trade in Goods with Serbia. 2018 // http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2008/august/tradoc_140028.pdf.

15. Guzzini S. ed. Return of Geopolitics in Europe: Social Mechanisms and Foreign Policy Identity Crises. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

16. Haugevik K., Rieker P. Autonomy or Integration? Small-State Responses to a Changing European Security Landscape // Global Affairs. 2017. № 3 (3) // https://www.paragraf.rs/propisi/strategija_razvoja_informacionog_drustva_u_republici_srbiji.html.

17. Mouritzen H. and A. Wivel eds. The Geopolitics of Euro-Atlantic Integration: Europe and the Nation State. London: Routledge, 2005.

18. Rickli J.M. European Small States' Military Policies after the Cold War: From Territorial to Niche Strategies // Cambridge Review of International Affairs. 2008. № 21 (3).

19. Samokhvalov V. Russian-European Relations in the Balkans and Black Sea Region: Great Power Identity and the Idea of Europe. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2017.

20. Strategija razvoja informacionog društva u Republici Srbiji do 2020. godine, 2010, Službeni Glasnik Republike Srbije // http://paragraf.rs/propisi/strategija_razvoja_informacionog_drustva_u_republici_srbiji.htm.

21. Tass. Serbia to Strengthen Relations with Russia, China, Says President. May 21, 2018 // <http://tass.com/world/1005578>.

NAZIKE BIELIKE

*PhD student, UNESCO Chair,
Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

THE POLICY OF PRESERVING THE NATIONAL SOVEREIGNTY OF SMALL EUROPEAN STATES (BY THE EXAMPLE OF SERBIA)

This article examines the role of the foreign policy of small states in determining their national sovereignty on the example of Serbia. The author notes that the crisis of the national identity of a small state can take on various forms and scales, and overcoming it for many of them involves the choice of a competitive and, at the same time, to a certain extent, independent development strategy, which ultimately can contribute to the preservation of national sovereignty. The article analyzes the vectors of Serbian foreign policy since the 1990s in order to show how the state manages its foreign policy narratives of identity, reacting to the changing geopolitical course of the EU in the light of the dynamics of the conflict between Russia and Ukraine. Serbia has been trying for several years not only to prove its leadership in the Western Balkans, but also to find its place in the global geostrategic game. It balances, sometimes quite riskily, among the world's largest players. Belgrade's foreign policy is often described as a constant struggle between the Russian and European vectors. The modern foreign policy of Serbia is considered at several levels: as building neutrality from the point of view of its interests related to obtaining political and diplomatic support from Russia within the framework of the partnership between the two countries, and as a strategic orientation towards EU membership. The author comes to the conclusion that the multi-vector nature of Serbia's international politics corresponds to its narrative of national identity and national sovereignty, taking into account the capabilities of a small European country.

Key words: *foreign policy, small states, Serbia, national sovereignty, multi-vector approach, geopolitics.*

ЯНЧА ТУАСА СЕГУНДО ЭЛИАС
аспирант Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

Е.А. БОГДАНОВА
магистрант Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

АННА ЛЮБА ЯКУСИК СЛОБОДЮК
магистрант Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва

ДИНАМИКА ДОЛЛАРИЗАЦИИ ЭКВАДОРА 22 ГОДА СПУСТЯ

Долларизация, внедрение которой в Эквадоре началось в 2000 году, ввела новый денежный и валютный режим в разгар широких политических и экономических конфликтов, и 22 года спустя мы задаемся вопросом, оправдались ли теоретические утверждения о последствиях долларизации. В этом исследовании анализируется влияние долларизации на тенденции и волатильность основных макроэкономических агрегатов, таких как уровень инфляции, экономический рост (анализируемый по волатильности ВВП) и взаимодействие экономики Эквадора с международными экономиками, для чего проводится диагностика платежного баланса. Полученные результаты свидетельствуют о том, что инфляция близка к установленным в начале долларизации теоретическим показателям снижения ее темпов и в последние годы даже показывают негативную тенденцию, возможные последствия которой вызывают опасения, и которая, вероятно, не происходит в случае экономического роста. В частности, динамическое поведение обеих переменных предполагает, что может существовать риск долговой дефляции и низкого экономического роста в будущем. Что касается платежного баланса Эквадора, то очевидно положительное сальдо с выраженными периодами дефицита, если учесть, что при долларизации национальный производственный аппарат не претерпел существенных изменений, а напротив, продолжает зависеть от экспорта традиционных продуктов, например, нефти.

Ключевые слова: *экономический рост, инфляция, валовой внутренний продукт (ВВП), долларизация, платежный баланс (сальдо), макроэкономические переменные.*

За последние десятилетия Эквадор был подвержен воздействию как внешних, так и внутренних неблагоприятных факторов, оказавших существенное влияние на экономику страны. В частности, стоит упомянуть, что за годы, предшествовавшие долларизации, начиная с 1990, страна пережила события, которые способствовали формированию социальной и макроэкономической среды слабой национальной экономики. Среди этих событий – Перуано-эквадорская война (Альто-Сенепа), завершившаяся подписанием мира между Эквадором и Перу в 1998 г. Также, всего за 6 лет было подписано два соглашения о займах с Международным валютным фондом (МВФ), первое из которых – 1994 Stand By – частично исполнено после выплаты в 99 млн специальных прав заимствования (СДР). Второе подписано в 2000 г. на сумму 270 млн СДР.

К этому долгу прибавилось природное явление Эль-Ниньо (1997-1998 гг.), которое погубило большую часть сельскохозяйственной продукции, предназначенной на экспорт. Явление сопровождалось падением цен на нефть с 15 до 9 долларов США, политическим кризисом, повлекшим смену президента и усложнившим функционирование институтов государственного управления. К этим факторам присоединился сильнейший финансовый кризис, ударивший по экономике Эквадора.

Все вышеперечисленное привело к тому, что в январе 2000 года страна пошла по пути долларизации национальной экономики. Функции национальной валюты «сукре» перешли к доллару США, который стал платежным средством, средством сбережения и расчетной единицей.

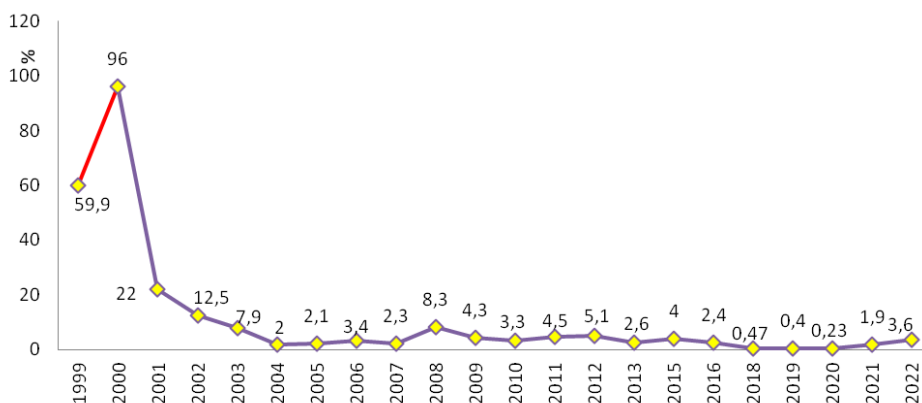
Со времени внедрения долларизации экономики Эквадора прошло 22 года, что заставляет нас задаться вопросом, что же произошло с национальной экономикой за указанный период времени. В начале процесса долларизации заявлялось, что, благодаря этой мере будет повышение производительности. Девальвация была невозможна, поэтому единственное, что могла сделать страна для поддержания своей конкурентоспособности на международном рынке, – это повысить производительность национальной экономики за счет использования технологических инноваций и высококвалифицированной рабочей силы. Предполагалось достижение поставленных целей в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Итак, в этой статье мы попытаемся дать максимально объективную оценку тому, были ли достигнуты цели, обозначенные в начале долларизации экономики Эквадора, на основании макроэкономических показателей национальной экономики.

Чтобы определить влияние долларизации на макроэкономические показатели, обратимся к исследованию Эдвардса и Махендсо, согласно которому в странах с долларизированной экономикой, как правило, значительно более низкие темпы инфляции и экономического роста и тот же уровень волатильности, что и в странах с недолларизированной экономикой. Авторы предполагают, что более низкие темпы роста в странах с долларизированной экономикой объясняются, по крайней мере частично, трудностями, с которыми эти страны сталкиваются в преодолении влияния внешних неблагоприятных факторов, связанных с условиями торговли и потоками капитала [9].

Сочетанное влияние факторов долларизации на макроэкономические переменные в экономике Эквадора. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что долларизация может означать снижение инфляции, а может и увеличить волатильность макроэкономических агрегатов. Для этого проанализируем, теперь, динамику уровней инфляции и экономического роста на основе изменения ВВП в условиях долларизации.

Рисунок 1. Динамика уровня инфляции в Эквадоре в 2000-2022 гг., в процентах, по данным Центрального банка Эквадора (график составлен автором статьи)

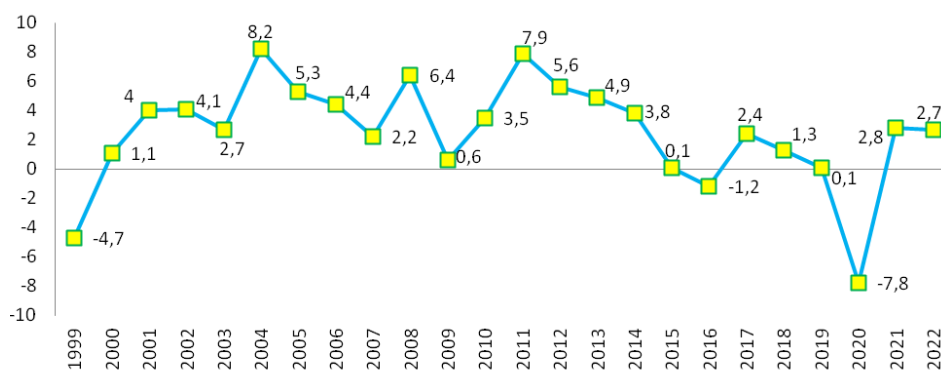
На графике изображено изменение уровня инфляции в годовом исчислении, где наивысшей точкой отмечено начало долларизации экономики в 2000 году. Затем наблюдается неуклонное снижение темпов, а самое низкое значение – менее 1% – зарегистрировано в 2020 году. На последний показатель стоит обратить внимание в условиях риска дефляции долга – по итогам 2020 года уровень инфляции составил 0,23%.

Такие низкие темпы инфляции и даже дефляции объясняются тем, что пандемия COVID-19, среди прочего, резко ограничила потребление, парализовала производство и вызвала падение импорта, став причиной сокращения кредитования, совокупного спроса и сохранения негативной

динамики инфляции. Это отражает уже совершенно иное положение вещей, нежели то, что наблюдалось в начале процесса долларизации экономики Эквадора.

Исходя из этих данных, велика вероятность того, что производители не будут стремиться к повышению производительности, а напротив, им будет выгоднее сократить производство вместе с рабочей силой. В этой ситуации важен процесс восстановления экономики, причем не только за счет государственных расходов, но и благодаря поощрению потребления домохозяйств и продвижению государственно-частного партнерства [10].

Таким образом, можно заключить, что долларизация привела к довольно низким и стабильным темпам инфляции, и как следствие, к снижению волатильности инфляции, как и прогнозировалось в теоретическом исследовании, упомянутом выше. Однако эти факторы не означают устойчивого роста экономики Эквадора, который изображен на следующем графике, где наблюдается волатильность валового внутреннего продукта (ВВП).

Рисунок 2. Динамика ВВП в Эквадоре в 2000-2022 гг., в процентах, по данным Центрального банка Эквадора (график составлен автором статьи)

На графике изображены показатели темпов изменчивости ВВП, отображающие волатильность темпов роста экономики Эквадора. Самое низкое значение наблюдается в 2020 году (-7,8%) и оно заслуживает особого внимания в связи с тем, что пандемия коронавируса напрямую отрицательно отразилась на показателях мировых экономик, затруднив нормальную мобильность людей и нормальное функционирование производственных экономических процессов на глобальном уровне.

В случае Эквадора, наблюдаемое снижение связано, в основном, с сокращением иностранных инвестиций, сокращением расходов на конечное потребление домашних хозяйств, общим сокращением государственных расходов на конечное потребление, сокращением экспорта товаров и услуг, а также, сокращением импорта.

Преодолев пандемию COVID-19, экономика Эквадора постепенно восстанавливается, поэтому к 2021 году она достигает небольшого роста в 2,8%, который отразил восстановление как национальной экономики, так и экономик других стран мира. Однако в 2022 году этот незначительный рост снова снижается до 2,7%, в основном, из-за пагубных последствий социальных потрясений по причине разногласий населения с действующей властью.

Снижение темпов роста ВВП в 0,1% в годовом исчислении стало результатом сокращения государственных расходов (-1,6%), валового накопления основного капитала (-2,1%) и импорта (-4,1%), в то время как потребление домашних хозяйств немного увеличилось – на 0,3%, а экспорт вырос на 2,6% [6].

Показатели ВВП, изображенные на графике, позволяют нам увидеть динамику волатильности роста экономики Эквадора. Рост составляет в среднем 2,7% в год после долларизации по сравнению с 1,9% в период до долларизации, что говорит о том, что долларизация не представляет значительного риска для экономики.

Таким образом, теоретические утверждения о последствиях долларизации кажутся верными в случае инфляции, но не обязательно в случае экономического роста. В частности, поведение обеих переменных предполагает, что возможен риск низкого экономического роста в будущем.

Это тревожное явление указывает на то, что экономика не генерирует достаточных ресурсов для повышения благосостояния будущих поколений.

Взаимодействие с миром. Взаимодействие национальной и мировой экономик после долларизации в Эквадоре дает доходы государству. Это позволило сохранить новую денежную схему, принятую Эквадором на вооружение в 2000 году.

По нашему мнению, долларизация не держалась на внутренних процессах в стране. Эквадору, скорее, удалось поддерживать ее при помощи «аппарата искусственного дыхания», подпитываемого потоками долларов из-за рубежа, полученных за счет экспорта (особенно нефти), денежных переводов от мигрантов, внешнего долга и иных источников. Согласно данным ЦБЭ, в период с 2000 по 2021 год в Эквадор поступило 141,6 млрд долларов США от экспорта сырой нефти, а также 48,9 млрд долларов США в виде денежных переводов от мигрантов, проживающих, в основном, в Испании, США и Италии. А с 2014 года поступления начались за счет внешнего долга, размер которого в 2019 году составил 41,5 млрд долларов США [1. С. 23].

Принимая во внимание вышеизложенное, мы утверждаем, что торговые связи с традиционными торговыми партнерами и другими экономиками мира, такими как Россия и Китай, сохранились после проведения долларизации. Характер таких взаимодействий определяет поведение платежного баланса как индикатора взаимоотношений экономики Эквадора

с экономикой остального мира, поэтому за этим показателем важно пристально следить.

Цифры, зарегистрированные на платежном балансе Эквадора и отражающие оборот валютных средств в результате международных экономических отношений, показывают положительное сальдо с выраженными периодами дефицита. К сожалению, остается ясным, что экспорт сырой нефти был, есть и еще долго будет решающим элементом поддержания платежного баланса, поскольку национальная экономика по-прежнему сильно зависит от этого продукта.

Эта зависимость оказывает особое влияние на показатели внешнего сектора экономики. Таким образом, значение производительности и системной конкурентоспособности особенно важно для поддержания денежно-кредитной схемы в долгосрочной перспективе.

Независимо от причин наличия внешних диспропорций в экономике Эквадора, у нее отсутствуют инструменты экономической политики, которые помогли бы исправить эти несоответствия. Невозможность изменения обменного курса и ограниченное использование тарифных и паратарифных барьеров вследствие действующих торговых соглашений не позволяют четко и оперативно реагировать на ситуацию и принимать меры, направленные на ее исправление.

Решением этой проблемы могло бы стать возобновление эмиссии национальной валюты, а вместе с ней – курсовая политика и растущий бюджетный дефицит, финансируемый за счет внутреннего государственного долга. Но это предмет будущих исследований.

Выводы. Теоретические утверждения о последствиях долларизации кажутся верными в случае инфляции, но не обязательно в случае экономического роста. В частности, поведение обеих переменных предполагает, что возможен риск низкого экономического роста в будущем.

Что касается экономического роста, то данные были неоднозначными. Хотя показатели роста в период долларизации выше, чем в годы, предшествовавшие ей, они, тем не менее, ниже, чем в 1960-х и 1970-х годах, когда национальной валютой был сукре. Это говорит о том, что долларизированная экономика не обязательно показывает исключительный рост.

Из всех факторов, которые могут быть учтены для оценки эффективности внешнего сектора экономики, наиболее важным являются те, что связаны с ее производительностью. Более продуктивная экономика будет более конкурентоспособной на международном рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акоста А., Кахас Х.* «Эквадор... 20 лет – не срок. Два десятилетия после мифа долларизации» // Журнал «Экономика». май 2020 г. Т. 72. № 115.

2. Вера В., Де-ла-Торре К. «Мощные деньги в долларизированной экономике». Изд. «Экономические вопросы». Т. 28. № 2.
3. Паредес Г. «Эквадор. Зачем выходить из долларизации?» // Журнал ЭКЛАК. 2017 г. № 121.
4. Паредес П.Л. «Долларизация за пределами денежной стабильности» // Журнал «Экономика». 2016. № 68 (108).
5. Тосканини М., Лано Маса М., Бустаманте М.А. «Долларизация в Эквадоре. Макроэкономические результаты двух последних десятилетий». Гуаякиль: Католический университет города Сантьяго-де-Гуаякиль, октябрь 2020 г.
6. Центральный банк Эквадора «Экономика Эквадора замедлилась из-за протестов в июне 2022 года» // <https://www.bce.fin.ec/index.php/boletines-de-prensa-archivo/item/1519-la-economia-ecuatoriana-se-desacelero-por-las-paralizaciones-de-junio-de-2022>.
7. Центральный банк Эквадора. Ежемесячные статистические данные. 2019 // bce.fin.ec/home1/estadisticas/bolmensual/IEMensual.jsp.
8. Шульдт Ю., Акоста А. «От официальной долларизации к собственной валюте. Предложение для Эквадора», рабочий документ. Междисциплинарный центр изучения государственной политики, 2017 г.
9. Эдвардс С., Махендсо И. «Долларизация и экономические показатели: что мы знаем на самом деле?» // Международный финансово-экономический журнал. 2003. Т. 8. № 4.
10. ЭЛЬ-УНИВЕРСО (Вселенная) «Национальный институт статистики и переписи: Эквадор завершает 2020 год с отрицательной инфляцией в 1,50%» // <https://www.eluniverso.com/noticias/2021/01/07/nota/9316303/inflacion-ecuador-2020-indice-negativo-enero-2021/>.

YANCHA TUASA SEGUNDO ELIAS

*Post-graduate student of Peoples'
Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

E.A. BOGDANOVA

*Master student of Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

ANA LUBA YAKUSIK SLOBODIUK

*Master of Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

DYNAMICS OF DOLLARIZATION IN ECUADOR 22 YEARS LATER

Dollarization, whose implementation in Ecuador began in 2000, introduced a new monetary and exchange rate regime in the midst of a wide political and economic controversy, 22 years later we wonder if the theoretical postulates about the effects of dollarization have been fulfilled or not. To answer these concerns, this study analyzes the effects of dollarization on the trend and volatility of key macroeconomic aggregates such as inflation rates, economic growth (analyzed under the volatility of GDP) and the interaction of the Ecuadorian economy with international economies for which a diagnosis of the balance of payments is made.

The results indicate that inflation it's coming the theoretical postulates established at the beginning of dollarization of reduce its rates and in recent years has even experienced a negative trend that worries about its possible consequences, while in the case of economic growth it does not necessarily seem to be fulfilled. In particular, the dynamic behavior of both variables suggests that there could be a risk of debt deflation and low future economic growth. As for Ecuador's balance of payments, there is evidence of a favorable balance with marked periods of deficit, making it clear that with dollarization the national productive apparatus did not experience a significant change, on the contrary, it continues to depend on the export of traditional products such as oil.

Key words: *economic growth, inflation, Gross Domestic Product, dollarization, balance of payments, macroeconomic variables.*

ВАН СИНЬ

аспирант кафедры геополитики
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Актуальность темы обусловлена тем, что за последние годы китайская инициатива «Один пояс, один путь» превратилась из концепции в действие и получила положительный отклик и поддержку со стороны международного сообщества. Проект «Один пояс, один путь» стал самой обширной и крупной платформой международного сотрудничества в мире на сегодняшний день, превратившись из мечты в реальность, принеся огромные возможности и дивиденды странам всего мира.

***Цель исследования** – рассмотреть инициативу «Один пояс, один путь» с точки зрения инструмента взаимовыгодного сотрудничества стран участников. **Методы исследования** – в ходе написания данной статьи проведен анализ трудов научного сообщества из России, Китая и других стран, особый интерес вызывают научные изыскания китаеведов по вопросам внешней политики КНР. Рассматриваемая тема позволяет использовать сравнительный, статистический, системный и другие методы. Главенствующими методами исследования стали поиск, систематизация, оценка и структурно-динамический анализ. Автор приходит к **выводу** о важности дальнейшего взаимодействия в рамках инициативы создания проект «один пояс – один путь» в взаимовыгодном сотрудничестве. **Результаты исследования:** за последние годы большое количество ключевых проектов в рамках исследуемой инициативы были всесторонне продвинуты на благо людей в странах и регионах, расположенных вдоль маршрута. «Один пояс и один путь» придерживается принципа сотрудничества на основе взаимных консультаций, строительства и обмена, придерживается концепции открытости, экологичности и чистоты, стремится к высоким стандартам, обеспечению жизнедеятельности людей и целям устойчивого сотрудничества.*

Ключевые слова: *Один пояс и путь, сотрудничество, инициатива, проект, вызовы, взаимодействие, обмен.*

Введение. Суть как инициативы «Один пояс, один путь», так и концепции «Сообщества единой судьбы человечества» заключается в работе на благо счастья и развития всего человечества. Проект «Один пояс, один путь» внес важный вклад в глобальное сотрудничество в борьбе не только с эпидемией и будет продолжать способствовать тесному сотрудничеству между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Перед лицом внезапной вспышки пандемии сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» демонстрирует стойкость и энергичность, передавая уверенность и силу международному сообществу и внося важный вклад в международное сотрудничество против эпидемии и восстановление мировой экономики [12. С. 283-286].

В ходе заседания высокого уровня по международному сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе 29 стран-участниц встречи выступили с инициативой партнерства по вакцинам «Один пояс, один путь», вновь подчеркнув, что солидарность и сотрудничество являются ключом к преодолению эпидемии и что вакцины являются важным инструментом в борьбе с эпидемией. Эпидемия показала, что человечеству необходима само-революция, чтобы ускорить формирование зеленого развития и образа жизни, построить экологическую цивилизацию и прекрасную планету [10. С. 498-502]. В Пакистане было официально запущено местное производство китайской вакцины «Кансин», что стало первым случаем, когда страна добилась местного производства новой вакцины [16]. Перед лицом эпидемии Пакистан и Китай поддержали друг друга, и сотрудничество в борьбе с эпидемией, включая сотрудничество в области вакцин, стало примером для других стран.

Как отметил Си Цзиньпин, принимая участие в климатическом саммите лидеров в Пекине, Китай также сделал сотрудничество в области экологической цивилизации ключевым элементом инициативы «Один пояс, один путь» и запустил ряд зеленых инициатив, включая зеленую инфраструктуру, зеленую энергетику, зеленый транспорт и зеленые финансы [8]. Установка уличных фонарей на солнечных батареях, прокладка интегрированной подземной сети трубопроводов и внедрение интеллектуального орошения – все является частью продолжающегося сотрудничества между Китаем и Лаосом в строительстве низко-углеродной демонстрационной зоны, которое было тепло встречено местным населением Лаоса. Тургусонская ГЭС в Восточно-Казахстанской области Казахстана введена в эксплуатацию, обеспечивая постоянный источник чистой электроэнергии для местного населения.

Сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» становится важной движущей силой для глобального низко-углеродного перехода и зеленого восстановления после эпидемии. Цифровая индустриализация и цифровизация промышленности незаметно трансформировали производство и жизнь, а строительство «Цифрового шелкового пути» стало новым двигателем экономического подъема [13]. Согласно отчету, опубликованному на весенней встрече IFF (International Flavors & Fragrances Inc) 2021, 87% опрошенных центральных банков стран «Пояса и пути» считают, что проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь» будут способствовать восстановлению экономики в постэпидемическую эпоху, при этом 75% из них заявили, что эти проекты будут способствовать «зеленому» восстановлению и устойчивому развитию [18].

Исполняется 100 лет со дня основания Коммунистической партии Китая и первый год реализации 14-го пятилетнего плана и начала нового пути по построению современной социалистической страны. Поскольку Китай вступает в новую стадию развития, реализует новую концепцию развития и строит новую модель развития, он предоставляет больше возможностей для рынка, инвестиций и роста для партнеров в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [2. С. 40]. В этой новой исторической отправной точке совместные усилия всех сторон по продолжению качественного строительства «Одного пояса, одного пути», несомненно, внесут новый и большой вклад в повышение благосостояния всех народов, будут способствовать стабильному восстановлению мировой экономики и содействовать построению сообщества человеческой судьбы.

Нынешние беспрецедентные изменения и наложившиеся друг на друга потрясения, вызванные мировой эпидемией, создали серьезные проблемы для глобального устойчивого развития. Международное сотрудничество имеет решающее значение, поскольку мир стоит на пороге неравномерного восстановления с большими различиями в доступе к вакцинам, финансированию, доступу на рынки, промышленному развитию и технологическому потенциалу [17]. Но проблема в том, что сотрудничество не достигло того уровня, которого мы ожидаем, и существует огромный дефицит управления. Это объясняется тем, что, несмотря на наличие общих интересов, формирование совместных коллективных действий не является чем-то неизбежно возникающим. Этому есть две основные причины: во-первых, реализация общих интересов сопряжена с определенными издержками, но реализация общих интересов не является исключительной и предполагает «фрирайдерство», поэтому требует разумного распределения затрат; во-вторых, некоторые страны политизируют международные отношения и даже используют методики глобального управления для сдерживания своих потенциальных конкурентов [1. С. 275-283].

По поводу того, как преодолеть огромный дефицит глобального управления – во-первых, изменить существующую философию и образ мышления, полностью признать серьезность и неотложность глобальных проблем, стоящих в настоящее время, и сформировать консенсус в отношении того, что общие интересы перевешивают различия. Во-вторых, великие державы должны взять на себя ответственность и иметь сильное чувство ответственности, что очень важно для решения глобальной проблемы коллективных действий. В-третьих, необходимо сотрудничество в разработке механизмов [5. С. 41-52]. В настоящее время многие платформы многостороннего сотрудничества имеют некоторые проблемы, и существует необходимость дальнейшего совершенствования механизмов сотрудничества для решения проблем глобального управления.

В сложившейся ситуации для развитых стран тем более важно продемонстрировать свою приверженность и выполнить свои обязательства по укреплению глобального сотрудничества. Многосторонний подход – это единственный путь, и международное сообщество должно укреплять свою солидарность для совместного сохранения международной системы с ООН в ее основе и международного порядка, основанного на международном праве, а также основных норм международных отношений, основанных на Уставе и принципах ООН.

Сегодняшние проблемы многогранны и требуют комплексных решений, включающих стандарты, наращивание потенциала, финансирование, технологии, политику и скоординированные действия всех сторон – государственных, частных, гражданского общества и политиков.

Цели развития являются многомерными и меняющимися, ВВП не является единственным показателем экономического процветания, а связь между ВВП на душу населения и социальным благополучием ослабевает по мере роста доходов страны. В то же время устойчивое развитие должно учитывать, как субъективные, так и объективные критерии, а показатели должны быть ориентированы на результаты развития. Важно полностью признать, что разные политики могут быть одинаково эффективными, и что разные пути могут привести к устойчивому и инклюзивному развитию. Правительствам необходимо сосредоточиться на сложных и неопределенных глобальных изменениях, и технологических переменах. Такие вызовы, как новая эпидемия и изменение климата, должны решаться совместными действиями, для чего также потребуется широкомасштабная координация политики. Это требует призывов к многостороннему подходу, а также к глобальному устойчивому развитию. Инициатива «Один пояс, один путь» вдохновляет, поскольку она может повысить соединяемость, устранить неравенство и дисбаланс в развитии и удовлетворить потребности развивающихся стран в рынках [3. С. 191-195].

Проект «Один пояс, один путь» должен усилить координацию и сотрудничество с Целями устойчивого развития (ЦУР) и повысить приверженность принципам, таким как десять принципов Договора ООН, для продвижения «зеленого пояса и пути». Цифровые технологии стали важным инструментом в борьбе с новой эпидемией и играют важную роль в реализации Повестки дня на период до 2030 года [9]. В настоящее время некоторые части мира не имеют повсеместной связи, и существует необходимость улучшения инфраструктуры цифровой экономики для создания инклюзивного цифрового общества. В постэпидемическую эпоху странам необходимо сосредоточиться на защите частных инвестиций, защите и развитии рынков, совершенствовании и развитии потенциала мобилизации внутренних ресурсов, а также на достижении цифрового пути развития. Цифровые технологии являются всеохватывающими и современными, они проникают во все другие отрасли. Поэтому будущий путь развития зависит от пространства для развития цифровых технологий.

Кроме того, для достижения ЦУР в этих ключевых областях необходимо большее финансирование. Китай присоединился к инициативе G20 по мораторию на долги, в рамках которой развивающимся странам также предоставляется часть моратория на долги. Смягчение долгового бремени должно быть распространено на другие страны со средним уровнем дохода и развивающиеся страны для повышения устойчивости экономического роста.

Выводы. После вспышки эпидемии инициатива «Один пояс, один путь» сыграла важную роль в борьбе с эпидемией, стабилизации экономики и защите средств к существованию людей. Китай всегда рассматривал сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в контексте глобального развития и интегрировал экономический рост, социальный прогресс и защиту окружающей среды, не только способствуя высококачественному строительству «Пояса и пути» для достижения плодотворных результатов, но и внося позитивный вклад в реализацию Повестки дня на период до 2030 года [7. С. 47-54].

Глобальные инициативы в области развития, выдвинутые генеральным секретарем Си Цзиньпином, включая планы действий в восьми областях, таких как сокращение бедности, продовольственная безопасность, борьба с эпидемиями и изменение климата, являются основными глобальными общественными благами, предоставляемыми Китаем, и ярким воплощением концепции сообщества человеческой судьбы.

После вспышки эпидемии китайская инициатива «Один пояс, один путь» внесла важный вклад в устойчивое глобальное развитие. Что касается связи объектов, то с 2020 года более 40 крупных проектов «Пояса и пути», включая Китайско-Лаосскую железную дорогу, Венгерско-Сербскую железную дорогу и Израильскую легкую железную дорогу, совершили прорыв,

охватывающий инфраструктуру, энергетику, цифровые технологии, здравоохранение и другие области [11. С. 3303-3045]. С точки зрения бесперебойных торговых потоков, торговли и инвестиции будут расти одновременно, при этом прямые нефинансовые инвестиции Китая в страны вдоль «Пояса и пути» достигнут 11,78 млрд долларов США в 2020 году, увеличившись на 18,3% по сравнению с предыдущим годом достигла 9,37 трлн долларов США, увеличившись на 1% по сравнению с прошлым годом [14]; цифровые и интеллектуальные новые отрасли являются перспективными, и Китай подписал меморандумы о взаимопонимании по сотрудничеству в области цифровой экономики с 16 странами вдоль маршрута, а также создал платформы электронной коммерции Шелкового пути с 22 странами-партнерами, что в значительной степени способствовало бесперебойному движению торговли в случае эпидемии. С точки зрения финансирования капитала, взаимовыгодное и беспроигрышное сотрудничество было углублено: 29 стран одобрили руководящие принципы финансирования «Один пояс, один путь», 10 новых проектов были подписаны фондами прямых инвестиций, и еще 800 миллионов долларов США или 11,4 миллиарда юаней составили инвестиции. Объем трансграничных поступлений и платежей за первые три квартала 2020 года превысил объем поступлений и платежей за весь 2019 год, достигнув более 20 трлн юаней [15. С. 100-108].

Концепция сообщества человеческой судьбы, которую отстаивает генеральный секретарь Си Цзиньпин, и глобальные цели устойчивого развития имеют общую цель, философию и путь, и можно сказать, что они взаимно дополняют друг друга. Но на фоне бушующей эпидемии все чаще раздаются голоса, ставящие под сомнение и дискредитирующие взаимосвязь между «Поясом» и глобальным устойчивым развитием. Во-первых, инициатива «Один пояс, один путь» внесла новый важный вклад в глобальное устойчивое развитие. После вспышки эпидемии Китай продолжает продвигать «Один пояс, один путь», инициатива способствует сотрудничеству в пяти основных областях: политическая коммуникация, соединение объектов, бесперебойная торговля, финансовая интеграция и обмен между людьми, которые в высшей степени совместимы и эффективно соответствуют Целям устойчивого развития 2030 года [4. С. 11-17]. В-четвертых, внешняя помощь Китая будет играть новую роль в строительстве «Одного пояса, одного пути» и достижении глобальных целей устойчивого развития.

Между инициативой «Один пояс, один путь» и Целями устойчивого развития существует много общего, особенно в содействии развитию инфраструктуры, и важно обеспечить, чтобы инициативы по оказанию помощи и сотрудничество между странами не подрывали национальные интересы некоторых стран-получателей. «Один пояс, один путь» сталкивается с рядом новых вызовов. Во-первых, эпидемия сильно повлияла на финансирование «Пояса и пути», и инновации в многосторонних финансовых институтах

имеют решающее значение. Во-вторых, глобальная геополитическая напряженность углубилась, что требует больше дипломатических возможностей, основанных на механизмах многостороннего сотрудничества. В-третьих, «зеленая» защита окружающей среды иногда может вступать в конфликт с интересами экономического развития, и «зеленое» развитие сталкивается с проблемами [6]. В-четвертых, необходимо защититься от социальных рисков и обеспечить инклюзивное развитие.

Эпидемия показала, что международное сотрудничество как никогда важно, но и более труднодостижимо. Мы должны придерживаться пути зеленого развития и изучить новую модель низко-углеродного развития. Экологичность – это фундаментальное требование устойчивого развития и важная цель преобразования и модернизации инфраструктуры. Все стороны могут усилить обмен и сотрудничество в области стандартов и спецификаций, ключевых технологий, промышленной планировки и финансирования проектов для зеленой инфраструктуры, а также совместно изучить новую модель зеленого развития в эпоху двойного углерода. И должны придерживаться пути инноваций и развития и расширять новое пространство для высококачественного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акмади М.А. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 и ее влияние на инициативу «Один пояс, один путь» в странах центральной Азии // Эпоха науки. 2020. № 24.
2. Белая книга «Китайская молодежь в новую эпоху» / Информационное бюро Государственного совета КНР. Пек.: Жэньминь, 2022.
3. Васецова Е.С., Ши Ю. «Железнодорожная дипломатия» КНР в отношении АСЕАН // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2.
4. Ву Чжичжэнь. Мировое значение общих ценностей всего человечества // Международные исследования. 2022. № 5 // 吴志成. 全人类共同价值的意义. // 国际问题研究. 2022. № 5.
5. Дробот Г.А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2.
6. Ежегодный отчет о политике Китайского комитета международного сотрудничества по окружающей среде и развитию: моногр. / Ли Ганджи, Шен Гофан, Артур Хансен (Канада), Тан Диндин, Сюй Цинхуа, Рен Ен. Пек.: Китайская экологическая пресса, 2014 // 中国环境与发展国际合作委员会环境与发展政策研究报告: 合集. / 李干杰, 沈国舫, Arthur Hanson(加拿大), 唐丁丁, 徐庆华, 任勇. 北京: 中国环境出版社, 2014.
7. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Гармонизация глобализации на основе предельных динамических и сетевых равновесий // Век глобализации. 2019. № 1.

8. Отчет специального политического исследования Комитета международного сотрудничества Китая по окружающей среде и развитию // Зеленый «Пояс и путь» и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 2020 // 中国环境与发展国际合作委员会专题政策研究报告 // 绿色“一带一路”与2030年可持续发展议程. 2020.

9. Отчет о ходе реализации инициативы «Один пояс, один путь» в поддержку Повестки дня Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития на период до 2030 года. 2015.

10. Сяо Яньцзы, Цзянчао, ХаСи БиЛи Ге. Возможности развития инициативы «один пояс, один путь» после пандемии // Образование и право. 2020. № 4.

11. Сюн Лэтин, Хэ Хаюэ. Китайская инициатива «один пояс и один путь» в контексте глобального управления // Вопросы политологии. 2022. № 9 (85).

12. Чжан Сюэцзюнь, Ма Тянь. Шанс и риски инициативы «один пояс и один путь» в процессе международного сотрудничества – служение примером для России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5.

13. Chen Wenhui. Give full play to global linkage to build a realistic path of green development // International finance form 2021 spring meeting // Beijing, 2021.

14. The Belt and Road Infrastructure Development Index Report 2021 // China. 2021.

15. Shraddha Naik. Rising brics: a path to multipolar world reality? // Сравнительная политика. 2018.

16. Social responsibility report 2021 // CanSinBIO.

17. Xu Haoliang. The world after the new Crown pandemic should go beyond recovery and move towards sustainable development // Special report. 2020 // <https://news.un.org/zh/story/2020/07/1061651>.

18. Zhang Yuhui. The «Green recovery» of the global economy urgently needs a financial «booster», // International finance form 2021 spring meeting // Beijing, 2021.

WANG XIN

Postgraduate student of the Department of Geopolitics
Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia

ONE BELT – ONE ROAD PROJECT IN CHINA'S FOREIGN POLICY AS A TOOL FOR MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION

The relevance of the topic is due to the fact that in recent years, the initiative «One Belt, One Road» has turned from a concept into action and received a positive response and support from the international community. The project «One Belt, One Road» has become the most extensive and largest platform for international cooperation in the world today, «One Belt, One Road» has turned from a dream into a reality, bringing enormous opportunities and dividends to countries around the world.

The purpose of this study is to examine the Belt and Road Initiative from the perspective of an instrument of mutually beneficial cooperation among the participating countries. Research methods - in the course of writing this article, an analysis was made of the works of the scientific community from Russia, China and other countries, of particular interest are the scientific research of sinologists on the foreign policy of the PRC. The topic under consideration allows the use of comparative, statistical, systemic and other methods. Search, systematization, evaluation and structural-dynamic analysis became the dominant research methods. Findings of the study: In recent years, a large number of key projects under the study initiative have been comprehensively promoted for the benefit of people in countries and regions along the route. One Belt One Road"adheres to the principle of cooperation based on mutual consultation, construction and exchange, adheres to the concept of openness, environmental friendliness and cleanliness, strives for high standards, ensuring the livelihood of people and the goals of sustainable cooperation.

Key words: *One Belt and Road, cooperation, initiative, project, challenges, interaction, exchange.*

Л.С. КЕНИГФЕСТ

аспирант общеуниверситетской кафедры
всеобщей и российской истории ИГН МГПУ,
Россия, г. Москва
<https://orcid.org/0000-0002-8221-8390>

«МЯГКАЯ СИЛА» МУЗЕЕВ В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ИЗРАИЛЯ

В статье рассмотрено значение музея как инструмента культурной дипломатии и политики памяти, а также как института формирования исторической памяти. Сделан краткий теоретический обзор основных понятий: «мягкая сила», «историческая память», «культурная дипломатия». Проанализирована роль музея как формы трансляции культурной памяти и эффективного инструмента «мягкой силы» для актуализации исторического наследия. В контексте современной теории «мягкой силы» обозначен потенциал музеев в укреплении и развитии дипломатических контактов России и Израиля. В заключение сделан вывод, что музей является мощным средством формирования и сохранения исторической памяти нации с целью выработки иммунитета к манипуляции прошлым в контексте политической конъюнктуры, что представляется важным в современных условиях глобализации. Практическая значимость роли музеев в парадигме исторической политики показана на примере диалога России и Израиля. Автор не претендует на полноту рассмотрения проблемы.

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная память, историческая память, культурная дипломатия, место памяти, политика памяти, музей.

*Жизнь сохраняет все. Особенно слова.
Особенно слова, которых не слышат.
И. Бродский*

Введение. Современную коллизию социальных, государственных, политических и культурных взаимоотношений сейчас невозможно представить без обращения к изучению феномена исторической памяти с целью поиска ответов на злободневные вопросы и вызовы настоящего, а также

поиска эффективных механизмов формирования, сохранения и трансляции исторической памяти в рамках концепции «мягкой силы».

Актуальность темы связана с возрастающей ролью инструментов «мягкой силы», в частности, культурной дипломатии во внешнеполитическом арсенале государств. Музеи, как объекты хранения и демонстрации культурных ценностей, являются неотъемлемой частью культурной политики.

Диалог культур России и Израиля не прекращается даже в сложной геополитической обстановке текущего момента и «мягкая сила» политического арсенала государств доказывает свою эффективность как одного из инструментов сотрудничества.

Конечно, вопросы по изучению «мягкой силы», исторической памяти и культурной дипломатии представляли и представляют сейчас постоянный интерес для научных изысканий.

Корпус исследований, посвященных «мягкой силе», включает в себя как труды зарубежных [5; 12; 15], так и отечественных ученых. Также и проблематика формирования и трансформации исторической памяти, вызывая огромный общественно-политический резонанс, представляет, как научный, так и практический интерес для ученого-исследователя. Основателем понятия «историческая память» считается французский социолог Морис Хальбвакс, автор трудов «Коллективная и историческая память» [16] и «Социальные рамки памяти» [17], написанных в 20-е гг. прошлого столетия.

К концу XX века список зарубежных исследователей данного вопроса выглядел уже внушительно [1; 7; 8; 10]. Отечественная историография также уделяла вопросу изучения исторической памяти самое пристальное внимание [9].

Отметим, что исследовательский интерес к изучению культурной дипломатии также неуклонно растет. Выделим таких представителей российской науки, как Филимонов Г.Ю. [14], Федотова К.Е., Косенко С.И., Василенко Е.В., Нестерова М.А. и др.

Таким образом, исходя из многоаспектности проблемного поля memory studies, которое включает изучение вышеуказанных понятий, представляется актуальным понять, каким образом музеи формируют историческую память, обеспечивают сохранность и трансляцию культурной памяти, а также проследить все возрастающую роль музея, как инструмента культурной дипломатии. Кроме того, зашкаливающая война интересов ведущих держав, манипулирование исторической памятью в интересах элит остро ставят вопрос о том, как можно повысить эффективность музеев в качестве институтов, формирующих пространство памяти общества.

Ход и результаты исследования. Терминологические установки. Несмотря на то, что современная геополитическая обстановка предполагает использование государствами прежде всего военной мощи для обеспечения

своей национальной безопасности, роль «мягкой силы» во внешней политике становится все актуальнее.

Концептуальное первородство постулата «мягкая сила» связано с американским политологом Джозефом Сэмюэлем Найем, использовавшего этот термин в 1990 г. (в 2004 году вышло следующее издание – *Soft Power: The Means to Success in World Politics* («Мягкая сила: Средства достижения успеха в мировой политике» [21]) в своем труде «Bound to Lead: «Мягкая сила – это способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов» [22. Р. 6]. Очевидно, что культурное дипломатия (в том числе важнейший компонент – историческая память наряду с политикой памяти) в качестве мотивирующего фактора для согласия кого-либо взять за базис твою точку зрения, максимально точно раскрывает суть действия soft power.

Архитектоника культурной дипломатии достаточно сложная. Ученые считают, что термин «культурная дипломатия» ввел американский исследователь Ф. Баргхорн в 1930-е г. применительно к политике СССР как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [18. Р. 26]. В последующем семантика меняется. Приобретая все более нейтральную характеристику, он эволюционирует до восприятия **культурной дипломатии** как «обмена идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания» [19. Р. 1].

Культурная дипломатия сосредоточена на межличностных отношениях и неправительственных институциональных отношениях и, как правило, осуществляется неправительственными органами или атташе с целью улучшения отношений и взаимопонимания с другими странами.

В рамках дипломатии культурная дипломатия принимает более косвенную и долгосрочную стратегию влияния и более широкой выгоды между странами и является особенностью зрелых и устоявшихся долгосрочных отношений с союзной страной или там, где есть необходимость построить взаимопонимание с отчужденными или незнакомыми странами.

Можно провести различие между культурной дипломатией, которая является в значительной степени, ориентированной на интересы государственной практики, стремящейся к конкретным социально-экономическим и геополитическим результатам для себя, и культурными отношениями, которые ориентированы на идеалы и в значительной степени являются негосударственными, направленными на повышение взаимопонимания ради мирного сосуществования и социального прогресса. Идеал заключается в том, что нация не получает никакой конкретной экономической или стратегической выгоды от таких отношений, а просто выигрывает от улучшения взаимопонимания и дружбы.

В то время как культурная дипломатия и более косвенные культурные отношения часто изображаются как нейтральные способы взаимодействия наций и их народов, ресурсы, как правило, используются как часть общей стратегии влияния на благо страны и ее граждан. Стремление влиять на других на культурном уровне также может рассматриваться как культурный империализм, прокладывающий путь к потенциальному социально-экономическому господству и, возможно, прямому вмешательству. Очевидно, однако, что, хотя культурная дипломатия должна быть признана инструментом и инструментом влияния, ее воздействие является более мягким и более благоприятным для подлинного понимания, чем использование более жестких, обремененных интересами активов.

Важными акторами межкультурных обменов, в процессе которых осуществляется культурная политика «мягкой силы», являются музеи. Культурная дипломатия как международное музейное сотрудничество является значимой частью международного диалога.

В качестве базового определения музейной дипломатии можно назвать «международное сотрудничество с участием государственных музеев, которые в своих проектах транслируют ценности, адресуя их определенным целевым группам: обществу, элитам, политикам, властям, отражая политический контекст, но сохраняя относительную устойчивость взаимодействия в комплексной международной ситуации» [2. С. 89].

В 1984 г. французский историк П. Нора предложил концепцию «мест памяти». Под термином «места памяти» он понимал «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности... Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что возможности человеческой памяти ограничены, спонтанной памяти нет, значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты. Иначе прошлое удаляется, ускользает, исчезает» [7. С. 25]. Нора писал, что «музей относится к «базовым инструментам исторической работы и к наиболее символическим объектам нашей памяти» [7. С. 26]. В качестве места памяти музей может выступать как отражение культурной и социальной памяти и как коммеморации, то есть мобилизации памяти об определенном объекте, а, следовательно, как инструмент политики памяти и важнейший институт формирования исторической памяти. В «Российской музейной энциклопедии» музей определяется как «многофункциональный, обусловленный историческим развитием, институт, который помогает реализовать общественную потребность в отборе и сохранении памятников культуры и природы. Такие памятники понимаются обществом как ценность, подлежащая изъятию из обыкновенной окружающей среды и передаче последующим поколениям» [11. С. 395].

Во избежание путаницы и подмены понятий целесообразно дать также определение концепции **исторической памяти** в целом.

В контексте теоретического экскурса заметим, что понятие свою идентичность индивид может только через знания истории своего народа, принятия и осознания того, что он часть нации. Эти составляющие – важнейшая предпосылка к формированию исторической памяти общества.

Историческая память и ее концепция понимается как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [13. С. 4] и представляет собой продукт очень востребованный не только у представителей научных кругов, но и в области политики. Среди всех институтов, обеспечивающих формирование, трансляцию, интерпретацию и развитие культурной памяти в целом, и исторической памяти в частности, именно музеи делают это наиболее целостным образом.

Процесс формирования исторической памяти тесно связан с такими понятиями как «**политика памяти**» – важный инструмент «мягкой силы» и «историческая политика». Политика памяти – это система форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Музейные институции работают со всеми аспектами исторической памяти и, следовательно, являются рычагами политики памяти в том числе.

Безусловно, политика памяти являет собой роль первостепенной важности и некое ядро в диалоге Израиля и России в части гуманитарного сотрудничества в целом и сотрудничества в музейной сфере в частности.

Музеи – субъекты международных отношений. Отметим, что архитектура музейного пространства зависит от профиля конкретного музея. В парадигме исторической памяти музеи можно классифицировать в зависимости от фокуса направленности экспозиции и концепции на определенный тип памяти:

- 1) культурная;
- 2) социальная;
- 3) корпоративная;
- 4) коммеморативная.

Музеи первого типа формируют всестороннее культурное пространство, структурируя культурную память в целом и ориентируя человека на общие культурно-исторические ценности.

Так, например, в 2014 г. в Тель-Авиве был подписан договор о сотрудничестве между Тель-Авивским музеем искусств и Российским Государственным Эрмитажем. Данный факт является не только ярким примером профессионального, научного и художественного сотрудничества, но также и фактом активного участия музеев в укреплении дипломатических

контактов. ***То есть музей является пространством дипломатического взаимодействия.***

Принимая во внимание специфику заявленной темы исследования, остановимся подробнее на четвертом типе музеев, где доминирует принцип **коммеморации** (мобилизации памяти о конкретных событиях или персонажах).

Приоритетное направление российско-израильского культурного сотрудничества – расширение масштабов. К сожалению, текущая геополитическая ситуация, связанная со специальной военной операцией России на Украине существенно замедлила этот процесс. Но есть надежда, что после эскалации конфликта именно культурная, в частности, музейная дипломатия выведет диалог государств на новый продуктивный уровень. Значительный вклад в этот процесс уже сейчас вносят музеи коммеморации. Процесс этот имеет большой потенциал. Чем дальше события Второй мировой войны уходят в прошлое, тем более заметную роль в формировании коллективной памяти о ней играют музеи.

Анализируя заявленную тему на примере конкретных государств: России и Государстве Израиль, заметим, что тесное сотрудничество в целях препятствования искажению трактовки событий Катастрофы, Второй мировой войны, решающего участия войск СССР в разгроме войск фашистской и спасении евреев Европы, профилактика всех видов ксенофобии – ведущее направление современной политики памяти России и Израиля и точка опоры в процессе формирования исторической памяти наций, тесно связанных между собой судьбами в течение столетий.

Так, например, 29 октября 2014 г. Строящийся (на момент написания статьи-январь 2023 г. – стройка не завершена) израильский Музей еврейского воина Второй мировой войны и Музей бронетанковой техники «Яд ле-Ширьон» заключили соглашение о сотрудничестве с российским Центральным музеем ВОВ и Центральным музеем Вооруженных сил. Договор предусматривает обмен выставками и экспозициями между российскими и израильскими музеями, проведение совместных военно-исторических и мемориальных мероприятий и научное сотрудничество.

В своем интервью бригадный генерал израильской армии Цви Кан-Тор (директор будущего музея) вместе с генералом Хаимом Эрезом, директором бронетанкового музея «Яд ле-Ширьон» отметили, «что в Израиле (во многом из-за того, что страна постоянно воюет и борется за свое существование) общественное внимание всегда было сконцентрировано на страданиях и потерях еврейского народа во время Второй мировой войны. Для среднего израильтянина любой разговор о Второй мировой всегда начинался с Шоа. Музей еврейского воина Второй мировой войны будет израильским (а не международным проектом), но в музее будет показана история воинов-евреев из всех стран антигитлеровской коалиции и прежде всего евреев, сражавшихся в рядах Красной Армии» [3]. Этот пример очень показателен

как акт сохранения истории через экспозиционную деятельность посредством музейных ресурсов.

Огромное количество мероприятий проводится в Еврейском музее и центре толерантности, в котором представлены экспозиции истории еврейства России с XVIII века до сегодняшнего дня. Анонсируя планы работы на 2022 г. музей выделил для себя три приоритетных направления выставочной работы: – иудаизм, еврейская культура и история; – авангард и модернизм; – мировое современное искусство с еврейскими корнями. Скрупулезная научная, искусствоведческая работа сотрудников музея даст возможность посетителям не только познакомиться с основной экспозицией и понять философию еврейства, но и приобщиться общемировых ценностей на временных выставочных проектах. Все это будет способствовать диалогу культур России и Израиля, формированию позитивного имиджа Израиля в России, что в парадигме *soft power* позитивно отразится на уровне межгосударственного дискурса.

Из недавних значительных событий, ставших уже традиционными, отметим 27 января 2022 года Федерация еврейских общин России провела в Еврейском музее и центре толерантности ежегодную церемонию, приуроченную к Международному дню памяти жертв Холокоста. На церемонии присутствовали политические деятели, представители традиционных религиозных конфессий, главы дипломатических миссий иностранных государств и общественные деятели.

Одним из мероприятий, демонстрирующих усиление межгосударственных коммуникаций с целью продвижения государственных ценностей и национальных смыслов, стала прошедшая 5-го сентября 2022 г. торжественная передача книг от Посольства Государства Израиль в Российской Федерации и Израильского культурного центра «Натив» в дар Еврейскому музею и центру толерантности. Это издания по истории Израиля, книги о Холокосте, произведения классиков израильской литературы и др. Книги доступны для ознакомления и работы любому желающему в библиотеках музея.

В современных геополитических реалиях глобализации музеи определено стали важными акторами международной авансцены и могут оказывать существенное влияние как на формирование национальной идентичности, так и на трансляцию положительного имиджа страны в целом.

Мемориальные музеи составляют часть «бума памяти», которым отмечены последние десятилетия. Подобные музеи нацелены на формирование у посетителей такой формы памяти, которую Элисон Ландсберг назвала «протезной»: «личное глубокое воспоминание о прошедшем событии, свидетелями которого они не были» [20]. Исследователь считает, что протезная память «может определять индивидуальность и политические взгляды» [20] человека на основе эмпатии и понимания других. Одним из ярких примеров

данной концепции является создание в 2011 г. в Москве Музея истории евреев в России. Музей истории евреев в России стремится реконструировать целостную картину еврейской жизни на территории Российской империи и СССР во всем многообразии ее культурных, социальных и политических форм.

Стоит упомянуть Музей еврейского наследия и Холокоста, сохраняющий историческую память о Второй мировой войне (закрыт – по состоянию на 22.01.2023).

Современные музеи становятся активными участниками дипломатического процесса, связывая страны и города. Подтверждение этому – открытие Музея «Россия в Святой Земле» на Сергиевском подворье в Иерусалиме. Сам факт открытия музея – ярчайший пример не только влияния «мягкой силы» музея на укрепление культурного сотрудничества, но и дипломатический акт продвижения государственных интересов и национальных смыслов. Заметим, что в организационном отношении это событие опирается на правовую работу с иностранными партнерами, что, безусловно, способствует укреплению межгосударственных связей в принципе. Это первый российский музей, официально зарегистрированный в реестре музеев Израиля. Первая очередь музея была торжественно открыта 12 июня 2022 года, когда на Сергиевском подворье в Иерусалиме отмечалось 140-летие Императорского Православного Палестинского Общества.

Из последних межкультурных коллабораций стоит отметить и открытие 9 декабря 2022 года в Совете Федерации Федерального Собрания РФ выставки «Святая Земля в творчестве преподавателей и студентов ведущих художественных вузов Москвы», приуроченной к 140-летию юбилею Императорского Православного Палестинского Общества. По мнению организаторов, данная выставка должна еще раз напомнить зрителям и в первую очередь членам Федерального собрания РФ о важности темы русского присутствия на Святой Земле через живой и образный язык изобразительного искусства.

Заключение. Культурная дипломатия в виде международного музейного сотрудничества и музейных проектов является эффективной и принципиальной частью международного диалога.

Вместе с тем инициативы в области отмены русской культуры со стороны отдельных стран и лиц говорят о том, что музейная дипломатия может стать в авангарде институтов и рычагов дипломатии и политики по урегулированию мирного процесса гибридных войн. Музей способен обуславливать коллективную память, что представляется крайне значимым в условиях текущей конъюнктуры. В качестве места памяти музей может выступать как отражение культурной и социальной памяти.

В исторических судьбах России и Израиля много общего. Выскажем предположение, что историческая память в частности и коллективная

память в целом – явление неоднозначное, когда речь идет о таких народах как русские и евреи. И задача музеев, мемориальных, в частности, не просто воспроизводить исторический контекст и линейно повествовать о нем через артефакты, но создавать такое выставочное пространство, которое будет способствовать пониманию истории народов, а не просто ее узнаванию.

Будучи не просто арьергардом, а объектом в авангарде международного культурного сотрудничества, музеи должны вести диалог с посетителем, предложить ему «качественный опыт взаимодействия как с искусством, так и с социальной реальностью» [4].

Ницше говорил, что «лишь то, что не перестает причинять боль, остается в памяти» [6. С. 442]. К сожалению, в истории России и Израиля слишком много того, что никогда не сотрется из памяти по этой причине. И значит, есть все основания не допускать искажений в передаче поколениям объективной информации о прошлом, используя для этого весь потенциал «мягкой силы», доступный государству. Музеи в качестве материальной формы выражения исторической памяти могут формировать и определять способы восприятия, познания и интерпретации действительности.

Можно также сделать вывод, что заинтересованность России и Израиля в сохранении объективной исторической памяти, свободной от текущей конъюнктуры, взаимна и имеет витальную важность. Объединяющим фактором являются общее прошлое и мощный потенциал наращивания добрососедских отношений.

И крайне важно не допустить, чтобы историческое наследие не получало неоднозначную идеологическую интерпретацию и не использовалось с целью конструирования будущего государств в угоду политической конъюнктуре.

Резюмируя, можно утверждать, что музей как общественный институт в актуальной ситуации может быть полезным и востребованным, прежде всего, как инструмент политики памяти. Витальная важность сохранения исторической памяти и для России, и для Израиля предполагает наращивание совместных усилий по созданию музейных пространств, нацеленных на формирование объективной памяти. И «мягкая сила» музеев вполне может стать важнейшим инструментом в укреплении взаимовыгодного сотрудничества и создания положительного имиджа государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

2. Великая А.А., Разина О.А. Роль музейной дипломатии в развитии российской культурной дипломатии // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2022. № 9-10.
3. «До 1990 года у нас не было слова «ветеран» // https://www.gazeta.ru/culture/2014/11/07/a_6293077.shtml?updated.
4. Еврейский музей и центр толерантности представил обновленную стратегию выставочной деятельности и внешних коммуникаций // <https://lechaim.ru/news/evrejskij-muzej-i-tsentr-tolerantnosti-predstavil-obnovlennuyu-strategiyu-vystavochnoj-deyatelnosti-i-vneshnih-kommunikatsij/>.
5. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике; предисл. Е.П. Бажанова; Дип. академия МИД России. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019.
6. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч.: В 2-х т. М., 1990. Т. 2.
7. Нора П., Озуф М., Ж. де Пюимеж, Винок М. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
8. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Издво СПбГУ, 1999.
9. Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006.
10. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
11. Российская музейная энциклопедия: в 2-х т. / Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН; редкол.: В.Л. Янин (пред.) и др. М.: Прогресс: Рипол классик, 2001.
12. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века: пер. с англ. Москва: АСТ, 2003.
13. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
14. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. М.: РУДН, 2010.
15. Хабермас Ю. Политические работы / Юрген Хабермас; пер. с нем. Б.М. Скуратова; сост. А.В. Денежкин. Москва: Практика, 2005.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.
17. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
18. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.
19. Cummings M.C.Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government. Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003.

20. Landsberg A. Prosthetic Memory: The Transformation of American Memory in the Age of Mass Culture. N.Y.: Columbia University Press, 2004.

21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

22. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1991.

L.S. KENIGFEST

*Postgraduate student of the all-university
Department of World and Russian History MCU,
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8221-8390>*

THE "SOFT POWER" OF MUSEUMS IN CULTURAL DIPLOMACY AND THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND ISRAEL

The article examines the importance of the museum as an instrument of cultural diplomacy and memory policy, as well as as an institution for the formation of historical memory. A brief theoretical overview of the basic concepts is made: "soft power," "historical memory," "cultural diplomacy." The role of the museum as a form of translation of cultural memory and an effective tool of "soft power" for the actualization of historical heritage is analyzed. In the context of the modern theory of "soft power," the potential of museums in strengthening and developing diplomatic contacts between Russia and Israel is outlined. In conclusion, it is concluded that the museum is a powerful means of forming and preserving the historical memory of the nation in order to develop immunity to manipulation of the past in the context of political conjuncture, which is important in modern conditions of globalization. The practical significance of the role of museums in the paradigm of historical politics is shown by the example of the dialogue between Russia and Israel. The author does not pretend to the completeness of the consideration of the problem.

Key words: "soft power," cultural memory, historical memory, cultural diplomacy, place of memory, politics of memory, museum.

ЛО ДУНМЭЙ

аспирантка кафедры глобалистики
факультета глобальных процессов

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖО БАЙДЕНА В ОБЛАСТИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Данная статья посвящена американской политике в области кибербезопасности при администрации Байдена. Статья опирается на конструктивистскую теорию международных отношений и берет за основу дискурс-анализ киберугроз, отраженных в официальных документах и стратегиях США. Администрация Байдена уделяет вопросам кибербезопасности больше внимания, чем любая предыдущая администрация. Со времен администрации Байдена стратегия кибербезопасности США претерпела ряд корректив в четырех основных областях: агентства по кибербезопасности, подготовка экспертов в сфере кибербезопасности, укрепление сотрудничества в области кибербезопасности с союзными странами и акцент на сотрудничество в области кибербезопасности с частными предприятиями. По состоянию на октябрь 2022 года администрация Байдена рассматривает Китай и Россию как врагов Соединенных Штатов в вопросах кибербезопасности. Об этом свидетельствует содержание доклада о стратегии национальной безопасности США, которая указывает на необходимость сдерживания Китая и России, а также борьбу с ними в области кибербезопасности с помощью альянсов и союзников, чтобы предотвратить захват кибервласти и сформировать идеологический барьер в киберпространстве.

Ключевые слова: администрация Байдена, стратегия кибербезопасности США, кибербезопасность, киберпространство.

Введение. Безопасность лежит в основе национальных интересов каждого государства. Понятие национальная безопасность означает состояние, при котором национальные интересы, не подвергаются угрозе или опасности, и включает в себя национальную политическую, военную безопасность, экономическую и культурную безопасность [1]. В информационную эпоху Соединенные Штаты сильно зависят от интернет-технологий во всех

сферах жизни. Таким образом, кибербезопасность является неотъемлемой частью и оказывает сильное влияние на политику США в сфере национальной безопасности. С быстрым развитием интернет-индустрии и цифровых технологий киберпространство стало рассматриваться как «пятый рубеж», превосходящий сушу, море, небо и космос [3]. Сменяющие друг друга администрации США придавали большое значение вопросу кибербезопасности и внедряли ряд стратегий кибербезопасности для обеспечения доминирующего положения США в киберпространстве.

Причины повышенного внимания администрации Байдена к кибербезопасности. По мере усугубления пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 Соединенные Штаты вышли на первое место в мире по количеству заражений и смертей. Влияние пандемии усилило зависимость американских пользователей от Интернета, что привело к всплеску киберпреступности. Преступники продают в Интернете поддельные новые методы лечения коронавируса, выдают себя за государственные учреждения в фишинговых электронных письмах или вставляют вредоносные программы на некоторые вебсайты. Совершено большое количество кибератак на учреждения здравоохранения или медицинские компании в период пандемии, что указало на существование кибер-уязвимостей в секторе здравоохранения и государственной инфраструктуры США. Неспособность правительства обеспечить своевременное и эффективное управление и защиту от киберпреступности в период пандемии заставила американцев сомневаться в возможностях правительства в вопросах обеспечения безопасности.

22 апреля 2021 года Управление правительственной отчетности США объявило, что нарушение кибербезопасности программного обеспечения SolarWinds является одной из самых широкомасштабных и изощренных хакерских кампаний, когда-либо проводившихся против федерального правительства и частного сектора [7]. Российские хакеры взломали вычислительные сети тexasской компании по разработке программного обеспечения для управления сетями SolarWinds. Поскольку SolarWinds широко используется в федеральном правительстве для мониторинга сетевой активности в федеральных системах, этот инцидент позволил проникнуть в зараженные информационные системы агентства. По оценкам SolarWinds, около 18 тыс. ее клиентов получили скомпрометированное обновление программного обеспечения. Инцидент SolarWinds привлек широкое внимание мировой общественности и оказал огромное влияние на правительство США.

Администрация Трампа в то время также подвергалась широкой критике за ряд неуместных заявлений и неверных решений в отношении кибербезопасности. После официального вступления в должность нового президента США 20 января 2021 года, Джо Байден заявил: «Резко отличаюсь от своих предшественников, я даю понять президенту Путину, что дни

американского бездействия перед лицом российских провокаций, вмешательства в выборы, кибератак и отравления граждан прошли» [6].

Четыре ключевых направления деятельности администрации Байдена по обеспечению кибербезопасности. С момента вступления в должность президента Байдена кибербезопасность стала важным вопросом для его администрации. Анализ ряда программных документов и публичных заявлений президента США показывает, что американская стратегия кибербезопасности сосредоточена на четырех областях: агентства по кибербезопасности, подготовка экспертов по кибербезопасности, укрепление сотрудничества в области кибербезопасности с союзными странами и акцент на сотрудничестве в области кибербезопасности с частными предприятиями.

Во-первых, Байден назначил Джен Истерли – старшего сотрудника Агентства национальной безопасности по борьбе с терроризмом и кибербезопасности, работавшей в Белом доме при Обаме, руководителем Агентства кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA). Это подразделение Министерства внутренней безопасности, которое отвечает за безопасность выборов и защиту гражданских правительственных сетей от хакеров. Крис Инглис – бывший заместитель директора Агентства национальной безопасности, был назначен первым в истории главой подразделения национальной кибербезопасности. Новая должность была создана в соответствии с «Законом о полномочиях в области национальной обороны» на 2021 финансовый год и одновременно делала руководителя подразделения главным советником президента США в области кибербезопасности и связанных с ней новых технологий, а также связующим звеном между правительством и частной промышленностью с целью надзора и координации действий федерального правительства в ответ на киберугрозы для достижения цели повышения общей кибермощности США [2]. Кроме того, Байден назначил Роба Силверса – партнера международной юридической фирмы Paul Hastings LLP, заместителем секретаря по политике Министерства внутренней безопасности. Команда по кибербезопасности демонстрирует высокий приоритет, который администрация Байдена придает вопросам кибербезопасности, и гарантиям, предоставляемым на институциональном уровне и уровне правительственного персонала.

Во-вторых, выделяются крупные финансовые ассигнования для привлечения талантливых специалистов в области кибербезопасности. Президент Джо Байден обнародовал масштабный план помощи, более \$10 млрд. на укрепление кибербезопасности и информационных технологий страны после масштабной кибератаки. В предложении, названном «пакетом спасения Америки», Байден призывал Конгресс одобрить крупные инвестиции в ИТ и кибербезопасность для федерального правительства, называя это «неотложным вопросом национальной безопасности, который не может ждать». План включил в себя инвестиции в размере \$9 млрд.

для Агентства по кибербезопасности и инфраструктурной безопасности (CISA) и Администрации общих служб (GSA) для запуска новых совместных служб кибербезопасности и ИТ. Еще \$200 млн. предлагалось выделить на «быстрый» наем технологических экспертов для главного специалиста по информационной безопасности и цифровой службы США, а \$300 млн. пошло на финансирование дальнейших технологических программ в GSA. План также выделял \$690 млн CISA для улучшения мониторинга безопасности и реагирования на инциденты. Включение предлагаемого финансирования для федеральной кибербезопасности и ИТ происходит в тот момент, когда правительство продолжает бороться с последствиями кибератаки на компанию SolarWinds, клиентами которой являются большинство федеральных агентств и американских компаний из списка Fortune 500 [4]. Такие ведомства, как Министерство торговли, Министерство обороны, Министерство внутренней безопасности, Министерство юстиции, Министерство финансов и Министерство финансов подтвердили, что стали жертвами взлома, который продолжался на протяжении года, но впервые был обнаружен в декабре 2021 г. Президент Байден призывал Конгресс приложить все усилия на модернизацию и обеспечение безопасности федеральных информационных технологий и сетей. Представители штатов и местных органов власти неоднократно били тревогу по поводу нехватки средств на приоритеты в области информационных технологий и кибербезопасности в течение последнего года, поскольку COVID-19 истощил средства, а хакеры активизировали нападения на более уязвимые правительственные системы.

В-третьих, акцент был сделан на сотрудничестве между правительством и частными предприятиями в области кибербезопасности. После того, как американская Cyberspace Solarium Commission (CSC) выпустила четыре последовательных белых книги, включая «Уроки кибербезопасности, извлеченные из эпидемии», «Стратегическая основа для развития рабочей силы в области кибербезопасности» и «Как защитить цепочку поставок ИКТ в США», «План спасения Байдена-Харриса включает более 10 миллиардов долларов в кибер- и ИТ-фонды», 19 января 2021 года CSC выпустила свою пятую белую книгу «Рекомендации по кибербезопасности для администрации Байдена», в котором говорится, что правительство США должно использовать уникальную мощь и ресурсы частного сектора, а также дипломатические, экономические, военные, правоохранительные и разведывательные возможности, чтобы поддержать оборону высших государственных органов [5]. Цифровая инфраструктура, находящаяся в частной собственности и под управлением частных лиц, в своей защите критически зависит от эксклюзивных разведывательных данных соответствующих служб США, однако существующие политики и процедуры разведки не учитывают эти проблемы. В результате разведывательное сообщество остается

ограниченным в своих способностях ответа на развивающиеся киберугрозы и предоставлении необходимой информации организациям США в случае атаки. Правительство США должно установить более общие ограничения на разведывательную поддержку, которую оно может оказывать в рамках своих возможностей всем заинтересованным сторонам частного сектора и связанным с ним организациям, таким как центры обмена информацией и анализа, центры анализа рисков и устойчивости систем [5. С. 4]. Федеральное правительство стремится создать более безопасную и защищенную киберэкосистему путем обмена информацией об угрозах внутри и за пределами страны в режиме реального времени.

В-четвертых, укрепление сотрудничества с союзниками в области кибербезопасности для идеологизации киберпространства и изоляции новых кибердержав, таких как Китай и Россия. В Пятой белой книге сказано, что необходима пропаганда норм ответственного поведения государств и разработка мер взаимного доверия в киберпространстве, работа с международным сообществом по дипломатическому противодействию киберугрозам, отстаивание свободы Интернета, обеспечение безопасности цифровой экономики, наращивание потенциала партнеров и союзников для продвижения кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью и т.д. [5. С. 6]. Укрепляя сотрудничество со своими союзниками в киберпространстве, Соединенные Штаты устанавливают порядок и правила в киберпространстве и занимают лидирующую позицию в киберпространстве. 12 марта 2021 года США и Япония, Индия и Австралия возобновили четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), в рамках которого страны договорились о создании рабочей группы по кибербезопасности для решения проблем. Для повышения уровня защиты кибербезопасности Байден также способствовал утверждению на саммите НАТО «Политики интегрированной киберзащиты НАТО» для совместного противодействия угрозам кибербезопасности со стороны государственных и негосударственных субъектов. Кроме того, администрация Байдена заключила «Трехстороннее партнерство в области безопасности США – Великобритания – Австралия».

На уровне киберсанкций Байден запустил серию санкций против России. В апреле 2021 года он подписал распоряжение «Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation», в котором Служба внешней разведки России официально указана в качестве исполнителя кибершпионажа. Санкции дополнительные были введены в отношении 32 российских юридических и физических лиц, подозреваемых во вмешательстве в выборы в США в 2020 году. В то же время министерство финансов США объявило о запрете финансовым учреждениям США участвовать в инвестициях в российские облигации и фонды и сотрудничающие с Европейским союзом, Великобританией,

Австралией и Канадой, чтобы ввести санкции против восьми российских юридических и физических лиц, связанных с Крымом [8].

Правительство, аналитические центры и стратегические центры США обеспокоены постоянным расширением влияния Китая в киберпространстве и уже рассматривают Китай как стратегического конкурента номер один. 19 июля 2021 года Соединенные Штаты присоединились к Австралии, Великобритании, Канаде, Европейскому союзу, Японии, Новой Зеландии и НАТО в совместном заявлении, осуждающем существование так называемой «злонамеренной кибер-активности» Китая. Стратегия национальной безопасности США от 12 октября 2022 года предполагает, что Китай и Россия становятся все ближе, но вызовы, которые они бросают, отличаются по важным параметрам. Мы будем уделять первостепенное внимание сохранению устойчивого конкурентного преимущества над Китаем, ограничивая при этом Россию, которая остается глубоко опасной [9]. С момента эскалации кризиса в Украине администрация Байдена разыгрывает «нарратив о кабале Китай-Россия», используя кризис для создания и разыгрывания нарратива «демократия против авторитаризма» в попытке создать идеологический глобальный раскол.

Заключение. Анализ ряда программных документов и публичных заявлений администрации Байдена показывает, что стратегия кибербезопасности США сосредоточена на четырех областях: агентства по кибербезопасности, подготовка экспертов по кибербезопасности, укрепление сотрудничества в области кибербезопасности с союзными странами и акцент на сотрудничестве в области кибербезопасности с частными предприятиями.

Вопросы кибербезопасности вновь оказались в центре внимания в связи с промежуточными выборами в США. Более 100 местных избирательных комиссий обратились за помощью к федеральному правительству, чтобы обеспечить цифровую безопасность избирательной системы. Перед администрацией Байдена стоит большой вызов, поскольку именно сейчас настало время проверить эффективность ряда реформ в области кибербезопасности, которые были проведены с момента его вступления в должность.

С быстрым развитием глобальных цифровых технологий США используют «цифровой авторитет» для расширения своей гегемонии в глобальном киберпространстве, и Китай и Россия вынуждены реагировать на это. США стремятся сдерживать рост России и Китая в киберпространстве путем создания сильнейшей коалиции государств для усиления коллективного влияния, формирующего глобальный ландшафт кибербезопасности. Сеть является самым заметным признаком глобализации и самым эффективным катализатором процесса мировой интеграции. Россия и Китай полностью интегрированы в процессы глобализации и являются мощными и капитализированными игроками, поэтому враждебная стратегия администрации Байдена,

не смотря на все попытки, не способна исключить их из этих общемировых процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Лю Цзясюэ. «Анализ персонализированных информационных услуг в среде Web 2.0» // «Информатика». 2008. № 9.

2. A Cyber Opportunity: Priorities for The First National Cyber Director // <https://warontherocks.com/2021/01/a-cyber-opportunity-priorities-for-the-first-national-cyber-director/>.

3. *Andre Gonawala and Ryan Rosenthal*. “The long game: Why the US must rethink its cyber strategy” // The Hill // <https://thehill.com/opinion/cybersecurity/534257thelonggamewhytheusmustrethinkitscyberstrategy>.

4. Biden includes over \$10 billion in cyber, IT funds as part of COVID-19 relief proposal // <https://thehill.com/policy/cybersecurity/534323-biden-includes-over-10-billion-in-cyber-it-funds-as-part-of-covid-19/>.

5. Cyberspace Solarium Commission: (TRANSITION BOOK FOR THE INCOMING BIDEN ADMINISTRATION) // <https://www.solarium.gov/public-communications/transition-book>.

6. *James Andrew Lewis*. Toward a More Coercive Cyber Strategy”. Center for Strategic and International Studies // <https://www.csis.org/analysis/toward-more-coercive-cyber-strategy>.

7. SolarWinds Cyberattack Demands Significant Federal and Private-Sector Response (infographic) // <https://www.gao.gov/blog/solarwinds-cyberattack-demands-significant-federal-and-private-sector-response-infographic>.

8. The White House: Executive Order on Blocking Property with Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/04/15/executive-order-on-blocking-property-with-respect-to-specified-harmful-foreign-activities-of-the-government-of-the-russian-federation/>.

9. The White House: National Security Strategy // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

LUO DONGMEI

*Postgraduate student, faculty of global studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

JOE BIDEN ADMINISTRATION'S CYBERSECURITY POLICY

The Biden administration has paid more attention to cybersecurity issues than any previous administration. Since the Biden administration, the U.S. cybersecurity strategy has made a series of adjustments in four main areas: cybersecurity personnel and agencies, training of cybersecurity experts, strengthening cybersecurity cooperation with allied countries, and emphasizing cybersecurity cooperation with private enterprises and the government. According to the October 2022 U.S. National Security Strategy report, the Biden administration considers China and Russia as enemies of the United States on the issue of cybersecurity strategy, while attempting to deter and combat China and Russia in the field of cybersecurity through cyberspace hegemonic alliances and allies to preempt the occupation of cyber power and form an ideological cutoff in cyberspace.

Key words: *Biden administration, U.S. cybersecurity strategy, cybersecurity, cyberspace.*

А.Е. МУРАВЬЕВА

*аспирант кафедры политологии Востока
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТНК В ЕГИПТЕ

Ключевым фактором современных процессов глобализации и интеграции является деятельность транснациональных компаний, роль которых постоянно увеличивается в различных сферах мировой политики и экономики. Цель нашего исследования заключается в выявлении роли ТНК в АРЕ, механизмов их влияния на политику государства; соответственно объектом исследования выступают ТНК, функционирующие на территории Египта.

Ключевые слова: *мировая политика, глобализация, Египет, мировая экономика, внешнеполитический курс, транснациональные корпорации, трансформация, миропорядок.*

Одной из тенденций современной мировой политики считается рост и влияние транснациональных корпораций (далее по тексту ТНК) – международных крупных комплексов, которые выступают в роли негосударственных акторов, но полноценных субъектов внешней политики [1. С. 572]. Сегодня отмечается, что объем совокупных инвестиций всех ТНК превосходит объем торговли, примерно половина мирового промышленного производства и более 2/3 внешней торговли – это доля ТНК, они контролируют до 90% прямых инвестиций за рубежом (ПИИ), именно эти инвестиции влияют на развитие национальных экономик.

Несмотря на отсутствие четкого определения ТНК, учитывая различные подходы к содержательному наполнению, все же называют ряд общих классифицирующих признаков: собственники должны являться резидентами разных стран, годовой доход должен превышать 100 млн. дол. США, иметь филиалы в других странах, реализация товаров за пределами регистрации ТНК и другие.

В статье американского политолога Джозефа Найя «Транснациональные корпорации: игры и правила: транснациональные корпорации в мировой политике», которую он опубликовал в журнале по международной политике, выпускаемый Советом по международным отношениям США, говорилось, что: «в XX веке самым быстрорастущим явлением были крупные предприятия, действующие через границы и все более и более усиливающие власть над правительствами». По его выражению: «более драматичным моментом, чем рост транснациональных корпораций, стала их политическая значимость». «Хотя привлечение внешних инвестиций от этих новых левиафанов мировой экономики принесли выгоду, многие правительства даже тогда стали опасаться такого рода экономических последствий, как поглощение ими государств» [8].

Д. Най утверждал, что «вероятно, размер и политическое влияние транснациональных корпораций будут продолжать расти ... Прогнозы о том, что, 300 гигантских корпораций будут управлять мировой экономикой, как правило, основаны на простых прогнозах прошлогодних 10-процентных темпов роста». Даже небольшие транснациональные корпорации могут принимать решающие распределительные решения, которые бросают вызов целям развития государств. Корпоративная мобильность (которая выше в сфере услуг и в некоторых отраслях производства, чем в добывающих отраслях) является проблемой не только для развивающихся стран, но и для крупных, таких как Соединенные Штаты.

Например, Джордж Буш-старший владел Zapata Petroleum Company и United Fruit Company. По словам экономиста Джона Перкинса, когда Джордж Буш-старший стал вице-президентом США, возражение бывшего президента Панама генерала Омара Торрихоса политике этих компаний в Панаме стало причиной его убийства ЦРУ. На этом все не закончилось, далее последовало вторжение в Панаму.

Данный факт дает нам представление о том, насколько мощно воздействие крупных компаний по всему миру, насколько прочно они вступают в отношения с политиками и правительствами и как влияют на глобальный политический процесс.

В нашем исследовании рассматриваются некоторые аспекты деятельности ТНК в Арабской Республике Египет [3].

После «Арабской весны» в Египте появилось много корпораций, роль которых стремительно повышалась, в стране практически отсутствовали механизмы сдерживания распространения их влияния на египетскую политическую и экономическую системы. Наряду с отсутствием публичной отчетности ТНК, правовая база, регулирующая иностранные инвестиции в Египте, снижает роль государства в контроле, тем самым умаляет верховенство египетского права и суверенитет египетского государства. Фактически это привело к безответственности и полной безнаказанности

транснациональных корпораций на территории Египта, хотя национальное законодательство предусматривает наказание за нарушение прав трудящихся, окружающей среды, нарушения социальных обязанностей со стороны государственного и частного секторов, будь то египетский или иностранный. Но существующие механизмы не срабатывают при выявлении нарушений транснациональными корпорациями по причине того, что многие транснациональные корпорации превосходят некоторые страны с точки зрения прибыли и занятости, способности стран регулировать инвестиционные рамки, тем самым ставя под вопрос возможность государства защищать права своих граждан [4].

Рассматривая международные и внутренние механизмы, регулирующие иностранные инвестиции в Египте, а также многочисленные факты нарушений со стороны транснациональных компаний, действующих в Египте, но все еще пользующихся иммунитетом, можно утверждать, что в настоящее время Египет остается одной из стран в мире, подверженных риску международного арбитража. Международные арбитражные институты зачастую удовлетворяют требования инвесторов о компенсациях в результате несбалансированности двусторонних инвестиционных договоров, подписанных Египтом, и защищают интересы иностранных инвесторов за счет государственного суверенитета. Наиболее важным из документов является законодательный пакет, изданный президентом Абделем Фаттахом ас-Сиси в 2015 году, в котором предпринята попытка установить связь между правами человека, общественным благосостоянием и развитием государства, с одной стороны, и инвестиционной и налоговой политикой – с другой [7].

Ограничения и детерминанты международной экономической структуры, которую многонациональные корпорации, международные финансовые институты, межправительственные и другие глобальные субъекты в сочетании с международными торговыми и инвестиционными соглашениями в значительной степени создавали для того, чтобы продвигать свои политические стратегии. Все больше разрабатываются механизмы подотчетности государств, особенно когда нарушаются международные конвенции, в частности конвенции о правах человека, но по-прежнему трудно подвергать ответственности неофициальных субъектов за невыполнение обязанностей в различных областях, а также вмешательства в политические процессы в стране.

На практике отсутствие механизмов привлечения к ответственности подобных субъектов, как тенденция обязывать государство предоставлять «защиту инвестиций» автономными гарантиями, что позволяет иностранным инвесторам в целом и транснациональным корпорациям, в частности, оставаться безнаказанными в своих действиях [5].

Поскольку в Египте до сих пор прослеживаются черты колониального наследия, то многие транснациональные корпорации выполняют такую

функцию, как связующее звено между бывшей колонией и бывшей метрополией, такие транснациональные корпорации становятся «лицами без гражданства», что означает несвязанность с мандатом государства и, как правило, они имеют свободу выбора законов, которым подчиняются, выбор юрисдикции и правил, в соответствии с которыми они действуют и несут ответственность.

Это наследие остается главным бенефициаром международной инвестиционной системы, которая продолжает искажать ее справедливость и беспристрастность в пользу транснациональных корпораций. В своем стремлении привлечь иностранные инвестиции Египет разрешил этим субъектам следовать своим правилам, не обращая внимания на законы Египта, позволил транснациональным корпорациям создавать свои правила и «гнуть» свою линию во всех областях, а не подчиняться законам страны, в которой они функционируют.

Присутствие транснациональных корпораций в развивающихся странах делает их важным инструментом в развитии социально-политической и экономической жизни страны. По многим причинам именно ТНК часто являются ключевыми акторами, влияющими на политическую, экономическую и социальную жизнь страны. При этом необходимо отметить частое нежелание государства выявлять факторы, которые оказываются решающими в пользу транснациональных корпораций и факторы негативных последствий нахождения ТНК на территории государства.

Вместе с тем, правительство Египта присоединилось к двусторонним инвестиционным договорам и многосторонним торговым и инвестиционным соглашениям, которые обеспечивают эффективный иммунитет инвесторов и практическую безнаказанность по закону. Государство пошло еще дальше. Египет смог пересмотреть законы об инвестициях для того, чтобы предоставить иммунитет транснациональным корпорациям с целью, чтобы граждане или административные органы не имели возможности ни подать в суд на корпорации, ни повлиять на решение того или иного вопроса.

Нынешняя инвестиционная структура продолжает отстаивать интересы транснациональных корпораций за счет интересов государства. Национальная структура отражает глобальную структуру, которую сформировала Всемирная торговая организация (ВТО). Правила и конкретные соглашения ВТО представляют собой комплекс мер, необходимых для привлечения инвестиций, в том числе инвестиций транснациональных корпораций. Зачастую иностранные инвестиции являются самоцелью, а не целью устойчивого экономического, политического и социального развития страны.

Законодательная инвестиционная база отражает глобальные инвестиционные тенденции, и не отвечает национальным интересам государства. ТНК своим экономическим потенциалом превосходят местные компании,

поглощают их, или не позволяют развиваться, что имеет негативные социально-политические последствия для граждан государства, в целом, ведет к уменьшению доли национального бизнеса, происходит отъем наиболее развитых или перспективных сфер производства, что влияет на внутренний рынок, развитие государства и уровень жизни граждан.

Законодательная инвестиционная база включает в себя несколько особенностей, которые отражают правила Всемирной торговой организации и положения двусторонних инвестиционных договоров. За исключением операций по импорту и деятельности коммерческих агентств, иностранному инвестору разрешается:

1. Создавать финансовую компанию для работы в любом секторе бизнеса без ограничений и без необходимости владения собственностью.

2. Также не существует ограничений на владение недвижимостью или землей в зависимости от национальной принадлежности корпорации. Можно привести в пример, Синай, где существуют приграничные районы, в которых право собственности на землю продолжает оставаться вопросом национальной безопасности.

Одной из важнейших характеристик инвестиционной системы является отсутствие ограничений для инвестора в отношении перевода прибыли его компании за пределы страны, то есть иностранным инвесторам разрешается переводить всю полученную прибыль в течение определенного периода времени [9]. Согласно действующим законам, как например, Закон № 8 от 1997 года, национализация или конфискация имущества запрещены. Это типичная статья, встречающаяся в большинстве двусторонних инвестиционных договоров. Закон также запрещает любое внешнее вмешательство в ценообразование продукции компании или определение предела ее прибыли, что лишает государство всякого влияния на политику компаний.

Одним из положений, используемых иностранными инвесторами для подачи исков против государств, является положение о том, что требуется справедливый и равноправный режим, в соответствии с которым инвестор ожидает, что законы и нормативные акты государства будут поддерживать его инвестиции. Поэтому внесение поправок в национальное законодательство, таких, например, как необходимость применения «минимальной заработной платы», трактуется инвестором в качестве несправедливого шага. В результате чего Египет должен отступить от реализации подобных изменений, так как не может позволить компенсационные выплаты инвестору в соответствии с международным арбитражным механизмом.

Можно привести и некоторые другие примеры: использование компанией Royal Dutch Shell технологии гидравлического крекинга для эксплуатации трех скважин в Западной Сахаре вызывает опасения загрязнения скудных египетских водных ресурсов из-за использования компанией токсичных и канцерогенных химических веществ, попадающих в подземные

воды. Это влияет на изменение климата. Также данная компания наносит непоправимые удары по египетской экономике, а вслед за ней и политике, эксплуатируя египетские металлы практически бесконтрольно.

Эмиратская компания Dana Gas, которая ведет буровые работы в Египте и Ираке имеет доход почти 1 млрд. долларов США в виде облигационного финансирования на Лондонской фондовой бирже, также наносит вред непосредственно Нилу, начиная с 2009 года. Поступали сообщения, что в результате потока загрязненной воды после производимых работ Dana Gas практически уничтожена деревня Фарес, которая находится примерно в 75 километрах от Асуана и насчитывает около 25 000 человек. В результате деятельности компании было уничтожено более 500 акров земли и домов, были повреждены два акра манговых деревьев, которые являются основными сельскохозяйственными культурами Египта и основными продуктами экспорта на международный рынок [10]. Есть опасения, что до сих пор вода может содержать опасные химические вещества. Компания так и не обнародовала используемые химикаты. Большая часть бурения и добычи нефти Дана Газ находится в 11 километрах от месторождения Барака. Есть предположение, что загрязнение воды и дальнейшие последствия случились из-за скважины «Фарес-1», ее непосредственной близости от скважины «Новый Фарес», что в шести километрах к западу от самой деревни. Но есть также информация о том, что скорее более вероятным виновником является «сейсмическое испытание», проведенное Dana Gas. Дело в том, что нефтяная компания проложила на территории данной деревни трубы на несколько метров в землю, прежде чем взорвать динамит. В промышленности это называется «дырами». Динамит опускается в отверстия и взрывается, при этом реверберации используются для оценки вероятных нефтеносных или газоносных пород. Но в любом случае, природе, деревне, гражданам нанесен непоправимый ущерб, системные наводнения нарушили хозяйственную деятельность местных жителей, создав не только экологические, но и социальные проблемы. Dana Gas отказывается предоставить какую-либо компенсацию. Местные же программы поддержки малоэффективны.

Египет относится к иностранным инвесторам так же, как и к египетским. Дореволюционная и послереволюционная система не дифференцируются. Различий между внутренними и иностранными инвесторами немного. Иностранному инвестору разрешается создавать компанию для осуществления любой коммерческой деятельности без ограничений и без необходимости делиться капиталом. Например, Конституция Египта освобождает иностранные компании, которые обрабатывают сельскохозяйственные земли от подоходного налога в течение десяти лет с даты начала деятельности или начала производства, в том числе компании, работающие в сфере птицеводства, пчеловодства и животноводческие фермы, откормочные и рыбные компании [2].

Закон позволяет государству выступить на стороне инвесторов в случаях коррупции или растраты государственных средств, разрешив отмену судебных решений по коррупционным приватизационным контрактам и оставив инвесторов безнаказанными в экономических, административных и уголовных делах.

Логика требует, чтобы инвестор реинвестировал часть своей прибыли в страну с целью развития ее экономики, однако, это не имеет места в Египте. Как это ни парадоксально, прибыль часто остается чистой прибылью без уплаты налогов, даже если это требуется законом, регулирующим иностранные инвестиции в Египте [6].

Система концессии для иностранных инвесторов в Египте предоставляется всем инвесторам без каких-либо различий. Конечно другие страны проводят различие между иностранным инвестором в области энергетики, производстве и иностранным инвестором в сфере питания, финансовых услуг и др., но в Египте всем предоставляются льготы, и поэтому иностранные инвесторы, как правило, вкладываются в проекты, которые стоят недорого, и таким образом, являются единственными бенефициарами.

Другой важный негативный фактор – это то, что правовая система Египта не требует от транснациональных корпораций передачи профессиональных навыков своим рабочим египетским рабочим, в отличие, например, от Китая, где правительство это строго контролирует.

Попытки после революции 25 января 2011 года внести поправки в закон, регулирующий процесс иностранных инвестиций в Египте, дали лишь некоторые «небольшие» положительные корректировки в налоговой системе. Однако ирония заключается в том, что налог на Суэцкий канал составляет – 40% для местных инвесторов, а для иностранных инвесторов – 25% [2].

Вызывают вопросы и действия постреволюционных правительств, которые внести в существующее законодательство и египетскую судебную систему изменения, которые можно охарактеризовать как способствующие коррупции. Например, поправки передали ответственность по надзору за инвесторами от судебных органов Главному управлению по инвестициям и свободным зонам, что запрещает уголовным судам Египта иметь юрисдикцию в отношении случаев коррупции, кражи и растраты государственных средств, в которых участвует каждый, кто имеет отношение к названию «инвестор». В свою очередь это привело к безнаказанности за повсеместную системную коррупцию в Египте.

Таким образом, опыт АРЕ показывает, что ТНК в странах пребывания используют одностороннее потребление сырьевых ресурсов, создают экологические проблемы, для увеличения прибыли максимально снижают оплату труда, импортируют квалифицированную рабочую силу, стимулируют политическую коррупцию. Негативные последствия для Египта заключаются в том, что много египетских компаний были проданы транснациональным

корпорациям, которые обязались увеличить производственную мощность Египта, расширить свою деятельность, сохранить землю, активы и рабочую силу в той же сфере деятельности, но результат оказался неутешительным – действия привели к демонтажу египетской промышленности, а также загрязнению окружающей среды, усилив экономические и социально-политические проблемы.

В целом, необходимо отметить роль нетрадиционных акторов, к которым безусловно относятся ТНК, их возрастающее значение в формировании нового формата международной среды. На современном этапе ТНК выступают субъектом мировой политики и своеобразным политическим агентом, влияют на политические процессы в отдельных странах и на развитие мировой политики в целом.

Также можно предположить, что роль государств, которые не располагают большим количеством ТНК и ресурсной основой для их создания, будет уменьшаться на международной арене, так как нет современного инструмента политического влияния. Вместе с тем необходим системно-содержательный анализ роли ТНК как элемента трансформирующейся системы межгосударственных взаимодействий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Цыганков П.А.* Политическая динамика современного мира: теория и практика. Москва: Издательство Московского университета Москва, 2017.
2. «Fawk ad daula» Hatim Zaid, 2015
3. *Judge A.J.N.* “Multinational Business Enterprises”. In Yearbook of International Organizations (12th ed.): Brussels: Union of International Associations, 1969.
4. *Keonah Robert O. and Joseph A. Nye Jr.* (eds.) “World Politics and the International Economic System”. In Fred Bergsten (ed.), The Future of International Economic Order. Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1973.
5. *Mennis Bernard and Karl P. Sauvart.* “Multinational Corporations and the Prospects for Regional Integration.” Unpublished manuscript, 1971.
6. *Nye Joseph.* “Multinational Enterprises and the Prospects for Regional and Global Political Integration.” In *D.H. Blake* (ed.), The Multinational Corporation. Annals of the American Academy of Political and Social Science 403 (September), 1972.
7. <https://www.dw.com/ar/8-اليوم-مصر-تقف-أين-ثورة-يناير-على-سنوات-47202868>.
8. <https://rouyaturkiyyah.com/research-articles-and-commentaries/التجربة-السياسية-للإخوان-المسلمين-في-مصر-بعد-ثورة-يناير-الدور-والتأثير-وآفاق-المستقبل>
9. https://fada.birzeit.edu/bitstream/20.500.11889/1527/1/thesis_17082015_121926.pdf.
10. <https://www.newiraqcenter.com/archives/1428>.

A.E. MURAVYEVA

*Graduate student of Department of Political
Science of the East of the Faculty of Global Studies,
Moscow State University Lomonosov,
Moscow, Russia*

SOCIO-POLITICAL CONSEQUENCES OF THE FUNCTIONING OF TNCs IN EGYPT

A key factor in the modern processes of globalization and integration is the activity of multinational companies, whose role is constantly increasing in various spheres of world politics and economics. The purpose of our study is to identify the role of TNCs in Egypt, the mechanisms of their influence on state policy; accordingly, the object of the study are TNCs operating on the territory of Egypt.

Key words: *world politics, globalization, Egypt, world economy, foreign policy, transnational corporations, transformation, world order.*

А.Х. ОСМАНИ

аспирант Казанского федерального
университета, Россия, г. Казань

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ АФГАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

После того, как 15 августа 2021 года все иностранные войска были выведены, а талибы захватили контроль над страной, Афганистан вступил в новую главу. Во второй половине года гуманитарная ситуация еще больше ухудшилась в результате непрекращающихся боевых действий и тяжелого экономического кризиса, от которого сильно пострадал весь афганский народ, но особенно молодежь страны. Молодые афганцы, оставшиеся в Афганистане, сталкиваются с многочисленными трудностями, такими как адаптация к так называемым правилам талибов, отсутствие доступа к образованию, финансовые трудности и безработица. Среди всех этих проблем большинство афганской молодежи считают, что у них будет меньше шансов участвовать в гражданской и политической деятельности из-за их принадлежности к предыдущему правительству и / или этнического происхождения или демократических взглядов. В статье исследуется политическое участие афганской молодежи за последние 20 лет и влияние текущей ситуации на политическую активность афганской молодежи, поскольку именно молодежь стала главной жертвой конфликтов в стране. Автор считает, что у афганской молодежи есть потенциал и политическая воля, чтобы положить конец затянувшимся конфликтам в стране.

Ключевые слова: афганская молодежь, политическое участие молодежи, молодежная миграция, молодежная политика, ситуация в Афганистане.

После переходной политики в конце 2001 года афганская молодежь превратилась в важную социальную, политическую, экономическую силу развития. По оценкам, афганская молодежь в возрасте от 18 до 35 лет в соответствии с национальной молодежной политикой страны составляет более 65 процентов населения. Лица моложе 25 лет составляют почти две трети населения Афганистана, что делает Афганистан одной из стран с самым

молодым населением в мире. Правление талибов, начавшееся в 1996 году, и вторжение американцев в 2001 году являются важными частями истории Афганистана для молодого поколения. Спустя 20 лет талибы снова у власти, но сегодняшний Афганистан не похож на страну, которой они правили в конце 1990-х. Сейчас это страна с молодым поколением, которое выросло и на определенных ценностях, таких как свобода слова и права человека. Поколение, которое, несмотря на патриархальные и дискриминационные взгляды и практики, которые в значительной степени подорвали политику и стратегии в отношении молодежи за последние два десятилетия, активно участвовало практически во всех сферах афганского общества и политики. Молодые афганцы представляли свою страну на международных аренах, фестивалях, конкурсах и спортивных мероприятиях, гордясь своими достижениями.

После захвата Кабула талибами в августе 2021 года, наступила неопределенная эра еще большей нестабильности для участия молодежи. Талибы приступили к стремительному свертыванию социально-политических достижений и демократических ценностей, широко применявшихся в течение последних 20 лет. Участие молодежи в различных социальных и политических сферах оставалось ненадежным и неустойчивым, что привело к крайней неуверенности и отчаянию, а также сильному стремлению молодых людей к эмиграции.

Большинство молодежи начало участвовать в гражданской и политической деятельности в контексте переходной политики после 2001 года. Наряду с наличием поддержки международного сообщества в течение этого времени, конституция Афганистана, принятая в 2004 году, обеспечила относительно демократическую среду для гражданской и политической деятельности в Афганистане, в которой не только политические партии, но и организации гражданского общества, молодежные группы, сети и движения были основаны для укрепления демократии. Молодое поколение получило наибольшую пользу от этих возможностей, позволив им войти в различные области образования, культуры, общества, экономики и политики. Их роль была видна во всех областях экономики, общества и политики, где они не только получали членство, но и пытались продвигать свои планы и программы через участие в жизни общества [4].

Более двух десятилетий афганский народ страдал от этнического насилия, нестабильности, отсутствия безопасности и ужасов экстремизма и терроризма. Заключение Боннского соглашения предоставило Афганистану редкий исторический момент для политических и социальных изменений, и перехода к демократии. Процессы миростроительства, демократизации и государственного строительства были запущены под эгидой Организации Объединенных Наций. При серьезном международном внимании к Афганистану беспрецедентный поток помощи в страну позволил

МНПО и, конечно же, правительству Афганистана финансировать проекты реконструкции, чтобы поднять страну из пепла войны. После 2001 года Афганистан добился успехов в реализации мирной повестки дня, изложенной в Боннском соглашении. Афганистан сталкивается с более тонкими проблемами в решении социальных разногласий, этнических и языковых проблем, которые затрагивают молодое поколение в стране. Нынешняя политика Талибана еще больше сужает гражданское пространство. Племенная культура и религиозная политика и практика, которые доминируют в менталитете талибов, не оставляют оснований для участия, представительства и демократических ценностей [1]. Таким образом, такие нарративы в значительной степени влияют на социальное и политическое участие. Талибан нуждается в смещении политики в сторону многочисленного молодежного населения, которое может сыграть жизненно важную роль в политическом развитии страны, и успешной социальной трансформации нынешней политики, ориентированной на этническую принадлежность, в более национальную.

Афганистан является домом для более тридцати этнических групп, среди которых Пуштуны, Таджики, Узбеки и Хазарейцы являются более крупными этническими группами. История межэтнических отношений в Афганистане – это история сосуществования, но также и неравных возможностей, и конфликтов. Как предполагают модернистские теории и теории развития, групповое сознание и самосознание, возросшие с развитием межэтнических контактов в результате модернизации государства, способствовали созданию и усилению этнической идентичности.

Этническая политика и политика идентичности были одним из подавляющих препятствий. Незадолго до падения предыдущего правительства, политизация этнической принадлежности и идентичности препятствовала эффективному участию и успеху молодежи в политической жизни, а также создавала препятствия для укрепления демократических институтов. Следовательно, для них стало не только ограниченным политическое пространство, но они также были сильно политизированы, фрагментированы и разделены по этническому и языковому признаку, что подавляющим большинством подорвало их нейтральное участие, представительство, единство и солидарность. Хотя политический и социальный контекст в Афганистане подвижен и меняется, и традиционные и этнические лидеры извлекают из этого пользу для сохранения своей власти и суверенитета, политическое участие молодежи стало ощутимым и неоспоримым [3].

Большинство Талибов происходят из племени Пуштон. Молодежи из других этнических групп считает, что из-за их этнической принадлежности у них почти не будет шансов участвовать в гражданской или политической деятельности. Чего требует афганская молодежь, это инклюзивного правительства, где каждый в равной степени может принимать участие

в гражданской и политической деятельности на благо подрастающего поколения.

Племя и этническая принадлежность могут входить в игру в какой-то момент, но часто только во вторую очередь. Как и многие другие социальные аспекты Афганистана, ближайшие и расширенные семьи являются ключевым фактором, определяющим то, как молодежь думает и действует в политике. Какова позиция семьи по вопросам воспитания (светского или религиозного); где он политически присоединился во времена джихада, талибов и после 2001 года (про- или антиправительственный); и последствия этих решений для средств к существованию остаются ключевыми факторами, определяющими участие молодежи в политике сегодня.

Таким образом, вопросы чести, семейного наследия и общественного долга – термины, чаще всего используемые для описания племенных или традиционных ценностей – остаются актуальными для молодежи. Будь то консервативная или либеральная в своей политике, афганская молодежь разрывается между двумя эпохами, особенно в связи с тем, что технологическое общение и прямое знакомство с Западом формируют более широкое мировоззрение. Это одна из фундаментальных причин того, что молодежные политические движения как на национальном, так и на провинциальном уровне остаются раздробленными.

Этнизация войны и политики изменила политические и социальные параметры в Афганистане и препятствовала государственному строительству и примирению в течение десятилетия до 2001 года. После 2001 года создание нового демократического правительства под руководством президента Карзая при полной поддержке международного сообщества открыло новые возможности для афганцев, особенно для молодежи. Школы, университеты, профессионально-технические центры и институты, а также другие государственные и частные образовательные центры были вновь открыты или вновь созданы, что лишило афганскую молодежь возможности, права на образование. Это способствовало появлению новой и молодой элиты в Кабуле и других центральных городах, а также в периферийных центрах по всей стране [2].

Молодежный совет, Департамент по делам молодежи при Министерстве информации и культуры, а также молодежные движения и сообщества созданные и развитые образованной и амбициозной молодежью, в течение последних десятилетий, оказало большое влияние на политическую ситуацию в Афганистане на национальном и международном уровне. например, представительство афганской молодежи в ООН было программой, инициированной молодежным сообществом, и предоставило афганской молодежи возможность отстаивать свои права на национальных и международных платформах. если талибы хотят достойного будущего для Афганистана, то они должны сохранять и поддерживать эти институты и позволять всей

молодежи принимать участие в государственном строительстве и развитии страны. Демографически, идеологически и экономически их поколение лучше всего способно определить, какое будущее примет страна.

По мере того, как группировка стремится к международной легитимности, среди ее приоритетов должен быть привлечение молодых людей, тех, кто привык ко многим свободам, к которым талибы долгое время относились враждебно, в том числе право на образование и свободу печати.

В последние годы молодые люди были в центре прогресса Афганистана, молодежь играла ключевую роль в избирательных процессах, определяющих их судьбу. Талибы должны обратить внимание на афганскую молодежь, поскольку именно они являются настоящими жертвами войн и конфликтов в стране. молодежь является одним из самых больших и лучших активов страны, когда речь идет о построении светлого и процветающего будущего.

Талибы могут пытаться задушить молодежь в Афганистане, закрывая школы, угрожая насилием и ограничивая свободу слова, но они не могут остановить молодых лидеров от попыток.

Талибан не должен отрицать социальные преобразования, которые произошли в Афганистане за последние годы с точки зрения распространения современных демократических норм, смены поколений и передачи власти. Талибан должен защищать демократические ценности.

С момента прихода к власти талибы применили насилие, нарушающее права женщин и девочек в Афганистане, например, ограничения на образование и общественную деятельность, ограничение свободы передвижения без сопровождения мужчины (члена семьи) и большинство женщин, занимавших видные должности. положение в обществе потеряли работу.

Теракты смертников, массовые убийства людей и потеря большого количества элитных и молодых людей в СМИ и журналистике усугубили и без того высокий уровень разочарования в существующей политической ситуации.

Сейчас у молодых людей гораздо меньше возможностей и возможностей для организации и продвижения реформ, основанных на проблемах.

Талибы на определенных уровнях поддерживают молодежь и молодежные партии и движения, основанные на этнической и религиозной идеологии, и в то же время тех, кто помогал талибам в ходе того, что они называют «войной против интервенции». Недавно талибы объявили, что те из их членов, которые сражались за них, получают университетские и школьные аттестаты и даже ученые звания в соответствии с выслугой лет. Создается впечатление, что талибы больше интересуют молодежь, которая сражалась за них, чем те, кто в течение последних двух десятилетий стремился к государственному строительству, развитию и демократическим ценностям.

Глядя на историю молодежных политических партий и движений, становится ясно, что афганская молодежь в основном присоединялась

к движению или партии, в основном основанной на их этнической и религиозной идеологии. В последние годы молодежь, живущая в Кабуле, была сосредоточена на создании демократических и ориентированных на Запад движений. Молодежные или ориентированные на молодежь политические партии, созданные в последние пять лет, часто шли на многое, чтобы дистанцироваться от партийной стигмы, уделяя большое внимание по просветительской деятельности благотворительного типа и государственной службе. Тем не менее эти группы действуют и мыслят политически, хотя и не всегда последовательно.

Теперь, с приходом талибов к власти, проявляются молодежные движения и партии, близкие к талибам, поскольку они также основаны на этнических и религиозных идеологиях, и, кроме того, они действовали в провинциях, где доминировали талибы в течение многих лет, у них будет больше возможностей подняться и оставаться активными в политической жизни общества, например, становясь представителями провинций.

С другой стороны, молодежь с демократическими политическими взглядами не видит для себя места для продолжения своей политической деятельности, для формирования движения или молодежного общества. Они даже боятся быть убитыми талибами и бегут из страны, но продолжают принимать активное участие в политической жизни Афганистана, взаимодействуя со странами региона, международными организациями и создавая каналы новостей, а также используя технологии и социальные сети.

Молодое поколение в Афганистане ищет альтернативные и ненасильственные способы гражданской активности и участие в политике, чтобы избежать расширения ограничений, возродить институты и обеспечить умеренную систему управления, при которой гарантируются основные права и свободы [5].

Афганская молодежь осознает растущую озабоченность на всех уровнях и может создать серьезные проблемы для режима талибов, если международное сообщество, афганская диаспора и другие политические заинтересованные стороны не предпримут серьезных действий для обеспечения стабильного и устойчивого мира. Афганская молодежь осознает необходимость проявлять бдительность в отношении развития своей страны.

Если ситуация изменится, станет более умеренной и, таким образом, предоставит хоть какое-то пространство для небольших мероприятий, поддерживаемых международным сообществом, молодое поколение Афганистана может сохранить надежду на продвижение Афганистана вперед и сохранение достижений, достигнутых за последние два десятилетия.

Афганская молодежь считает политическую стабильность, безопасность и внимание к политике развития и справедливости основными условиями движения общества к просвещению, цивилизации и процветанию.

Заключение. За последние 20 лет молодое поколение афганцев проникло в различные аспекты жизни Афганистана, афганская молодежь имела возможность принимать участие в политической и социальной жизни общества, правительство назначало в основном молодежь на высокие государственные должности, поскольку в основном это были люди с новыми идеями, получившие образование в современных западных странах и хорошо понимающие, как двигаться дальше с миром. Сегодня Афганистан уже не та страна, что была 20 лет назад. Помимо некоторых традиционных и патриархальных обществ в сельских районах Афганистана, нельзя отрицать прогресс молодого поколения, особенно в городских районах и крупных городах. Захват Кабула талибами 15 августа 2021 года знаменует собой критический момент для широких слоев молодежи в плане их социальной и политической активности. Если талибы захотят контролировать людей, как они это делали в 1990-е годы, они создадут много угнетения и насилия, и талибам тоже будет нелегко. СМИ не отключили. Точно так же и протестующая молодежь, и женщины в ближайшее время не замолкнут. Молодое поколение имеет сильное желание добиться перемен в афганском обществе, хочет обсудить национальные проблемы, затрагивающие их, и не вернется к статус-кво до 2001 года. В частности, молодежь Афганистана хочет участвовать в политических процессах на национальном уровне, демонстрировать коллективную приверженность делу поощрения маргинализированных групп в сельских районах и способствовать устойчивому миру, развитию и изменениям в политике. Кроме того, многие молодые афганцы, которые были эвакуированы, хотят оставаться на связи с общественно-политическими делами своей родины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Barlas A.W. & Ammar A.* Research Findings: Afghan Youth are Dissatisfied with the Current Situation, and Thinking about Leaving the Country (Dari). 8Am. Retrieved 03 10, 2022 // <https://8am.af/results-of-a-survey-young-people-are-dissatisfied-with-the-current-situation-and-are-thinking-of-leaving-the-country/>.
2. *Bird T. and Marshall A.* Afghanistan. New Haven: Yale University Press, 2011.
3. Friedrich Naumann Foundation. Afghanistan: The Consequences of Taliban Takeover in Afghanistan. 2022 // <https://www.freiheit.org/south-asia/consequences-taliban-takeover-afghanistan>.
4. *Huntington S. and Nelson J.* No easy choice: Political participation in developing countries. Cambridge: Mass, 1976.
5. The New Humanitarian. 2022. This is why some Afghan youth say life has improved under the Taliban // <https://www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2022/08/24/Afghan-youth-and-Taliban-in-power>.

A.KH. OSMANI

*PhD student at Kazan Federal University,
Kazan, Russia*

POLITICAL PARTICIPATION OF AFGHAN YOUTH IN THE CONTEXT OF ETHNO-POLITICAL CONCERNS

After all foreign soldiers were withdrawn and the Taliban seized control of the country on August 15, 2021, Afghanistan entered a new chapter. In the second half of the year, the humanitarian situation deteriorated further as a result of the continuous fighting and the severe economic crisis that has greatly affected all Afghan people, but especially the country's youth. Young Afghans who remained in Afghanistan confront numerous difficulties, such as adaption to the Taliban so called rules, lack of access to education, financial hardship and unemployment. Among all these issues most afghan youth believe that they will have less chance to take part in civil and political activities due to their affiliation with the previous government and/or ethnic background or democratic views. This article studies the political participation of Afghan youth over the past 20 years and the impact of the current situation on the political activity of Afghan youth, since it was the youth who became the main victim of the conflicts in the country. The author believes that Afghan youth have the potential and political will to put an end to the protracted conflicts in the country.

Key words: *Afghan youth, Political participation, Youth politics, Youth migration, Afghanistan situation.*

Ф.А. ПЕТРОСЯН

*аспирант кафедры международной безопасности
и внешнеполитической деятельности России
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
(РАНХиГС), Россия, г. Москва*

JOINT EXPEDITIONARY FORCE: БРИТАНСКИЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ВОЕННОЙ АКТИВНОСТИ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ

Данная статья посвящена анализу роли Великобритании в переформатировании системы региональной безопасности в Северной Европе и возглавляемому ею военному объединению Joint Expeditionary Force – прежде всего, в вопросе интеграции Финляндии и Швеции в структуры НАТО. Тема обладает высокой степенью актуальности по причине общей значимости системы европейской безопасности в условиях текущей геополитической турбулентности. В рамках исследования выдвинута гипотеза об использовании JEF не только в качестве инструмента расширения НАТО, но и расширения военно-политического влияния Великобритании. Используются методы ивент- и дискурса-анализа. По итогам проведенного исследования выдвинутая гипотеза нашла свое практическое подтверждение в наличии существенных фактов совместного использования британских вооруженных сил на территории указанных государств, а также совершения действий, которые в той или иной мере могут считаться продвижением интересов Великобритании. Представленные результаты могут быть использованы ответственными органами государственной власти при конкретизации угроз национальной безопасности России, а также для анализа военно-политической деятельности НАТО и Великобритании в северо-европейском регионе.

Ключевые слова: *Великобритания, Северная Европа, Финляндия, Швеция, НАТО, Joint Expeditionary Force, JEF.*

Введение. 2022 год отметился глобальными политическими событиями, в числе которых запуск процесса вступления Финляндии и Швеции в Организацию Североатлантического договора (НАТО). Действия альянса в отношении двух формально внеблоковых государств отличались

невероятной скоростью обсуждения вопроса и быстротой принятия положительного решения. В этой связи можно особо выделить действия Великобритании, которая за два дня до официальной подачи заявок двух стран на вступление в альянс предоставила им гарантии безопасности, которые были закреплены в двух идентичных по своей форме документах. Несмотря на распространяемые в средствах массовой информации сообщения, характеризующие необычность данной ситуации, следует отметить, что действия Великобритании стали лишь продолжением британского военного-политического курса в Северной Европе. В рамках этой политики следует выделить деятельность объединения военного типа – Joint Expeditionary Force (далее JEF) – Объединенный экспедиционный корпус. В него входят, помимо Великобритании, Нидерланды, все страны Северной Европы – Дания, Норвегия, Исландия, Финляндия, Швеция, а также Эстония, Латвия и Литва. Представляется, что столь крупная военно-политическая структура, деятельность которой сосредоточена географически у границ России, нуждается в тщательном изучении и глубоком анализе.

Научная дискуссия. В российской политической науке данный формат сотрудничества изучен в небольшой степени. В одной из своих работ А.А. Громыко [3], анализируя положение дел в современной системе европейской безопасности, подчеркивает, что JEF – это по сути «натовский формат», так как о его запуске было объявлено на саммите альянса в Уэльсе в 2014 г. Указывается лидирующая роль Великобритании в данном объединении, однако подчеркивается, что страна на тот момент времени находилась в процессе выхода из Европейского союза. Исходя из этого, А.А. Громыко делает вывод, что формат JEF отчасти призван снизить значение потенциальных независимых европейских проектов в сфере безопасности, поддерживая необходимость существования и функционирования НАТО.

Е.В. Ананьева [2] отмечает, что правительство Великобритании в 2020 г. опубликовало документ под названием «Глобальная Британия в эпоху соперничества», где описываются подходы страны к международной и региональной безопасности. В представленной стратегии указано, что страна планирует расширять свое присутствие во многих регионах мира, что может расцениваться как претензия на новое лидерство – в пределах стратегических возможностей Великобритании. В качестве наиболее яркого примера автор приводит новый военный тихоокеанский альянс AUKUS, создание которого было ознаменовано отказом Австралии от военного контракта с Францией в пользу аналогичного – с Великобританией и США. В контексте этого также указывается формат JEF, существование которого, как указывается, должно усилить военное реагирование НАТО в случае возникновения каких-либо инцидентов. Автор отмечает, что выход из Европейского союза привел Великобританию к необходимости укреплять свое влияние

как минимум на региональном уровне, для чего успешно используются форматы подобные JEF.

При этом можно наблюдать, как некоторые авторы проводят инверсию причины и следствия военно-политических процессов. В работе А.А. Алешина [1] также кратко упоминается формат JEF в контексте оборонной стратегии Великобритании в Европе. При этом автор в статье описывает действия, которые предпринимала страна для сохранения своего влияния после выхода из состава Европейского союза. Следует отметить, что формат JEF появился в 2014 г., референдум относительно выхода Великобритании из ЕС состоялся в 2016 г. Таким образом, очевидно, что данный формат создавался не в контексте ослабления британских связей с Европой, а наоборот, в условиях усиления геополитической турбулентности. Выход Великобритании из ЕС создал необходимость для страны сконцентрироваться на вопросах региональной безопасности, что и было сделано в вышеуказанной стратегии.

Также статьи о формате JEF можно найти в иностранной литературе. Например, в своей главе в книге «The United Kingdom's Defence After Brexit» Т. Хейер [6] утверждает, что JEF сделал структуру британских вооруженных сил более «международной по замыслу» [6]. Кроме того, в работе отмечены мотивы государств при создании такого объединения. Мотивом Великобритании может быть так называемое «заполнение пробелов» в системе коллективной безопасности – увеличение количества партнеров и углубление сотрудничества с ними способствует повышению способности реагирования на кризисы. Мотивация государств-партнеров, по мнению автора, состоит в налаживании связей с лицами, принимающими решения. Исследование было построено на проведении интервью и анализе документов, эмпирические данные позволили подтвердить представленную гипотезу. Автор также анализирует возможные последствия такого объединения сил. Например, существует предположение, что вооруженные силы Великобритании могут существенно повысить свою боеготовность и способность реагирования, в случае возникновения какого-либо кризиса. Однако это также чревато ухудшением обороноспособности этих партнеров за счет повышения зависимости от британских вооруженных сил.

Проведя анализ литературы по представленному вопросу, можно сделать вывод, что формат JEF изучался в недостаточном объеме, при этом о его существовании было известно из официальных сообщений правительства Великобритании и иных публичных источников. Текущие исследования отличаются нехваткой фактологической базы по представленному вопросу – во многом, по объективным причинам. Большинство исследователей сходятся во мнении, что JEF – это формат для дальнейшего расширения НАТО через призму британских национальных интересов. Однако, все рассмотренные работы были опубликованы до 2022 г., до подачи заявки

Финляндией и Швецией на вступление в НАТО и подготовки к скорому вступлению в альянс. Предполагается, что на данный момент JEF может стать неким «теневым НАТО», реализуя форматы, которые не могут быть реализованы альянсом по соображениям безопасности. Кроме того, предполагается, что два новых члена НАТО могут остаться в сфере активных интересов Великобритании, которая и далее будет «курировать» Финляндию и Швецию в вопросах региональной безопасности.

В связи с этим, в рамках проводимого исследования выдвигается **гипотеза** о том, что формат JEF является системной и организационной формой расширения не только НАТО, но и непосредственного военно-политического влияния Великобритании в Северной Европе – прежде всего, в Финляндии и Швеции. Это может быть связано со спецификой региона, которую достаточно сложно учесть при совместной работе в рамках такого крупного альянса как НАТО. Интенсификация интеграционных усилий, как предполагается, может показать высокую эффективность реализации целей НАТО и Великобритании и повышения уровня милитаризации в Северной Европе.

С учетом того, что Финляндия и Швеция в ближайшее время планируют стать членами НАТО, очевидно, что это в значительной мере затрагивает национальные интересы России, как в Северной Европе и Арктике, так и в Балтийском регионе. В связи с этим данный вопрос нуждается в более детальном анализе и научном обсуждении.

Политический контекст. Согласно открытым данным, концепция Joint Expeditionary Force была впервые представлена в 2014 г. начальником штаба обороны Великобритании Дэвисом Ричардсоном [13]. По сути, он предложил создать новую военную структуру на основе британской армии для быстрого и эффективного противодействия угрозам Великобритании или ее союзникам. Кроме того, подчеркивается роль корпуса в обеспечении интересов НАТО, что подтверждает намерения Великобритании использовать данную военную платформу в качестве инструмента продвижения политики альянса.

Ш. Монаган в своем комментарии [12] для Центра стратегических и международных исследований (CSIS) указывает на особенности JEF и его отличия от иных «малых» форматов сотрудничества, которые существуют в рамках ЕС и НАТО. Автор отмечает, что в него входят страны, не имеющие официального членства в НАТО (Финляндия и Швеция) и участия в оборонных структурах Европейского союза (Великобритания, Дания, Норвегия и Исландия). Кроме того, от участников JEF не требуется консенсуса для решения о проведении каких-либо операций – предполагается, что подобная мера может увеличить оперативность действий объединения. И, самое главное, JEF уникален тем, что направлен именно на регион

Северной Европы – все более важную и оспариваемую часть региональной и глобальной географии.

Наиболее известным за последнее время фактом использования политического влияния Великобритании в Северной Европе стало подписание 11 мая 2022 г. Соединенным Королевством с Финляндией и Швецией соглашения о гарантиях безопасности [17; 18]. Несмотря на то, что в обоих документах указано, что они не являются юридически обязывающими, сам факт предоставления таких гарантий стал достаточно примечательным для текущей системы международной и региональной безопасности. В заявлениях указывается, что Россия воспринимается как прямая угроза, и стороны обязуются делать все возможное для противодействия ей.

С помощью официального сайта правительства Великобритании можно установить частоту упоминаний в новостной повестке указанного объединения. Для сравнения, в 2022 г., когда работа JEF стала наиболее активной, объединение упоминалось на сайте 55 раз, в 2021 г. – 20 раз, в 2020 г. – 8 раз, в 2019 г. – 13 раз, в 2018 г. – 20 раз, в 2017 г. – 10 раз, в 2016 г. – 17 раз, в 2015 г. – 11 раз. Таким образом, невозможно утверждать, что до 2022 г. JEF бездействовало, однако именно в 2022 г. деятельность объединения стала активной и систематической, что может сигнализировать о дальнейшем расширении военно-политической активности JEF.

Переходя к наиболее значимым событиям JEF прошедшего года, следует упомянуть, что 22 февраля состоялась встреча министров обороны государств-участников JEF в замке Бельвуар в Англии, на которой было заявлено об осуждении действий России на Украине [10]. В совместном заявлении подчеркивалось, что JEF создан на основе принципа дополнения функций НАТО по сдерживанию и обороне. Кроме того, была подчеркнута возможность быстрого оперативного взаимодействия между участниками объединения в случае возникновения военной угрозы.

Анализируя события 2022 г., нельзя не выделить совместное заявление министров обороны JEF от 15 июня [11], в котором выражалась поддержка решению Финляндии и Швеции присоединиться к НАТО. Кроме того, указывалось, что JEF будет активно участвовать в процессе интеграции двух государств в структуры альянса. В заключении совместного заявления подтверждалась решимость работать в соответствии с задачами НАТО и дополнить их в сфере обеспечения безопасности в регионе.

Из последних по времени заявлений JEF можно отметить заявление от 10 ноября 2022 г. [14], сделанное в Эдинбурге на повторной встрече министров обороны, а также иные «высокопоставленные должностные лица» государств-участников JEF. В заявлении отдельно отмечается, что в этом году JEF также развернула вооруженные силы и «предоставила Финляндии и Швеции практические меры безопасности посредством их вступления в НАТО» [14].

Исходя из указанных политических заявлений, можно сделать вывод о том, что объединение JEF на данный момент видит своей целью максимально быструю интеграцию Финляндии и Швеции в структуры НАТО посредством постоянной военной активности на территории указанных государств, а также их привлечение к активному взаимодействию в рамках непрямого участия в конфликте на территории Украины. С учетом политического характера сделанных заявлений, следует проанализировать ряд фактов, которые могут подтвердить гипотезу о предполагаемых целях деятельности объединения и их последствиях для региональной и международной безопасности.

Военная активность 2022 г. С февраля 2022 г. военная активность JEF в регионе существенно повысилась и стала чаще находить отражение в информационном поле. Уже 4 марта правительство Швеции опубликовало пресс-релиз о том, что шведская армия участвует в военных учениях JEF [15]. Министр обороны Швеции П. Хультквист сообщил, что «реакция шведского правительства сосредоточена на трех направлениях: санкции против России, поддержка Украины и усиление Швеции» [15]. Кроме того, были намечены планы проведения дополнительных военных учений. Таким образом, после начала специальной военной операции объединение направило свои усилия на противодействие России в достаточно открытой форме, что соответствует общему курсу европейской внешней политики. Однако эти усилия почти сразу стали иметь военный характер и начали реализовываться еще до официального решения Швеции присоединиться к НАТО. Таким образом, можно увидеть, что JEF демонстрирует высокую степень оперативности, как это и было заявлено в целях создания объединения.

Так, 20 мая 2022 г. министерство обороны Великобритании сообщило, что крупный военный штаб Великобритании переброшен в Балтийский регион для поддержки Объединенного экспедиционного корпуса (JEF) [8]. Сообщалось, что Штаб постоянных объединенных сил (SJFHQ), который обычно базируется в Нортвуде (Великобритания), в настоящее время действует еще в двух временных точках – в Литве и Латвии, а британские офицеры связи находятся в Дании, Эстонии, Финляндии и Швеции. Указывалось, что в развертывании, которое осуществляется по приглашению принимающих стран, около 180 британских сотрудников будут работать недалеко от Вильнюса (Литва) и в Риге (Латвия). Развертывание было согласовано всеми десятью странами JEF на встрече министров обороны JEF в замке Бельвуар в Лестершире в феврале 2022 г. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что военные усилия Великобритании в рамках деятельности JEF сосредоточены не только на странах Северной Европы, но и их акваториях – прежде всего, в Балтийском море. Следует отметить, что на этой локации также сосредоточены усилия НАТО – например, с 5 по 17 июня 2022 г. в Балтийском море проводились учения «Балтопс-2022», в которых

участвовали 14 стран НАТО, а также Финляндия и Швеция. В учениях было задействовано свыше 45 кораблей, свыше 75 самолетов и 7500 человек личного состава [1].

Кроме того, 5 июля 2022 г. оборонное ведомство Швеции указало, что Объединенный экспедиционный корпус увеличивает свое присутствие в Швеции и Финляндии [9]. Как заявило ведомство, «эти учения и ряд дополнительных учений JEF, запланированных на ближайшие месяцы, следуют за решением министров обороны стран-партнеров JEF на их встрече в июне увеличить присутствие JEF в регионе Балтийского моря, пока Швеция и Финляндия ждут своего членства в НАТО» [9]. «Совместные учения, проводимые странами JEF, такие как здесь, в Сотенасе, укрепляют нашу способность действовать сообща в ответ на кризис в нашем районе. Это особенно важно в сегодняшних сложных условиях безопасности» [9], сообщил по этому поводу министр обороны Швеции П. Хультквист.

Продолжая тему военной активности Великобритании в Северной Европе, следует также упомянуть сообщение министерства обороны Соединенного Королевства от 4 сентября 2022 г., в котором указывалось, что британские войска приняли участие в учениях «Vigilant Knife» вместе с вооруженными силами Швеции и Финляндии, «что еще больше укрепило оперативную совместимость в преддверии вступления Швеции и Финляндии в НАТО» [16]. Sky News обращает внимание, что учения проводились в экстремальных условиях вблизи городов Рованиеми и Роваярви на севере Финляндии, что позволяет британским военным «развить свои навыки и опыт ведения боевых действий в холодных погодных условиях» [5]. При этом, подчеркивается, что военные маневры проходят на фоне проведения специальной военной операции на Украине, что подразумевает восприятие России в качестве потенциального противника.

Из представленных фактов можно сделать вывод, что Великобритания целенаправленно увеличивает свое военное присутствие в странах Северной Европы и, прежде всего, на территориях сопредельных с Россией государств. Таким образом, можно обоснованно допустить, что дальнейшая деятельность Соединенного Королевства после предполагаемого вступления Финляндии и Швеции в НАТО будет связана с планомерным размещением своих войсковых соединений на территориях упомянутых стран с целью расширения своего военно-политического влияния в регионе.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что военно-политическая деятельность JEF в 2022 г. существенно активизировалась на фоне общемирового уровня геополитической турбулентности. Возрастание этой активности оказалось сопряженным с расширением присутствия Великобритании в регионе, а также со стартом и быстрым развитием процесса вступления Финляндии и Швеции в НАТО.

Таким образом, тезис о возрастании британского военно-политического влияния в указанных государствах может быть подтвержден.

Дальнейшие события показывают, что работа JEF продолжается – страны-участники формата активно проводят военные учения, в том числе и на территории Финляндии и Швеции. Это может свидетельствовать о том, что дальнейшие функции JEF будут заключаться в усилении присутствия Великобритании в данном регионе. Следует ожидать дальнейшего увеличения активности военных учений, а также действий Великобритании по постоянному или временному размещению своих войсковых соединений на территории Финляндии и Швеции.

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО очевидным образом создает дополнительные риски национальной безопасности Российской Федерации. Данный факт уже принят во внимание ответственными государственными органами власти. Однако специфика данного процесса, раскрытая в текущей статье, должна стать поводом для более глубокого исследования представленных рисков.

Рассмотренную тему можно считать перспективной для проведения дальнейших исследований. Это особенно важно в контексте скорого завершения процесса ратификации вступления Финляндии и Швеции в НАТО. Исследование проблематики безопасности может быть продолжено с использованием количественных методов с учетом новых эмпирических данных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алешин А.А.* Сотрудничество Великобритании и Европейского союза по вопросам безопасности и обороны после Брекзита // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4.

2. *Ананьева Е.В.* Британия между США и Европой // Россия и Америка в XXI веке. 2021. Выпуск No 4.

3. *Громыко А.А.* Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. No 2.

4. 16 стран-членов и партнеров НАТО принимают участие в учениях «Балтопс-22». 07.06.2022 // Организация Североатлантического договора // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196240.htm?selectedLocale=ru.

5. Exercise Vigilant Knife: British troops take part in cold weather training with Swedish and Finnish armed forces // Sky News // <https://news.sky.com/story/exercise-vigilant-knife-british-troops-take-part-in-cold-weather-training-with-swedish-and-finnish-armed-forces-12689532>.

6. *Heier T.* Britain's joint expeditionary force: a force of friends? // The United Kingdom's Defence After Brexit. Palgrave Macmillan, Cham, 2019.

7. Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Global Britain in a competitive age. GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.

8. Joint Expeditionary Force deploys to the Baltics. 20.05.2022 // GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/news/joint-expeditionary-force-deploys-to-the-baltics>.

9. Joint Expeditionary Force increases its presence in Sweden and Finland. 05.07.2022 // Government Office of Sweden // <https://www.government.se/articles/2022/07/joint-expeditionary-force-increases-its-presence-in-sweden-and-finland>.

10. Joint statement by Defence Ministers of the Joint Expeditionary Force // GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-by-defence-ministers-of-the-joint-expeditionary-force>.

11. Joint statement by Joint Expeditionary Force Defence Ministers // GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-by-joint-expeditionary-force-defence-ministers>.

12. *Monaghan S.* The Joint Expeditionary Force: Global Britain in Northern Europe? Commentary by Sean vjyfaghan. 25.03.2022 // Center for Strategic and International Studies // <https://www.csis.org/analysis/joint-expeditionary-force-global-britain-northern-europe>.

13. Speech by General Sir David Richards, Chief of the Defence Staff. 17.12.2012 // Royal United Services Institute (RUSI). GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/speeches/chief-of-the-defence-staff-general-sir-david-richards-speech-to-the-royal-united-services-institute-rusi-17-december-2012>.

14. Statement from the Joint Expeditionary Force // GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/news/statement-from-the-joint-expeditionary-force>.

15. Sweden takes part in Joint Expeditionary Force exercise // Government Office of Sweden // <https://www.government.se/press-releases/2022/03/sweden-takes-part-in-joint-expeditionary-force-exercise>.

16. UK Armed Forces continue to strengthen interoperability with Finland and Sweden // UK.GOV // <https://www.gov.uk/government/news/uk-armed-forces-continue-to-strengthen-interoperability-with-finland-and-sweden>.

17. UK-Sweden Political Declaration of Solidarity. 11.05.2022 // GOV.UK // <https://www.gov.uk/government/publications/united-kingdom-sweden-statement-11-may-2022/united-kingdom-sweden-statement>.

18. United Kingdom – Finland statement. 11.05.2022 // UK.GOV // <https://www.gov.uk/government/publications/united-kingdom-finland-statement-11-may-2022/united-kingdom-finland-statement>.

PH.A. PETROSYAN

*Postgraduate student of the Department
of International Security and Foreign Policy of Russia,
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian
Federation (RANEPA), Moscow, Russia*

JOINT EXPEDITIONARY FORCE: THE BRITISH FACTOR OF INCREASING THE MILITARY ACTIVITY OF FINLAND AND SWEDEN

This article is devoted to the analysis of the role of Great Britain in reformatting the regional security system in Northern Europe and the Joint Expeditionary Force, which it leads, primarily in the issue of integrating Finland and Sweden into NATO structures. The topic has a high degree of relevance due to the overall importance of the European security system in the context of the current geopolitical turbulence. As part of the study, a hypothesis was put forward about the use of the JEF not only as a tool for expanding NATO, but also for expanding the military-political influence of Great Britain. The methods of event and discourse analysis were used. Based on the results of the study, the hypothesis put forward has found its practical confirmation in the presence of significant facts of the joint use of British armed forces on the territory of these states, as well as the commission of actions that, to one degree or another, can be considered as promoting the interests of Great Britain. The presented results can be used by the responsible state authorities when concretizing threats to Russia's national security, as well as for analyzing the military-political activities of NATO and Great Britain in the Northern European region.

Key words: *Great Britain, Northern Europe, Finland, Sweden, NATO, Joint Expeditionary Force, JEF.*

В.Д. ПОТУРУХИН

*аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ КОНФИГУРАЦИЮ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современная система международных отношений представляет собой взаимодействие территориально и административно обособленных обществ, представленных в виде множества государств-наций. В настоящее время указанная система международных отношений, функционирующая на протяжении четырех веков и именуемая Вестфальской, являлась фундаментом для сменяемых друг друга миропорядков, в рамках которых в процессе мировой политики доминировали те или иные государства-нации. В то же время, современный процесс углубления глобализации во всех сферах общественной жизни создал условия всеобъемлющей территориально-политической, экономической и даже общественно-культурной интеграции, что образует фундаментальные противоречия по отношению к Вестфальской системе международных отношений. Так, глобальный масштаб реального взаимодействия противоречит региональному характеру существующей нормативно-правовой системе. Одновременно изучаются перспективы института государства в условиях глобализации и противоречия мир-системы, основанной на принципе территориально раздробленных государств-наций.

Ключевые слова: *Вестфальская система международных отношений, мировая политика, глобализация, мир-система, институт государства, государство-нация.*

Глобализация является процессом общепланетарного характера, обозначающим интеграцию (слияние) разрозненного множества обществ, а также их деятельности в единое целое. Указанный процесс призван систематизировать и стандартизировать экономическую, социальную, политическую

и духовную жизнь обществ, исключив из нее территориальный признак и переведя ее на глобальный уровень.

Представляется возможным рассмотреть реальную степень глобализации, указав на критическую взаимозависимость современных национальных экономик. Данная зависимость государств наиболее разрушительно проявилась в моменты введения ими режимов внешней и внутренней изоляции в целях борьбы с распространением Covid-19. Нарушение глобальных цепочек производства и поставок товаров и оказания услуг привели к критическим дефицитам сырья и комплектующих на предприятиях различных стран, а также глобальному торговому дисбалансу. Изоляция стран-производителей, а также резкое сокращение мирового импорта из-за введения торговых ограничений привело к остановке других предприятий вследствие отсутствия необходимых комплектующих.

Экономическая глобализация породила такую форму международных экономических отношений как глобальное разделение труда, повышающее эффективность мирового производства, но также и резко увеличивающее риски вследствие глобальных потрясений, что и было доказано в ходе пандемии Covid-19.

На социокультурную сферу глобализация также оказывает сильнейшее влияние. Развитие микроэлектроники и телекоммуникационных технологий запустило процесс стандартизации изначально уникальных в социокультурном отношении обществ. Создание сети «Интернет» и распространение персональных компьютеров и смартфонов, открыли возможности для информационного контакта в рамках всего земного шара. В результате всемирной популяризации персональных гаджетов созданы условия для возникновения новой среды обитания человека – информационной. Единое информационное пространство, в котором оказались все культуры мира, послужило фундаментом глобальных трансформаций социокультурных укладов. Одной из финальных форм глобализации видится создание и распространение универсальной общепланетарной культуры – социокультурная глобализация.

Исходя из всего вышесказанного, представляется возможным сделать вывод, что глобализация унифицирует все сферы жизни многочисленных и различных между собой обществ, приводя их к общему «знаменателю».

Важно заметить, что глобальная пандемия Covid-19, а также усиливающаяся в настоящий момент геополитическая борьба между центрами силы в лице США, России и Китая во многом препятствуют процессу углубления всеобъемлющей интеграции и, фактически, подводят глобальное сообщество к развороту вышеуказанного процесса в сторону понижающего тренда – деглобализации. Например, в сфере экономики наблюдаются попытки многих стран исключить зависимость от единственного поставщика (инвестиции США в развитие собственных микроэлектронных

производств в целях исключить зависимость от Тайваня и Китая; последовательная многонаправленная политика России по импортозамещению).

Необходимо подчеркнуть, что глобализация, вероятно, подчиняется универсальному закону цикличности, в рамках которого присутствуют повышательные и понижательные глобализационные волны. В то же время, нельзя исключить, что указанный процесс является объективным, а его общее направление, несмотря на периодические откаты, остается неизменным – глобализация. Пик каждого цикла характеризуется более высокой степенью интеграции в сравнении с предыдущим. Таким образом, человечество неуклонно движется по пути размывания признаков национальной идентичности, экономических и информационных границ, а также потери актуальности системы государств-наций.

В этой связи встает вопрос о необходимости наличия государств. Так или иначе ряд признаков государства-нации в условиях глобализации утрачивает свою актуальность – размывание национального языка и культурных особенностей, заменяемых универсальными ценностями индивидуализма и материального потребления, утрата экономического суверенитета (вытеснение государства из экономической жизни общества, построенного на принципах рыночных отношений), утрата политического суверенитета (передача компетенций к институтам глобального управления), потеря актуальности административно-территориального обособления частей человечества.

Вместе с тем возникает и необходимость полной трансформации Вестфальской системы международных отношений, на принципах которой в настоящее время осуществляется межнациональное взаимодействие, центральным субъектом которого является государство-нация. Иными словами, приведение человечества к общему экономическому и социокультурному «знаменателю», слияние многочисленных уникальных наций под едиными универсальными ценностями подводят процесс глобализации к своему финальному «аккорду» – завершение политической глобализации и общепланетарное объединение в одно территориально-административное целое. В таком случае происходит демонтаж государство-центристской системы международного общения в силу упадка самого субъекта таких отношений.

Таким образом, главным вопросом настоящего исследования оказывается: кто или что будет руководить объединенным человечеством, когда система государств-наций потеряет свою актуальность и потребует своей замены более прогрессивной глобальной системой управления.

В целях ответа на поставленный вопрос представляется возможным изучить классический актор международных отношений, оценив его имеющийся ресурс к функционированию, а также его системообразующие возможности в условиях формирования глобального сообщества с одним общепланетарным административным центром.

Современная система мироустройства основана на взаимодействии между собой множества самостоятельных и обособленных обществ по вопросам экономики, политики, гуманитарной и военной сфер и т.д. Центральной административно-правовой единицей в данном взаимодействии является государство, а общества, проживаемые на территории государств, принято называть нациями. Именно на данном фундаменте и сформировалось определение «государство-нация», отражающее общество, входящее в административно-правовую юрисдикцию какой-либо строго определенной территории.

Таким образом, представляется возможным заметить, что человечество является глубоко разобщенным, а взаимодействие между его частями происходит по большей степени в рамках системы государств-наций или, иными словами, между отдельными самостоятельными территориями, имеющими полноту власти внутри себя.

Современная система мироустройства, международных отношений (Вестфальская), главным субъектом которой выступает государство-нация, получило свое начало в 1648 году и вот уже на протяжении почти четырех сот лет остается фундаментом, на котором строится взаимодействие разрозненных человеческих обществ.

Необходимо заметить, что одной из центральных категорий Вестфальской системы мироустройства является принцип баланса сил, на практике выражающийся в модели международных отношений, принятой на определенный момент времени. Таким образом, Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская, постбиполярная модели международных отношений отражают лишь структуру баланса сил между государствам-нациями в момент времени.

Нарастающая глобальная напряженность, выраженная в геополитической борьбе центров силы в лице США, Китая и России за сохранение или же расширение сфер влияния, также поддается логическому обоснованию с точки зрения теории международных отношений и имеет многочисленные аналоги в мировой истории. С одной стороны, гегемон, являющийся бенефициаром текущей модели международных отношений, заинтересован в сохранении и продолжении устоявшейся модели. С другой стороны, новообразованные центры силы выдвигают претензии гегемону на расширение своих сфер влияния, что ведет к слому устоявшейся модели международных отношений. Данный процесс подчиняется универсальному закону цикличности и функционирует в рамках Вестфальской системы международных отношений, где государства-нации борются за власть друг над другом.

В то же время глобализация ведет к слому не столько устоявшейся модели, сколько всей системы мироустройства. Функционирующие на протяжении веков принципы межнационального взаимодействия оказываются

неактуальными вследствие нарастания зависимости государств-наций друг от друга.

Более того, глобализм, рассматривая мир-систему в масштабах всего человеческого вида, а не обособленных обществ, проживающих на определенной территории, подрывает весь теоретический аппарат самой теории международных отношений, лишая ее самого понятия «международный» и всех вытекающих из данного фундамента категорий, например, баланс сил или государство-нация.

Исходя из всего вышесказанного, представляется возможным сделать следующее замечание – рано или поздно, в том случае, если человеческий вид не истребит сам себя в рамках текущей системы мироустройства в попытках борьбы одних территорий (государств-наций) за власть над другими территориями, человечество ждет объединение в одно политэкономическое целое, это объективный процесс.

В таком случае, необходимо представить потенциальный фундамент, на основе которого будет сформирована новая глобальная мир-система, исключаяющая более низкий и примитивный по масштабу территориальный принцип мироустройства.

Теоретически государство как социальный институт вполне допускает свое функционирование в глобальном, общепланетарном масштабе. На практике ограниченность глобального масштаба существования государства обусловлена не столько какими-либо функциональными особенностями государства как социального института, сколько сохранением текущей системы международных отношений, фундаментальной основой которой является наличие множества государств-наций, преследующих не общечеловеческие, а сугубо узкие национальные интересы.

Функционирование института государства в глобальном масштабе не исключает и его характерных признаков, которые также могут быть перенесены и применимы в более широком масштабе нежели в рамках какой-либо части человечества, проживающей на определенной территории. Такой признак государства как «территория» может быть рассмотрен как в рамках государства-нации, охватывающего лишь часть среды обитания человеческого вида, так и в рамках всей человеческой цивилизации. Такие признаки как суверенность, аппарат принуждения, законотворчество и другие также могут быть применимы к глобальному государству.

Таким образом, представляется возможным заметить, что потенциал развития государства как социального института далеко не исчерпан и имеет соответствующий теоретический фундамент. В то же время, практическая применимость принципов государственного института в глобальных масштабах сталкивается с Вестфальской системой международных отношений, а также современной теорией международных отношений в связи с тем, что принципы глобального государства по своей сути отрицают категорию

международных отношений в принятом современным научным сообществом понимании, а также вытекающую из него категорию нации.

Попытки политического объединения административно-территориально разрозненных обществ имеют многочисленные исторические примеры и принимаются сегодня. В теории международных отношений данное явление определяется как союз государств-наций. На глобальном уровне данные попытки выразились в таких организациях как Лига Наций и Организация Объединенных Наций, однако их эффективность подвергается постоянной критике со стороны научного сообщества в силу того, что регуляционные решения указанных организации носили и носят лишь рекомендательный характер. Следовательно, представляется возможным говорить об отсутствии у данных организаций целого ряда признаков института государства, а попытки создания наднационального уровня власти назвать поиском компромисса между противоречащими друг другу системами.

В заключение необходимо отметить, что объективный процесс глобализации противопоставляет себя территориальному разделению человечества и, наоборот, стремится к максимальной интеграции во всех сферах жизни общества. Это определяет антагонистичность современной Вестфальской системы международных отношений и глобализации. В то же время, воспринимать демонтаж системы мироустройства на принципе государств-наций как разрушение института государства является некорректным. Указанное явление теоретически открывает путь к реальному объединению административно-территориально обособленных обществ на фундаменте реформированного института государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бузгалин А.В.* Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. Выпуск № 1.
2. *Бузгалин А.В.* Глобальный капитал. По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма / А. Бузгалин, А. Колганов. М.: Ленанд, 2015.
3. *Давыдов Д.А.* Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: URSS, 2020.
4. *Ильин И.В.* Политическая глобалистика: учебник и практикум для вузов / И.В. Ильин, О.Г. Леонова. М.: Юрайт, 2020.
5. *Капустина Л.М.* Транснациональные корпорации: роль в экономическом развитии России. М.: Издательство образования и науки РФ Уральского государственного экономического университета, 2015.

6. Катасонов В.Ю. Империализм как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916-2016 годы). Тверь: Издательский дом «Кислород», 2016.

7. Леонова О.Г. Глобальный мир в XXI веке: архитектура и статусная иерархия // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5.

8. Леонова О.Г., Ильин И.В., Андреев А.И. Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства. Международный научный Конгресс «Глобалистика-2009» // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6.

9. Леонова О.Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. М.: Учитель. № 1.

10. Молчанов С.М. «Политические партии США на современном этапе». Либерализм Запада XVII-XX вв. М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2011.

11. Науменко Т.В. Наша задача – формирование новых элит // Экономика и управление: проблемы, решения. М.: ООО ИД НБ, 2015. № 1.

12. Науменко Т.В. Парадигмальный кризис современной экономической теории и пути его преодоления, решения // Экономика и управление: проблемы, решения. М.: ООО ИД НБ, 2016. № 9-2 (2).

13. Науменко Т.В. Постмодернизм как объяснительная парадигма социально-экономических трансформаций // Финансовая экономика. 2018. № 12.

14. Науменко Т.В. Современные процессы глобализации в аспекте массово-информационного воздействия // Экономика и управление: проблемы, решения. М.: ООО ИД НБ, 2020. № 4 (2).

15. Саямов Ю.Н. О философии, ценностях и смыслах международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2018. № 1.

16. Хайт В.Л. Архитектура Запада. Модернизм и постмодернизм, критика концепций. М.: Стройиздат, 2017.

17. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017.

18. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2018. № 1.

V.D. POTURUKHIN

*Postgraduate student, faculty of global studies
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

GLOBALIZATION INFLUENCE ON MODERN CONFIGURATION OF THE WESTPHALIAN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The modern system of international relations is the interaction of geographically and administratively separate societies, represented in the form of a multitude of nation-states. Currently, this system of international relations, which has been functioning for four centuries and is called the Westphalian system, was the foundation for successive world orders, within which certain nation-states dominated the process of world politics. At the same time, the modern process of deepening globalization in all spheres of public life has created conditions for comprehensive territorial-political, economic and even socio-cultural integration, which forms fundamental contradictions in relation to the Westphalian system of international relations. Thus, the global scale of real interaction contradicts the regional nature of the existing regulatory system. At the same time, the prospects of the institution of the state in the context of globalization and the contradictions of the world-system based on the principle of geographically fragmented states-nations are being studied.

Key words: *the Westphalian system of international relations, world politics, globalization, the world-system, the institution of the state, the state-nation.*

Л.М. ЦАХИЛОВА

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

НАТО: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Анализ сложной мировой геополитической обстановки в мире и изменения архитектуры международной и европейской безопасности невозможен без переосмысления роли и значения международных организаций, которые стали одними из ключевых акторов международных отношений. Организация Североатлантического договора является одним из ключевых игроков на международной политической арене. Одна из крупнейших международных организаций, численность военного контингента различного рода войск которой перекрывает численность вооруженных сил множества государств, а расходы на оборону и военные траты которой превосходят бюджеты многих стран мира, а противоречивая и неоднозначная политика, которую проводит этот военно-политический альянс на протяжении всего своего существования, не может не вызывать интереса у исследователей, политиков и широкого круга гражданского общества.

В статье рассматривается роль организации Североатлантического договора, ее трансформация на протяжении всего своего существования и роль в современных международных отношениях, а также ключевые аспекты взаимодействия с Россией.

Ключевые слова: НАТО, Североатлантический альянс, международная безопасность, политика безопасности.

Введение. Один из крупнейших военно-политических союзов в мире, который на сегодняшний день насчитывает 30 стран, а также ряд государств, претендующих на вступление в организацию, военный бюджет которого превышает 1,56 млрд долларов США только в 2022 году, что превышает объем расходов на оборону многих стран мира, программы по инвестициям в обеспечении безопасности, сложная организационная и иерархическая структура внутри организации не могут не вызывать интереса в исследовании.

Вопросы изучения роли организации Североатлантического договора в сложной структуре мирополитических процессов всегда привлекали

внимание ученых, они рассматриваются в работах отечественных исследователей – Г.А. Арбатова, Н.К. Арбатовой, В.З. Дворкина, Д.Н. Калачева, С.К. Ознобищева, Е.П. Бужинского, А.А. Бартоша, В.Г. Барановского, Я.В. Волкова, И.Ю. Юргенса, А.А. Пикаева, Н.В., Котляра, А.И. Уткина [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 16; 20; 21; 24; 27] и многих других, а также зарубежных исследователей, таких как Дж. Най, С. Хантингтон, Т. Фридман, Ф. Закария и др. [25; 28; 29; 30].

Гипотеза о том, что организация выполнила свою роль, и ее существование после окончания «холодной войны» не представляет смысла и нецелесообразно, не только не подтвердилась, но и получила опровержение, так как организация не только сумела перестроиться и адаптироваться под изменяющийся и глобализирующийся мир, поменять свои ориентиры, но и стремиться претендовать на выполнение роли арбитра в мирополитической системе и в системе международной безопасности. Способность НАТО адаптироваться к динамично меняющимся условиям безопасности стала ключом к ее выживанию и долголетию.

Следует подчеркнуть, что НАТО представляет собой беспрецедентный политический и военный союз, вокруг которого создана значительная институциональная надстройка.

Фактически в настоящее время организация выполняет роль связующего звена между Европой и Северной Америкой, и практически является инструментом продвижения политических интересов Соединенных Штатов Америки на европейском континенте в военно-политической сфере при сохранении их доминирующей роли в альянсе.

За последние несколько лет, тенденции к проведению жесткой военно-политической линии поведения, которую проводит альянс не только не ослабевают, а только нарастают, в особенности в модели коммуникации с Российской Федерацией. Неоднозначность взаимодействия со многими акторами мировой политики, которая прослеживается через проблемные точки соприкосновения с оппонентами, зоны взаимодействия и разногласия, преимущественно с Российской Федерацией, неоднозначность процедуры принятия решений часто приводит к проблеме и ставят под сомнение легитимность этих решений и приводят к кризису в области международной безопасности. Это является причиной для проведения более детального исследования.

История создания организации. Организация Североатлантического договора или НАТО, как ее чаще упоминают в различных источниках является одним из ключевых игроков и одной из центральных международных организаций, занимающихся вопросами европейской и в целом международной безопасности.

Формирование НАТО как универсального института международного сотрудничества в области безопасности происходило в годы «холодной

войны». В этот период организация ставила перед собой задачу противостояния враждебному блоку – Организации Варшавского договора.

Ялтинские соглашения послужили одной из причин формирования послевоенной расстановки сил в Европе с фактическим разделом сфер влияния между СССР и США. Как утверждают многие исследователи, План Маршалла (1947-1948) поспособствовал сближению 17 государств в общее политико-экономическое пространство.

Момент заключения Брюссельского договора между Бельгией, Великобританией, Люксембургом, Нидерландами и Францией, многие называют одним из первых шагов на пути формирования Североатлантического альянса.

В марте 1949 года произошло опубликование проекта Североатлантического договора [22], а месяц спустя в Вашингтоне состоялась конференция при участии таких стран как: Канада, Дания, Исландия, Норвегия и Португалия и страны Западного союза. Примечательным также было участие Италии в вышеуказанной конференции. Сами же термины НАТО и Организация Североатлантического договора, Североатлантический альянс появились намного позднее и связывают их с конвенцией, которая была подписана в Оттаве в 1951 году.

Как это часто происходит с международными организациями, и НАТО не становится исключением, организация существовала с проблемами в правовом оформлении, однако уже в начале 50-х годов XX века, она становится полноценной международной организацией с жесткой иерархией. В этот период становится понятно, что в альянсе делают ставку на военно-политическую составляющую.

С принятием Вашингтонского договора одной из главных статей которого является 5, которая гласит: «Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-ой Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона.

О любом подобном вооруженном нападении и всех принятых в результате него мерах немедленно сообщается Совету безопасности. Подобные меры будут прекращены, когда Совет безопасности примет меры, необходимые

для восстановления и сохранения международного мира и безопасности [14].

Данная статья и по сей день является предметом большинства споров вокруг договора и альянса.

Довольно сложно выделить критерии периодизации в истории организации. Но в основном большинство исследователей ссылаются на периоды расширения НАТО и присоединение новых членов.

На сегодняшний день можно выделить 8 «расширений» организации.

Первым и вторым расширением принято считать присоединение Турции и Греции в 1952 году и Западной Германии в 1955 году. Затем произошли новые присоединения государств, таких как: Испания (1982 год – третье расширение), Польша, Чехия и Венгрия (1999 год – четвертое расширение), в 2004 году произошло пятое расширение с присоединением к Североатлантическому альянсу Литвы, Латвии, Эстонии, Болгарии, Румынии, Словакии и Словении, 2009 год ознаменован присоединением к организации Албании и Хорватии (шестое расширение НАТО), предпоследним расширением является присоединение Черногории (седьмое расширение НАТО), и наконец последним на сегодняшний день остается вхождение в организацию Македонии в 2020 году (восьмое расширение НАТО).

В настоящее время структура насчитывает 30 государств членов организации, а также страны кандидаты, которые подали заявки в 2022 году после начала Специальной военной операции Российской Федерации на Украине – Финляндия и Швеция, а также страны, стремящиеся к вступлению в организацию – Грузия, Босния и Герцеговина, Украина, Косово.

В период окончания холодной войны, в условиях, когда система биполярного мира трансформировалась, и на долгие годы многополярность стала основой мировой политики в целом, организация Североатлантического альянса не могла не подвергнуться кардинальным изменениям и продолжать свое существование в своем прежнем виде. Именно тогда и начинается время трансформации организации для встраивания в новую архитектуру безопасности.

На тот момент многие эксперты считали, что с распадом Организации Варшавского договора, а также СССР как одного из полюсов биполярного мира, также произойдет распад НАТО как организации и военной структуры, однако страны, входившие в состав организации приложили немало усилий и приспособили этот блок к изменившейся военно-политической обстановке.

Между тем, организация трансформировалась и стала одним из самых мощных и весомых военно-политических блоков XXI века.

Военные операции НАТО. Несмотря на то, что Организация Североатлантического договора является военно-политическим альянсом, ее деятельность разделена на военную и «невоенную» компоненты.

Организация также занимается вопросами экономики, энергетической безопасности, образования, науки, вопросами окружающей среды.

Если рассматривать основную военную компоненту деятельности НАТО, то ее анализ невозможен без изучения и исследования участия организации в военных конфликтах по всему миру.

По настоящее время альянс принял участие в таких конфликтах как: война против Ирака в Кувейте (1991 г.), войны на территории бывшей Югославии «Морской монитор», Босния и Герцеговина – операция «Обдуманная сила» (1995-2004 г.), Сербия – операция «Союзная сила» (1999 г.), Македония (2001-2003 гг.); Афганистан (2001 г.; 2014-2021 г. Операция «Решительная поддержка», Ирак (2003 г.), миротворческая операция в Судане (2005 г.), Ливия – операция «Объединенный защитник» (2011 г.).

Все вышеперечисленные операции проходили при поддержке мандатов Совета безопасности Организации объединенных наций, кроме операции «Союзная сила».

Также организация принимала участие во множестве операций по сдерживанию и обороне, а также в операциях кризисного регулирования и реагирования на кризис, количество которых выходит за пределы 30.

Важным фактором существования альянса является его политика принятия решений на основе консенсуса или единогласия. Система гарантирует уважение суверенитета и воли каждого государства-члена. Тем не менее за 70 лет существования Североатлантического альянса бывали кризисы, при которых отдельные страны НАТО не могли добиться солидарности с другими союзниками. Примером могут служить различные оценки легитимности интервенции НАТО в Ираке в 2003 г. или военной интервенции в Ливии в 2011 г., когда мнения стран-участниц НАТО разделились и ввиду этого, консенсуса достичь не удалось.

Вся военная деятельность НАТО крайне неоднозначна и часто подвергается критике со стороны мировой общественности. Организация часто обвиняется в продвижении интересов США. И все чаще можно услышать упреки, что альянс давно отошел от тех принципов, которые провозгласил, среди которых демократия, мирное урегулирование споров, свобода и безопасность своих членов, а в большинстве случаев только поощряет и способствует укреплению позиций США на мировой арене.

Взаимодействие России и НАТО. Взаимодействие Российской Федерации и Организации Североатлантического договора, за исключением кратковременных периодов сотрудничества, на протяжении всей истории взаимоотношений этих двух акторов международных отношений, оставались всегда крайне напряженными. Данный феномен не удивителен даже исходя из целей создания организации, направленной на сдерживание Советского Союза, и по сей день вышеуказанный вектор политики НАТО неизменен, несмотря на все ранее звучавшие заявления высшего

руководства организации о намерениях к сотрудничеству. Одним из главных разногласий являлось и остается расширение организации и продвижение на восток непосредственно к границам Российской Федерации.

В феврале 2007 года, на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, В.В. Путин привел цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года, которая звучала как: «Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности» [17].

Еще одним аргументом нерасширения Организации на восток служит 5 статья Договора об урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года, в которой прописано о недопущении иностранных войск и ядерного оружия, а также его носителей в восточной части Германии.

Расширение НАТО – это вопрос, затрагивающий жизненные интересы России, наряду с вопросом адаптации ДОВСЕ, системы американской ПРО и др. К сожалению, в этих вопросах США часто отказываются от равноправного диалога с Россией. Их позиция часто идет вразрез с положениями основополагающего акта 1997 г. и Римской декларации 2002 г. и носит провокационный характер [20].

Сейчас уже трудно представить, однако одними из первых попытки налаживания контактов с Организацией были предприняты первым президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным, когда была предпринята попытка рассмотрения вопроса вступления России в организацию. Произошло это посредством его обращения, адресованного министрам иностранных дел – членам Североатлантического альянса и названо это «долгосрочной стратегической целью». Тогда же Российская Федерация попадает в число стран основателей Совета североатлантического сотрудничества.

Оптимистично была встречена российской стороной программа «Партнерство ради мира», индивидуально направленная на участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), которые не являлись участниками Североатлантического альянса.

Вектор, направленный на сотрудничество и сближение с организацией сменился в момент назначения на пост Министра иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примакова. Тогда же и поменялась официальная позиция России по отношению к попыткам организации к расширению.

В своих первых речах на посту Министра иностранных дел Е.М. Примаков выступал категорически против расширения НАТО и подчеркивал, что данный процесс подрывает основы международной, европейской безопасности и стабильности.

Новой предпосылкой к сближению России и НАТО в начале XXI века послужили трагические события 2001 года, произошедшие в США. Следующий год был ознаменован подписанием Римской декларации

«Россия – НАТО: новое качество», тогда же произошло создание Совета Россия-НАТО. Это послужило толчком к развитию связей по множеству направлений. Разногласия произошли в связи с ситуацией, связанной с решением США о выходе из договора 1972 г. об ограничении систем ПРО1 [19]. Конфронтационный характер отношения России и НАТО вновь приобрели в 2008 году, когда произошел грузино-югоосетинский конфликт. Происходит прекращение деятельности совета Россия-НАТО. Агрессивная риторика и провокационная деятельность альянса привели отношения в новую стадию оппонирования. Склонность НАТО к конфронтации была предвосхищена и предана огласке в мюнхенской речи В.В. Путина в 2007 г., о которой упоминалось ранее [17]. Речь привлекла внимание мировой общественности к политике культивирования однополярности мирового политического порядка США и несоблюдению ряда договоренностей Североатлантическим альянсом.

Однако в 2009 году происходит возобновление работы Совета Россия-НАТО. Восстанавливается взаимодействие по направлению борьбы с терроризмом. Вновь возобновились разговоры о возможном вступлении в организацию, однако они остались безрезультатными. Обе стороны всегда понимали невозможность осуществления данной инициативы, ведь такая возможности противоречит сути создания Организации.

Однако данное улучшение и налаживание партнерских связей носило краткосрочный характер.

С 2014 года, в связи с событиями, связанными с вхождением нового субъекта в состав Российской Федерации, отношения с НАТО носят жесткий конфронтационный характер. Вновь произошло официальное прекращение какого-либо сотрудничества.

Необходимо отметить, что новый виток в эскалации отношений между Россией и Североатлантическим альянсом произошел в 2014 г., после перехода Крыма под юрисдикцию Российской Федерации. Руководство НАТО рассчитывало после выведения российского черноморского флота разместить на полуострове свои военные базы, что способствовало бы их полному контролю практически всей акватории Черного моря территории и причерноморских государств. Сыграв на опережение, Россия разрушила все планы Вашингтона. Результат известен: НАТО обвинило Россию в совершении агрессии против Украины и объявило о прекращении военного сотрудничества. Это также дало повод Западу раздувать миф о российской угрозе [23].

Продвижение военной инфраструктуры альянса на Восток является одной из главных проблем в отношениях между Россией и НАТО.

Рост военно-политического потенциала Североатлантического альянса, нерегулируемое расширение на Восток, приближение к границам России привело стремительному ухудшению итак не самых простых отношений между Россией и НАТО.

Начало Специальной военной операции Российской Федерации на Украине послужило поводом альянса для усугубления и без того испорченных отношений.

Проанализировав хронику взаимодействия России и НАТО, можно сделать вывод, что сейчас они достигли апогея конфликтности за всю историю.

Взаимные обвинения, провокации со стороны альянса, а также нежелание идти на уступки и компромиссы со стороны НАТО только усугубляют сложившуюся ситуацию.

Многочисленные попытки договориться с российской стороны о мерах деэскалации не привели к каким-либо существенным результатам.

На проходившей 5 декабря 2022 года Московской конференции по нераспространению Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров высказал мнение: «Одним из катализаторов нынешнего обострения международной напряженности стало то, что государства НАТО высокомерно отвергли инициативу Президента В.В. Путина о предоставлении гарантий безопасности России на западном направлении. В условиях усилий Запада по сдерживанию России серьезную угрозу представляет линия США и НАТО в целом на фактическую военную конфронтацию с нами. Очевидно, что это чревато прямым столкновением ядерных держав с катастрофическими последствиями. Вынуждены регулярно посылать наши предупредительные сигналы на этот счет. Но вместо того, чтобы отнестись к ним серьезно, на Западе их злонамеренно искажают и обвиняют нас в использовании «риторики угроз» [15]. А неделей ранее было высказано мнение «Экспансионистский глобализм, демонстрируемый НАТО, беспрецедентен. Убежден, что глобальное большинство прекрасно видит угрозы, которые несет эта линия альянса» [18].

В свою очередь высказывания отдельных политиков и первых лиц НАТО в отношении России и явная агрессивная риторика этих высказываний не благоприятствуют хоть какому-то началу конструктивного диалога.

И перспектива такого диалога с текущим положением дел в ближайшем будущем едва ли предвидится.

Вывод. Неоднозначная политика, проводимая Североатлантическим альянсом на протяжении нескольких десятков лет, споры вокруг участия организации в многочисленных международных конфликтах, а также ее сомнительная роль в них, только усугубляют текущую ситуацию и подрывают авторитет организации, как гаранта и основы трансатлантической безопасности, которым она себя позиционирует на протяжении всего своего существования.

Являющаяся предметом спора доминирующая роль США в организации, и попытки и стремления продвижения интересов одного государства только осложняют сложившееся положение дел.

Переживающие сложнейший период взаимодействия отношения НАТО и Российской Федерацией являются одной из самых значимых угроз европейской и международной безопасности в целом. Попытки претендовать на политическое, экономическое и ценностное лидерство на обширных евразийских пространствах не могут способствовать укреплению стабилизации стабильности в мировой политике. А деятельность НАТО и США в рамках конфликта на Украине является только усугубляющим фактором, который непосредственно и подрывает эту стабильность. Сможет ли текущая ситуация измениться в краткосрочной перспективе? Это будет зависеть от стратегической переоценки целей и областей деятельности НАТО по построению эффективной системы безопасности во всем мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арбатов А.Г.* Россия и дилеммы ядерного разоружения / под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
2. *Арбатов А.Г.* Национальная безопасность России в многополярном мире // *Мировая экономика и международные отношения.* М., 2000. № 10.
3. *Арбатов А.Г.* Отношения России и НАТО: (перспективы новой архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ) / Авт. коллектив – *Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К., Пикаев А.А.* М.: ИМЭМО РАН, 2010.
4. *Арбатов Г.А.* Американская внешняя политика на пороге 70-х годов // *США: экономика, политика, идеология.* 1970. № 1.
5. *Арбатов Г.А.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Изд-во Полит. литературы, 1984.
6. *Арбатов Г.А.* Повестка дня российско-американских отношений. М., 1999.
7. *Арбатова Н.К.* Россия и ЕС: общее пространство безопасности. М.: Пробел – 2000, 2004.
8. *Безопасность России в XXI веке. Социально-гуманитарное исследование.* МРИЦ ИСПИ РАН, 2006.
9. *Барановский В.Г.* Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа // *Евроатлантическое пространство безопасности / под ред. Дынкина А.А., Иванова И.С.* М.: ИМЭМО РАН, 2011.
10. *Бартош А.А.* Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: учебное пособие для бакалавриата и специалитета. Москва, 2018.
11. *Барышев А.П.* Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). М.: ОГИ, 2011 г.

12. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005.

13. *Бужинский Е.П.* Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны / отв. ред. В.И. Трубников. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

14. Вашингтонский договор The North Atlantic Treaty – Washington D.C. 4 April 1949 // https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm.

15. Видеообращение Министра иностранных дел С.В. Лаврова к участникам Московской конференции по нераспространению, Москва, 5 декабря 2022 года // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1841822/.

16. *Волков Я.В.* Геополитика и безопасность в современном мире. М.: Военный университет, 2000.

17. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 10 февраля 2007 года // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

18. Выступление С.В. Лаврова в ходе встречи с участниками научно-образовательной программы #ДиалогВоИмяБудущего, Москва, 30 ноября 2022 года // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1841063/.

19. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны (Москва, 26 мая 1972 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/russia_usa.shtml.

20. *Калачев Д.Н.* Расширение НАТО: следствия и вызовы национальной безопасности России // Конфликтология/nota bene. 2015. № 4. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.4.16155.

21. *Котляр В.С.* Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Научная книга, 2007.

22. Североатлантический договор, 1949 г. // https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm.

23. *Старостенко К.В.* «Россия – НАТО: есть ли предел конфронтации?» // Научный журнал «Вопросы философии, политологии, и социальной антропологии» / Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». Орел. Выпуски за 2020 год.

24. *Уткин А.И.* Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979.

25. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова / под ред. Е. Кривцовой, Т. Велимеева / послесл. С. Переслепша. М.: АСТ, 2005.

26. *Цыганок А.Д.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / предисловие М.А. Гареев. М.: АИРО-XXI; Институт диаспоры и интеграции, 2012.

27. Юргенс И.Ю., Кулик С.А. О перспективах развития отношений России и НАТО. Институт Современного Развития, 2010.
28. Friedman T. The End of NATO? N.Y.: The New York Times, 2002.
29. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.
30. Zakaria F. The Future of American Power. How America, Can Survive the Rise of Rest // Foreign Affairs. 2008.

L.M. TSAKHILOVA

*PhD student, Department of Comparative
Political Science, faculty of political science, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

NATO: YESTERDAY AND TODAY

Analysis of the complex global geopolitical situation in the world and changes in the architecture of international and European security is impossible without rethinking the role and importance of international organizations, which have become one of the key actors in international relations. The North Atlantic Treaty Organization is one of the key players in the international political arena. One of the largest international organizations, the number of military contingents of various types of troops of which exceeds the number of armed forces of many states, and whose defense and military expenditures exceed the budgets of many countries of the world, and the contradictory ambiguous policy pursued by this military-political alliance throughout its existence cannot but arouse the interest of researchers, politicians and a wide range of civil society.

The article examines the role of the North Atlantic Treaty Organization, its transformation throughout its existence and its role in modern international relations, as well as key aspects of interaction with Russia.

Key words: *NATO, North Atlantic Alliance, international security, security policy.*

ВЗГЛЯДЫ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ И США С ПОЗИЦИИ ИНТЕРЕСОВ КИТАЯ⁵

В контексте стратегического треугольника США – Россия – КНР, Арктика становится одним узлом в геополитической конкуренции. В США действия России в Арктике и проникновение туда Китая рассматривают как представляющую вызовы и угрозы США. Вашингтон прикладывает усилия по упрочнению своих позиций в Арктике. В России, в свою очередь, высказывают озабоченность в связи с усилением военной активности США и НАТО на европейском Севере и омывающих его морях. В рамках политики России «поворота на Восток» после 2014 г. и ухода инвестиций и технологий из совместных арктических проектов большинства западных компаний в связи с санкциями, Китай постепенно превращается в главного партнера. Для усиления влияния Китая как «великой державы», Пекин проводит активную арктическую политику, налаживает тесное сотрудничество в деле освоения Арктики с арктическими странами, развивает компетенции и технологии и участвует в управлении Арктикой. В статье приводятся преобладающие в китайском научном дискурсе оценки происходящих в последние несколько лет изменений в арктических стратегиях и политике России и США в Арктике, а также влияния этих изменений на интересы Китая в Арктике. Отмечается широкое распространение в китайских оценках представлений об усложняющейся в последние годы геополитической ситуации в Арктике, милитаризации арктического региона и нарастании элементов российско-американского соперничества в Арктике. Хотя усиление противостояния США и России вовлекает и другие страны в обозначение своей позиции и эскалацию конфликтов по арктической тематике, в интересах Пекина – позиционировать себя в российско-американской «арктической игре» в качестве нейтрального участника.

---

⁵ Статья выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей.

Ключевые слова: Арктика, Россия, США, Китай, арктическая стратегия, соперничество, конфликтность.

Геостратегическое положение арктического региона, его богатый ресурсный потенциал, а также возможность становления арктических морских путей в качестве альтернативных морских коридоров, связывающих Азию и Европу, предопределяют высокую значимость Арктики. Развивающееся соперничество и конфликтность между великими державами (между США и Россией, между США и Китаем), имеющими большие интересы в Арктике, в последние несколько лет стали находить свое отражение и в арктическом регионе. В этой связи, китайские исследователи все чаще в своих работах стали обращаться к вопросам изучения Арктики как пространства геополитического соперничества государств [16]. Китайские ученые обращают внимание, например, на милитаризацию Арктики: и США, и Россия пытаются установить свое военное господство там [27]. В Указе Президента РФ от 26.10.2020 даже приводятся конкретные цифры, свидетельствующие об увеличении военного потенциала России в Арктике: в период с 2014 по 2019 гг. доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Арктике возросла с 41 до 59% [5].

Воспринимая деятельность России и Китая в Арктике как представляющую вызовы и угрозы США, Вашингтон также прикладывает усилия по упрочнению своих позиций в Арктике. Так, он укрепляет свои союзнические отношения с Данией, Норвегией, Канадой и другими странами. В 2018 г. США совместно с Канадой, Великобританией и странами НАТО провели военные учения «Arctic Edge 18», «Ледовые учения» ICSEX 2018 и «Trident Juncture 2018» в Арктике. США объявили о воссоздании 2-го флота для слежения за активностью РФ в Атлантике. В этой связи важно отметить принципиальное различие между США и Россией в усилении своих позиций в Арктике: США проводят военные учения в Арктике с опорой на своих союзников по НАТО, а России в Арктике опирается на собственные мощные военные силы. Китайский исследователь Сяо Ян обращает в этой связи на проблему, с которой Россия сталкивается: среди арктической пятерки (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания) Россия является единственной страной, не входящей в НАТО [29].

В развертывании геополитического соперничества в Арктике важную роль, по мнению китайского ученого Сюй Цинчао, сыграли водружение полярниками российского флага на дне Ледовитого океана в 2007 г., Украинский кризис 2014 г., отчетливо проявивший конкурентную природу российско-американских отношений, и речь тогдашнего госсекретаря США М. Помпео перед министерской встречей Арктического совета в 2019 г., в которой он провозгласил наступление «новой эры» власти и конкуренции

в Арктике [9]. Как подчеркивает Сюй Цинчао, эти три знаковых события изменили геополитическую ситуацию в Арктике и обострили отношения между арктическими странами [31]. При этом, как отмечают Ли Чжэньфу и Пэн Янь, главными акторами геополитического соперничества в Арктике выступают Россия и США как доминирующие державы в Арктике, определяющие направленность развития отношений между арктическими государствами и другими участниками арктического глобального управления [23]. В этой связи, изучение арктических стратегий и политики России и США и их влияния на интересы Китая в Арктике является отправной точкой в исследованиях китайских ученых, занимающихся вопросами глобального управления в Арктике, международными отношениями в Арктике, международным сотрудничеством в вопросах освоения Арктики и прочими смежными сюжетами.

Эволюция арктической стратегии и политики России. В развитии арктической политики России китайские исследователи фиксируют большие изменения в последние два десятилетия. Китайские ученые Хуан Фэнчжи и Фэн Яжу предлагают рассматривать арктическую политику России как прошедшую три этапа: 2000-2008 гг., 2009-2014 гг., с 2014 г. На первом этапе (2000-2008 гг.), когда Москва проводила «консервативную» арктическую политику, Россия использовала дипломатические методы снижения угрозы безопасности арктическим рубежам России со стороны других арктических стран, а также усиливала свой контроль над арктическим регионом, считая, что Арктика принадлежит только арктическим государствам. Для второго этапа (2009-2014 гг.), по мнению китайских исследователей, для России была характерна «напористая» арктическая политика. В этот период Россия прилагала усилия для обозначения морских границ и утверждения своего территориального суверенитета над арктическим континентальным шельфом площадью 120 квадратных км. Россия также предпринимала меры по углублению связей с региональными организациями (такими как Арктический совет и Совет Баренцева/Евроарктического региона), улучшению добрососедских и дружественных отношений с арктическими странами, расширению сотрудничества с Европейским Союзом. Третий этап, последовавший вслед за развитием Украинского кризиса в 2014 г. и общим ухудшением отношений России с США и Западом характеризуется китайскими учеными как «конкурентная» политика России в Арктике, когда акцент стал делаться на развитии экономических преимуществ России в Арктике и укреплении арктического сотрудничества [17].

Изменения арктической политики России прослеживаются в соответствующих стратегических и программных документах, принятых Россией. В 2008 г. Россия опубликовала «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (далее в тексте – «Основы государственной политики – 2008»),

в 2013 г. была принята «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», в 2014 г. был опубликован документ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». В 2020 г. Россия приняла обновленные документы «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (далее в тексте – «Арктическая стратегия – 2035»).

Китайские ученые Чжу Янь и Ван Шучунь считают, что изменения в арктической политике России, в том числе проявляющиеся в увеличении внимания к внешним угрозам, продиктованы восприятием глобального потепления как несущим потенциальные риски безопасности границ России [35]. Наблюдающееся в последние годы расширение военного присутствия России в Арктике свидетельствует о стратегической значимости региона для Москвы в контексте конкурентной борьбы с США. Усиление обороны арктических рубежей России отражает намерение противостоять потенциальному удару США в этой зоне. В этом направлении Россия активизировала развертывание сетей ПВО в Арктике, модернизировала атомные подводные лодки и увеличила количество ледоколов.

Версия арктической политики России от 2008 г. («Основы государственной политики – 2008») рассматривала освоение нефтегазовых ресурсов на арктическом континентальном шельфе как важнейшую задачу, стремясь к 2020 г. реализовать конкурентное преимущество России в освоении полезных ископаемых на северном континентальном шельфе. В последние годы основные направления добычи арктических углеводородов в России переместились на сушу с приоритетом на добычу сжиженного природного газа (СПГ). Во многом это было связано с введенными США и ЕС с 2014 г. санкциями против энергетического сектора России, затронувшими в первую очередь нефтеразведку и добычу (ЕС, например, не ввели санкции против российского газового сектора) и разработку шельфовых месторождений. В «Арктической стратегии – 2035» были даже четко сформулированы конкретные показатели производства арктического СПГ: к 2035 г. в российской Арктике планировалось производить около 91 млн тонн СПГ, что должно вывести Россию в ряды крупнейших мировых производителей и экспортеров СПГ в мире, наряду с Катаром, Австралией и США [2]. В русле задачи освоения ресурсной базы Арктической зоны России были запущены не только проекты по производству арктического СПГ, но и несколько проектов по добыче арктического угля и рудных (металлических) полезных ископаемых. Также в целях диверсификации и трансформации арктической экономики были сформулированы планы переработки древесины и биологических ресурсов.

В «Арктической стратегии – 2035» также было уделено больше внимания исследованиям и разработкам собственных технологий по разведке и освоению арктических нефтегазовых месторождений, что также напрямую коррелируется с введенными после 2014 г. антироссийскими санкциями США и ЕС, накладывавшими ограничения на передачу технологий России, необходимых для разведки и добычи углеводородов. В документе отмечена необходимость преобразовать и модернизировать существующие центры морской техники, оборудование, судостроение и минерально-сырьевые ресурсы, развивать наукоемкие и высокотехнологичные отрасли промышленности и стремиться использовать промышленную продукцию российского производства при реализации новых экономических проектов.

Важное место в российской арктической политике занимает освоение Северного морского пути (СМП). Для освоения арктического шельфа и развития СМП Россия стала предпринимать меры по увеличению арктического флота (строительство судов «Афрамекс», танкеров ледового класса Arc4, танкеров-газовозов ледового класса Arc7, ледоколов, включая атомный), обеспечению круглогодичного судоходства на протяжении всего Северного морского пути, модернизации и созданию портов-хабов для перевалки международных контейнерных грузов, следующих по СМП, развитию судоходства в бассейнах рек Арктической зоны [6].

Все возрастающее внимание в стратегических и программных документах России стало уделяться задачам улучшения качества жизни коренного населения Арктики, создания рабочих мест и охране окружающей среды в регионе, развития различных видов культурных межгосударственных обменов и полярного туризма. 13 июля 2020 г. Президент России подписал указ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ», в котором представлены виды льгот и мер государственной поддержки и возможности расширения частных инвестиций.

Примечательно, что если еще в 2013 г. китайские исследователи полагали, что Россия препятствовала участию неарктических стран в делах Арктики (в т.ч. Китаю) [14], в современных исследованиях китайские ученые уже фиксируют противоположную тенденцию – рост заинтересованности России в привлечении неарктических государств к освоению арктических пространств. Как отмечает Лю Цянь, после украинского кризиса 2014 г., ввиду западных антироссийских санкций, Россия столкнулась с техническими и финансовыми сложностями при реализации проектов по разработке нефтегазовых месторождений в Арктике. Россия была вынуждена скорректировать свою энергетическую политику, инициировать политику технологического импортозамещения, а за финансовой и технической поддержкой – обратиться к азиатским странам [21].

Хуан Фэнчжи и Фэн Яжу связывают более активное привлечение азиатских стран к российским арктическим проектам и с тем, что, по их

мнению, СМП как важный морской транспортный коридор, соединяющий Европу и Азию, является важной частью реализации российской концепции «Большого евразийского партнерства». Для содействия развитию Дальнего Востока и Сибири России необходимо интегрироваться в процессы Азиатско-Тихоокеанского регионального экономического сотрудничества и укреплять позиции России в АТР [17]. Такой интеграции России в АТР будет содействовать привлечение азиатских стран к развитию Арктической зоны РФ. Так, в частности, в 2017 г. В. Путин предложил соединить Северный морской путь с китайской инициативой «Ледяной шелковый путь» в целях создания новой транспортной системы на евразийском пространстве.

В целом, в проведении своей арктической политики Москва исходит из следующих базовых установок: Арктическая зона РФ рассматривается как стратегическая основа национальной безопасности России (и это объясняет милитаризацию Арктической зоны РФ); Арктическая зона РФ рассматривается как стратегическая ресурсная база экономического и социального развития России; Арктика рассматривается как уникальный регион, где различные акторы, даже невзирая на враждебный характер политики в отношении друг друга, могут развивать международное сотрудничество.

Эволюция арктической стратегии и политики США. Основные направления арктической стратегии США впервые были сформулированы в президентской директиве PDD/NSC-26, подписанной Б.Клинтоном в августе 1994 г. Приоритетными целями США были названы защита национальных интересов и обеспечение национальной безопасности в регионе [8].

Китайские исследователи Го Пэйцин, Цзоу Ци считают, что отправной точкой к переоценке арктической политики США стало водружение в августе 2007 г. государственного флага РФ на дне Ледовитого океана, вызвавшее резкую реакцию США и других арктических стран [15]. 9 января 2009 г. тогдашний президент США Дж. Буш-мл. подписал двойную директиву по обеспечению внешней и внутренней национальной безопасности США NSPD – 66/HSPD – 25 под общим названием «Политика в Арктическом регионе», которая представляет собой всестороннюю арктическую стратегию, в которой особое внимание уделяется национальной безопасности Соединенных Штатов, вопросам судоходства, охране окружающей среды и сотрудничеству с арктическими государствами [33]. Принятие данной директивы свидетельствовало о существенном повышении статуса Арктики в политике США. Нью Юин рассматривает эту директиву как основу стратегических рамок политики США в Арктике. Выпущенные Вашингтоном более поздние версии арктической политики, по существу, были написаны на основе данной директивы, развивая ее положения [25].

10 мая 2013 г. администрация Б. Обамы опубликовала «Национальную стратегию по Арктике» и в 2014 г. – «План реализации национальной стратегии США для арктического региона» (Implementation Plan for The National

Strategy for the Arctic Region). В этих документах особое внимание уделялось трем направлениям: продвижение интересов безопасности США, обеспечение ответственного управления Арктическим регионом и укрепление международного сотрудничества. Поскольку главное внимание глобальной стратегии администрации Обамы было сосредоточено на АТР, эта арктическая стратегия охватывала не все аспекты экономики, экологии и геополитики. Поскольку администрация Обамы уделяла большое внимание вопросам изменения климата и защите окружающей среды, Обама подписал закон, запрещающий геологоразведку и добычу нефти и газа в Чукотском, Бофортском море и северной части Атлантики.

Пришедшая на смену Обамы администрация Д. Трампа по-иному расставила акценты в своей арктической политике. Трамп вывел США из Парижского климатического соглашения, отменил введенный Обамой запрет на добычу углеводородов на ряде шельфовых месторождений у берегов США. При Трампе начали отчетливо проявляться элементы видения России и Китая в качестве соперников в Арктике.

Вступив в должность президента США, как отмечают Го Пэйцин и Цзоу Ци, Байден одной из своих центральных задач в русле арктической политики видел «спасение» арктической политики США, «поврежденной» Трампом [15]. Чтобы ответить на создаваемые изменением климата риски, 27 января 2021 г. Байден подписал исполнительный указ, отметив, что США должны поставить климатический кризис в центр внешней политики и национальной безопасности Соединенных Штатов, возвратиться к обязательствам в рамках Парижского соглашения по климату, сократить выбросы парниковых газов и добиться «углеродной нейтральности» к середине текущего века [7]. 15 января 2019 г. в ходе предвыборной кампании Байден представил «План по революции в области чистой энергии и экологической справедливости» (The Biden Plan for a Clean Energy Revolution and Environmental Justice) и обнародовал планы полной декарбонизации энергетики США до 2035 г., выделив \$2 трлн на чистую энергетику [1]. Действуя в русле таких устремлений, Байден ввел запрет на новое бурение скважин для добычи нефти и газа на федеральных землях США на Аляске.

Прогнозируя арктическую политику США при Байдене, китайский исследователь Цзян Инань отмечает, что наиболее важным направлением арктической политики США будет усиление участия США в многосторонней системе управления Арктикой и сохранение доминирования в регионе. Это включает в себя укрепление потенциала научно-исследовательской деятельности в Арктике, активизацию деятельности по укреплению традиционных интересов США в сфере безопасности в Арктике, строительство арктических ледоколов и наращивание активности ВМС США в Арктике, включая вход авианосных соединений в акватории Северного Ледовитого океана. При этом, Цзян Инань подчеркивает значимость Аляски как «основы

арктической идентичности» США [19]. Аляска включена в систему противоракетной обороны США. Нью Юин отмечает, что в ответ на угрозу выпуска баллистических ракет со стороны Китая, России и Северной Кореи США на базе Форт-Грили (на Аляске) – самом северном американском военном объекте – расположили достаточное количество ПРО наземного базирования [25]. В 2017 г. США закончили размещение 44 ракет системы ПРО на Аляске, предназначенных для борьбы с ракетными угрозами. По мнению президента Академии геополитических проблем генерал-полковника Леонида Ивашова, ракеты в Форте Грили в действительности направлены против российских и китайских ракет [4].

При прослеживании эволюции арктической политики США, четко проявляется отсутствие преемственности в арктической политике между разными американскими администрациями. По мнениям китайских исследователей, администрация Обамы придавала большое значение управлению Арктикой, основанному на многосторонности, и не уделяла большого внимания вопросам безопасности и экономики. Администрация Трампа, напротив, стала делать акцент на укреплении безопасности в Арктике, развитии хозяйственной деятельности там, пыталась доминировать в управлении Арктикой на международном уровне и усилила агрессивность арктических оперативных возможностей США [34]. Арктическая политика Байдена существенно отличается от политики Трампа, особенно в вопросах энергетической политики. Байден придает большое значение чистой энергетике, надеется вернуться в международные организации, восстановить отношения с союзниками [36]. Го Пэйцин и Цзоу Ци считают, что в силу специфики политической системы США, американские национальные лидеры вынуждены обращать внимание на текущую обстановку, и американская политика редко имеет долгосрочное планирование. Именно поэтому арктическая политика США постоянно меняется по мере смены лидеров [15].

Влияние изменений в арктических стратегиях и политике России и США на интересы Китая в Арктике. Как показал анализ арктических стратегий и программ развития арктических регионов двух стран, США и Россия стремятся обеспечить собственные интересы и сохранить свои преимущества и влияние в Арктике, а также выступают – в случае США скорее декларативно – за укрепление международного сотрудничества в арктическом регионе. На практике, США предприняли попытку воспользоваться отставанием и зависимостью России от Запада в сфере разработки и использования новых технологий, отсутствием необходимого капитала для освоения Арктики, и объединили усилия со странами Северной Европы, ЕС и Японией для введения финансовых и секторальных санкций против России после начала Украинского кризиса в 2014 г. Путем введения технических санкций, ограничений на финансирование многонациональных компаний и установления высоких экологических стандартов

Вашингтон стремился существенно затруднить России освоение ресурсной базы Арктической зоны РФ. В военной области обе страны стали вносить стратегические коррективы в соответствии с изменениями в сфере безопасности в Арктике, что способствует милитаризации Арктики.

Оценивая перспективы развития ситуации в Арктике на период председательства РФ в Арктическом совете (2021-2023 гг.), китайский ученый Цзян Инань выразил мнение о возможности нового витка противостояния США и России по арктическому вопросу как в рамках Арктического совета, так и за его пределами. При этом, усиление противостояния США и России рассматривается как вовлекающее и другие страны в обозначение своей позиции и эскалацию конфликтов по арктической тематике [18].

Кроме того, по оценкам китайских исследователей, руководствуясь представлениями о так называемой «китайской угрозе» и в ответ на растущую активность Китая в Арктике, США и их союзники значительно усилили свое внимание к участию Китая в Арктике. Сяо Ян полагает, что США препятствуют деятельности Китая в Арктике, тем самым снижая влияние Китая в Арктике. Препятствование выражается в преувеличение тревожной ситуации с территориальной безопасностью США в Арктике, стигматизации и искажении участия Китая в арктическом региональном сотрудничестве, создании трансокеанского альянса для контроля над Китаем, требованиях к союзникам сохранять стратегическую согласованность по вопросам взаимодействия с Китаем [30].

С началом нового раунда военных преобразований США, фокусирующемся на военном соперничестве с Китаем и Россией, Арктика как важное место для военных сил и стратегической обороны США также вошла в американскую повестку соперничества с Россией и Китаем. «Арктика – это первая линия обороны», – сказал О'Шонесси, возглавляющий как Северное командование США, так и Североамериканское командование воздушно-космической обороны [10]. Как отмечает Ли Янь, США начали новый раунд военной трансформации, направленной на военное соперничество с Китаем и Россией [20]. США исходят из того, что Китай и Россия представляют военную угрозу США в Арктике. В обновленной стратегии национальной безопасности США, обнародованной администрацией Трампа, Китай и Россия четко позиционируются как стратегические конкуренты США, которые хотят бросить вызов американскому влиянию, ценностям и благосостоянию [12]. В марте 2020 г. Центр стратегических и международных исследований (CSIS) опубликовал доклад «Арктический «момент»: Америки – соперничество великих держав в Арктике к 2050 году», в котором авторы полагают, что Китай и Россия реализуют стратегию экономического и военного сотрудничества в Арктике в целях противостояния США. Китай усиливает свое присутствие в Арктике под видом экономического и научного развития [13]. Закон США об ассигнованиях на национальную

оборону в 2020 финансовом году требует оценить намерения военных операций Китая и России в Арктике и степень, в которой они угрожают интересам США и их союзников в Арктике, включая инвестиционные проекты Китая в Арктике [11].

Ван Цунцун полагает, что поскольку у Китая нет военного присутствия в Арктике, США распространили свои обвинения в причастности Китая к арктическим делам на экономическую сферу. США интерпретируют экономическую деятельность Китая в Арктике как китайскую милитаризацию Арктики, и критика экономической деятельности Китая в Арктике будет препятствовать сотрудничеству в русле инициативы «Ледяной Шелковый путь», за которое совместно выступают Китай и Россия [28]. Сунь Кай и Гэн Цзяхуэй комментируют американскую позицию следующим образом: «В значительной степени эти опасения Соединенных Штатов проистекают из «беспокойства по поводу очевидного контраста между отсутствием способности США действовать в Арктике под руководством концепции «Америка прежде всего» и текущих активных действий Китая и России в Арктике» [26]. Дело в том, что в составе американской береговой охраны формально имеется всего лишь три тяжелых ледокола, и только два тяжелых ледокола, построенных в семидесятых и девяностых годах прошлого века, находятся в рабочем состоянии на данный момент. Несмотря на наличие необходимых технологий, США пока не построили атомные ледоколы. Кроме того, у них отсутствуют боевые корабли, способные самостоятельно работать в арктических морях без ледоколов, что ограничивает способность береговой охраны США отстаивать суверенитет и реагировать на непредвиденные обстоятельства в Арктике. По численности адаптированного под суровые арктические условия флота США существенно отстают от России, тогда как амбициозные планы Пекина по созданию мощного ледокольного флота также внушают опасения Вашингтону.

В последние годы интерес Китая к Арктике значительно усилился. Участие Китая в арктических делах претерпело эволюцию: во-первых, Китай заключил ряд международных договоров о деятельности в Арктике, что открыло возможности для Китая участвовать в обсуждении арктических вопросов; во-вторых, Китай активно участвовал в важных международных мероприятиях и форумах, связанных с Арктикой, укрепляя свой имидж государства, имеющего интересы в Арктике; в-третьих, правительство организовало крупные масштабные арктические научные экспедиции и участие в арктическом инвестиционном и экономическом сотрудничестве, и, наконец, участие в арктической политике было внесено в список вопросов по национальному стратегическому планированию [32]. Однако, участие Китая в арктических делах и права голоса далеко не достаточно, особенно в освоении арктических углеводородов. Ло Инцзе и Ли Фэй считают,

что Китай играет скорее роль «стороннего наблюдателя», особенно в контексте разыгрываемой «китайской угрозы» [22].

В 2018 г. Государственный совет КНР опубликовал Белую книгу – «Арктическая политика Китая», в которой дал понять, что Китай активно участвует в арктических делах и готова развивать инициативу «Ледяной шелковый путь» совместно с другими странами через освоение и использование Северного морского пути. Цели арктической политики Китая можно охарактеризовать следующим образом: содействие государственному энергетическому и экономическому развитию, активное участие в управлении Арктикой, расширение сотрудничества с арктическими странами для усиления влияния Китая как «великой державы».

КНР последовательно заявляет о необходимости расширения привлечения заинтересованных внерегиональных государств к многостороннему управлению Арктикой при уважении суверенитета арктических государств и приверженности существующим нормативно-правовым актам. Отмечается, что Белая книга нацелена на легитимизацию присутствия Китая в Арктике как «околоарктического государства» («近北极国家»). Если быть более точным, выдвинута новая концепция позиционирования Китая как «заинтересованной стороны в Арктике» («北极利益攸关方»). В документе подчеркивается, что закрепление за Арктикой статуса «общего наследия человечества». КНР позиционирует себя как сторонник мирного взаимовыгодного сотрудничества в Арктике, это позволяет преодолеть навязанную ему дискриминирующую идентичность «неарктической страны», сконструировать арктический дискурс, расширять свои права и повышать международный статус.

Внимание Китая к Арктике определяется экономическими факторами. Китайская инициатива «Ледяной шелковый путь» дополняет и обогащает содержание магистральной инициативы «Пояс и путь», имеющей большое стратегическое значение для углубления торгового сотрудничества между Китаем и арктическими странами, расширения канала регионального экономического сотрудничества между ними, активизации участия Китая в освоении Арктики. Для Китая, не являющегося арктическим государством, значимость Арктики очень велика: это и доступ к природным ресурсам, и решение вопросов безопасности морских торговых путей, и устранение напряженности в энергетической сфере. Теоретически предполагая сотрудничество с целым спектром арктических стран, «Ледяной шелковый путь» на практике сфокусирован на развитии тесного сотрудничества в освоении Арктики именно с Россией.

Фэн Юйцзюнь, директор российского института Китайской академии современных международных отношений (CICIR) отмечает, что деградация экономических связей с Западом волей-неволей будет побуждать Москву к переориентации на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона [37].

Как русский ученый Дмитрий Нефедов отмечает, что «Разворот на Восток» со временем неизбежно придаст развитию приарктических регионов дополнительный импульс, что исключительно важно и для безопасности РФ [3]. Для Китая это открывает широкие возможности сотрудничества с Россией в области разработки ресурсной базы Арктической зоны РФ, развития СМП. СМП может снизить нагрузку на судоходство Китая, и ожидается, что он сэкономит от 53,3 до 127,4 млрд долл. на расходах [38]. В сотрудничестве по СМП примут участие многие китайские компании, работающие в сфере энергетики, судостроения, финансов, транспорта и других сферах. Помимо непосредственного участия в коммерческих перевозках, Китай участвует в проектах по инвестированию и развитию арктической энергетики в области полезных ископаемых, энергетических ресурсов и строительства портов. На данный момент в российской Арктике реализуется два крупных СПГ-проекта – уже действующий завод «Ямал СПГ» и строящийся завод «Арктик СПГ 2».

Китай как крупнейшая в мире неарктическая страна и Россия как крупнейшая арктическая страна имеют много общих интересов в вопросах, связанных с Арктикой. У этих двух стран есть перспективы для сотрудничества в таких областях, как развитие арктических морских путей, добыча энергетических ресурсов в Арктике, улучшение строительства инфраструктуры и проведение совместных полярных исследований [24]. Россия и Китай стремятся выразить свое мнение по геополитическим вопросам в Арктике и получать поддержку в реализации международных проектов.

***

Таким образом, цели арктической политики России можно охарактеризовать следующим образом: усиление военного присутствия в Арктике (направленное на охрану собственных границ), сохранение национальной безопасности, освоение природных ресурсов Арктики, развитие и контроль за Северным морским путем в арктической зоне РФ, поддержка сотрудничества с неарктическими странами. Стремление России к укреплению в Арктике военной инфраструктуры неоспоримо, но в то же время Россия проявляет интерес к сотрудничеству с международным сообществом по двум другим важным направлениям своей арктической стратегии, а именно – освоению энергетических ресурсов и Северного морского пути.

Стратегическую направленность арктической политики США можно резюмировать следующим образом: поддержка интересов национальной безопасности, снижение угроз безопасности других стран в Арктике, попытки установить контроль и господство в Арктике, а также привлечение арктических стран-участниц НАТО к сотрудничеству и стремление усилить свое влияние в арктическом регионе.

Как показало развитие событий в 2022 г., кризис в отношениях России и Запада все-таки перекинулся и на Арктику. 3 марта 2022 г. из-за спецоперации России в Украине, семь стран-членов Арктического совета решили приостановить свою деятельность в Совете на неопределенный срок и пропустить запланированные на май 2022 г. переговоры в Архангельске. 9 марта 2022 г. страны Северной Европы и ЕС обнародовали свое решение о приостановке сотрудничества с Россией в рамках Совета Баренцева/Евроарктического региона. 19 марта 2022 г. одна из крупнейших в мире нефтесервисных корпораций «Schlumberger» приняла решение прекратить дальнейшие инвестиции и внедрение технологий в свою деятельность на территории РФ. Очевидно, что новый виток Украинского кризиса будет влиять на институциональную структуру международного сотрудничества в Арктике, и перспективы российского председательства в Арктическом совете представляются туманными.

Для Китая на этом фоне целесообразно позиционировать себя в российско-американской арктической игре в качестве нейтрального участника, чтобы достичь собственных целей арктической политики, содействовать государственному энергетическому и экономическому развитию, а также активно участвовать в управлении Арктикой и сотрудничать с арктическими странами для усиления влияния Китая как «великой державы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Байден предлагает вложить \$2 трлн в перевод США на чистую энергетику // Bloomberg. 14.06.2020 // <https://tass.ru/ekonomika/8957255>.
2. *Лексютина Я.В., Чжоу Г.* Китай в российских арктических СПГ-проектах: мотивация участия, роль и результаты // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. DOI: <https://doi.org/10.24158/per.2022.2.1>.
3. *Нефедов Д.* Украинский кризис: последствия для Арктики. 16.03.2022 // <https://vpoanalytics.com/2022/03/16/ukrainskij-krizis-posledstviya-dlya-arktiki/>.
4. США закончили размещение 44 ракет системы ПРО на Аляске // РИА Новости. 08.11.2017 // <https://ria.ru/20171108/1508357149.html>.
5. Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 12.11.2021) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972>.
6. Центральное диспетчерское управление топливо-энергетического комплекса // https://www.cdu.ru/%20tek_russia/issue/2020/11/834/.
7. Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad. 27.01.2021. Presidential actions // The white house // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/>.

8. PDD-26 – U.S. Policy on Arctic and Antarctic Regions. 06.09.1994 // <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/12750>.

9. Pompeo M.R. Looking North: Sharpening America's Arctic Focus. 06.05.2019 // <https://ee.usembassy.gov/americas-arctic-focus/>.

10. Rempfer K. NORTHCOM: Arctic now America's 'first line of defense'. 06.05.2019 // <https://www.defensenews.com/news/your-military/2019/05/06/northcom-arctic-now-americas-first-line-of-defense/>.

11. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020, Congress. Sep. 2019 // <https://docs.house.gov/billsthisweek/20191209/CRPT-116hrpt333.pdf>.

12. The National Security Strategy (NSS) – Trump White House Archive. 18. 12.2017 // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

13. Tsafos N., Williams I. America's Arctic Moment: Great Power Competition in the Arctic to 2050. 30.03.2020 // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/Conley_ArcticMoment_layout_WEB%20FINAL.pdf?EkVudAIPZnRPLwEdAIP0.GlpyEnNzlNx.

14. 郭培清, 孙凯:“北极理事会的“努克标准”和中国的北极参与之路” [Го Пэйцин, Сунь Кай. Стандарт Арктического Совета «Нуук» и путь Китая к участию в Арктике] // 世界经济与政治. 2013年. 第12期.

15. 郭培清, 邹琪:“特朗普政府北极政策的调整” [Го Пэйцин, Цзоу Ци. Корректировка арктической политики администрации Трампа] // 国际论坛 2019年. 第4期.

16. 胡志丁, 顾斐菲, 黄艺丹, 杜德斌:“西方地缘政治视角下北极地区研究进展与展望” [Ху Чжидин, Гу Фейфей, Хуан Иданы, Ду Дэбинь. Прогресс и перспективы исследований Арктического региона с точки зрения западной геополитики] // 热带地理. 2021年. 第6期. DOI: 10.13284/j.cnki.rddl.003402.

17. 黄凤志, 冯亚茹:“俄罗斯的北极政策探析” [Хуан Фэнчжи, Фэн Яжу. Анализ арктической политики России] // 吉林大学社会科学学报. 2021年. 第5期.

18. 姜胤安:“北极安全形势透析:动因、趋向与中国应对” [Цзян Иинань. Анализ ситуации безопасности в Арктике: мотивы, тенденции и реакция Китая] // 边界与海洋研究. 2020年. 第6期.

19. 姜胤安:“拜登政府的北极政策:目标与制约” [Цзян Иинань. Арктическая политика администрации Байдена: цели и ограничения] // 区域与全球发展. 2021年. 第5期.

20. 李岩:“美国新一轮军事转型评析” [Ли Янь. Анализ нового витка военной трансформации США] // 现代国际关系 2019年. 第7期.

21. 刘乾:“西方制裁下的俄罗斯北极油气开发” [Лю Цянь. Освоение нефти и газа в арктической зоне РФ под западными санкциями] // 欧亚经济. 2019年. 第4期.

22. 罗英杰,李飞:“大国北极博弈与中国北极能源安全 – 兼论“冰上丝绸之路”推进路径” [Лю Инцзе, Ли Фэй. Арктическая игра великих держав и арктическая энергетическая безопасность Китая – путь продвижения «Ледяного шелкового пути»] // 国际安全研究. 2020年. 第2期.
23. 李振福、彭琰:“冰上丝绸之路”与大北极网络:作用、演化及中国策略 [Ли Чжэньфу, Пэн Янь. «Ледяного шелкового пути» и сеть большой Арктики: роль, эволюция и стратегия Китая] // 东北亚经济研究, 2018年. 第5期.
24. 刘欢:“中俄北极合作研究” [Лю Хуан. Исследование китайско-российского арктического сотрудничества] // 西伯利亚研究. 2018年. 第2期.
25. 牛玉莹:“美俄在北极地区的博弈研究” [Ню Юин. Исследование игры между США и Россией в Арктике]. 黑龙江大学. 硕士学位论文. 2021年.
26. 孙凯, 耿嘉晖:“特朗普政府北极事务“安全化”政策及其实践” [Сунь Кай, Гэн Цзяхуэй. Политика «безопасности» администрации Трампа в арктических делах и ее практика] // 美国研究. 2021. 第3期.
27. 孙凯, 张现栋:“美俄北极军事安全博弈态势及其走向” [Сунь Кай, Чжан Сяньдун. Тенденция Американско-российской игры по военной безопасности в Арктике] // 边界与海洋研究. 2021年. 第6期.
28. 王丛丛:“美国北极政策军事化及其影响” [Ван Цунцун. Милитаризация арктической политики США и его воздействие] // 战略决策研究. 2021年, 第2期.
29. 尚洋:“威慑与防御: 北约对俄罗斯“抵近钳制”的北极拐点” [Сяо Ян. Сдерживание и оборона: НАТО зажимает Россию в Арктике] // 和平与发展. 2021年. 第4期.
30. 尚洋:“竞争性抵制:美国对“冰上丝绸之路”的拒阻思维与战略构建” [Сяо Ян. Конкурентное сопротивление: мышление Соединенных Штатов об отказе от инициативы «Ледяного шелкового пути» и стратегическое построение] // 太平洋学报. 2019年. 第7期.
31. 徐庆超:“北极安全战略环境及中国的政策选择” [Сюй Цинчао. Арктическая. безопасность, стратегическая среда и политический выбор Китая] // 亚太安全与海洋研究. 2021年. 第1期.
32. 徐庆超:“北极全球治理与中国外交:相关研究综述” [Сюй Цинчао. Арктическое. глобальное управление и китайская дипломатия: обзор соответствующих исследований] // 国外社会科学. 2017年. 第5期.
33. 赵汉城:“美国布什政府的北极政策” [Джо Ханчжен. Арктическая политика. администрации Буша]. 南京大学. 硕士学位论文. 2018年.
34. 张祥国, 何静, 陈吉祥:“以竞争为导向的美国北极战略调整” [Чжан Сянго, Хе. Цзин, Чен Цзисян. Конкурентоспособная корректировка арктической стратегии США] // 边界与海洋研究. 2020年. 第6期.
35. 朱燕, 王树春:“新版俄罗斯北极政策:变化、原因及特点” [Чжу Янь, Ван. Шучунь. Новая политика России в Арктике: изменения, причины

и характеристики] // 中国海洋大学学报. 2021年. 第5期. DOI: 10.16497/j.cnki.1672-335X.202105006.

36. 任泽平:“拜登当选对美国、中国及世界的影响” [Жэнь Цзепин. Влияние избрания Байдена президентом на Соединенные Штаты, Китай и весь мир]. 09.11.2020 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1682846987203542666&wfr=spider&for=p>.

37. 冯玉军:“俄罗斯经济“向东看”与中俄经贸合作前景” [Фэн Юйцзюнь. «Поворот» русской экономики на Восток и перспективы китайско-российского торгово-экономического сотрудничества]. 24.03.2015 // http://www.china.com.cn/opinion/think/2015-03/24/content_35139791.htm.

38. 《北极蓝皮书》:“冰上丝绸之路”将成为各国合作新增长点. [«Синяя книга Арктики»: «Ледяной шелковый путь» станет новой точкой развития сотрудничества между странами]. 11.23.2018 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1617914255438526881&wfr=spider&for=p>.

ZHOU GEER

*PhD student, International Relations and
World Politics Department, St. Petersburg State
University, St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-8140-399X*

VIEWS OF CHINESE RESEARCHERS ON THE ARCTIC STRATEGIES OF RUSSIA AND THE UNITED STATES FROM THE PERSPECTIVE OF CHINA'S INTERESTS

In the context of the US-Russia-China strategic triangle, the Arctic becomes one node in geopolitical competition. In the United States, Russia's actions in the Arctic and the penetration of China there are seen as representing challenges and threats to the United States. Washington is making efforts to strengthen its position in the Arctic. In Russia, in turn, they are expressing concern over the increased military activity of the United States and NATO in the European North and the seas surrounding it. As part of Russia's policy of pivot to the East"after 2014 and the withdrawal of investments and technologies from the joint Arctic projects of most Western companies due to sanctions, China is gradually becoming the main partner. To strengthen the influence of China as a "great power", Beijing is pursuing an active Arctic policy, establishing close cooperation in the development of the Arctic with the Arctic countries, developing competencies and technologies, and participating in the management of the Arctic. The article presents the prevailing assessments in the Chinese scientific discourse of the changes in the Arctic strategies and policies of Russia and the United States in the Arctic over the last few years, as well as the impact of these changes on China's interests in the Arctic. There is a widespread notion in Chinese assessments of the increasing complexity of the geopolitical situation in the Arctic in recent years, the militarization of the Arctic region, and the growth of elements of Russian-American rivalry in the Arctic. Although the intensification of confrontation between the United States and Russia involves other countries in the designation of their position and the escalation of conflicts on the Arctic issues, it is in the interests of Beijing to position itself in the Russian-American Arctic game" as a neutral participant.

Key words: *Arctic, Russia, US, China, Arctic strategy, rivalry, conflict.*

ШАО ЦЫСЮАНЬ

аспирант Высшей школы культурной политики
и управления в гуманитарной сфере МГУ
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

В современном мире коррупция является одной из общих для всех стран проблем, угрожающая их национальной безопасности и развитию, снижающая качество государственного управления, наносящая ущерб экономике, и снижающая международный статус страны и ее репутацию. Основываясь на многочисленных исследованиях феномена коррупции, ученые постигли его природу и специфику среды, в которой область его распространения сокращается до минимума, а в каких – расширяется до масштабов поглощения институтов власти. Вместе с тем, имеющееся научное знание не позволяет полностью оградить государство и его институты от распространения коррупционных практик. В этой связи не утрачивает актуальность научное изучение этого явления и исследования антикоррупционных практик, используемых правительствами разных стран. Полученные обобщенные данные могут сыграть важную роль в повышении уровня антикоррупционного противодействия во всем мире. Отсутствие универсальных рецептов борьбы с ними заставляет правительства государств уделять пристальное внимание разработке и реализации антикоррупционной политики, совершенствованию мер противодействия коррупционным практикам, и что не менее важно – оценке качества предпринимаемых усилий.

В данной статье рассматриваются основные направления антикоррупционной политики Китая, ретроспективно анализируются некоторые этапы и достижения борьбы с коррупцией в этой стране, а также раскрывается целеполагание и содержание антикоррупционных реформ в современном Китае, масштабы которых значительно расширились в последние годы, обосновывается необходимость укоренения в сознании людей принципа «не смеет коррумтировать – не может коррумтировать – не желает коррумтировать».

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная политика, коррупция, антикоррупционные реформы, Китай.

Введение. Для современных систем государственного управления антикоррупционная повестка остается актуальной на протяжении многих десятилетий. Коррупционные сети, действующие скрыто, а также использующие властные возможности своих участников для легализации своей активности под видом конвенциональных игроков политико-управленческого пространства, продолжают создавать угрозы для эффективного функционирования систем государственного управления по всему миру [1. С. 440-441].

В этой борьбе главное – не допустить расширения практик неформального взаимодействия представителей власти между собой и с обществом в ущерб институтам и законодательно закрепленным формальным практикам, гарантирующим прозрачность и понятность действий государства по принятию решений. Антикоррупционные практики должны купировать развитие патрон-клиентских отношений и поддерживать меритократический принцип отбора на ключевые должности в системе государственного управления, расширять центра гражданского контроля за действиями властей и усиливать установки в массовом сознании о неприятии коррупционного поведения не только со стороны государственных служащих, но и самих граждан в их стремлении сократить издержки на решение своих проблем.

Основная проблема, с которой сталкиваются правительства при разработке мер по противодействию коррупции – высокий уровень адаптивности участников коррупционных сетей к динамично меняющимся условиям среды, а также инструментам борьбы с ними, так как сами они находятся внутри системы и могут предвосхищать применение к ним тех или иных способов противодействия, а в отдельных случаях даже их контролировать.

Независимо от научного ракурса исследователя коррупция понимается как нарушение должностными лицами установленных законодательных и общественных норм, согласованное всеми участниками образующейся латентной сети, в стремлении получить за счет находящихся в их распоряжении общественных ресурсов скрытых личных или узкогрупповых выгод материального и нематериального характера. Таким образом, это незаконная деятельность должностных лиц в системе власти по использованию общественных ресурсов в своих интересах [7. С. 343-346].

Одной из важных причин такого положения дел в системе государственного управления становится, как, например, писал Р. Мертон, расхождение между культурно предписанными устремлениями и социально сконструированными путями осуществления этих устремлений [2. С.

247]. Люди начинают массово использовать коррупционные практики, так как понимают, что в текущих институциональных установлениях не могут легально реализовать свои интересы, это приводит к резкому снижению регулирующего воздействия правовых норм на их поведение, порождает интерес к неконвенциональным практикам, включая коррупционные. Следовательно, чем больше непреодолимых ограничений устанавливает государство для достижения гражданами и группами своих законных интересов, тем выше вероятность того, что в какой-то момент времени сформируется спрос на девиантное поведение государственных служащих. Однако также следует понимать, что распространенность коррупции связана не только с чрезмерным бюрократическим регулированием различных сфер общественной жизни, но и с традиционностью, несовременностью существующих норм, которые стихийно компенсируются коррупционным поведением заинтересованных акторов, но в последствии по мере совершенствования правовой системы она может быть сведена к минимуму [8. С. 27-30]. Важным фактором, влияющим на степень укорененности коррупционных практик, является также отношение общества к распространяющимся по той или иной причине в системе государственного управления коррупционным практикам. Иначе говоря, такого рода отношения могут восприниматься рядовыми гражданами в целом ненормальными, но приемлемыми и в отдельных случаях неизбежными [5. С. 67].

В совокупности действие этих факторов приводит не просто к распространению коррупционных практик, но и к принципиальному изменению этических основ должностного поведения представителей власти: ориентиром их поведения при принятии решений становится не долг качественного выполнения своих обязанностей по управлению, а материальная и нематериальная выгода, вступающая в конфликт с профессиональными обязанностями. Используя терминологию принципал-агентской модели, можно сказать, что коррупция – это разновидность оппортунистского поведения агента (должностных лиц), использующего ресурсы принципала (общества) в собственных интересах [6. С. 60-69].

Основные направления антикоррупционной политики в Китае. Как и для многих систем государственного управления в мире, независимо от их качества и успехов, в Китае долгосрочно стоит проблема коррупции, в отношении которой разрабатываются меры по противодействию ей и смягчению негативных эффектов, которые неизбежно проявляются даже при низком уровне коррупции. Для Коммунистической партии Китая это направление является одним из ключевых, так как существует четкое понимание того, что экономические и социальные успехи страны неразрывно связаны с контролем над этим изъяном системы государственного управления. Гонг Мин и Ван Сипэн обоснованно полагают, что борьба с коррупцией является важной частью «модернизации национального управления

и потенциала управления» и она должна использоваться как «важный инструмент для поддержания эффективности национального управления» [10. С. 4].

У Цзяньсюн выделяет несколько этапов в антикоррупционной борьбе Китая за последние 70 лет [14. С. 10]: 1) «Движение против коррупции» (1949-1978 гг.); 2) «Сильная борьба с коррупцией» (1978-1997 гг.); 3) «Институциональная борьба с коррупцией» (1997-2002 гг.); 4) «Систематическая борьба с коррупцией» (2003-2012 гг.); 5) «Борьба с коррупцией в рамках верховенства права» (2012-2019 гг.)

И результаты принимаемых партией мер, действительно впечатляющие. Так, в 2018 г. в Китае органы контроля и надзора за соблюдением дисциплины наложили 526 000 дисциплинарных взысканий на членов партии и 135 000 государственных служащих были привлечены к ответственности. В 2019 г. темпы взысканий сохранились – 587 000 чиновников были наказаны за коррупционные преступления, в 2020 г. году – 604 000 человек, в 2021 г. – 627 000 [18; 19; 20; 21]. Эти внушительные цифры доказывают, что для руководства страны борьба с коррупцией действительно важна, и эта проблема остро стоит для управленческой системы.

В антикоррупционной деятельности китайские власти опираются на ряд важных принципов, в основе которых лежат философские положения в отношении этого противоправного вида деятельности, а за ними стоят конкретные действия властей.

Первое. Реформирование системы надзора в соответствии с вызовами времени и актуальными проблемами системы государственного управления. В 2016 г. была проведена реформа национальной системы надзора, которая первоначально была протестирована в разных провинциях, а затем распространена на всю страну. Так, в ноябре того года ЦК КПК выпустил инициативу «О пилотном плане реформы национальной системы надзора в Пекине, провинциях Шаньси и Чжэцзян» и создал наблюдательные комитеты на всех уровнях в трех вышеуказанных местах для накопления и обобщения опыта для ее продвижения по всей стране. Среди наиболее важных положений реформы обратим внимание на следующие ее позиции:

1) объединение в единый Наблюдательный комитет двух ранее действовавших институций – Народного правительственного бюро по надзору и Бюро по предупреждению коррупции – с передачей функций Народной прокуратуры по расследованию и борьбе с коррупцией и предупреждению преступлений этой направленности; 2) совершенствование внутриорганизационного механизма в пилотных областях, не допуская увеличения числа задействованного персонала и объема функций при увеличении необходимых ресурсов на надзор и правоохранительные органы; 3) совершенствование регламентов по реализации практических мероприятий по борьбе с коррупционными преступлениями [13. С. 6].

Запуск пилотных проектов позволил за короткое время накопить бесценный опыт по совершенствованию системы противодействия коррупции в стране. С одной стороны, реформа усилила регулярный надзор за государственными служащими и изменила ту ситуацию, когда надзор был недостаточно сильным. Даже отдельные государственные служащие, не являющиеся членами партии, стали объектами антикоррупционного надзора. С другой стороны, реформа системы надзора заполнила пробел между внутривнутрипартийной дисциплиной и национальными законами. Согласно статистике, только в 2018 году органы контроля и надзора за дисциплиной по всей стране прошли данную реформу, было обработано 1,737 млн человеко-раз, что на 32% больше, чем в прошлом году, из них 17 тыс. человек были переданы в органы юстиции. Эти данные намного превышают количество дореформенные показатели, отражая трансформацию институциональных преимуществ в эффективность управления [15. С. 6].

Второе. Наложение обязанности на членов Коммунистической партии по борьбе с коррупцией в стране. Так, «Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая» предусматривает, что «невыполнение основной обязанности всестороннего и строгого управления партией» или «неэффективное выполнение основной обязанности всестороннего и строгого управления партией» является нарушением политической дисциплины и оформлено в практическую систему ответственности. Если обстоятельства серьезные, то лицо будет подвергнуто наказанию в виде увольнения с партийных должностей или введения для него партийного испытательного срока.

Третье. Руководящая роль в борьбе с коррупцией отводится партийным комитетам. Реализация этого принципа потребовала принятия на XVIII Всекитайском съезде КП Китая ряда положений о работе дисциплинарной инспекционной комиссии партии, надзоре за дисциплинарными органами партии, о надзоре и обеспечении соблюдения законов надзорными органами и пр. регламенты.

Четвертое. Расследование в комплексе фактов получения и дачи взятки, или активной и пассивной формы коррупции. Этот принцип стал одним из основных в антикоррупционной стратегии Китая, для действующей системы противодействия коррупции – важное политическое достижение.

Пятое. Ужесточение преследования чиновников, сбежавших за границу и вывезших в другие страны капитал, нажитый коррупционным путем. В 2015 г. власти совместно с Интерполом развернули операцию «Скайнет» [4], выпустив предписания на преследование чиновников, бежавших из страны и причастных к серьезным коррупционным правонарушениям. С 2014 г. по 2020 г. было найдено за границей 2 268 членов партии и 21, 531 млрд. юаней выведенных денег. В 2021 г. – возвращено 16,740 млрд. юаней [3].

Шестое. Усиление трансграничного контроля за коррупцией. Комиссия Государственного совета по надзору за государственными активами и управлению ими издала Меры по надзору и управлению зарубежными инвестициями центральных предприятий и других систем, чтобы призвать центральные предприятия выполнять свои обязанности по управлению инвестициями с должной осмотрительностью с тем, чтобы предотвратить потерю государственных активов.

Седьмое. Содействие установлению нового международного антикоррупционного порядка. Китай поддерживает Конвенцию ООН против коррупции как основного института глобального антикоррупционного управления, стимулирует АТЭС к принятию Пекинской декларации о борьбе с коррупцией, Группу двадцати – к принятию «Высших принципов борьбы с коррупцией, преследования беглецов и активов». Китай также запустил «Пекинскую инициативу по Чистому Шелковому пути» для содействия свободной от коррупции инициативе «Пояс и путь». В 2021 г. Чжао Лэцзи, секретарь Центральной комиссии по проверке дисциплины, выдвинул на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по борьбе с коррупцией «Четыре предложения» по международному антикоррупционному сотрудничеству, и получил положительный отклик со стороны международного сообщества.

Восьмое. Акцент на развитии и укреплении потенциала институтов по противодействию коррупции. В частности, имеются ввиду следующие направления работы:

1) построение авторитетной и эффективной в вопросах координации системы всеохватного партийного и государственного надзора с китайской спецификой;

2) совершенствование внутрипартийной правовой системы, отвечающей требованиям честности, дисциплины и антикоррупционной практики в новую эпоху (4 декабря 2012 года Политбюро ЦК КПК провело заседание, на котором были рассмотрены и утверждены «Восемь положений Политбюро ЦК по совершенствованию стиля работы и установлению тесных связей с народом»);

3) обеспечение адекватных правовых положений для борьбы с коррупцией. В 2015 г. поправки к уголовному кодексу повысили стандарты к осуществлению наказания за коррупционные преступления. Например, предусмотрено, что преступники, приговоренные к смертной казни с отсрочкой исполнения за преступления коррупционной направленности, могут быть лишены свободы пожизненно; увеличено наказание за взяточничество; добавлено преступление «дача взятки влиятельному лицу» и пр.

Девятое. Совершенствование системы членов партии с акцентом на усиление партийной дисциплины. В «Положении о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая», пересмотренном в 2015 г.,

отмечены особенности партийной дисциплины и установлены более высокие требования к членам партии. В дополнение к расследованию и уголовному преследованию лиц, подозреваемых в совершении служебных преступлений, было сосредоточено внимание на рассмотрении нарушений партийной дисциплины, особенно политической дисциплины. Кроме того, партия ориентируется на реализацию на всех управленческих уровнях духа «Восьми положений». За последние 10 лет были значительно сокращены масштабы таких нездоровых практик, как растрата, путешествие чиновников за государственный счет и пр. Партийные организации всех уровней требуют от ведущих кадров укреплять воспитание и дисциплину своих членов и их родственников. Укрепление осознания членами партии и кадровыми работниками нежелания быть коррумпированными посредством формирования семейной этики является одной из главных особенностей пути к борьбе с коррупцией с китайской спецификой.

Десятое. Усиление антикоррупционного просвещения среди государственных служащих и рядовых граждан. Например, производство художественных фильмов, играющих воспитательную роль и снижающую уровень терпимости к коррупции (среди зрителей в Китае имели успех фильмы «Красная карточка» и «Нулевая терпимость»).

Ван Шоулинь полагает крайне важным при проведении антикоррупционной политики следование сформулированному принципу «не смеет коррумпировать – не может коррумпировать – не желает коррумпировать» и фиксирует успехи в антикоррупционной борьбе: потенциал коррупции снижается, этот порок системы управления находится под контролем, число коррупционных нарушений сокращается, усиливается ответственность парткома и надзорного комитета по установлению дисциплины [9. С. 2]. Чжу Фуэнь соглашается, что обозначенный принцип составляет философскую основу китайской антикоррупционной политики [16. С. 3]. Сан Сюэчэн также придерживается аналогичной позиции, подтверждая, что философские основы в борьбе с коррупцией не менее важны, чем меры ей противодействия [17. С. 7]. Вместе с тем, проблема далека от решения, как пишет Жэнь Цзяньмин, сама коррупция носит скрытый характер, что обуславливает сложность борьбы с ней [11. С. 8].

Основные выводы. Современная антикоррупционная политика Китая основывается на понимании угроз от распространения коррупционных практик в системе государственного управления и непрерывно совершенствует нормативные и ценностные подходы к противодействию. За последние годы не просто проделана значительная работа по совершенствованию законодательных норм, но и получены внушительные результаты. Коммунистическая партия делает ставку на просветительскую работу в обществе и закрепление в сознании людей философского принципа, создающего надежную психологическую основу для антикоррупционной борьбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аихотова Л.А., Абазова Е.Х. Зарубежный опыт в борьбе с коррупцией в системе правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162).
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
3. Операция «Скайнет 2021» вернула 1273 беглеца и 16,74 млрд юаней украденных денег // Агентство новостей Китая. Пекин, 24 февраля. 中新社北京2月24日电：“天网2021”行动追回外逃人员1273人、追回赃款167.4亿元// <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1725654640408925219&wfr=spider&og=pc>.
4. Операция «Скайнет»: операция по борьбе с коррупцией и поиску беглецов, учрежденная правительством Китая для ареста сбежавших членов КПК и правительственных чиновников // <https://zh.m.wikipedia.org/zh-hans/%E2%80%9C%E5%A4%A9%E7%BD%91%E2%80%9D%E8%A1%8C%E5%8A%A8>.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
6. Сатаров Г.А. Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы // Общественные науки и современность. М.: РАН, 2004. № 2.
7. Тимофеева О.В., Тимофеев В.В. Становление и развитие нормативно-правовой основы борьбы с коррупцией и ее проявлениями: международный и российский аспект // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163).
8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
9. 王寿林. 坚定不移推进反腐败斗争 – 新时期我国反腐败斗争发展的历程[J].新视野, 2020. Ван Шоулинь. Неуклонное продвижение борьбы с коррупцией – процесс развития борьбы моей страны с коррупцией в новую эпоху [J] // Новые горизонты. 2020.
10. 宫铭,王希鹏. 巩固和推进反腐败斗争新格局[J]. 红旗文稿, 2018. Гонг Мин, Ван Сипэн. Закрепление и продвижение новой модели борьбы с коррупцией [J] // Рукопись красного флага. 2018.
11. 任建明. 净化和重构政治生态：新时期反腐败斗争的根本方略[J].中共福建省委党校学报, 2016. Жэнь Цзяньмин. Очищение и реконструкция политической экологии: фундаментальная стратегия борьбы с коррупцией в новую эпоху [J] // Журнал партийной школы комитета КПК провинции Фуцзянь. 2016.
12. 桑学成. 中国共产党加强纪律建设和反腐败斗争的历史经验[J]. 理论视野, 2021. Сан Сюэчэн. Исторический опыт Коммунистической партии Китая в укреплении дисциплины строительства и борьбе с коррупцией [J] // Теоретическое видение. 2021.

13. 田坤. 党的十八大以来我国反腐败政策措施调整及动因[J]. 马克思主义研究, 2022. Тянь Кун. Корректировка и мотивация антикоррупционной политики и мер Китая после 18-го Национального съезда Коммунистической партии моей страны [J] // Марксистские исследования. 2022.

14. 吴建雄. 中国反腐: 迈向法治化的新征程 – 新中国成立70周年反腐败斗争[J]. 中国党政干部论坛, 2019. У Цзяньсюн. Противодействие коррупции в Китае: новый путь к верховенству закона – Борьба с коррупцией к 70-летию основания Нового Китая [J] // Китайский форум партийных и государственных кадров. 2019 г.

15. 姜洁, 易舒冉. 奋斗百年路, 启航新征程 – 监察体制改革由试点迈入全面深化新阶段(辉煌历程) [J]. 人民日报海外版, 2021. Цзян Цзе, И Шуран. Борьба за столетие, в новое путешествие – реформа системы надзора вступила в новую стадию всестороннего углубления из пилотного проекта (великолепный курс) [J] // People's Daily Overseas Edition. 2021.

16. 祝福恩, 石银, 杨恩泽. 巩固发展反腐败斗争压倒性胜利的对策[J]. 理论探讨, 2019. Чжу Фуэнь, Ши Инь, Ян Энцзе. Контрмеры по закреплению и развитию убедительной победы в борьбе с коррупцией [J] // Теоретическая дискуссия. 2019.

17. 邵景均. 深入学习贯彻十九大精神, 夺取反腐败斗争压倒性胜利[J]. 党的文献, 2018. Шао Цзинцзюнь. Углубленное изучение и реализация духа 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, с целью одержать убедительную победу в борьбе с коррупцией [J] // Партийная литература, 2018.

18. 中国共产党第十九届中央纪律检查委员会第三次全体会议上的工作报告(2019年1月11日) Отчет о работе третьего пленума 19-го созыва Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК (11 января 2019 г.) // https://www.ccdi.gov.cn/xxgkn/hyzt/201902/t20190221_40525.html.

19. 中国共产党第十九届中央纪律检查委员会第四次全体会议上的工作报告(2020年1月13日) Отчет о работе четвертого пленума 19-го созыва Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК (13 января 2020 г.) // https://www.ccdi.gov.cn/xxgkn/hyzt/202002/t20200224_40528.html.

20. 中国共产党第十九届中央纪律检查委员会第五次全体会议上的工作报告(2021年1月22日) Отчет о работе пятого пленума 19-го созыва Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК (22 января 2021 г.) // https://www.ccdi.gov.cn/xxgkn/hyzt/202103/t20210315_40530.html.

21. 中国共产党第十九届中央纪律检查委员会第六次全体会议上的工作报告(2022年1月18日) Отчет о работе шестого пленума 19-го созыва Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК (18 января 2022 г.) // https://www.ccdi.gov.cn/toutiaon/202202/t20220224_174022.html.

SHAO ZIXUAN

*Graduate student, Higher School of Cultural
Policy and Management in the Humanities (Faculty),
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

COUNTERING CORRUPTION AS THE MAIN DIRECTION OF ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN MODERN CHINA

In the modern world, corruption is a widespread problem for many countries. It is undermining their national security and development, lowering the quality of public administration, causing economic losses and weakening the international status of a country and its reputation. Based on extensive research into the phenomenon of corruption, scientists have a clear understanding of its nature and the conditions under which it spreads to the smallest possible region and grows to the point where it engulfs government institutions. At the same time, the available scientific knowledge does not provide complete defense of the state and its institutions against the spread of unethical behavior. In this regard, the scientific study of this problem and the study of anti-corruption practices used by governments in different countries does not lose its relevance. Data collection and generalization can play an important role in improving anti-corruption countermeasures around the world. Because there are no proven methods for stopping them, governments of states are forced to pay close attention to the development and implementation of anti-corruption policies, strengthening safeguards against corrupt practices, and, no less important, assessing the effectiveness of the efforts being made.

This article discusses the main directions of China's anti-corruption policy, retrospectively analyzes some of the stages and achievements of the fight against corruption in this country. And it reveals the goal-setting and content of anti-corruption reforms in modern China, whose breadth has substantially increased in recent years. This proves the necessity of instilling the idea that "does not dare to corrupt - cannot corrupt - does not wish to corrupt" in the minds of the populace.

Key words: *anti-corruption; anti-corruption policy, corruption, anti-corruption reforms, China.*

Д.В. ВИНОКУРОВ

*студент по направлению «Международные отношения»
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

С.С. ЗАХАРЧУК

*студент по направлению «Политология»
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

В.В. КИМ

*студент по направлению «Политология»
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ СРЕДИ ГРАЖДАН РОССИИ ПО ПОВОДУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Данная статья ставит целью проанализировать настроения в российском обществе по поводу ситуации вокруг конфликта в Украине и конкретно специальной военной операции (СВО). Актуальность вопроса определяется продолжающейся полемикой по данным темам, в ходе которой стороны нередко прибегают к генерализации своих точек зрения и их автоматической экстраполяции на большие группы населения. Исходя из методов политической социологии, за методологическую основу взят сравнительный анализ результатов опросов общественного мнения. Ключевым содержанием анализа является поддержка или противостояние курсу Правительства Российской Федерации (РФ) и распределение мнений среди различных социальных групп и слоев населения.

Ключевые слова: общественное мнение, Украина, СВО, внутривнутриполитические акторы.

Введение. Действия Российской Федерации в современных международных отношениях вызывают споры не только на мировом,

но и на национальном уровне. Не трудно догадаться, что после начала второй стадии вооруженного конфликта на Украине, общественное мнение среди граждан России претерпело значительные изменения. Современная внешнеполитическая обстановка стала причиной того, что российское общество оказалось в состоянии турбулентности, разделившись как минимум на два противоположных ценностных полюса. В связи с этим возникает необходимость понять – как современное состояние общественного мнения в РФ может повлиять на последующее функционирование политических (преимущественно государственных) акторов и институтов в современной России. В рамках данного исследования будет сформирован ряд гипотез, обосновывающих потенциальное поведение российских политических акторов на фоне сложившихся общественных настроений. Чтобы достичь этой цели, мы проведем сравнительный анализ результатов нескольких соцопросов по различным внешне- и внутривнутриполитическим событиям, связанных с международной политической конъюнктурой. На основе этого мы постараемся выявить ряд факторов, которые потенциально могут повлиять на дальнейшее политическое поведение людей, а значит в определенной степени воздействовать на работу политических субъектов в РФ.

Прежде чем перейти к анализу состояния общественного мнения в России и его влиянию на политических акторов, необходимо подчеркнуть ряд противоречий и мифов, связанных с понятием «общественное мнение». Вместе с тем стоит определить, что в нашем исследовании мы будем понимать под «общественным мнением» и как оно связано с политическими процессами.

1. Общественное мнение и его значимость для политических процессов. Понятие «общественное мнение» имеет долгую и сложную историю становления своих концептуальных рамок. Полноценно оно сформировалось только в XX в., однако ряд мифов и противоречий до сих пор преследуют данное явление.

В первую очередь, это связано с тем, что понятие «общественное мнение» всегда ассоциируют с такой технологией как опросы общественного мнения. Стоит отметить, что общественное мнение – это вовсе не «процентное соотношение людей, давших разные ответы на некий вопрос» [8. С. 17] как зачастую принято полагать. Общественное мнение всегда формируется в публичном пространстве. Проще говоря, это не просто совокупность сухих цифр и чистой статистики, а сформированная точка зрения, которая может быть высказана в публичном пространстве. Именно в ходе таких обсуждений респондент может поменять свое мнение, и соцопросам будет трудно зафиксировать эти изменения. Данное заблуждение как раз подвергалось активной критике со стороны социологов и здесь стоит развеять второй миф – социология не занимается изучением общественного мнения.

Это может показаться странным, но социология определяет концепцию общественного мнения совсем иначе, нежели это делают соцопросы как было упомянуто выше. Американский социолог Герберт Блумер утверждал, что опросы общественного мнения не дают четкого определения, что такое «общественное мнение», они сами конструируют данное явление [1].

Третий миф, который стоит упомянуть, связан с непосредственной критикой технологии опросов общественного мнения. Мы привыкли считать, что благодаря опросам можно зафиксировать, а затем проанализировать те или иные общественно-политические настроения (тенденции), которые преобладают в том или ином социуме. В действительности, метод соцопросов изначально использовались как политический инструмент. Во-первых, считалось, что данная технология могла выступить как эффективная форма демократии – политические решения должны приниматься на основе мнения граждан. Во-вторых, опросы общественного мнения были нацелены на оправдание той или иной политической позиции или действий конкретного политического лидера, зачастую автократа.

Тем не менее, технология опросов общественного мнения получила широкую популярность в середине прошлого века в связи с чем она активно стала использоваться в изучение общественных процессов. Таким образом, в данном исследовании нам тоже придется воспользоваться данным методом.

Несмотря на это, в политической социологии существует ряд концепций общественного мнения, которые делают акцент абсолютно на разные аспекты данного понятия. В нашем случае стоит остановиться на концепции, которую выдвинула немецкий социолог и политолог Элизабет Нозль-Нойман. Она знаменита своей теорией «спирали молчания», которая тесным образом связана с концепцией общественного мнения. Согласно данной теории *«общественное мнение – это ценностно окрашенное, в частности имеющее моральную окраску, мнение и способ поведения, которые, если речь идет об устоявшемся, закрепившемся согласии, например, догме или обычае, – следует демонстрировать прилюдно, если не хочешь оказаться в изоляции, или которые в проходящих состояниях можно прилюдно демонстрировать, не боясь изоляции»*. Данное определение в большей степени подходит для нашего исследования, так как акцент в нем делается на ценностную составляющую поведения граждан. В дальнейшем мы будем рассматривать результаты соцопросов, цель которых как раз определить ценностное восприятие тех или иных военно-политических действий российской власти гражданами России. Именно через этот тип восприятия мы постараемся выделить некоторые противоречия в общественном мнении граждан и определить, как эти противоречия повлияют на действия различных политических субъектов в России.

Прежде чем переходить к анализу общественного мнения граждан РФ, стоит определить следующую исследовательскую установку, которой нам придется придерживаться на протяжении всего исследования.

С начала нового витка вооруженного конфликта на Украине и объявления специальной военной операции возник вопрос о том, а стоит ли вообще проводить соцопросы на данную тематику при вышеупомянутых событиях и в какой степени эти опросы будут отражать реальное мнение граждан. Уточним, что в настоящей работе мы не ставим целью удостовериться в «чистоте» того или иного соцопроса от того или иного аналитического центра. Нам остается лишь довериться чистоте тех данных и результатов, которые мы будем анализировать – мы примем за аксиому, что все исследования были проведены верно.

В какой-то степени данная исследовательская установка может показаться не научной, но объем данной работы не позволяет в деталях раскрыть этот аспект и лишь таким образом удается решить эту проблему.

Таким образом, в данной главе удалось выделить основную концепцию общественного мнения, на которую будет опираться наше исследование, а также разъяснить ряд исследовательских проблем, решение которых формирует принципы нашей последующей работы.

2. Сравнительный анализ результатов опросов общественного мнения по поводу внешнеполитической ситуации: военный кризис на Украине. Прежде чем переходить к выстраиванию гипотез о дальнейшем функционировании российских внутривнутриполитических институтов на фоне сложившегося состояния общественного мнения, стоит сравнить результаты нескольких соцопросов от различных аналитических и социологических центров России по данному вопросу.

Согласно опросам Всероссийского центра изучения общественного мнения большая часть граждан РФ (68%) уже в феврале 2022 г. поддержала решение провести специальную военную операцию России в Украине [5]. Примечательно, что через полгода опросы того же аналитического центра показали, что уровень поддержки среди граждан находится в диапазоне 70-73% [6]. То же самое продемонстрировали результаты опросов Фонда общественного мнения (ФОМ): в феврале поддержку СВО выражали 68% респондентов, в то время как в марте уже 73% опрошенных высказывались «за» решение Российской Федерации по поводу начала спецоперации [7].

Более детальный срез по респондентам дали результаты опросов, проведенные социологической компанией «Russian Field». Они показывают, что с увеличением возраста респондентов, растет их поддержка специальной военной операции. Если среди категории населения в возрасте от 18 до 29 лет соотношение сторонников и противников СВО равняется 42 к 39%, то среди граждан старше 60 лет эти цифры составляют 68 против 17%. Анализ поддержки СВО среди различных групп населения также позволяет составить

«портрет» среднестатистического сторонника и противника СВО [4]. Среди сторонников СВО, как уже было сказано, преобладают более пожилые граждане. Также среди сторонников больше мужчин (59%) чем женщин (52%). Также, поддержка СВО весьма любопытным образом положительно коррелирует с финансовыми возможностями респондентов, то есть 67% наиболее обеспеченных граждан заявили свою поддержку СВО, в то время как только 39% из числа беднейших слоев думают так же. Отсутствие какой-либо объяснимой закономерности прослеживается по критерию образования. Наиболее активными респондентами являются граждане со средним специальным и высшим профессиональным образованием. При этом, ни в одной группе не наблюдается преобладание противников СВО. Если оценивать ситуацию применительно к регионам, то основными регионами поддержки являются Дальний Восток (67%) и Центральный ФО (61%). В профессиональном отношении наибольшее количество сторонников СВО наблюдается среди сотрудников правоохранительных органов (80%), госслужб (62%), промышленности (57%) и ЖКХ (54%). Тезис о более благосклонном взгляде на СВО со стороны более возрастных респондентов также поддерживается высокой долей поддержки среди пенсионеров (63 %).

Таким образом, полностью полагаясь на данные опросов общественного мнения, можно утверждать, что большая часть населения Российской Федерации продолжает поддерживать специальную военную операцию и политику России в отношении Украины и стран Запада. Последовательно прослеживается закономерность возрастания поддержки со стороны более возрастных групп населения. Это можно, некоторым образом, отнести на счет более таких более популярных среди сторонников СВО источников информации как телевидение (66%) и рассказы родственников (50%). Также обнаруживается закономерность большей поддержки со стороны более обеспеченных слоев населения, и не менее удивительной является меньшая поддержка со стороны беднейших групп населения. Возможно, причины такого расслоения также кроются в региональных различиях, выявленных опросами, но существующие метрики не позволяют делать более конкретных выводов на этот счет. В итоге опросы оставляют незакрытым один из наиболее существенных вопросов: «много или мало людей относятся к ситуации вокруг Украины тем или иным образом». Этот вопрос вызван прослеживающимся падением интереса населения к данной проблеме, что дает основание для ретроспективного сравнения отношения населения к, например, ситуации с Грузией в 2008 году или все так же с Украиной в 2014 году. Однако, и в 2022 году стоит попытаться понять, какое место именно СВО, и Украина занимают в умах граждан.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на помощь самих опросов в оценке своей эффективности [2]. Некоторые метрики пытаются анализировать отношение граждан к сбору подобного рода информации, показывая,

что 48% противников СВО опасаются принимать участие в опросах общественного мнения, в то время как 61% сторонников не имеет никаких опасений. Очевидно, что подобная статистика, в теории, может отражать искаженную картину фактического общественного мнения, поскольку боязнь участия в опросах и поддержка СВО очевидно коррелируют негативно. Кроме того, наиболее информативные опросы, дающие наиболее полное представление о социальном статусе и политических предпочтениях респондентов, относятся к периоду до осени 2022 года. В то же время реальная обстановка вокруг хода СВО претерпела немало серьезных изменений, как организационного характера, так и фактического изменения расстановки сил. События вокруг Балаклеи, Лимана, Херсона, а также частичной мобилизации очевидно не могут не играть значительной роли в изменении общественного мнения. Еще одним немаловажным элементом, проигнорированным опросами, является мониторинг мнений относительно влияния СВО на благополучие граждан, особенно на фоне экономических санкций. Этот вопрос особенно интересен для проработки в контексте обнаруженной закономерности среди наиболее и наименее обеспеченных слоев населения.

3. Перспективы и последствия для внутривнутриполитических акторов: Президент РФ, Федеральное собрание, Губернаторский корпус.

На основе краткого сравнительного анализа, представленного выше, можно постараться выстроить ряд гипотез, которые бы смогли описать перспективы дальнейшего функционирования российских государственных институтов.

В первую очередь, хочется, конечно же, начать с Института президентской власти в РФ. Выводы исследования, в первую очередь, демонстрируют поддержку тому решению, которое реализуется, в первую очередь, по инициативе Президента РФ. Динамика настроений, отраженная в опросах, это еще и важный индикатор поддержки курса, выстраиваемого именно Президентом. Очень важно отметить, что рассмотренные опросы были проведены негосударственными организациями, что также снимает многие вопросы относительно заинтересованности в результате. Опросы, таким образом, это чрезвычайно важный инструмент для медийной политики Президента, и в большей степени, для его Администрации.

В целом, следует подчеркнуть, что рейтинг Владимира Путина на фоне нынешней сильно не пострадал. Более того, уровень доверия к Президенту РФ значительно вырос и держится на стабильном уровне [3].

Для Федерального собрания ситуация, отраженная в исследовании, носит менее очевидный характер. Так как большинство принадлежит политическим партиям и сенаторам, поддерживающим курс Президента, то медийный эффект соответственно положительный. Однако, более важным компонентом исследования для Федерального собрания является не выраженный процент одобрения СВО, а его структура. Все те социальные страты и группы, которые не одобряют политику Президента,

составляют, в первую очередь, задачу для законодателей обратить свои усилия на такие задачи как оптимизация социально-экономических последствий СВО, общая корректировка идеологического, медийного и образовательного компонента, связанного с поддержкой СВО населением, а также усиление бюджетного контроля в связи с неизбежными издержками ввиду военных действий. Здесь, в который раз, хотелось бы обратить внимание на закономерности, выявляющие меньшую поддержку СВО со стороны женщин, молодежи, менее обеспеченных слоев населения. Законодателям необходимо обратить свое внимание не столько на решение функциональных задач, сколько на уязвимые группы населения.

Разумеется, это также и основной фронт работ для губернаторского блока и муниципальных властей. Даже в большей степени, поскольку опросы показали разницу и в поддержке в разных регионах. И совершенно необходимым представляется расширение социальной базы и масштаба опросов, углубление исследований с целью выявления перекрестных закономерностей. Существующие опросы не позволяют выявить, в каком регионе какой фактор ведет к тому или иному уровню поддержки. Соответственно, в интересах местных властей способствовать проведению подобных исследований в будущем.

В общем и целом, основываясь на проанализированных данных и полученных результатах можно сделать как минимум один общий вывод – на сегодняшний день общественное мнение в России находится в состоянии неопределенности, которое можно охарактеризовать как турбулентное. Следует предположить, что на данный момент российское общество находится в состоянии скрытой тревоги (это показывают результаты соцопроса о настроениях среди окружающих [3. С. 12]) и в какой-то степени, фрагментировано в своем ценностном восприятии. Скорее всего, существенная часть граждан переживает определенный ценностный слом, связанный с нынешней внешнеполитической ситуацией и, собственно, данный процесс можно выявить путем сравнения результатов опросов общественного мнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Блумер Г.* Общественное мнение и опросы общественного мнения // Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017.
2. Девять волн: сложности и парадоксы восьми месяцев «военной операции»: статья // Russian Field // <https://russianfield.com/statisticasvo>.
3. Доминанты. Мнение людей: социологический бюллетень / Фонд «Общественное мнение» // <https://media.fom.ru/fom-bd/d492022.pdf>.

4. Портреты сторонников и противников военной операции: статья // Russian Field // <https://russianfield.com/portret>.

5. Специальная военная операция в Украине: отношение и цели: аналитический обзор / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-v-ukraine-otnoshenie-i-celi>.

6. Специальная военная операция: полгода спустя: аналитический обзор / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-polgod-a-spustja>.

7. Украина. Опрос 20 марта. Представления о целях России на Украине: опрос / Фонд общественного мнения (ФОМ) // <https://fom.ru/Politika/14706>.

8. Юдин Г.Б. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. Вып. 11.

D.V. VINOKUROV

*Student in the direction of "International Relations"
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

S.S. ZAKHARCHUK

*Student in the direction of "Political Science"
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

V.V. KIM

*Student in the direction of "Political Science"
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

ANALYSIS OF PUBLIC OPINION AMONG RUSSIAN CITIZENS REGARDING THE FOREIGN POLITICAL SITUATION: CONSEQUENCES FOR DOMESTIC POLITICAL ACTORS

This article aims to analyze the attitudes inside Russian society regarding the conflict in Ukraine and the Special Military Operation in particular. The issue maintains relevant to the ongoing controversy on these topics, during which the parties often resort to generalization of their points of view and their automatic extrapolation to large groups of the population. Proceeding from the methods of political sociology, the analysis of public opinion polls is taken as a methodological basis. The main scope of the analysis is support or opposition to the course of the Government of the Russian Federation (RF) and the distribution of opinions among various social groups and strata of the population.

Key words: *public opinion, Ukraine, SMO, domestic political actors.*

К.С. КОМАРОВ

бакалавр Московского государственного
лингвистического университета,
Россия, г. Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В ПОЛИТИКЕ ЕС

В статье в рамках политологического анализа актуальных трендов эволюции мировой политики излагается авторский концептуальный взгляд на взаимосвязь политики и экономики через призму экономических факторов. Основной акцент сделан на формирование на этом базисе механизма интеграционных взаимодействий и основ глобального управления (на примере отношений Франция – ЕС). Актуализировано влияние экономизации политики на выбор политической стратегии повышения конкурентоспособности государства в новом глобальном контексте. Представлены некоторые модели и техника национального оперирования в геоэкономическом пространстве. Предложенная авторская конструкция – эксплицитный материал для дальнейшей разработки постбиполярной модели международных отношений.

Ключевые слова: европейская интеграция, отношения Франция – Евросоюз, экономизация политики, факторный анализ, геоэкономика.

Введение. Полицентричная глобализация, имеющая, прежде всего, экономическую природу, актуализирует экзистенциальную потребность государств в развитии различных видов интеграционного взаимодействия, комплекс которых образует внешнюю политику. Это сложный, многоуровневый процесс реализации национальных интересов, в котором политическая мощь актора в значительной степени детерминирована его экономическим потенциалом.

Французская республика – архитектор, локомотив европейских интеграционных процессов, один из лидеров, ««твердое ядро» Европейского союза (ЕС). Магистральный вектор внешней политики Парижа в современном системном контексте – европеизм: превращение «Европы разных скоростей» в полюс влияния и глобального актора; развитие нарратива «стратегической автономии» в рамках преемственности «доктрины голлизма»

(национальная независимость и идентичность, диверсификация внешне-политических связей) [4. С. 86]; подключение коллективного механизма и потенциала ЕС в целях продвижения собственных интересов, приумножения силы, сохранения влияния как в Европе, так и за ее пределами [8. С. 11].

Евросоюз (ЕС) как уникальная институциональная система не является цельным самостоятельным актором. ЕС использует ресурсную базу своих наиболее влиятельных государств-членов в целях политики аппроксимации, выстраивания «эффективной многосторонности» и управляемой многополюсности, формирования благоприятной «структуры силовых отношений, производящей/воспроизводящей поле политики (центр диалога или арена власти и конфликта) [1. С. 14] глобального уровня. Государства-члены ЕС во взаимоотношениях с внешними акторами самостоятельно действуют в рамках «возможностей и ограничений, заложенных во внутренней и внешней среде» [7. С. 14] их существования, при этом координируют свои курсы, сохраняя в запасе возможность одностороннего действия.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, важностью понимания комплексной взаимозависимости политических, экономических факторов и процессов в современном мире. Во-вторых, императивом учета и анализа инструментальной эффективности, действий и механизмов экономического и политического маневрирования ведущих мировых акторов (ЕС) и членов «клуба» великих держав (Франции) в современных условиях строительства «конструктивного многополярного мира».

Научная новизна исследования определяется ракурсом, методологией и комплексным характером предложенной проблематики и проявляется в предположительно достигнутых результатах как парциальных компонентов матрицы и алгоритма изучения явлений и процессов в мировой политике и экономике.

Рабочая гипотеза – стремление Франции к укреплению статуса региональной державы-гегемона с глобальными амбициями, доминированию в современной европейской повестке дня на геополитическом и геоэкономическом уровне.

Теоретические и методологические основы исследования. В ходе исследования основной акцент сделан на концептуальное осмысление (на примере Франции) экономико-политических аспектов глобализации мирового хозяйства и международных отношений с расширением зоны релевантности. Применены факторный подход (эндогенные и экзогенные переменные) и уровневый анализ (уровень государства – Франции и уровень межгосударственной системы – ЕС) и их специфическое проявление в условиях новой экономической реальности.

Эндогенные факторы: экономический потенциал как геополитический статус страны. Современный экономический потенциал Франции обеспечен в рамках этатистской планово-индикативной модели

социально-экономического развития, идеологии «экономического дирижизма» с исключительно высокой ролью государства и развитой социальной сферой в условиях зарождения, становления современного Евросоюза (ЕС). Благодаря мощной государственной поддержке стратегические отрасли национальной промышленности (космос, авиастроение, ядерная энергетика и др.) стали основой национального суверенитета Франции. Национальная конкурентоспособность и экономическая эффективность в современных условиях – это одновременно один из параметров оценки национальной мощи государства [2. С. 39].

В реалиях глобальной экономики, взаимозависимости государств и международной конкуренции Франция вынуждена усилить роль государства как стратега и регулятора экономической жизни со ставкой на технологический протекционизм в промышленной и инновационной политике, при этом не отказывается от неолиберальных методов воздействия на экономику, создания здоровой конкурентной среды внутри страны.

Современная высокотехнологичная отраслевая структура, экономический и инновационный потенциал, экономические возможности и экономические взаимодействия как источник внешней политики [13. С. 177] демонстрируют не только макроэкономическую стабильность крупно растущей экономики, эффективность и развитость инфраструктуры, но и подчеркивают геополитический статус Франции как высокоразвитой страны на стадии постиндустриального развития.

Изменение структуры ВВП экономики Франции соответствует мировым тенденциям в рамках групп развитых стран с преобладанием отраслей непроемкой сферы. Третичный сектор – важнейшая по значению сфера экономики Франции, характеризуется динамичным развитием. Основные подотрасли промышленности: пищевая индустрия – ведущая отрасль; машиностроение и химическая промышленность – драйверы инновационного развития экономики страны, обеспечивающие современный научно-технический прогресс, а также автомобилестроение.

По объемам производства промышленной продукции Франция в ЕС – в ТОП-3, лидер по производству сельскохозяйственной продукции (единственная страна в Европе, полностью обеспечивающая себя основными продуктами питания), обладает существенным уровнем энергетической независимости (по производству атомной энергии занимает второе место в мире после США).

Ключевые экономические индикаторы свидетельствуют о высоком уровне международной конкурентоспособности Франции как одного из наиболее влиятельных государств-членов ЕС, усиливая синергетический эффект экономического и политического влияния на другие страны.

Экзогенные факторы: торговля, финансы, инвестиции как экономическая «мягкая сила». Торговое сотрудничество как стратегия не прямых

действий – повторяющийся набор определенных трансакций (взаимодействий) для решения конкретных задач в геополитическом пространстве, основными имманентными характеристиками которой являются скрытая мотивация и наличие выгоды, присутствие элемента конкуренции, отсутствие конфликтной составляющей.

Финансовая помощь и инвестиции во внешней политике – геоэкономическая «перенастройка» своего геополитического окружения путем экономической трансформации в выгодном для себя треке; «встраивание» и переход к активной экспансии посредством экономического проникновения; расширение «сфер влияния» не территориального свойства, обеспеченных ресурсами силы и мощи государства [3. С. 1279].

Указанные экономические факторы демонстрируют особую эффективность их комплексного использования в качестве инструмента продвижения внешнеполитической повестки государства. В полной мере это относится к современной Франции, занимающей «командные высоты» в экономике и политике Евросоюза, благодаря существенному размеру и развитой инфраструктуре национальной экономики, играющей заметную роль в международной торговле.

Национальная валюта Франции (евро) – одновременно вторая по величине резервная, доминирующая валюта, номинальный якорь денежно-кредитной политики; вторая после доллара США наиболее торгуемая валюта в мире, используемая 19 из 27 стран-членов ЕС. Наличие национальной валюты в качестве международного платежного средства и средства накопления предоставляет Франции возможность использовать многочисленные финансовые инструменты внешней политики в своих интересах.

Париж входит в ТОП-10 мировых финансовых центров [12. С. 4], с июня 2019 г. финансовый центр Европы (после переезда из Лондона в связи с Brexit) со штаб-квартирой Европейского банковского агентства – регулирующего органа по поддержанию финансовой стабильности в банковской сфере ЕС.

Европейское космическое агентство/ЕКА в составе 20 членов Евросоюза, а также Швейцарии и Норвегии, со штаб-квартирой в Париже – один из главных космических центров мира с ежегодным бюджетом свыше 6,5 млрд. евро эффективно обслуживает интересы внешней политики ЕС.

Факторы внешнего воздействия, реализации стратегии максимизации зависимости от ЕС, наращивания своего присутствия и влияния – расширенное экономическое сотрудничество и программы экономической помощи развитию, что в совокупности так или иначе нацелено на решение политических задач. Политическая кондициональность в качестве принудительного механизма направлена на изменение поведения акторов посредством льгот и преимуществ или санкций и ограничений в зависимости от принятия или отвержения ими предложений со стороны ЕС в виде финансовой

помощи, инвестиций, институциональных связей, доступа к рынку (например, режим наибольшего благоприятствования в торговле).

При этом происходит усиление контроля над иностранными инвестициями в области критических технологий (кибербезопасность, искусственный интеллект, полупроводники). Так, Франция традиционно располагает одним из самых совершенных режимов по контролю над иностранными инвестициями. С конца 2020 г. предусмотрено снижение до 10% доли неевропейских инвесторов в активах крупных французских компаний. С апреля 2020 г. французское правительство получило право блокировать приобретение национальной компании иностранным инвестором, если его доля в ней будет составлять более 25% (до 1 апреля 2020 г. эта доля доходила до 33%) [б. С. 41]. Ограничительные меры предприняты не только в отношении секторов, связанных с обороной и национальной безопасностью, но и цифровых и биотехнологий, энергетики, транспорта и др.

На сегодняшний день Франция как одно из наиболее влиятельных государств-членов, – плацдарм для экономического взаимодействия, внешней экспансии ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), зоне динамического развития, обеспечивающей 36% мирового богатства (почти 39% к 2024 году, по оценкам МВФ), и одновременно выстраивания «эффективной многосторонности» (мультилатерализма) и управляемой многополюсности, все более приобретающей антикитайскую окраску. ЕС – один из крупнейших инвесторов, основной партнер в области развития в ИТР, который включает пять стратегических, четыре из десяти основных торговых партнеров ЕС, в том числе Индию, Японию, АСЕАН, Австралию.

Высокий уровень французских инвестиций создает «инфраструктуру зависимости», причем современный механизм использования и влияния прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в политических целях состоит как в создании целой экономической сети взаимозависимостей между странами – реципиентами инвестиций и странами базирования компаний, так и в стимулировании экономического роста в ключевых для страны-кредитора государствах или в отсутствии поддержки в странах, чья политика не устраивает страну-донора.

Франция – первая страна ЕС, принявшая весной 2018 года на вооружение обновленную Индо-Тихоокеанскую стратегию, охватывающую широкое пространство от восточного побережья Африки до островных государств Тихого океана. Пятая республика – единственная в ЕС располагает в ИТР заморскими сообществами, департаментами и регионами, бывшими заморскими территориями – второй крупнейшей в мире (после США) эксклюзивной экономической зоной с населением 1,65 млн. чел. и площадью 10,2 млн. км², главным образом за счет Французской Полинезии, драйвера инновационного предпринимательства в регионе. Особая роль отведена углублению отношений с АСЕАН (с получением официального статуса

стратегического партнера) в рамках реализации партнерства в области развития, начатого в марте 2021 г., в дополнение к подписанным ранее соглашениям с Индонезией, Сингапуром, Вьетнамом.

Объем прямых французских инвестиций в ИТР в период 2010-2019 гг. увеличился в 1,7 раза и составил 113 млрд. евро – 8% от общего объема ПИИ или 6% за вычетом Китая. Общий объем накопленных в ИТР французских инвестиций вырос в 2,3 раза (19 млрд. евро). В свою очередь, доля ИТР в объеме накопленных инвестиций во Франции выросла в 1,7 раза в указанный период и составила 3,8% [11. С. 28].

Мощные инструменты внешней политики, стратегически важные рычаги влияния и распространения «мягкой» силы» Франции в мире – государственное финансовое учреждение *Agence française de développement*, AFD (Французское агентство развития) и национальное агентство *Business France* (Деловая Франция). Последнее создано 1 января 2015 года в результате слияния *UBIFRANCE* (агентства по продвижению экспорта) и *InvestInFrance* (Французского агентства по международным инвестициям). Например, в 2020 году общий объем выделенных AFD средств странам ИТР в совокупности составил 9 млрд. евро или около 1/4 от общемирового объема, за исключением Китая (13%).

Помимо этого в ИТР представлена разветвленная сетевая экономическая структура французских правительственных агентств: 24 офиса *Business France* (поддержка французских деловых кругов за границей, привлечение иностранных инвестиций во Францию); 95 учреждений *Agence pour l'Enseignement Français à l'Étranger*, AEFÉ (Агентство по французскому образованию за рубежом) в ведении Министерства иностранных дел Франции; *Institut français* (Французский институт) в ведении Министерства иностранных дел и Министерства культуры Франции (расширение сферы культурного влияния Франции за рубежом); *Expertise France* (проекты научно-технического сотрудничества), а также *France Volontaires*, *Campus France* и др. Активность AFD представлена в 24 странах региона и распространялась на 26 соседних с ИТР территорий с объемом обязательств в размере 3,9 млрд. евро.

В период с 2010 по 2020 гг. казначейство Франции предоставило ИТР пятую часть общемирового объема кредитов, в том числе 90% пришлось на инфраструктурные сектора (крупнейший бенефициар – Юго-Восточная Азия) и цифровую связь. Причем 12% от общей суммы ИТР было предоставлено в рамках 21 проекта Фонда исследований и поддержки частного сектора (фр. *Fonds d'études et d'aide au secteur privé*, FASEP), донорского инструмента поддержки проектов Министерства экономики и финансов Франции, только в период с 2016 года по апрель 2020 года.

В целях стимулирования регионального взаимодействия французских заморских сообществ – Французской Полинезии, Уоллиса и Футуны, а также

Новой Каледонии, с государствами ИТР в 1985 году создан Тихоокеанский фонд, в рамках которого в совокупности реализованы более 1,5 тыс. проектов социально-экономического и культурного характера. В 2021 году дополнительно выделены средства в размере 2,85 млн. евро на финансирование 55 проектов.

Российско-французские экономические отношения в контексте политики ЕС. Современные экономические отношения Франции с Российской Федерацией в контексте отношений Россия-ЕС – наглядный пример политической детерминированности внешнеэкономических связей, а также в целом свидетельство неспособности экономических факторов всецело определять не только внешнюю политику государств, но и дальнейшее развитие внешнеэкономических отношений между ними.

В случае с Францией, одним из ключевых торгово-экономических и инвестиционных партнеров России в мире, экономическая взаимозависимость – фактор, способствующий дальнейшей интенсификации ее торгово-экономических отношений с Россией, запуску новых проектов в экономической сфере. В 2021 году Россия была на 13 месте в списке основных торговых партнеров Франции, 5-м крупнейшим торговым партнером (1,7% французского товарооборота) за пределами ЕС после Китая (8,6%), США (6,4%), Великобритании (4,6%) и Швейцарии (2,9%) [10. С. 2].

Около 80% общего объема французского импорта из России в 2021 г. составляли энергоносители, в том числе углеводороды (6,1 млрд. евро) и нефтепродукты (4,1 млрд. евро), а также продукция химической промышленности (0,6 млрд. евро), металлы и изделия из них (0,6 млрд. евро).

97,2 % общего объема французского экспорта в Россию (6,3 млрд. евро) в 2021 г. пришлось на высокотехнологичные промышленные товары, в основном автомобили и воздушные суда (2,1 млрд. евро), продукцию химической промышленности, парфюмерию и косметику (1,2 млрд. евро) [10. С. 3].

Франция входит в ТОП-5 ключевых европейских инвесторов в российскую экономику (4 место среди стран ЕС, 8 место среди всех стран). Накопленный по итогам 1 квартала 2021 г. объем французских инвестиций в Россию составил 21,7 млрд. долл. (российских во Франции – 3,1 млрд. долл.). Среди крупнейших французских инвесторов – «ТотальЭнерджис» (общий объем инвестиций – более 7,5 млрд. евро), «Ашан» (2,2 млрд. евро), «Рено» (2,5 млрд. евро), «Данон» (2,1 млрд. евро), «Шнейдер Электрик» (1 млрд. евро), «Эр Ликид» (700 млн. евро), «Санофи» (150 млн. евро) [5].

Вместе с тем Франция – один из наиболее влиятельных государств-членов ЕС, отношения которого с Россией подвержены многофакторному воздействию экономической взаимозависимости на сферу внешней политики. Кумулятивный объем в системе взаимодействия ЕС и России как в экономике, так и на двустороннем межгосударственном уровне (с учетом политической

активности Франции в лице президента Э. Макрона), на первый взгляд, способствовал сохранению в отношениях общей парадигмы сотрудничества и партнерства. ЕС продолжал оставаться основным торговым партнером России, на долю которого в 2021 г. приходилось 36% российского товарооборота [9]. Торговля углеводородами, стержень экономических отношений России – ЕС, сформировала и поддерживала значительную степень экономической взаимозависимости Евросоюза и России, которая продолжает существовать и сегодня.

Одновременно с этим, с начала 2000-х гг. произошел «ценностный разрыв» – отход России от европейской либерально-демократической ценностной модели. Нарастание политизации энергодиалога привело ЕС к политике по снижению энергетической зависимости от России, а Россию – к поиску новых рынков для сбыта своих энергоресурсов. В итоге ценностно-политический и экономический факторы стали играть стагнационную и конфликтную роль в двусторонних отношениях.

Фактор регионального взаимодействия ЕС и России на пространстве их «общего соседства» (в западной части постсоветского пространства, а также в регионе Южного Кавказа) стал катализатором текущего, самого масштабного и глубокого кризиса в отношениях между Россией и институтами Запада с взаимными секторными экономическими санкциями. Причина – активизация в регионе интеграционных проектов ЕС (намерение подписать соглашения об ассоциации с рядом государств-участников Восточного партнерства – с Грузией, Арменией, Молдовой и Украиной) и России (создание Евразийского экономического союза/ЕАЭС, стремление к включению в него как можно большего числа постсоветских стран, включая Украину).

Приведенные примеры на практике свидетельствуют о том, что экономические факторы оказывают влияние на развитие политических и экономических отношений между государствами (в данном случае Франции и России), на политику государства вообще, но не детерминируют их развитие, показывают нелинейность и ограниченность их воздействия на внешнюю политику. В современном глобализованном мире именно внешнеполитические факторы (отношения по линии ЕС-Россия) нередко имеют превалирующее значение в развитии как политического, так и торгово-экономического взаимодействия субъектов мировой политики и международных отношений.

Заключение. Приведенные в подтверждение рабочей гипотезы аргументы позволяют сделать некоторые общие итоговые выводы.

Формирующаяся полицентричная система международных отношений в современных условиях предоставляет возможность Франции с помощью имеющихся экономического потенциала и экономических взаимодействий обрести статус региональной державы-гегемона и альтернативного (Германии) лидера и аттрактора в Европе (особенно после Brexit) и мире,

наращивать свою стратегическую автономию, оставаясь «под зонтиком» ЕС.

Реалии и вызовы сегодняшнего дня диктуют необходимость усиления регулирующей роли государства как защитника национального экономического суверенитета, ключевого гаранта промышленной и научно-технологической самостоятельности Франции в рамках стратегических государственных программ – предпосылка для «выживания» в рамках новой геополитической парадигмы.

ЕС, пионер по отработке технологий взаимодействия («мягкой силы») государственных и негосударственных акторов, в поисках своей глобальной роли и вовлеченности использует взаимозависимость, экономические ресурсы Франции как одного из своих наиболее влиятельных стран-членов для выстраивания политики аппроксимации, эффективной многосторонности, управляемой многополюсности и стабильности на глобальном уровне.

Сетевые практики взаимодействия негосударственных и государственных акторов в качестве организационных технологических моделей развития, использования нелинейных проекций мирового порядка влиятельными субъектами геополитики (ЕС и Франции) в целях защиты интересов и продвижения своих ценностей становятся формой проявления «мягкой силы» в условиях многополярной глобализации.

Анализ данной специфики Европы является актуальным для современной России в рамках формирующегося многополярного мира с учетом усиления роли новых акторов (БРИКС, ШОС и др.); необходимости формирования эффективных коалиций с этими новыми акторами для решения общенациональных задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Европейский союз в глобальном экономическом управлении / ред. М.В. Стрежнева. М.: ИМЭМО РАН, 2017.

2. *Кокошин А.А.* Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020-2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4.

3. *Комаров К.С.* Современная геополитическая инженерия Израила на Ближнем Востоке // Вопросы политологии. М., 2021. Том 11. Выпуск 4 (68).

4. *Манжоло В.А., Шаповалова А.И.* Внешняя политика Франции: изменилась ли доктрина голлизма? // «Современная Европа». М., 2014. № 4 // <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2014/4/manshap.pdf>.

5. Официальный сайт Посольства РФ во Франции // <https://france.mid.ru/ru/russiefrance/relations/economica/>.

6. Современная Франция: между тревогами и надеждами / отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2022 // <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2022/ContemporaryFrance-Monograph.pdf>.

7. Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

8. Тимофеев П.П. Европейское направление внешней политики Франции после окончания «холодной войны», автореферат. М.: ИМЭМО РАН, 2011 // https://www.imemo.ru/files/File/dis_092011_001.pdf.

9. ФТС РФ // <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries>.

10. Évolutions récentes des échanges franco-russes de biens. Etude n° 92 du 08/07/2022 // https://lekiosque.finances.gouv.fr/fichiers/etudes/tableaux/ee_92.pdf.

11. France's Indo-Pacific-Strategy // https://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2021/07/France_Indo-Pacific-Strategy_20210728.pdf.

12. Global Financial Centres Index 30 (GFCI 30). September 2021 // [https://longfinance.net/GFCI_30_Report_2021.09.24_v1.0\(8\).pdf](https://longfinance.net/GFCI_30_Report_2021.09.24_v1.0(8).pdf).

13. Valerie M. Hudson, Benjamin S. Day: Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory 3rd ed. Rowman & Littlefield. UK. 2020 // [https://www.defence.lk/upload/ebooks/BenjaminS.DayValerieM.Hudson-ForeignPolicyAnalysis_ClassicAndContemporaryTheory-Rowman&LittlefieldPublishers\(2020\).pdf](https://www.defence.lk/upload/ebooks/BenjaminS.DayValerieM.Hudson-ForeignPolicyAnalysis_ClassicAndContemporaryTheory-Rowman&LittlefieldPublishers(2020).pdf).

K.S. KOMAROV

*Student, Moscow State Linguistic
University (MSLU), Moscow, Russia*

ECONOMIC FACTORS OF FRANCE'S FOREIGN POLICY IN EU POLICY

Within the political science analysis of current trends in the evolution of global politics, the article expresses authorial comprehension of the relationship between politics and economics through the prism of economic factors. The main emphasis is placed on formation on this basis of the mechanism of integration interactions and the foundations of global governance (illustrated by EU-french relations). The influence of economic statecraft on the choice of a specific political strategy for increasing the competitiveness of the state in new global context is updated. Some models and techniques of national operation in the geo-economic space are presented. Author's framework is an explicit material for further development of the post-bipolar model of international relations.

Key words: *European integration, EU-french relations, economic statecraft, factor analysis, geoeconomics.*

С.В. ШАПОВАЛОВА⁶

*студент факультета социальных наук и
массовых коммуникаций Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, г. Москва*

ВЛАСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ ИЛИ «МЯГКАЯ СИЛА» ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Многосторонние связи, а вместе с ними идеи пантюркизма, вернулись в общественно-политическую жизнь Азербайджана одновременно с распадом СССР и самоустранением Российской Федерации из внутривнутриполитического поля Азербайджана, в том числе из его образовательной среды.

В представленной работе проанализирована роль и деятельность Турции в формировании новой образовательной системы Азербайджана как на уровне среднего образования, так и в рамках высшей школы. Объектом анализа стали международные соглашения, документы и статистические данные, свидетельствующие о доминирующем влиянии Турции на построение модели азербайджанского образования. Итогом исследования стали прогностические варианты развития образовательного вектора Азербайджана.

Ключевые слова: *Турция, Азербайджан, тюркский мир, образование, международное сотрудничество, «мягкая сила».*

Культурно-исторические связи Азербайджана и Турции, имеющие длительную историю, открыли новый этап своего развития подписанием в 1990 году «Соглашения о культурно-научном обмене между Азербайджанской ССР и Турцией» [6]. Заключенное в 1991 году Министерством образования Азербайджана и аналогичным Министерством Турции, соглашение в области науки, культуры и образования окончательно определило вектор развития и продемонстрировало значение турецкого опыта для системы образования Азербайджана. Безусловно, основой этого сближения послужили восстанавливающиеся многогранные связи между культурными пространствами названных стран. Коммуникации, во многом нивелированные

---

⁶ **НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: Н.Н. КУЛАКОВА**, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва.

в советский период, однако не прекращающиеся полностью [18], но замедленные и сниженные в силу политических факторов, в том числе вступлением Турции в НАТО, теперь получили многостороннее развитие.

Турецкое влияние на территории Азербайджана постепенно восстанавливалось еще в период СССР. В советский период Азербайджан с официальными визитами посещал премьер-министр Турецкой Республики Сулейман Демирель, Президент страны Джемдет Сунай. Советские республики в 1970-1980-е получили право устанавливать международные отношения в отдельных областях жизни, чем, конечно, воспользовалась Азербайджанская ССР, установив ограниченно независимые отношения с множеством стран, в том числе с Турцией [6].

За прошедшее тридцатилетие сделан масштабный рывок в этом направлении – азербайджанское образование получило широкую поддержку благодаря тесным политическим, экономическим и культурным связям Азербайджана и Турции. 28 февраля 1992 года Министерством национального образования Турции и Министерством образования Азербайджана были подписаны ключевые соглашения об основах дальнейшего сотрудничества в сфере обмена преподавательскими кадрами, студентами, учащимися школ и лицеев, по проведению образовательных форумов, олимпиад, по открытию языковых и культурных центров. Также соглашения анонсировали планы по открытию турецких школ в Баку для детей граждан Турции и дипломатов и для маленьких азербайджанцев. Обучение в таких школах тогда должно было вестись на русском языке. Таким образом, изначально соглашения о сотрудничестве в сфере образования предполагали своего рода симбиоз оставшихся в Азербайджане компонентов эффективной советской системы образования, особенно в части точных наук, и турецкой системы образования с акцентом на гуманитарные компоненты.

При этом, хотелось бы отметить, что небезынтересной, а скорее показательной, является статистика, характеризующая уровень развития азербайджанской науки в советский и постсоветский периоды. Так в 1975 г. Азербайджанская ССР по количеству докторов и кандидатов наук среди республиканских академий находилась на втором месте [18]. В 70-80-ые годы XX века Академия Наук Азербайджанской ССР являлась:

1. Центром по исследованию селена и приборов, связанных с этим элементом.
2. Координатором среди всех социалистических стран в Совете «Интеркосмоса», проводила полигонные исследования в рамках космических программ.
3. Ведущей республикой по исследованию проблем синтетических нафтеновых кислот и проблем магнитных полупроводников.

После распада СССР из Азербайджана начали массово уезжать русские (согласно переписи населения Азербайджана 1999 г., число русских

в стране сократилось в 3 раза, составив лишь 1,8% от общего числа населения страны) [1]. Отъезд был вызван далеко не экономическими причинами, а скорее событиями «Черного января», началом Карабахского конфликта и вводимой политикой по ограничению использования русского языка. С 1998 года в школах с основным азербайджанским языком, которых в Азербайджане было более 80%, русский язык стал изучаться как один из возможных иностранных языков [10]. После принятия указов Президента Азербайджанской Республики «О совершенствовании применения государственного языка» от 18 июня 2001 года и «Об учреждении Дня азербайджанского алфавита и азербайджанского языка» от 9 августа 2001 года, а также окончательным закреплением азербайджанского языка как государственного с принятием в 2002 году Закона Азербайджанской Республики «О государственном языке Азербайджанской Республики», русский язык стал факультативным в большинстве государственных школ. Русский язык не сохранился и в качестве языка межкультурной коммуникации народов Азербайджана - бытовые штампы, бланки, реклама должны быть только на азербайджанском языке. Эти факторы, безусловно, вызвали отток и русскоязычных преподаватели школ и вузов страны. Таким образом, исключив из своей научной среды русскоговорящих Азербайджан лишился многонациональных высокообразованных советских педагогических кадров.

Расширение образовательных связей Азербайджана и Турции продолжило активно реализовываться при президенте Гейдаре Алиеве, в 1994 г. было заключено большое «Соглашение о сотрудничестве в области науки и образования» [6]. С этого момента советская система образования была окончательно вытеснена из Азербайджана. Страна на рубеже веков начала дрейфовать в сторону Турции, больше не чувствуя ни политической, ни научно-культурной поддержки «старшего брата» в лице Российской Федерации, которая не только не препятствовала этому процессу, а практически самоустранилась из всех сфер влияния в регионе.

Соглашение 1994 г. способствовало тому, чтобы азербайджанская система образования максимально переняла структуру турецкой системы, которая на тот момент была уже достаточно зрелой и сформированной. Данный процесс затронул не только гуманитарные науки, Азербайджан отказался от признанных высоких стандартов образования СССР в сфере точных и естественных наук. Тем самым, можно говорить не просто о модификации образовательной системы под турецкие образовательные клише, а об ином базовом фундаменте, заложенном в системе образования Азербайджана, подразумевающим дальнейшее интеграционные процессы.

12 ноября 1995 года была принята Конституция Азербайджанской Республики, декларирующая принципы образовательной системы страны: светский характер, бесплатное всеобщее общее среднее образование, установлены минимальные образовательные стандарты,

система образования контролируется государственными органами (ст. 42 Конституции Азербайджанской Республики) [7]. Опыт турецкого образования лег в основу подготовки новых гуманитарных кадров: журналистов, политологов и др., что соответствовало цели создания специалистов с иной, не коммунистической идеологией.

Значительное влияние на культуру и дальнейшее направление развития образования в Азербайджане и на территориях с компактным проживанием мусульманского населения в постсоветском пространстве оказала деятельность Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Созданная в 1993 году организация заложила основу для сближения этих территорий с Турцией и возможного расширения всесторонней интеграции тюркских стран [14]. ТЮРКСОЙ берет свое начало со встреч в г. Баку и г. Стамбуле, однако штаб-квартира организации находится в г. Анкаре, что подтверждает статус города как геополитического и культурного центра региона. В настоящий момент участниками организации являются Республика Азербайджан, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Узбекистан, Турецкая Республика, Туркменистан. Участниками-наблюдателями ТЮРКСОЙ являются 6 российских регионов: Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Тыва. Также наблюдателям являются Турецкая Республика Северного Кипра и Гагаузия (Молдавия). Бюджет организации формируется за счет взносов министерств культуры стран-участниц, а также средств университетов, частных фондов, общественных организаций. Ежегодно организация проводит культурные мероприятия, концерты и выставки представителей тюркской культуры. Традиционным мероприятием для ТЮРКСОЙ является празднование Навруза во всех странах-участницах.

Патронирование Турцией образовательной системы способствовало росту количества совместных программ, содержащих идеи тюркского единства. Были утверждены программы школьного образования, практически нивелирующие организационные и просветительские достижения советского периода республики, а также культурных и научных связей с Россией. При этом был сделан акцент на глубоком изучении азербайджанской истории, литературы и географии [14]. Советизация Азербайджана в учебниках современной республики рассматривается как захват независимой страны со стороны большевиков, кроме того, делается акцент на то, что подобные действия происходили в альянсе русских и армян. Отмечается антирелигиозная политика СССР. Фактически, азербайджано-советские отношения того периода трактуются как отношения колонии и метрополии [16].

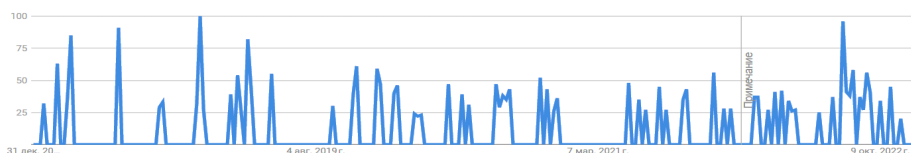
28 февраля 1997 года был заключен первый официальный двухсторонний договор об открытии турецких школ в Азербайджане. Поэтому же договору Турция обязалась участвовать в организации и реализации всех

реформ системы образования Азербайджана. Можно считать, что данный договор стал точкой невозврата, после которого заключение протоколов, соглашений и договоров между министерствами образования и другими членами двухсторонних переговорных групп двух стран стали подписываться и осуществляться один за другим.

В настоящий момент Ильхам Алиев продолжает политику своего отца в сфере образовательных коммуникаций с Турцией. Президентом были подписаны различные по уровню финансирования государственные программы, направленные на обучение азербайджанской молодежи за рубежом. Среди таких можно назвать действовавший до 2010 года «Большой студенческий проект», который способствовал расширению масштабов привлечения азербайджанской молодежи в Турцию. Страна активно использует технологии экспорта образования. Этнокультурная близость с Азербайджаном дает возможность фактически экстраполировать ценности, системные подходы на формирование как образовательной системы, так и других сфер сотрудничества. Воздействие «мягкой силы» Турции заметно как в идеологическом пространстве (концепция «Одна нация – два государства»), так и в сфере образования, формирования мировоззрения молодого поколения азербайджанцев постсоветской страны. В Азербайджане открытием протурецких образовательных учреждений занимается Турецкий Фонд «Диянат», Фонд Исследований Тюркского Мира (Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı – TDAV). Турецкий Фонд поддержки молодежи способствовал открытию медресе в Азербайджане, запланировано открытие совместного азербайджано-турецкого высшего учебного заведения.

Многие азербайджанские абитуриенты едут за высшим образованием в соседнюю страну. В Турции также существует множество организаций, которые осуществляют информационную поддержку азербайджанцев, среди них, общество дружбы «Турция-Азербайджан», фонд дружбы, сотрудничества и солидарности «Турция-Азербайджан», культурная ассоциация Измира и др. Поддержка осуществляется через финансирование печатных изданий, сайтов. Кроме того, осуществляется регулярная печать в том числе, нацеленная на приезжающих в страну студентов и другую молодежь: журналы «Великое будущее» и «Голос Азербайджана» и др. Распространение и финансирование подобных изданий, поддержка организаций способствуют не только укреплению связи, но и стиранию мировоззренческих границ, объединению, через акцентное обращение, к общему историческому прошлому. Эффективность предпринимаемых усилий в сфере образования и расширения различных коммуникационных процессов сформировали высокой уровень симпатии азербайджанской молодежи к Турции. Данные опросов свидетельствуют, что более 56% турок считают Азербайджан главным союзником Турции, в то время как в самом Азербайджане около 91% граждан говорят о Турции как о центральном партнере [17].

В настоящий момент, согласно открытым данным, примерно каждый двенадцатый абитуриент из Азербайджана учится в Турции.

Рисунок 1. Количество поисковых запросов «Образование в Турции» на территории Азербайджана за последние 5 лет [19]

По данным анализа Google trends (рис. 1) можно наблюдать высокий уровень интереса людей, живущих в Азербайджане к теме образования в Турции. Пики графика связана с динамикой учебного периода окончания школьного (общего) образования и началом приема документов на обучение в ВУЗах Турецкой Республики.

Несколько ранее была приведена характеристика тесных культурных, языковых и исторических связей двух государств, далее стоит остановиться на объективных причинах, которые способствуют высокому интересу азербайджанской молодежи к получению профессионального образования в Турции.

Во-первых, качество высшего образования в Азербайджане значительно ниже турецкого. Так, например, в актуальный мировой рейтинг вошли два азербайджанских ВУЗа: Азербайджанский Государственный Экономический университет и Бакинский Государственный Университет. Оба они находятся в пределах 1001-1200 места. В то время как турецких вузов в том же авторитетном рейтинге – 4, но они входят уже в топ 600 вузов мира [10].

Во-вторых, стоимость азербайджанского высшего образования достаточно высокая. Цены варьируются, но в целом по рынку составляют около \$2000, что является несоразмерным с качеством самого образования в стране при среднемесячной номинальной зарплате около \$400. Стоит отметить, что зарплаты в стране сильно отличаются в зависимости от региона и сферы. Так, например, средние зарплаты учителей и врачей в стране составляют в среднем менее \$150, а сотрудники нефтяного сектора получают в среднем около \$2000 ежемесячно [6].

В-третьих, отрицательное отношение азербайджанской молодежи к национальной системе образования связано с тем, что еще до поступления в высшее учебное заведение у молодых людей складывается впечатление, что система образования не может обеспечить знаниями, достаточными для поступления в рейтинговый вуз Азербайджана на бюджетное отделение.

Для поступления требуется сдать экзамен, значительно превосходящий по уровню сложности программу среднего образования, соответственно абитуриентами осознается невысокая доступность высшего образования.

В-четвертых, турецкие вузы в большей степени являются частью международного научного сообщества, что подтверждается востребованностью их выпускников по всему миру. Это можно назвать несомненным преимуществом образования в Турции для граждан соседней республики.

Таким образом, выбор азербайджанскими абитуриентами ВУЗов Турции напрямую связан со сформированной, при непосредственной помощи Турецкой Республики, системой образования современного Азербайджана. Безусловно, можно говорить о том, что частично превосходство турецкого образования связано с его более глубокой историей. Однако на превосходство образовательной системы Турции работает и нежелание азербайджанских властей устранять проблемы, проанализированные ранее.

Азербайджанская молодежь делает выбор в пользу Турции, где можно учиться и жить примерно за ту же сумму, при этом получая образование, превосходящее по качеству в своей стране. Кроме того, турецкое правительство активно развивает систему стипендиальных программ в рамках сотрудничества с Азербайджаном и другими тюркоязычными странами, что позволяет привлекать в страну не просто обеспеченных, но, в первую очередь, наиболее достойных людей, тем самым стимулируя постепенный процесс так называемой «утечки мозгов».

Многие молодые и перспективные азербайджанцы уезжают учиться в Турцию, а позже остаются там работать. По всей видимости, осознавая это негативное влияние, в 2015 году Азербайджан перестал сам финансировать обучение граждан за рубежом. Однако, в настоящее время возобновлена «Государственная программа по обучению молодежи в престижных высших учебных заведениях зарубежных стран в 2022-2026 годах» Воспользоваться госпрограммой могут граждане Азербайджана для обучения по всему миру, в том числе в турецких университетах. Целевым показателем является обучение за рубежом до 2000 студентов, при этом 400 человек ежегодно, против 1825 студентов только за 2012-2013 года реализации госпрограммы в 2007-2015 годах [3]. Всего в рамках Госпрограммы 2007-2015 на обучение было направлено около 5000 студентов [13]. Таким образом, госпрограмма по обучению за рубежом сначала была прекращена, а позже возобновлена при сокращении количества студентов более чем в 2 раза, что свидетельствует о желании азербайджанских властей лавировать между предоставлением широких возможностей для молодежи и необходимостью вкладывать в кадры, которые будут работать на благо Азербайджана, а не останутся в стране обучения.

Согласно заявлениям советника по образованию посла Турции в Азербайджане, в 2021 году в Турции обучаются более 25 тыс. студентов

из Азербайджана [11]. При этом в 2011 году таких студентов было 4667 [4]. Население Азербайджана в 2011 году составляло около 9 млн. чел., а в 2021 году выросло до 10 млн. чел. [5]. По данным Министерства образования Азербайджана в стране обучается примерно 189 тыс. студентов, из которых 5256 являются иностранцами. Исходя из этого, около 13% азербайджанцев учатся в Турции [15; 12].

Таким образом, для значительной части азербайджанской молодежи, которая в силу обозначенных выше причин, а также тенденций глобализации, считающей себя «гражданами мира», более перспективным и логичным является выбор в пользу турецких высших учебных заведений. При этом существует и инертная тенденция, которая тоже работает в пользу Турции: если молодой человек, окончивший турецкий университет возвращается на родину в Азербайджан, то его с большей долей вероятности примут на высокооплачиваемую работу. Турецкое образование очень востребовано и высоко ценится в Азербайджане. Так, например, председатель Общественного совета при Государственной миграционной службе Азербайджана Аллахверанов подтверждал, что многие абитуриенты стремятся получить высшее медицинское образование в Турции, при этом они либо остаются в соседней стране после окончания университета, либо возвращаются в Азербайджан и работают в системе частных клиник, что порождает дефицит кадров в государственной системе здравоохранения [1].

Очевидно, что установление коммуникаций между государствами является важным фактором международных отношений и развития региона. Так, политические связи Турции и Азербайджана стали активно развиваться параллельно с формированием фактически протекторального образовательного пространства. Можно обоснованно утверждать, что более чем за 30 летнюю постсоветскую историю Азербайджана, «мягкая сила» соседней республики привела к тому, что отношения стран сложно расценивать как равноправные. «Борьбу за умы», за перспективные молодые кадры выигрывает Турция, что, естественно, не может положительно сказаться на развитии и самостоятельности Азербайджана.

Образование – это целенаправленный процесс познавательной деятельности людей, смыслом которой является получение знаний, умений и их совершенствование. Необходимо отметить, что наука и образование – это важный пласт в процессе формирования культурной и национальной идентичности будущих поколений. При этом интеллектуальный суверенитет, базирующийся на отечественных научных достижениях и являющийся неотъемлемым признаком любого самостоятельного государства, берет свои истоки в национальном образовании. Интеллектуальный потенциал страны, обеспечивающий ее национальную безопасность, напрямую связан с качеством образования, получаемого гражданами. Образование является средством сохранения и воспроизводства национальных ценностей.

После распада СССР Азербайджан не сформировал собственную национальную идею и образовательную систему, на этой почве в идеологии и образовании легко прижились, активно продвигаемые Турцией, идеи пантюркизма. На примере Азербайджана можно наблюдать передачу ведущей роли в образовательной системе другой стране, в размывании границ между ценностями и идейно-мировоззренческими позициями разных стран.

Невозможно игнорировать тот факт, что процесс «утечки умов» из Азербайджана является фактором, способствующим ограничению суверенности государства. В наши дни перед политической системой Азербайджана стоит острый вопрос, который не может не осознаваться руководством страны: сможет ли Азербайджан сохранить свою независимость, одновременно продолжая углубление образовательных связей с Турцией? Отвечая на этот непростой вопрос в контексте развития действующей в Азербайджане образовательной системы, стоит рассмотреть следующие возможные варианты:

1. Донорство, в случае дальнейшей интеграции в турецкое образовательное пространство. В настоящее время для дальнейшего формирования Азербайджана в качестве территории-донора условия практически созданы. Дальнейшее непротивление, а тем более углубление патроната Турцией азербайджанской образовательной системы, приведет к тому, что последняя превращается в постоянного поставщика талантливых студентов и потенциально менее требовательных турецких наемных работников. Турецкие СМИ ежегодно сообщают о росте количества азербайджанцев, которые обучаются в ВУЗах Турции [7]. В свою очередь, сам Азербайджан способствует отъезду абитуриентов в соседнюю страну, выделяя гранты и стипендии на обучение в Турции. Существующие программы, приведенные в работе ранее, планы по открытию совместного азербайджано-турецкого университета, свидетельствуют о том, что азербайджанская элита не желает или уже не сможет, без катастрофических потерь, отказаться от турецкого курирования, а точнее патронирования Турцией образовательной сферы Азербайджана.

2. Суверенное развитие системы образования Азербайджана возможно на основе рационального симбиоза семидесятилетнего успешного советского опыта и современных наработок. Обращение Азербайджана к базовым истокам советской системы образования, которая убедительно продемонстрировала свои достижения в этой кавказской республике, еще может послужить формированию базовых основ независимой образовательной системы государства. Критическое заимствование современных турецких и российских достижений в сфере организации науки и образования с опорой на преемственность поколений, на развитие своей национальной идентичности – пожалуй, единственный путь, способствующий воспитанию

патриотов своей страны, построению молодежи профессиональной карьеры на азербайджанском рынке труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Азербайджанские медики предпочитают работать за рубежом, а в стране их не хватает // Sputnik Азербайджан // <https://az.sputniknews.ru/20220829/azerbaydzhanskie-mediki-predpochitayut-rabotat-za-rubezhom-a-v-strane-ikh-ne-khvataet-445482729.html>.

2. Академия наук Азербайджанской ССР: [Обзор деятельности] / под ред. президента АН АзССР, чл.-кор. *АН СССР Г.Б. Абдуллаева*. Баку: Элм, 1976.

3. В рамках госпрограммы около 2 тыс. азербайджанских студентов получают образование за рубежом // Trend // <https://www.trend.az/azerbaijan/society/2190841.html>.

4. В Турции учатся больше всего азербайджанцев // Милли Фирка // <http://milli-firka.org/в-турции-учатся-больше-всего-азербайд/#:~:text=По%20данным%20турецкой%20газеты%20%22Vatan%22,за%20последний%20год%20количество%20студентов-азе.>

5. Какова численность населения Азербайджана? // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия // <https://fnka.ru/aktualnoe/5259-dutye-cifry.html>.

6. *Ксель Д.* Социально-политическая, научная и культурная среда азербайджано-турецких научно-педагогических отношений // Азербайджанский государственный педагогический университет. 2017.

7. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года с изм. и допол. в ред. от 26 сентября 2016 года // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики // <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution>.

8. *Кулакова Н.Н.* Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (1) // <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-145-152>.

9. *Мамедова Ш.* Колонизатор, партнер или северный сосед. Образ России в учебниках истории Азербайджана. Доклад на международной конференции, организованной Фондом Фридриха Науманна // Учительская газета. 2006. № 26.

10. Мировой рейтинг университетов 2022 – QS World University Rankings 2022 // <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-universityrankings/2022>.

11. Названо число обучающихся в Турции азербайджанских студентов // Day.az // <https://news.day.az/society/1417229.html#:~:text=В%20вузах%20>

Турции%20обучаются%20более,Day.Az%20со%20ссылкой%20на%20Trend.

12. Обнародовано число студентов в Азербайджане // Caliber.Az // <https://caliber.az/post/26423/>.

13. Студентам к экзаменам: новый виток модернизации: азербайджанская модель // ИАЦ // <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/studentam-k-ekzamenam-novyy-vitok-modernizatsii-azerbaydzhanskaya-model/>.

14. ТЮРКСОЙ // Официальный сайт ТЮРКСОЙ // <https://www.turksoy.org/tu>.

15. Увеличилось число иностранцев, обучающихся в азербайджанских вузах // Caliber.Az // <https://caliber.az/post/117773/>.

16. Юнусов А. Этнический состав Азербайджана (по переписи 1999 года) // Демоскоп // <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php>.

17. Caucasusbarometer.org, Caucasus Barometer // <https://caucasusbarometer.org/en/cb2013az/MAINFRN/-2013>.

18. Süleyman Demirel 1967'de SSCB dönemi Azerbaycan Ziyareti // Youtube // <https://www.youtube.com/watch?v=-o8gXbJu7Tk>.

19. Türkiyədə təhsil // Google trends // <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&geo=AZ&q=Türkiyədə%20təhsil>.

S.V. SHAPOVALOVA⁷

*Student of Faculty of Social Sciences and Mass
Communication Financial University under the Government
of the RF, Moscow, Russia*

THE POWER OF EDUCATION OR THE "SOFT POWER" OF TURKISH POLITICS IN AZERBAIJAN

Multilateral ties, and with them the ideas of pan-Turkism, returned to the socio-political life of Azerbaijan simultaneously with the collapse of the USSR and the self-exclusion of the Russian Federation from the domestic political field of Azerbaijan, including its educational environment.

The presented work analyses the role and activities of Turkey in shaping Azerbaijan's new education system both at secondary and higher education levels. International agreements, documents, and statistical data, which witness the dominant influence of Turkey in building the model of Azerbaijani education, were analyzed. The outcome of the study was the prognostic options for the development of Azerbaijan's education vector.

Key words: *Turkey, Azerbaijan, the Turkic world, education, international cooperation, "soft power."*

---

⁷ **RESEARCH SUPERVISOR:** N.N. KULAKOVA, candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

С.С. ВДОВИН

*аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИГРА «КАВКАЗ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

S.S. VDOVIN

*Postgraduate student of ISAA Moscow State
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

INTELLECTUAL GAME "CAUCASUS AT THE CROSSROADS OF CIVILIZATIONS"

Динамичное развитие всех сфер жизни современного общества определяет необходимость повышения качества подготовки будущих специалистов и с этой целью ныне активно используются различные формы, которые, связаны с развитием структуры и содержания познавательного процесса. Инновационные основы с обращением внимания педагогического коллектива к культурологическим основам этого процесса, среди которых одно из важнейших мест занимает игровая деятельность интеллектуально-творческой направленности. На кафедре стран Центральной Азии и Кавказа стало доброй традицией обращение к различным видам интеллектуальной игры, среди них можно выделить такие мероприятия как «Восточный калейдоскоп», «Большая Азия», «В фокусе Центральная Азия» и др.

Кавказ – это уникальное место, где сквозь времена и эпохи происходило сплетение различных цивилизаций от древности и до современности. Этническая картина региона богата и мозаична, насыщена многообразием красок, что отразилось на неповторимости культур и традиции. «Кавказ на перекрестке цивилизаций» под таким названием прошла интеллектуальная игра в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова в декабре 2022 года. Цель интеллектуальной игры «Кавказ на перекрестке цивилизаций» – развитие интереса студентов к истории, политике и культуре Кавказского региона. Поддержка мотивации студентов к обучению и постижению новых знаний. Участниками интеллектуальной игры стали

магистранты второго курса, историки и политологи. Команды разделились на четыре группы, чтобы каждый участник смог продемонстрировать свои знания.

Игра состояла из четырех раундов, в каждом из которых студентам необходимо было ответить на ряд тематических вопросов. Первый раунд был посвящен исторической географии Кавказа, положению региона как перекрестка цивилизаций через который проходил Великий Шелковый путь, с обозначением древних трасс. Второй раунд затрагивал этнографические особенности народов, как Северного Кавказа, так и стран Южного Кавказа. В третьем раунде рассматривались вопросы, связанные с современными политическими процессами на Кавказе, а также знанию символов государств Южного Кавказа. И, наконец, четвертый раунд был посвящен культуре и традициям народов Кавказского региона.

Команду историков в качестве капитана возглавил Пириверзин Федор Олегович из кхемерской группы. Билалова Айша Раисовна, изучающая в качестве основного восточного языка – арабский, стала во главе команды политологов. Капитаны активно призывали свои команды четко и оперативно давать ответы на поставленные вопросы. Лидерские качества, слаженность команд проявили эрудицию, так как вопросы требовали не только знаний, но и проявление смекалки, были, конечно, и каверзные вопросы. Участникам интеллектуальных игр приходилось использовать командные взаимодействия, мыслить и принимать решения в условиях острого дефицита времени, что способствует развитию стрессоустойчивости, навыков общения, формированию коммуникативной компетентности. Участники интеллектуальной игры при ответе на предложенные вопросы, проявляли при этом свои способности к логическому мышлению и умению работать в составе единой команды. Как посчитали внимательные члены жюри, по результатам четырех раундов с небольшим перевесом победу одержали магистранты-политологи. За лучшие ответы студенты получили призы, книги по истории, политике и культуре Кавказа.

В завершении магистранты продемонстрировали знание творчества народов Кавказа, в частности, Нестерова Елена прочитала стихотворение Семеда Вургуня «Азербайджан». Магистрант Барышников Петр показал номер-попурри, взяв за основу музыку известных песен, посвященных Кавказу и при этом стихи написал сам. Игру подготовила и провела доктор исторических наук, профессор Сыздыкова Жибек Сапарбековна.

Представляется, что большая ценность интеллектуальных игр обусловлена использованием в них реальных знаний из различных областей, касающихся народов Кавказского региона, от историко-культурного наследия и до современной политики. Таким образом, участвуя в интеллектуальной игре, студент повышает и свой культурный капитал, пополняет багаж

знаний, а также получает дополнительный стимул для самостоятельного приобретения знаний.

НАШИ АВТОРЫ

Авакян Дарья Айрапетовна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (avakyan88@mail.ru).

Амельченко Анастасия Ярославовна – студент института лингво-переводческих технологий и развития международных коммуникаций Университета Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского, Россия, г. Москва (anastasia.amelchenko.02@mail.ru).

Анна Люба Якустик Слободюк – магистрант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (lizzi_bogin@mail.ru).

Аржанов Игорь Александрович – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (arzhanovia@my.msu.ru).

Богданова Елизавета Александровна – магистрант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (lizzi_bogin@mail.ru).

Ван Синь – аспирант кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (wangxin1886@yandex.ru).

Ван Цзюньтао – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института СПбПУ, Россия, г. Санкт-Петербург (juntao2013@yandex.ru).

Васецова Елена Сергеевна – доцент кафедры политологии Востока ФГП МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vasetsova.es@yandex.ru).

Вдовин Сергей Сергеевич – аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ссса-iaas@yandex.ru).

Винокуров Данил Валентинович – студент по направлению «Международные отношения» Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (saintstephanogm@gmail.com).

Воробьев Алексей Владимирович – аспирант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (a-vorobiev2017@mail.ru).

Глазков Александр Валерьевич – аспирант кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (davodavo23@mail.ru).

Гончарова Инна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных технологий социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ig73@inbox.ru).

Григорьев Максим Сергеевич – кандидат политических наук, профессор РГГУ, Россия, г. Москва (79646486701@yandex.ru).

Григорян Давид Кромвелович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону (davo-davo23@mail.ru).

Гусаков Иван Максимович – магистр Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, г. Москва (ivangusakov95@mail.ru).

Делов Владимир Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (dava152000@gmail.com).

Захарчук Степан Сергеевич – студент по направлению «Политология» Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (saintstephanogm@gmail.com).

Кенигфест Ляля Семеновна – аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории ИГН МГПУ, Россия, г. Москва (crazy2004olga@gmail.com).

Ким Виталий Владимирович – студент по направлению «Политология» Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (saintstephanogm@gmail.com).

Ковалев Максим Константинович – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (kovalevmk@my.msu.ru).

Комаров Константин Сергеевич – бакалавр Московского государственного лингвистического университета, Россия, г. Москва (senatko@yandex.ru).

Кузнецова Елена Анатольевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного технического университета, Россия, г. Тамбов (kaesa5@yandex.ru).

Кучумова Екатерина Валентиновна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института СПбПУ, Россия, г. Санкт-Петербург (ekaterina_kuchum@mail.ru).

Ло Дунмэй – аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprosopolitolog@yandex.ru).

Магадиев Марат Флюсович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, Россия, г. Москва (mmf.172@mail.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, главный редактор издательства «Наука сегодня», Россия, г. Москва (medvedevnp1952@yandex.ru).

Мирзабеков Нияз Рзаевич – магистрант факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (lizavetam@mail.ru).

Михайленко Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmikh@mail.ru).

Моисеев Анатолий Васильевич – кандидат военных наук, профессор, профессор кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (moiseevanvas@mail.ru).

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, доцент, доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (lizavetam@mail.ru).

Муравьева Анастасия Евгеньевна – аспирант кафедры политологии Востока Факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (89660273835@mail.ru).

Нацзыкэ Беликэ – аспирант кафедры ЮНЕСКО факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (nazerkeberik0329@gmail.com).

Нехорошева Анна Николаевна – студент Института лингвопереводческих технологий и развития международных коммуникаций Университета Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского, Россия, г. Москва (anyanekh9@gmail.com).

Новикова Анастасия Владимировна – старший преподаватель очно-заочного и заочного отделений факультета гуманитарных и социальных наук, экономист лаборатории социологических и фокус-групповых исследований кафедры социологии Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (medvedeva_anastasiya_2@mail.ru).

Османи Абдул Халид – аспирант Казанского Федерального Университета, Россия, г. Казань (Osmni@mail.ru).

Петросян Филипп Артурович – аспирант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Россия, г. Москва (berberus999@gmail.com).

Подобреевская Евгения Сергеевна – аспирант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (sps@fa.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (serjpo@mail.ru).

Потурухин Вячеслав Дмитриевич – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (poturukhin@yandex.ru).

Прончев Константин Геннадьевич – младший научный сотрудник Отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; аспирант кафедры философии политики и права МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева, Россия, г. Кемерово (nickravochkin@mail.ru).

Самсонова Наталия Николаевна – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (natalie.samsonova@gmail.com).

Сомова Инна Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения Университета Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского, Россия, г. Москва (innaaleftina@mail.ru).

Стерликов Александр Викторович – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (sterlikov@asm-holding.ru).

Сулейманов Эдвард Алексеевич – аспирант факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (sher2016@yandex.ru).

Сюгуан Лю – доктор юридических наук, руководитель отдела по идеологическому и политическому образованию в Колледже марксизма Шанхайского университета политических наук и права, Китай (xuguang743@gmail.com).

Темирханова Айнагуль Еркиновна – преподаватель Карагандинского университета им. А. Букедова, Республика Казахстан, г. Караганда (ссса-iaas@yandex.ru).

Титов Александр Сергеевич – аспирант кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (davo-davo23@mail.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета; профессор кафедры зарубежного регионоведения Университета Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского, Россия, г. Москва (aa_tushkov@mail.ru).

Уролов Дилшод – независимый исследователь Института социальных и духовных исследований при Республиканском центре духовности и просвещения, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Фатхуллина Д.В. – аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vasetsova.es@yandex.ru).

Ханджян Артур Ашотович – аспирант кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (davo-davo23@mail.ru).

Харлашкина Татьяна Андреевна – бакалавр кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (Kharlashkina98@bk.ru).

Хэ Ляньань – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института СПбПУ, Россия, г. Санкт-Петербург (he.lianan@yandex.ru).

Цахилова Лаура Михайловна – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (lauga.tsahilova@gmail.com).

Чжоу Гээр – аспирант факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (18742550420@163.com).

Шао Цзысюань – аспирант Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (619543842q@gmail.com).

Шаповалова Софья Васильевна – студент Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (sofya.shapovalova.02@mail.ru).

Щербаченко А.К. – кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону (davo-davo23@mail.ru).

Эбноу Давид Эмильевич – магистрант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (dava152000@gmail.com).

Янча Туаса Сегундо Элиас – аспирант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (lizzi_bogin@mail.ru).

OUR AUTHORS

AMELCHENKO A.YA. – Student, Institute of Linguistic Translation Technologies and Development of International Communications, University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia.

ANA LUBA YAKUSIK SLOBODIUK – Master of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

ARZHANOV I.A. – PhD Student, International Relations and Integration Processes Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

AVAKYAN D.A. – Candidate of political sciences, Senior lecturer of the Department of philosophy and sociology Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

BOGDANOVA E.A. – Master student of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

DELOV V.V. – Phd of political sciences, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia.

EBZHNOU D.E. – Master's degree student, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia.

FATHULLINA D.V. – Postgraduate student of ISAA Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

GLAZKOV A.B. – Postgraduate student of the department Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

GONCHAROVA I.V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies of Sociological Faculty of the Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

GRIGORIEV M.S. – Candidate of political sciences, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

GRIGORYAN D.K. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the chair of D. in Political Science and Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of Criminalistics and Investigative Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia.

GUSAKOV I.M. – Master of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

HE LIANYUAN – Student of the Higher School of International Relations, Humanitarian Institute of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

KENIGFEST L.S. – Postgraduate student of the all-university Department of World and Russian History MCU, Moscow, Russia.

KHANDZHIAN A.A. – Postgraduate student of the department Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

KHARLASHKINA T.A. – Bachelor of the Department of State and Municipal Administration Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

KIM V.V. – Student in the direction of "Political Science" Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

KOMAROV K.S. – Student, Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia.

KOVALEV M.K. – Postgraduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KUCHUMOVA E.V. – PhD, Associate Professor of the Graduate School of International Relations of the Humanities Institute. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

KUZNETSOVA E.A. – Post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia.

LUO DONGMEI – Postgraduate student, faculty of global studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MAGADIEV M.F. – Candidate of sociological sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and National Security Institute of Law and national security of the Russian Academy national economy and public service under the President of the Russian Federation, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of political sciences, professor, editor-in-chief of the publishing house "Nauka Segodnya", Moscow, Russia.

MIKHAILENKO A.N. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of International Security and Foreign Policy Activities of Russia of the Faculty of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

MIRZABEKOV N.R. – Master student of the Faculty of Global Processes Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

MOISEEV A.V. – Candidate of Military Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

MOSAKOVA E.A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Faculty of Global Processes Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

MURAVYEVA A.E. – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Faculty of Global Studies, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

NAZIKE BIELIKE – PhD student, UNESCO Chair, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

NEKHOROSHEVA A.N. – Student, Institute of language and translation technologies and the development of international communication University of world civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia.

NOVIKOVA A.V. – Senior lecturer of part-time education, Economist, Laboratory of Sociological and Focus Group Research, Department of Sociology, RUDN University, Moscow, Russia.

OSMANI A.KH. – PhD student at Kazan Federal University, Kazan, Russia.

PETROSYAN PH.A. – Postgraduate student of the Department of International Security and Foreign Policy of Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia.

PODOBREEVSKAYA E.S. – Postgraduate Student, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

POTURUKHIN V.D. – Postgraduate student, faculty of global studies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

PRONCHEV K.G. – Junior researcher, Department of Global Problems, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Postgraduate student, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

RAVOCHKIN N.N. – Dr. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies Kuzbass State Agricultural Academy; Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia.

SAMSONOVA N.N. – Graduate Student, History and Theory of Politics Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHAO ZIXUAN – Graduate student, Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHAPOVALOVA S.V. – Student of Faculty of Social Sciences and Mass Communication Financial University under the Government of the RF, Moscow, Russia.

SHERBACHENKO A.K. – D. in Law, Professor of the Department of Criminalistics and Investigative Activity of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia.

SOMOVA I.YU. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Foreign Regional Studies University of world civilizations named after V.V. Zhirinovskiy, Moscow, Russia.

STERLIKOV A.V. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

SULEIMANOV E.A. – Graduate student of the faculty of journalism IGSRANEPAN under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

TEMIRKHANOVA A.YE. – Lecturer at the A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan.

TITOV A.S. – Postgraduate student of the department Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

TSAKHILOVA L.M. – PhD student, Department of Comparative Political Science, faculty of political science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Law Vladivostok State University; Professor of the Department of Foreign Regional Studies University of world civilizations named after V.V. Zhirinovskiy, Moscow, Russia.

UROLOV D. – Independent researcher, Institute for Social and Spiritual Research at the Republican Center for Spirituality and Education, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

VASETSOVA E.S. – Associate Professor of the Department of Political Science of the East FGP Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

VDOVIN S.S. – Postgraduate student of ISAA Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

VINOKUROV D.V. – Student in the direction of "International Relations" Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

VOROBYOV A.V. – Postgraduate student of the Department of International Security and Foreign Policy Activities of Russia, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

WANG JUNTAO – Political candidate Sci., Associate Professor, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

WANG XIN – Postgraduate student of the Department of Geopolitics Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

XUGUANG LIU – Doctor of Law, Head of Department for ideological and political education at the College of Marxism, Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China.

YANCHA TUASA SEGUNDO ELIAS – Post-graduate student of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

ZAKHARCHUK S.S. – Student in the direction of "Political Science" Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

ZHOU GEER – PhD student, International Relations and World Politics Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

---

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

---

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камилль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Аргашесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семёновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлуунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 13. Issue 1 (89), 2023

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Zagumenov A.P.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 26.01.2023

Format 60x84/8. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

© LLC “Publishing House “Science Today”, 2023

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»													
			АБОНЕМЕНТ на журнал									70035				
			Вопросы политологии													
			Количество комплектов													
			на 2023 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
			ПВ	место	литер	на журнал									70035	
			Вопросы политологии													
			Стоимость		Каталожная								Количество комплектов			
					услуги почты											
					полная											
			на 2023 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

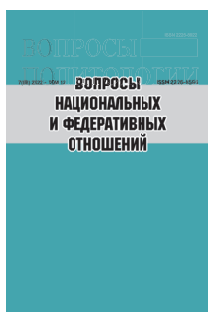

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт развития регионального и муниципального управления. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

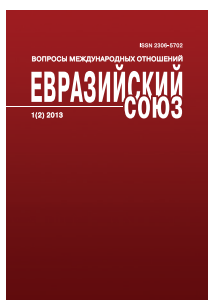

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Журнал включен в базу РИНЦ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

